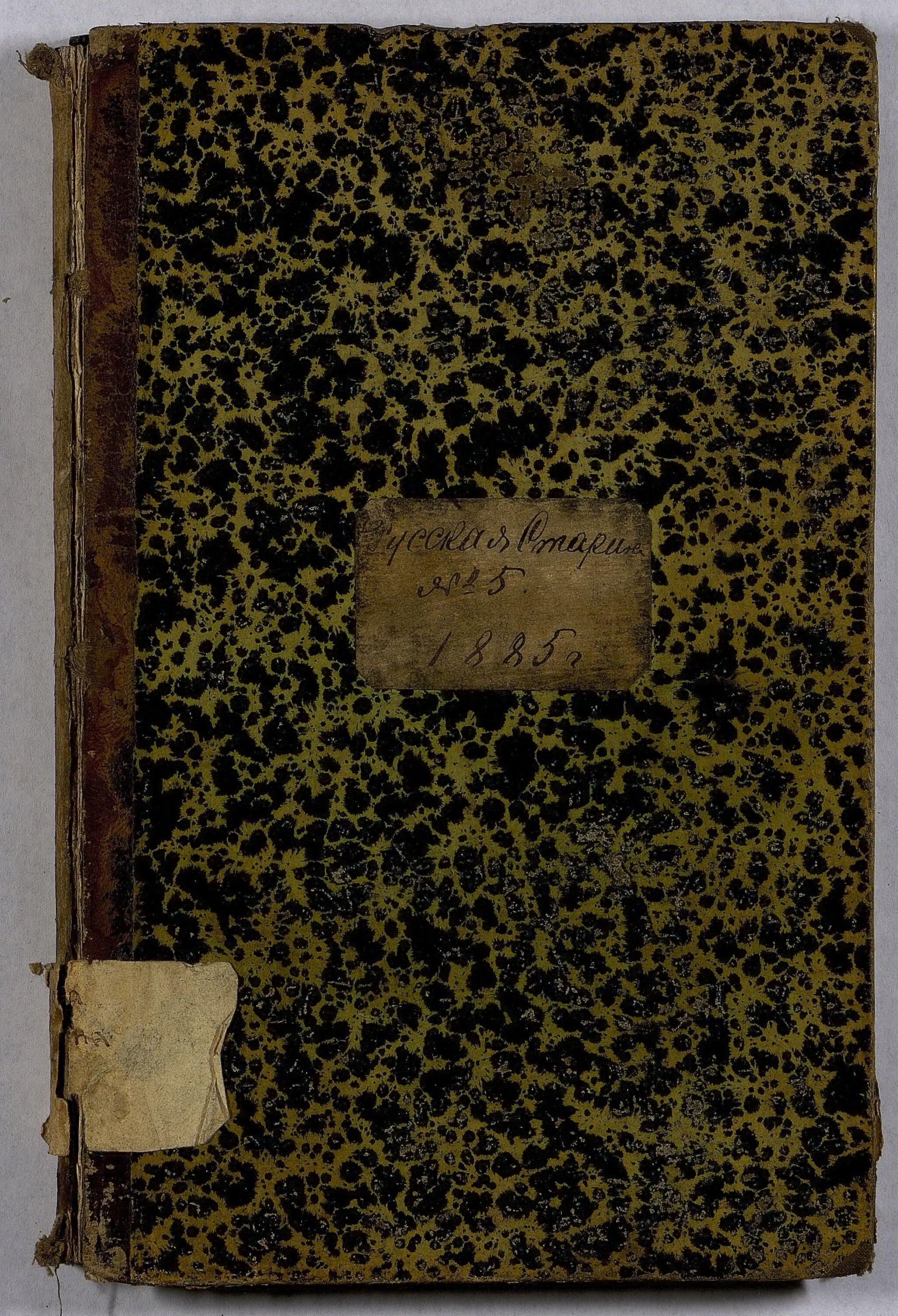
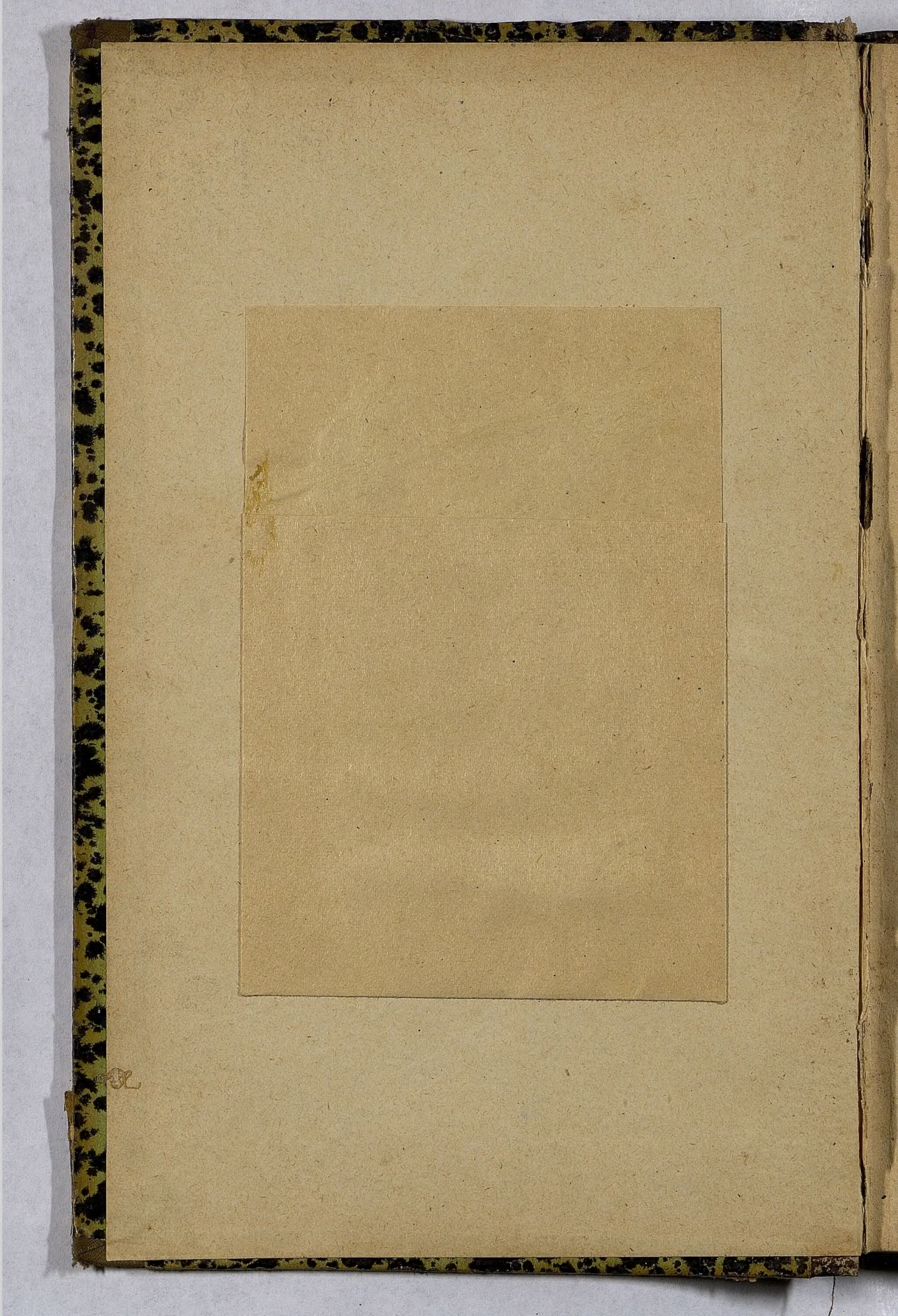
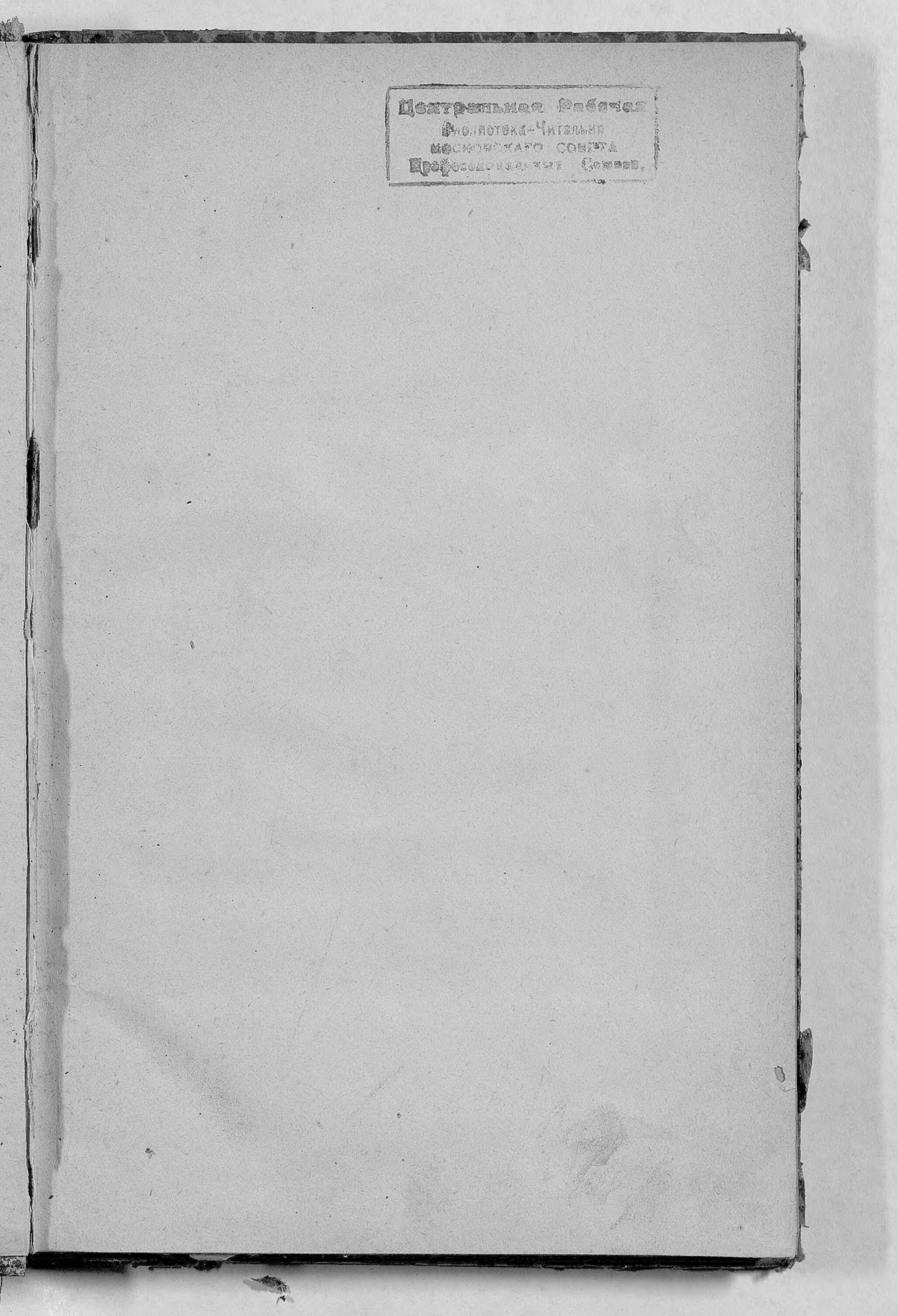
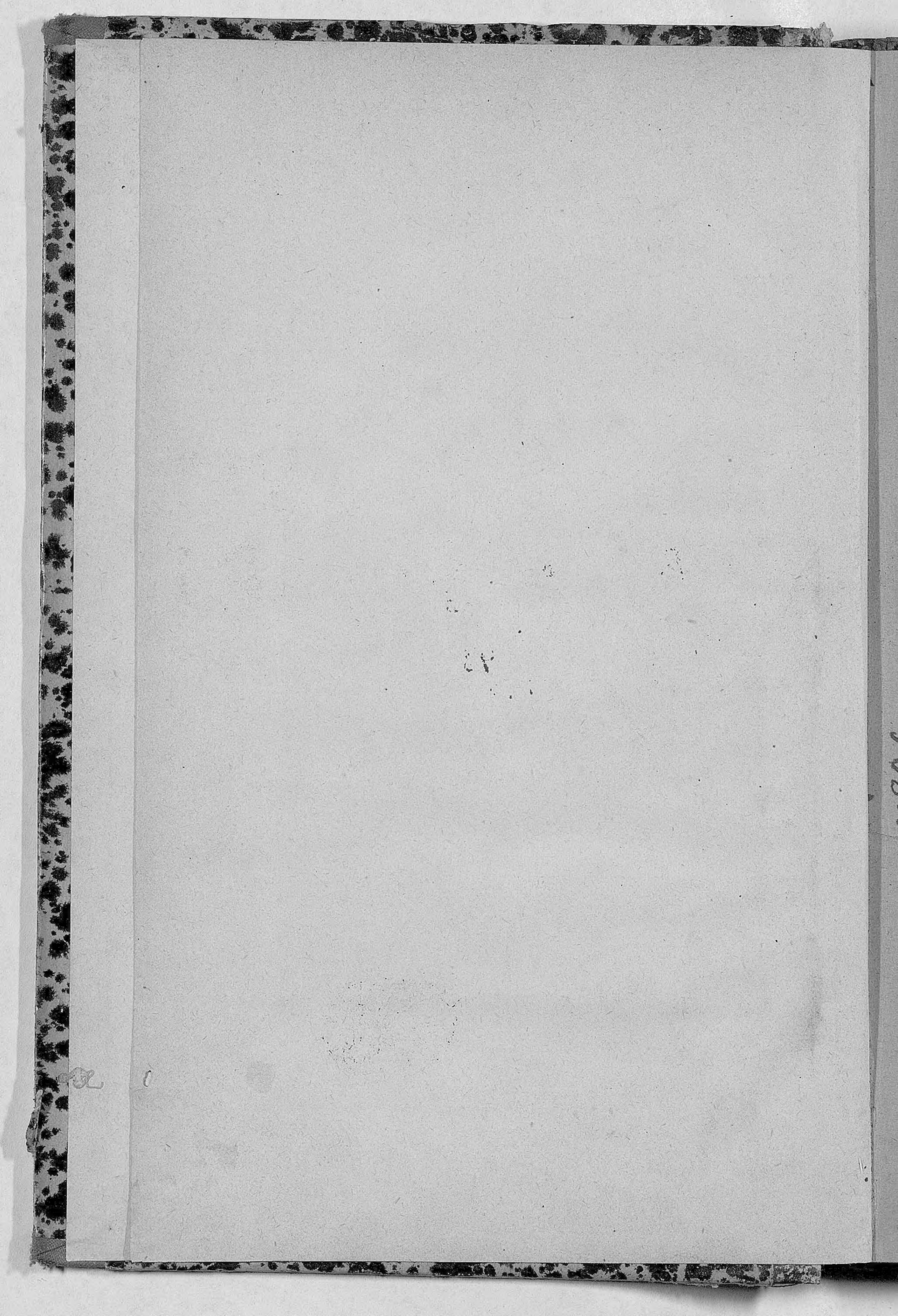

Русская Старина
№ 5.
1885 г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ шестнадцатый. МАЙ. 1885 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Михаила Ивановича Глинки, 1843 г., снимокъ съ рисунка академ. Тихобразова.—II. Портретъ Николая Ивановича Погребова, гравюра И. И. Матюшина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.
1885.

V-я книга „Русской Старины" вышла 1-го мая 1885 г.

Памятники русской старины, въ Западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ седьмой. Холмская Русь (Люблинская и Сѣдлецкая губерніи Варшавскаго генералъ-губернаторства). Спб. 1885 г., въ б. 8 д., стр. XI + 482.

Предъидущимъ VI-мъ выпускомъ, отпечатаннымъ въ 1874 году, настоящее монументальное изданіе прекратилось. Но вотъ прошло десять лѣтъ и по всеподданнѣйшему докладу, въ декабрѣ (1883 г.), президента Императорской Академіи Наукъ—гр. Д. А. Толстого, воспослѣдовало высочайшее соизволеніе на продолженіе этого изданія. Съ небольшимъ лишь черезъ годъ составленъ и отпечатанъ вышеназванный, весьма объемистый, сборникъ статей о Холмской Руси и альбомъ превосходно выполненныхъ акварельныхъ рисунковъ, плановъ и чертежей.

Весь настоящій выпускъ посвященъ двумъ губерніямъ Привислянскаго края—Люблинской и Сѣдлецкой. Это древняя Холмская Русь, въ простонародьи называемая Холмщиною, составлявшая нѣкогда часть бывшаго Владиміра Галицкаго княжества. — Въ этомъ выпускѣ помѣщены историческія свидѣтельства объ исконной принадлежности Забужскаго края къ Россіи; свѣдѣнія о судьбахъ Холмщины,—свѣдѣнія о самозащитѣ православія противъ стремленія чуждой власти ополячить край и о мѣрахъ, которыя были приняты правительствомъ въ огражденіе русскаго простонародія отъ дальнѣйшаго и окончательнаго совращенія въ латинство.

Вполнѣ художественно воспроизведя въ особо изданномъ альбомѣ остатки православно-русской старины въ Холмщинѣ,—П. Н. Батюшковъ весьма заботливо и съ большимъ выборомъ соединилъ въ разсматриваемой книгѣ цѣлый рядъ историческихъ монографій, описаній и другихъ матеріаловъ для ознакомленія съ этимъ древнѣйшимъ достояніемъ нашего отечества. Вотъ перечень вошедшихъ въ этотъ сборникъ статей: Д. И. Иловайскаго: Даніилъ Галицкій и начало Холма; г. Хрусцевича: Городъ Холмъ; Бѣловинская и Столпьенская башни подъ Холмомъ; г. Будиловича: Чудотворная икона Пресвятой Богородицы въ г. Холмѣ. Апостолъ львовской первопечати Ивана Ѳедорова, Москвитина (1573—1574 гг.); Е. М.: Рукописныя Евангелія XVI вѣка: Крешовское и Долженское; г. Хрусцевича: Кирилло-Меѳодіевская часовня въ г. Холмѣ;—N. N.: Греко - уніаты въ Царствѣ Польскомъ (1864—1866 гг.) и князь Черкасскій; Н. И. Петрова: Холмско-Подлясскіе православные монастыри; гг. Страшневича и Зашинскаго: Очерки быта крестьянъ Холмской и Подлясской Руси по народнымъ пѣснямъ, и проч. и проч.

На дняхъ минула десятилѣтняя годовщина возсоединенія уніатовъ Холмской Руси съ православіемъ. Прекрасный сборникъ П. Н. Батюшкова является какъ нельзя болѣе кстати, воскрешая святыни древняго православія въ этомъ краѣ и воспроизводя въ интересныхъ очеркахъ и научныхъ изслѣдованіяхъ черты быта и описанія достопримѣчательностей вполнѣ единовѣрной съ нами Холмской Руси.

Ред.

Сочиненія и переписка П. А. Плетнева. По порученію втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ издалъ Я. Гротъ. Спб. 1885 г., въ б. 8 д. л. Томъ первый (съ портретомъ автора), VIII + 577 стр. Томъ второй, 576 стр. Томъ третій, 745 стр.

П. А. Плетневъ, другъ и добросовѣстный цѣнитель нашихъ талантливѣйшихъ писателей съ 1820 по 1860 годъ, человѣкъ высокообразованный, одаренный утонченнымъ эстетическимъ чувствомъ, Плетневъ не былъ поэтомъ, въ прямомъ значеніи слова, но имѣетъ полное право занять мѣсто въ группѣ отечественныхъ писателей, составляющихъ красу и гордость нашей словесности. Его рецензіи произведеній нашихъ поэтовъ, отъ Крылова до Островскаго включительно, навсегда останутся образцовыми. Плетневъ умеръ 73 лѣтъ (29-го декабря 1865 года); пережилъ три достопамятныхъ періода, или переворота въ нашей словесности: владычество классицизма и борьбу съ нимъ романтизма, уступившаго свое мѣсто новой реальной или, какъ ее называли, «натуральной школѣ»—и, при всемъ томъ, всегда умѣлъ от-

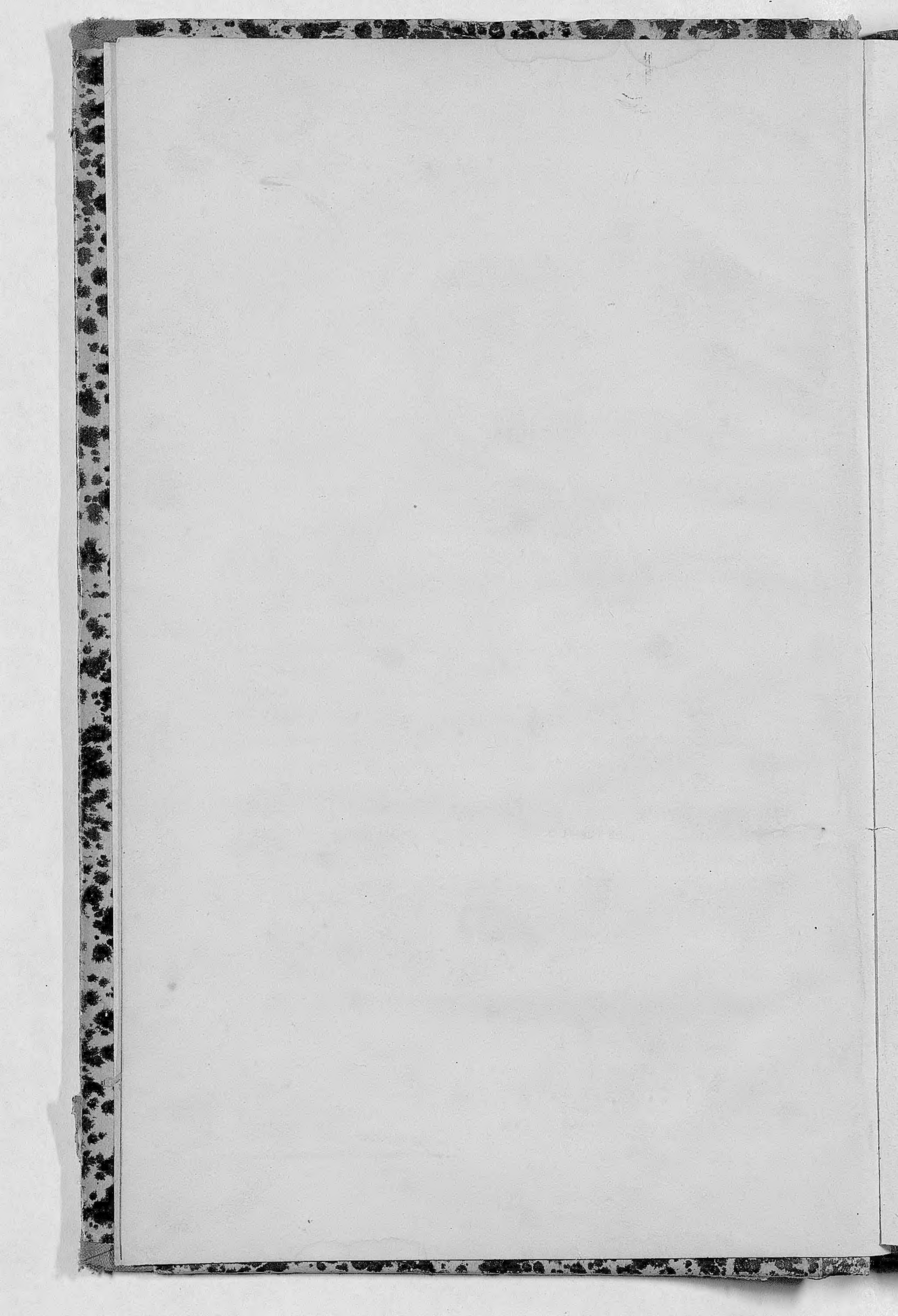

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА

1843 г.

Приложение къ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» изд. 1885 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Апрѣля 1885 г. Экспедиция заготовления государственныхъ бумагъ.

Н. И. КОСТОМАРОВЪ

† 7-го апрѣля 1885 г.

7-го апрѣля 1885 г. наука русской отечественной исторіи, труженики этой науки и милліоны ея почитателей—погружены были въ глубокую скорбь: опочилъ сномъ смерти одинъ изъ славнѣйшихъ и безспорно даровитѣйшихъ ея дѣятелей—Николай Ивановичъ Костомаровъ. Сорокъ лѣтъ подвизался онъ на поприщѣ изслѣдователя и бытописателя минувшихъ судебъ русскаго народа и съ каждымъ новымъ его трудомъ имя его пріобрѣтало все бо́льшую и бо́льшую популярность, а дарованіе его вызывало сочувствіе, доходившее въ молодыхъ поколѣніяхъ до увлеченія.

Отличительная черта этого громаднаго дарованія—можно сказать—генія-историка, была необыкновенная отзывчивость на самыя интересныя, самыя жизненныя стороны исторіи русскаго народа. Лучшіе его труды, безспорно, посвящены исторіи Малороссіи, — но и на долю Великороссіи отвелъ онъ много труда въ своей долголѣтней дѣятельности, не останавливаясь въ своихъ пытливыхъ изысканіяхъ ни предъ отдаленною, до-историческою стариною,—предъ этими великанами сумрака, какъ называетъ Карамзинъ первыхъ князей русскихъ,—ни предъ удѣльно-вѣчевымъ до-монгольскимъ періодомъ,—который представлялъ до него одну изъ самыхъ темныхъ, загадочныхъ эпохъ въ отечественной исторіи,—ни предъ дѣятелями XVIII вѣка, блестящія характеристики которыхъ Костомаровъ представилъ въ своихъ монографіяхъ позднѣйшаго времени.

Живость, образность выраженія въ разсказѣ, постоянное стремленіе проникать въ самую душу народа, улавливать моменты его дѣйствительнаго участія въ историческихъ судьбахъ своего отече-

ства, и подмѣчать дѣйствительно самыя типичныя особенности минувшаго его быта и изображать ихъ въ разсказѣ, нерѣдко вполнѣ художественномъ—вотъ что рѣзко отличало Костомарова отъ другихъ современныхъ ему писателей-историковъ русскихъ; въ этомъ заключается объясненіе, почему труды его читались съ такимъ удовольствіемъ. Скептицизмъ, вносимый имъ въ обсужденіе многихъ вопросовъ въ отечественной исторіи, а также въ опредѣленіе значенія той или другой исторической личности, того или другого историческаго событія—шевелилъ мысль читателя, заставлялъ вдумываться въ то, что онъ читалъ, и глубже проникать въ суть предмета.

А кто не помнитъ Н. И. Костомарова на каѳедрѣ профессора? Кто не помнитъ, какъ замирала нерѣдко тысячная толпа (напримѣръ на публичныхъ его лекціяхъ въ 1862 г. въ залахъ Городской Думы)—обращаясь вся въ слухъ и вниманіе, и надъ ней полудребезжащимъ, невозмутимо ровнымъ голосомъ Костомаровъ мастерски живописалъ картины минувшаго или обрисовывалъ характеристики тѣхъ, отъ кого зависѣла судьба русскаго народа въ ту или другую эпоху его исторіи.

Перечислять ли многочисленные труды покойнаго? Но они извѣстны всѣмъ и каждому, кто только сколько нибудь интересуется отечественною исторіей.

По этому поводу нельзя не повторить здѣсь словъ, недавно сказанныхъ на страницахъ «Русской Старины» другимъ даровитымъ ученымъ и историкомъ нашимъ, по поводу другой, также преждевременной и тяжкой, утраты:

— «Выдающагося дѣятеля науки—можно уподобить свѣтильнику, озаряющему болѣе или менѣе яркимъ пламенемъ среду, его окружающую.

«Прекратилось земное существованіе; но вмѣстѣ съ нимъ еще не погасъ свѣтильникъ. Его отрадный свѣтъ еще долго будетъ разливаться посредствомъ его ученыхъ трудовъ, его учениковъ и послѣдователей» [1]).

---

[1]) Д. И. Иловайскій: „Памяти графа А. С. Уварова, † 29 декабря 1884 г. См. „Русская Старина“ 1885 г., апрѣль, стр. 212.

Примѣчаніе. Въ нашемъ сборникѣ автобіографическихъ замѣтокъ: „Знакомые“, (въ томѣ I, на стр. 72), мы сохраняемъ нѣсколько драгоцѣнныхъ для насъ строкъ маститаго историка, внесенныхъ имъ въ нашъ сборникъ еще въ 1868-мъ или 1869-мъ году. Вотъ эти строки:

— «Николай Ив. Костомаровъ род. 1817 г., мая 4-го, въ Острогожскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи. Учился сначала въ московскомъ пансіонѣ—частномъ, потомъ въ Воронежѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ гимназіи въ 1833 году. Вступилъ въ университетъ и окончилъ курсъ въ харьковскомъ въ 1836 году. Въ 1844-мъ году, въ январѣ, защитилъ диссертацію на степень магистра, получилъ эту степень и въ томъ же году осенью принятъ на службу въ Волынскую губернію, въ Ровенской гимназіи, учителемъ исторіи.

«Въ 1846-мъ году былъ избранъ на каѳедру въ университетъ св. Владиміра; въ 1847 году потерялъ каѳедру, былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость на одинъ годъ, а съ 1848 г. препровожденъ въ Саратовъ, гдѣ пробылъ подъ надзоромъ полиціи до 1856 года.

«Въ 1859 году Костомаровъ былъ избранъ на каѳедру русской исторіи въ с.-петербургскомъ университетѣ и пробылъ въ этой должности до 1862 г., послѣ чего остался членомъ Археографической коммисіи. Сочиненія его обыкновенно печатаются въ журналахъ: «Отечественныя Записки», «Современникъ», «Русскомъ Словѣ», «Библіотекѣ для чтенія», «Вѣстникъ Европы», «Бесѣда»; изданы Д. Кожанчиковымъ въ сборникѣ, носящемъ названіе: «Историческія монографіи и изслѣдованія», кромѣ нѣкоторыхъ не вошедшихъ сюда, изъ которыхъ бо́льшія: «Очеркъ торговли Московскаго государства», «Очерки быта и домашней жизни Московскаго государства», «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой» «Сынъ — повѣсть», затѣмъ есть нѣсколько небольшихъ, также въ это собраніе не вошедшихъ».

Въ позднѣйшіе годы вышло новое обширное собраніе историческихъ трудовъ Н. И. Костомарова, изд. г. Вольфа. Въ это изданіе не вошло однако нѣсколько позднѣйшихъ трудовъ нашего историка.

16-го апрѣля 1885 г.—въ засѣданіи Археографической Коммисіи,—подъ предсѣдательствомъ В. П. Титова[1]), пишущимъ эти строки, какъ однимъ изъ членовъ Коммисіи, почтена была память опочившаго сномъ смерти Н. И Костомарова.

— «Археографическая Коммисія, въ лицѣ Николая Ивановича, потеряла одного изъ наиболѣе уважаемыхъ и неутомимыхъ своихъ тружениковъ на поприщѣ изданія и обработки памятниковъ отечественной исторіи. Въ лицѣ скончавшагося члена нашего, Россія имѣла не только ученаго археографа, археолога и историка, но и писателя, мощью своего таланта содѣлавшаго предметы своихъ изслѣдованій доступными всему грамотному народу, увлекавшаго его живостью изложенія, глубиною мысли и остроуміемъ своихъ изысканій при критической разработкѣ историческихъ памятниковъ. Какъ участникъ въ трудахъ Археографической Коммисіи, Н. И. Костомаровъ вносилъ въ нее весь обширный запасъ своихъ знаній памятниковъ отечественной исторіи и въ теченіи многихъ лѣтъ, подъ его ближайшимъ наблюденіемъ, издаваемо было Коммисіею собраніе актовъ южной и югозападной Россіи,—собраніе, представляющее обширную библіотеку драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ, безъ которыхъ отнынѣ немыслимо никакое изслѣдованіе изъ исторіи этой части Россіи.

«Кончина Н. И. Костомарова, будучи утратою для всей грамотной Россіи, прежде всего одна изъ самыхъ тяжкихъ утратъ для Археографической Коммисіи, какую когда либо она испытывала».

Предсѣдатель Коммисіи, В. П. Титовъ, къ нашимъ словамъ присоединилъ нѣсколько задушевныхъ словъ въ память Н. И. Костомарова и, затѣмъ, пригласилъ присутствующихъ встать и этимъ выразить глубокое уваженіе къ отшедшему въ иной міръ знаменитому труженику науки.

Ред.

---

[1]) Присутствовали члены коммисіи, академики: А. Ѳ. Бычковъ, А. А. Куникъ, профессоръ Е. Е. Замысловскій, профессоръ г. Василевскій, А. Н. Майковъ, А. П. Барсуковъ, М. И. Семевскій и А. Н. Труворовъ.

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПИРОГОВА.

LXVIII [1]).

Въ Петербургѣ, какъ и въ Ригѣ, госпитальные врачи, при первомъ же нашемъ знакомствѣ, изъявили желаніе выслушать у меня курсъ хирургической анатоміи. Наука эта, у насъ и въ Германіи, была еще такъ нова, что многіе изъ врачей не знали даже ея названія.

— Что это такое, хирургическая анатомія? — спрашиваетъ одинъ старый профессоръ медико-хирургической академіи своего коллегу: никогда-съ не слыхалъ-съ, не знаю-съ.

Но въ русскомъ царствѣ нельзя (бывало) прочесть и курса анатоміи при госпиталѣ, не доведя объ этомъ до свѣдѣнія главы государства, и Н. Ф. Арендтъ взялся испросить разрѣшенія государя.

Оно было дано съ тѣмъ, чтобы употреблять для демонстраціи трупы только тѣхъ больныхъ, къ которымъ при жизни не являлись никакіе родственники въ больницу. Это, конечно, разумѣлось само собою.

Лекціи мои продолжались недѣль шесть.

Слушателями были, кромѣ врачей Обуховской больницы, самъ Н. Ф. Арендтъ, не пропускавшій, къ моему удивленію, буквально ни одной лекціи, профессоръ медико-хирургической академіи Саломонъ, многіе практики-врачи. Обстановка была самая жалкая.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLIII, сентябрь, стр. 455—502; т. XLIV, октябрь, стр. 1—52; ноябрь, стр. 223—274; декабрь, стр. 445—496; изд. 1885 г., т. XLV, январь, стр. 1—54; февраль, 257—310; мартъ стр. 481—526; т. XLVI, апрѣль, стр. 1—52.

Покойницкая Обуховской больницы состояла изъ одной небольшой комнаты, плохо вентилированной и довольно грязной. Освѣщеніе состояло изъ нѣсколькихъ сальныхъ свѣчей. Слушателей набиралось всегда болѣе двадцати. Я днемъ изготовлялъ препараты, обыкновенно на нѣсколькихъ трупахъ, демонстрировалъ на нихъ положеніе частей какой либо области и тутъ же дѣлалъ, на другомъ трупѣ, всѣ операціи, производящіяся на этой области, съ соблюденіемъ требуемыхъ хирургическою анатоміею правилъ. Этотъ наглядный способъ особливо заинтересовалъ слушателей; онъ для всѣхъ ихъ былъ новъ, хотя почти всѣ слушали курсы и въ заграничныхъ университетахъ.

Изъ чистокровныхъ русскихъ врачей никто не являлся на мой курсъ. И я читалъ по нѣмецки. Да въ то время въ С.-Петербургскихъ больницахъ между ординаторами рѣдко встрѣчался русскій, всѣ были или петербургскіе, или остзейскіе нѣмцы. Да и откуда было взяться русскимъ? Русскіе студенты медико-хирургической академіи того времени (единственнаго, какъ и теперь, высшаго учебно-медицинскаго учрежденія) были почти всѣ казенно-коштные, бѣдняки и поповичи; окончивъ курсъ, они поступали тотчасъ на службу, въ полки, уѣздные города и т. п. Въ Петербургѣ же оставались только сыновья петербургскихъ обывателей, а изъ петербургскихъ обывателей только нѣмцы посылали сыновей своихъ учиться въ академію, и это были дѣти докторовъ, чиновниковъ, учителей, ремесленниковъ, вообще изъ болѣе культурныхъ классовъ.

И между практиками врачами въ С.-Петербургѣ того времени нельзя было насчитать болѣе дюжины извѣстныхъ русскихъ именъ, включая сюда и имена нѣкоторыхъ профессоровъ-практиковъ медико-хирургической академіи.

Время мое все уходило на посѣщеніе госпиталей и приготовленія къ лекціямъ. Не мало операцій въ госпиталяхъ Обуховскомъ и Маріи Магдалины было сдѣлано мною въ это время и я,—какъ это всегда случается съ молодыми хирургами, — былъ слишкомъ ревностнымъ операторомъ, чтобы отказываться отъ сомнительныхъ и безнадежныхъ случаевъ. Меня, какъ и всякаго молодого оператора, занималъ не столько самъ случай, то есть самъ больной, сколько актъ операціи,—актъ, несомнѣнно, дѣятельнаго и энергичнаго пособія, но взятый слишкомъ отдѣльно отъ слѣдствій.

Мнѣ казалось въ то время несправедливымъ и вреднымъ для научнаго прогресса судить о достоинствѣ и значеніи операціи и хирурговъ по числу счастливыхъ, благополучныхъ исходовъ и счастливыхъ результатовъ.

Что дѣлать, когда сужденіямъ молодыхъ людей суждено быть иными и отличными отъ сужденій зрѣлаго возраста и стариковъ!

Не смотря на усиленную дѣятельность съ ранняго утра до поздней ночи, меня не тяготила эта жизнь; мнѣ жилось привольно въ своемъ элементѣ. Цѣлое утро въ госпиталяхъ, операціи и перевязки оперированныхъ, потомъ въ покойницкой Обуховской больницы изготовленіе препаратовъ для вечернихъ лекцій.

Лишь только темнѣло (въ Петербургѣ зимою между 3—4 час.), бѣгу въ трактиръ на углу Сѣнной и ѣмъ пироги съ подливкой. Вечеромъ въ 7 опять въ покойницкую и тамъ до 9; оттуда позовутъ куда нибудь на чай и тамъ до 12.—Такъ изо дня въ день.

Однажды, кто-то изъ докторовъ (кажется, Задлеръ) пригласилъ меня посѣтить большой сухопутный военный госпиталь на Выборгской. И госпиталь, и, въ особенности, завѣдывавшій имъ главный докторъ представились мнѣ чѣмъ-то фантастическимъ, изъ тысячи и одной ночи.

Старое зданіе госпиталя показалось мнѣ цѣлымъ городомъ; тутъ были и огромныя каменныя постройки и деревянные дома и домики, занимавшіе цѣлыя улицы, и все это было переполнено больными, фельдшерами, служителями; по корридорамъ каменныхъ зданій и изъ одного дома въ другой шмыгалъ безпрестанно этотъ многочисленный персоналъ, носилъ, приносилъ, переносилъ, шумѣлъ, бранился.

Но главный curiosum былъ самъ главный докторъ. Откуда у насъ выкопали такое допотопное,—нѣтъ, не допотопное, а просто невозможное животное, какимъ представлялся мнѣ докторъ Флоріо,—едва-ли кто рѣшитъ путемъ историческаго дознанія.

Мнѣ извѣстно было только, что Флоріо родомъ итальянецъ, принятъ на русскую службу, вѣроятно, еще въ 1812—1813 гг., любимецъ баронета Виллье, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ.

Постороннія лица, входившія во время докторскаго визита

въ одну изъ огромныхъ палатъ сухопутнаго госпиталя, не рѣдко могли быть свидѣтелемъ слѣдующей сцены.

Между рядами коекъ съ больными идетъ задомъ на передъ фельдшеръ, немного останавливается предъ каждою койкою и скороговоркою, на распѣвъ, рапортуетъ названіе болѣзни и лекарство въ такомъ родѣ, напримѣръ:

Pleuritis—Tartarus emeticus gr. jjj, infus..... Unc. Sex; febris cattarrhalis — Sles ammoniaci drach. unam, decocti altheae unc. Sex, и т. п.

Обращенный лицомъ къ лицу фельдшера (идущему, какъ сказано, задомъ на передъ), идетъ главный докторъ; онъ держитъ въ рукѣ палку, на палкѣ надѣта его форменная фуражка; докторъ вертитъ палкою, съ которою вертится и фуражка, ногою притоптываетъ въ тактъ и припѣваетъ громкимъ голосомъ съ итальянскимъ акцентомъ: „Сѣю, вѣю, Катерина! Сѣю, вѣю, Катерина!“

При каждой встрѣчѣ съ ординаторами и съ посторонними, докторъ пускается въ разсказы разныхъ сальностей на ломаномъ русскомъ языкѣ, съ постояннымъ повтореніемъ крѣпкаго русскаго словца.

Къ намъ, новымъ посѣтителямъ, докторъ Флоріо былъ, по своему, очень любезенъ и безпрестанно старался высказать свои научныя знанія. «C'est une fièvre, une inflammation de la membrane gastrointestinal“. Это inflammation de la membrane gastrointestinal, долженствовавшее свидѣтельствовать о принадлежности доктора Флоріо къ бруссеистамъ, повторялось на каждомъ шагу и на каждомъ шагу слышалась ординація: venaesectio... ad libram unam, десять піявицъ.

Проходитъ мимо старикъ ординаторъ, въ мундирѣ и безъ носа.

— „Остановитесь, кричитъ Флоріо; вотъ, рекомендую вамъ, господа, обращается онъ къ намъ, статскій совѣтникъ Сим......, думаетъ еще жениться и увѣренъ, что въ первую ночь исполнитъ свои обязанности; но это онъ, увѣряю васъ, напрасно такъ думаетъ. А! кстати, вотъ и другой, какъ видите, молодой, красивый человѣкъ, господинъ К.....; этотъ ничего лучшаго не знаетъ, какъ проводить все время въ Большой Мѣщанской съ прекраснымъ поломъ“.

И все это скороговоркою на ломаномъ русскомъ языкѣ.

Приходитъ въ женское отдѣленіе Флоріо, подходитъ прямо къ одной женщинѣ, солдаткѣ.

— „Что, еще не выздоровѣла? А!“ и затѣмъ, обращаясь къ палатному дежурному (унтеръ-офицеру), „а зачѣмъ ты съ нею ночью не спишь, а?...... сейчасъ выздоровѣетъ“.

Ничего подобнаго я вѣрно не увижу никогда и видѣлъ только разъ въ жизни, поэтому и считаю необходимымъ сохранить воспоминаніе о такомъ чудѣ-юдѣ въ моемъ дневникѣ.

Петербургскій климатъ и мои занятія не преминули-таки повліять на мой организмъ. И я опять занемогъ, но, слава Богу, другою, не рижскою болѣзнью и не надолго. Это была навѣрное скрытая перемежающаяся лихорадка, продержавшая меня дня четыре въ постели.

И. Т. Спасскій, навѣщавшій меня съ другими врачами во время болѣзни, извѣстилъ меня отъ министерства, что чрезъ недѣлю назначено мнѣ чтеніе пробной лекціи въ академіи наукъ; я долженъ былъ самъ выбрать тему. Я выбралъ ринопластику, купилъ у парикмахера старый болванъ изъ papier maché, отрѣзалъ у него носъ, обтянулъ лобъ кускомъ старой резиновой калоши и отправился съ этимъ сокровищемъ въ академическую залу, чтобы демонстрировать ринопластику по индѣйскому способу, модифицированному Диффенбахомъ.

Искусственный носъ былъ выкроенъ мною изъ резины на лбу и пришитъ lege artis. Я цитировалъ мои случаи въ Ригѣ и Дерптѣ, и ссылался на Диффенбаха.

Впечатлѣніе, произведенное моею лекціею на молодыхъ и старыхъ посѣтителей, было, повидимому, различное. Молодые всѣ отзывались съ большимъ сочувствіемъ и похвалою; нѣкоторые же изъ старыхъ отнеслись, какъ мнѣ казалось, недовѣрчиво къ сообщеннымъ мною фактамъ.

Рѣшенія изъ Дерпта о выборѣ меня въ совѣтѣ все еще не было. Я началъ терять терпѣніе и написалъ къ Мойеру. Мойеръ долго не отвѣчалъ, а потомъ съ обычною своею флегмою объявилъ мнѣ, что «Gutes Ding will Weile haben», и извѣщалъ, что скоро самъ пріѣдетъ въ Петербургъ. Онъ, дѣйствительно, вскорѣ пріѣхалъ, но этимъ дѣло не ускорилось.

Уваровымъ Мойеръ остался очень недоволенъ и, странно, почему-то ему болѣе пришелся по сердцу Ширинскій-Шихма-

товъ, тогдашній директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія.

Впослѣдствіи я слышалъ, что и государь Николай Павловичъ былъ очень доволенъ направленіемъ Ширинскаго-Шихматова и за это сдѣлалъ его министромъ.

И Мойеръ сказалъ мнѣ однажды въ Петербургѣ, что Уваровъ ist ein Katzen-Schvanz, mann kann sich nicht auf ihn verlassen (льстецъ, на него нельзя положиться); а про Ширинскаго сказалъ: das ist ein positiver Mann, er ist reel (это человѣкъ положительный, человѣкъ дѣла).

Прошло еще два мѣсяца и я началъ уже бомбардировать Мойера письмами, объявивъ ему наконецъ, что рѣшаюсь принять каѳедру въ Харьковѣ, предложенную мнѣ черезъ Арендта попечителемъ гр. Головкинымъ.

Около этого времени (это было на масляницѣ) разыгралась въ Петербургѣ извѣстная катастрофа съ балаганомъ Лемана; я побѣжалъ въ Обуховскую больницу, куда свезли до 150 обгорѣлыхъ большею частію уже труповъ. Изъ нихъ сдѣлали выставку въ покойницкой и на дворѣ госпиталя, для родственниковъ погибшихъ. Привезенные въ больницу живыми были въ страшномъ видѣ. Ни прежде, ни послѣ мнѣ не приходилось видѣть у живыхъ еще людей ожоги, достигшіе такой степени разрушенія. Нѣсколько, съ совершенно обуглившеюся отъ огня головою, жили еще по цѣлымъ недѣлямъ. У нѣкоторыхъ вся голова до самой шеи представляла громадный кусокъ угля, отъ него можно было отнимать цѣлые пласты обугленныхъ тканей и странно было слышать голосъ и произносимыя слова, выходившія изъ куска угля.

Между тѣмъ, до меня доходили слухи, что выборъ меня въ совѣтѣ былъ бурею въ стаканѣ воды.

Противъ меня возстали преимущественно теологи. Говорили, что дерптскіе богословы открыли какой-то законъ перваго основателя дерптскаго университета, Густава Адольфа шведскаго, по которому одни только протестанты могли быть профессорами университета.

Существовалъ-ли такой законъ или нѣтъ, Богъ его знаетъ, но при Николаѣ Павловичѣ на него нельзя было ссылаться. Это понимали, вѣроятно, не хуже другихъ и дерптскіе богословы.

Тѣмъ не менѣе, однако же, яблоко раздора было кинуто и совѣтскіе споры длились до конца февраля 1836 г. Наконецъ, въ мартѣ я получилъ извѣстіе о моемъ избраніи въ экстраординарные профессора.

Матушку и сестеръ я не рѣшался перевезти изъ Москвы въ Дерптъ. Такой переходъ, мнѣ казалось, былъ бы для нихъ впослѣдствіи непріятенъ. И языкъ, и нравы, и вся обстановка были слишкомъ отличны, а мать и сестры слишкомъ стары, а главное слишкомъ москвички, чтобы привыкнуть и освоиться.

LXIX.

Святую 1836 г. я уже встрѣчалъ въ Дерптѣ. Не задолго до моего прибытія, прибылъ туда и вновь назначенный изъ Петербурга попечитель, гвардейскій генералъ-маіоръ Крафтштремъ. Я предсталъ предъ этого сына Марса и былъ имъ очень любезно принятъ. Онъ привѣтствовалъ меня, какъ перваго русскаго, избраннаго университетомъ въ профессора чисто научнаго предмета. До сихъ поръ русскіе профессора въ Дерптѣ избираемы были только для одного русскаго языка, и то за неимѣніемъ нѣмцевъ, знакомыхъ хорошо съ русскою литературою.

На этомъ указаніи, что я первый изъ русскихъ и что этотъ первый примѣръ совпадаетъ съ попечительствомъ его, Крафтштрема, все это и было предметомъ нашего разговора въ теченіи добрыхъ получаса. Не надо было болѣе получаса, чтобы узнать какого духа новый дерптскій попечитель....

Фронтовикъ до мозга костей, Крафтштремъ, вообще какъ попечитель, оказался не худымъ человѣкомъ; могъ бы быть гораздо хуже, поступивъ съ сѣдла на попечительство.

Онъ былъ поэтому и предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ, въ видѣ юмористическихъ анекдотовъ, изобрѣтавшихся на его счетъ студентами и отчасти и профессорами. Міровоззрѣніе Крафтштрема было, дѣйствительно, невозможное. Наука въ его воззрѣніи была трехъ сортовъ: полезная до извѣстной степени, вредная,—если не унять, то пожалуй и очень вредная,—и годная, и даже необходимая для препровожденія времени и для забавы людей со средствами.

Вотъ какъ однажды Крафтштремъ отнесся, съ глазу на глазъ, объ астрономіи. Это было по дорогѣ изъ Дерпта въ Петербургъ; Крафтштремъ ѣхалъ вмѣстѣ съ профессоромъ русскаго языка Росбергомъ, къ которому имѣлъ особое довѣріе въ то время. Лунная, прекрасная ночь; Росбергъ смотритъ на луну, припоминаетъ видѣнное имъ чрезъ рефракторъ въ дерптской обсерваторіи и начинаетъ объяснять Крафтштрему видѣнныя имъ горы и пропасти на лунѣ.

Слушалъ, слушалъ его Крафтштремъ, да потомъ и говоритъ:

— Послушайте, любезный другъ, неужели вы вѣрите всѣмъ этимъ бреднямъ?

— „Какъ, восклицаетъ удивленный Росбергъ, да вѣдь это все неоспоримые факты, дознанные наукою!"

— Полноте, пожалуйста, успокоиваетъ Крафтштремъ, какіе тамъ факты, когда никто еще не бывалъ на небѣ и никто, поэтому, ничего и знать не можетъ.

Росбергъ, видя, что съ научной стороны Крафтштрема не проймешь, началъ съ другого бока.

— „Да какъ же это, ваше превосходительство, сталъ бы самъ Государь такъ заботиться о постройкѣ Пулковской обсерваторіи и отпускать такія громадныя суммы, если бы онъ не былъ увѣренъ, что астрономы, дѣйствительно, сдѣлали чрезвычайно важныя открытія?"

— Э! любезнѣйшій, замѣтилъ на это Крафтштремъ, развѣ вы не знаете, что у государей, какъ и у насъ всѣхъ, есть свои забавы; у насъ небольшія, по средствамъ, а у царей, конечно, не по нашему, дорогія. Почему же и нашему царю не потѣшить себя громадною, дорого стоющею обсерваторіею.

Обстановка моя въ Дерптѣ продолжалась не долго и обошлась мнѣ дешево. Рублей 200 за квартиру въ 4 комнаты въ годъ, и по 10—12 руб. въ мѣсяцъ за столъ. Можно было за столъ платить и дороже, и я это дѣлалъ, но за увеличенную плату увеличивалось только количество отпускаемой пищи, а не качество. Для прислуги явилась ко мнѣ опять моя добрая латышка Лена, прослужившая мнѣ цѣлыя 5 лѣтъ.

Вотъ я, наконецъ, профессоръ хирургіи и теоретической, и оперативной, и клинической. Одинъ, нѣтъ другого.

Это значило, что я, одинъ, долженъ былъ: 1) держать кли-

нику и поликлинику, по малой мѣрѣ, 2½ — 3 часа въ день; 2) читать полный курсъ теоретической хирургіи 1 часъ въ день; 3) оперативную хирургію и упражненія на трупахъ одинъ часъ въ день; 4) офтальмологію и глазную клинику 1 часъ въ день— итого 6 часовъ въ день.

Но шести часовъ почти никогда не хватало; клиника и поликлиника брали гораздо болѣе времени и приходилось 8 часовъ въ день. Положивъ столько-же часовъ на отдыхъ, оставалось еще отъ сутокъ 8 часовъ, и вотъ они-то, всѣ эти 8 часовъ, и употреблялись на приготовленія къ лекціямъ, на эксперименты надъ животными и на анатомическія изслѣдованія для задуманной мною монографіи и, наконецъ, на небольшую хирургическую практику въ городѣ.

Въ теченіе пяти лѣтъ моей профессуры въ Дерптѣ, я издалъ:

1) Хирургическую анатомію артеріальныхъ стволовъ и фасцій (на латинскомъ и нѣмецкомъ).

2) Два тома клиническихъ анналовъ (на нѣмецкомъ).

3) Монографію о перерѣзаніи Ахиллесова сухожилія (на нѣмецкомъ).

И сверхъ этого цѣлый рядъ опытовъ надъ живыми животными, произведенныхъ мною и подъ моимъ руководствомъ; доставилъ матеріалъ для нѣсколькихъ диссертацій, изданныхъ во время моей профессуры, а именно:

1) О скручиваніи артерій.

2) О ранахъ кишекъ.

3) О пересаживаніи животныхъ тканей въ серозныя полости.

4) О вхожденіи воздуха въ венозную систему, и

5) Объ ушибахъ и ранахъ головы.

Диссертаціи на послѣднія двѣ темы при мнѣ не были еще окончены.

Справедливость требуетъ замѣтить, что все сказанное совершено не въ 5 лѣтъ собственно, а въ 4 года, потому что я цѣлые 9 мѣсяцевъ оставался (въ 1837 — 1838 гг.) въ Парижѣ и потомъ въ Москвѣ, и цѣлыхъ 3 мѣсяца проболтался, такъ что не могъ ни чѣмъ серьезно заняться.

Итакъ, неоспоримо, существуютъ доказательства моей науч-

ной дѣятельности, съ самаго же начала вступленія моего на учебно-практическое поприще.

Но, другое дѣло, вопросъ—былъ-ли я тогда дѣйствительно тѣмъ, кѣмъ казался, или, вѣрнѣе, кѣмъ долженъ былъ быть, то есть былъ-ли я настоящимъ, дѣйствительнымъ—не кажущимся—профессоромъ хирургіи?

У насъ, въ Россіи, кандидатами на каѳедру бываютъ только два сорта ученыхъ: во-первыхъ, заслуженные профессора, то есть большею частію старые или очень пожилые люди; во-вторыхъ, молодые люди, только-что окончившіе курсъ наукъ. Людей, подготовлявшихся довольно продолжительное время къ занятію каѳедръ, у насъ или вовсе нѣтъ, или они такъ рѣдки, что почти никогда не являются конкуррентами на занятіе каѳедръ.

О первомъ сортѣ кандидатовъ на каѳедры нечего распространяться; изъ 10-ти случаевъ въ 9-ти заслуженный профессоръ, остающійся на новое 5-ти-лѣтіе, дѣлаетъ это вовсе не изъ любви и не изъ привязанности къ наукѣ, а для полученія увеличеннаго вдвое оклада. Другой же сортъ кандидатовъ, къ которому принадлежалъ и я грѣшный, при вступленіи моемъ на каѳедру хирургіи въ Дерптѣ, по истинѣ, не соотвѣтствуетъ, да и не можетъ соотвѣтствовать своему призванію.

Откуда могла взяться та опытность, которая необходима для клиническаго учителя хирургіи? Правда, я за 4 года до вступленія на каѳедру перешелъ за хирургическій Рубиконъ, сдѣлавъ мои двѣ первыя операціи въ клиникѣ Мойера: вылущеніе руки и перевязку бедряной артеріи (въ одно и то же время). Но ловко сдѣланная хирургическая операція еще не даетъ права на званіе опытнаго клинициста, которымъ долженъ быть каждый профессоръ хирургіи. Мало того, что молодой человѣкъ, какъ бы онъ даровитъ ни былъ, не можетъ имѣть достаточныхъ знаній, ему еще труднѣе пріобрѣсти добросовѣстную опытность.

Молодость, и именно даровитая, еще болѣе, чѣмъ посредственная, заносчива, самолюбива, а еще чаще—тщеславна.

Она, выступая на практическое поприще жизни, заботится всего болѣе о своей репутаціи,—и это естественно и даже похвально,—но она заботится не такъ, какъ слѣдуетъ: не хлопочетъ пріобрѣсти имя и почетъ внутренними своими, настоящими

достоинствами, а только внѣшнимъ образомъ, лишь бы хвалили и удивлялись, а за что—это не главное.

Вотъ этотъ зудъ похвалы и тщеславія и портитъ все въ молодости.

Служеніе наукѣ, вообще всякой, не иное что, какъ служеніе истинѣ.

Но въ наукахъ прикладныхъ служить истинѣ не такъ легко.

Тутъ доступъ къ правдѣ затрудненъ (для насъ) не одними только научными препятствіями, то есть такими, которыя могутъ быть и удалены съ помощію науки. Нѣтъ, въ прикладной наукѣ, сверхъ этихъ препятствій, человѣческія страсти, предразсудки и слабости съ разныхъ сторонъ вліяютъ на доступъ къ истинѣ и дѣлаютъ ее не рѣдко и вовсе недоступною.

Бороться за истину съ предразсудками, страстями и слабостями людей невозможно. Можно только лавировать; но не менѣе трудно бороться и съ собственными страстями и слабостями, если мы въ юности, съ самаго дѣтства, не развили въ себѣ способности владѣть собою, а владѣть собою иначе нельзя, какъ чрезъ познаніе самого себя.

Итакъ, для учителя такой прикладной науки, какъ медицина, имѣющей дѣло прямо со всѣми атрибутами человѣческой натуры (какъ своего собственнаго, такъ и другого, чужого *я*), для учителя, говорю, такой науки необходимо, кромѣ научныхъ свѣдѣній и опытности, еще добросовѣстность, пріобрѣтаемая только труднымъ искусствомъ самосознанія, самообладанія и знанія человѣческой натуры.

Дѣло ли это молодости? Chirurgus debet esse adolescens (хирургомъ долженъ быть взрослый), по словамъ Цельза.

Конечно, старость, притупляющая чувства, дѣлаетъ хирурга неспособнымъ.

И ничто не препятствуетъ молодымъ людямъ быть хирургами, но не учителями хирургіи. Это не одно и то же, и напрасно думать, что всякій ловкій и искусный хирургъ можетъ быть и хорошимъ наставникомъ хирургіи.

Есть время для любви.

Для мудрости—другое.

Какъ самоѣдъ, я не могъ не видѣть и не чувствовать, какъ много мнѣ недостаетъ знанія, опытности и самообладанія, чтобы

быть настоящимъ наставникомъ хирургіи. Я не былъ такъ недобросовѣстливъ, чтобы не понимать, какую громадную отвѣтственность предъ обществомъ и предъ самимъ собою (Бога и Христа у меня тогда не было) принимаетъ на себя тотъ, кто, получивъ съ дипломомъ врача нѣкоторое право на жизнь и смерть другого, получаетъ еще и обязанность передавать это право другимъ.

Но молодость легко устраняетъ нравственныя затрудненія и миритъ противорѣчія въ себѣ.

Я сознавалъ свои недостатки, но не могъ ихъ сознавать такъ, какъ теперь, когда я пережилъ ихъ и всѣ ихъ слѣдствія.

Да и теперь, анализируя, я сознаюсь, какъ трудно рѣшить, что̀ было въ томъ или другомъ случаѣ главнымъ мотивомъ моихъ дѣйствій: суетность или истинное желаніе помочь и облегчить страданіе.

Ахъ, какъ это трудно рѣшить для человѣка, преданнаго своему искусству всею душою, когда вся цѣль этого искусства состоитъ въ леченіи и облегченіи людскихъ страданій.

Какъ ни мало вѣроятенъ успѣхъ операціи, какъ ни опасно для жизни ея производство, если оно васъ интересуетъ, какъ искусство, вы уже не можете совершенно безпристрастно взвѣсить шансы и опредѣлить, что вѣроятнѣе въ данномъ случаѣ: успѣхъ или гибель.

И чѣмъ моложе, чѣмъ ревностнѣе дѣятель, чѣмъ болѣе приверженъ онъ къ своему искусству, тѣмъ легче онъ упускаетъ изъ виду цѣль искусства и тѣмъ болѣе расположенъ дѣйствовать искусствомъ для одного искусства.

Да, да, „ne nocerim veritus“ (да не поврежу сознательно) Галлера, запрещавшее ему,—опытнѣйшему анатому и физіологу,—дѣлать операціи на живыхъ людяхъ,—это есть выраженіе во очію нравственнаго чувства.

Каждый хирургъ долженъ бы былъ со своимъ ne nocerim veritus приступать къ операціи.

Но это значило бы подчинить интересъ науки и искусства всецѣло высшему нравственному чувству.

Да, такъ должно бы быть; но тутъ являются другія соображенія, дѣлающія невозможнымъ рѣшеніе вопроса: какъ поступить въ сомнительномъ случаѣ, а такихъ случаевъ не десятки, а сотни.

Старикашка Рюль былъ правъ, когда онъ требовалъ отъ госпитальныхъ хирурговъ, чтобы они не иначе предпринимали операціи, какъ съ согласія больныхъ. Онъ раздосадовалъ меня однажды, явившись въ Обуховскую больницу въ тотъ самый моментъ, когда я приступалъ къ операціи аневризмы, и спросилъ больного, желаетъ-ли онъ операціи.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

— „Въ такомъ случаѣ, рѣшилъ Рюль, нельзя оперировать противъ желанія".

Всѣ мы, молодые врачи, смѣялись надъ пуританствомъ Рюля, называли его козодоемъ, caprimulgus europensis, на котораго онъ былъ дѣйствительно похожъ, hosentrompetr'омъ, говорили также про него, что онъ пріобрѣлъ себѣ почетъ въ петербургскомъ медицинскомъ мірѣ только тѣмъ, что умѣлъ ловко ставить промывательныя — все это говорилось и болталось только потому, что отжившій старикъ осмѣливается вмѣшиваться въ дѣла науки и искусства и вредитъ научнымъ интересамъ.

— Такъ, — говорили, — дойдетъ, пожалуй, до того, что у больныхъ въ госпиталяхъ надо будетъ испрашивать согласія на кровопусканіе, ставленіе банокъ и мушекъ.

Но всѣ понимали, однако же, что никто бы изъ насъ не захотѣлъ, чтобы его безъ спроса подвергли какой либо опасной процедурѣ, хотя бы и съ цѣлію спасти жизнь. А съ другой стороны, развѣ кто нибудь былъ бы въ претензіи за то, что спасли ему жизнь безъ его спроса, подвергнувъ его опасной процедурѣ.

Я предвижу, что больной непремѣнно, не нынче завтра, изойдетъ отъ кровотеченія изъ аневризмы, подвергаю его, не спрося его согласія, операціи—и спасаю.

Такъ я и разсуждалъ, приступая къ операціи, отмѣненной Рюлемъ за то, что не спросилъ сначала согласія больного.

Кто правъ, кто виноватъ?

Въ такихъ случаяхъ только голосъ собственной совѣсти можетъ рѣшить вопросъ для каждаго и, конечно, для каждаго рѣшитъ по своему.

Рюль былъ несомнѣнно правъ, ибо дѣйствовалъ несомнѣнно по глубокому убѣжденію въ томъ, что никто, больше самого больного, не имѣетъ права на его здоровье.

Я, можетъ быть, былъ также правъ. Можетъ быть,—говорю, потому что не знаю теперь, былъ ли я тогда убѣжденъ въ неминуемой опасности для больного потерять жизнь отъ кровотеченія и при томъ былъ ли я убѣжденъ, что опасность для жизни больного отъ кровотеченія изъ аневризмы превышаетъ опасность отъ операціи.

Да, собственная совѣсть,—другого средства нѣтъ,—должна рѣшать для истинно-честнаго хирурга вопросъ объ операціи, когда опасность, съ нею соединенная для жизни, кажется ему столько же значительною, какъ и опасность отъ болѣзни, противъ которой направлена операція. Но хирургъ въ этомъ случаѣ не всегда можетъ полагаться и на собственную совѣсть.

Научныя, не имѣющія ничего общаго съ нравственностію, занятія, пристрастіе и любовь къ своему искусству дѣйствуютъ и на совѣсть, склоняя ее, такъ сказать, на свою сторону. И совѣсть, въ такомъ случаѣ, рѣшая вопросъ о степени опасности, становится на сторону научнаго предубѣжденія. Совѣсть играетъ тутъ роль судьи или присяжнаго, основывающаго свое сужденіе на мнѣніи эксперта, а экспертъ тутъ—научныя свѣдѣнія того же самаго лица, совѣсть котораго призвана быть судьею. Тутъ предубѣжденію дорога открыта съ разныхъ сторонъ.

Съ одной стороны предубѣжденіе легко проникнетъ въ запасъ свѣдѣній; съ другой стороны, чрезъ это и самая совѣсть легко предубѣждается.

Современная наука нашла, какъ будто, болѣе надежное средство противъ предубѣжденій въ практической медицинѣ,—это медицинская статистика, основанная на цифрѣ. И совѣсти хирурга какъ будто сдѣлалось легче рѣшать безъ предубѣжденій.

Вотъ болѣзнь, отъ нея умираетъ, по статистикѣ, 60%; вотъ операція, уничтожающая болѣзнь, отъ нея умираетъ только 50%.

Совѣсти не трудно, значитъ, рѣшить по совѣсти, что опаснѣе—болѣзнь, предоставленная самой себѣ, или операція.

Но вотъ загвоздка.

Во первыхъ, эта статистика не есть еще нѣчто вполнѣ опредѣленное и не подлежащее ни сомнѣнію, ни колебанію; а во вторыхъ, почемъ же я буду знать, что въ данномъ случаѣ мой больной принадлежитъ именно къ числу 60 умирающихъ изъ 100, а

не къ числу 40 остающихся въ живыхъ? И кто мнѣ сказалъ, что въ случаѣ операціи мой больной будетъ относиться къ числу 50% выздоравливающихъ, а не къ 50 умирающихъ?

Въ концѣ концовъ, не трудно убѣдиться, что и эта, повидимому такая вѣрная, цифра только тогда будетъ имѣть важное практическое значеніе, когда ей на помощь явится индивидуализированіе,—новая еще не початая отрасль знанія.

Когда изученіе человѣческихъ особей настолько подвинется впередъ, что каждую особь можно, по надежнымъ признакамъ, отнести къ той или другой рѣзко обозначенной категоріи; а свойства каждой категоріи противостоятъ внѣшнимъ и органическимъ (внутреннимъ) вліяніямъ, будутъ извѣстны,—тогда и статистика, съ ея цифровыми данными, получитъ иное значеніе.

Могъ ли же я, молодой, малоопытный человѣкъ, быть настоящимъ наставникомъ хирургіи?!

Конечно, нѣтъ,—и я чувствовалъ это.

Но разъ поставленный судьбою на это поприще, что я могъ сдѣлать?

Отказаться? Да для этого я былъ слишкомъ молодъ, слишкомъ самолюбивъ и слишкомъ самонадѣянъ.

Я избралъ другое средство, чтобы приблизиться, сколько можно, къ тому идеалу, который я составилъ себѣ объ обязанностяхъ профессора хирургіи.

Въ бытность мою заграницей я достаточно убѣдился, что научная истина далеко не есть главная цѣль знаменитыхъ клиницистовъ и хирурговъ.

Я убѣдился достаточно, что не рѣдко принимались мѣры въ знаменитыхъ клиническихъ заведеніяхъ не для открытія, а для затемнѣнія научной истины.

Было вездѣ замѣтно стараніе продать товаръ лицемъ. И это бы еще ничего. Но, съ тѣмъ вмѣстѣ, товаръ худой и недоброкачественный продавался за хорошій, и кому? — Молодежи — неопытной, незнакомой съ дѣломъ, но инстинктивно ищущей научной правды.

Видѣвъ все это, я положилъ себѣ за правило при первомъ моемъ вступленіи на каѳедру ничего не скрывать отъ моихъ учениковъ, и, если не сейчасъ же, то потомъ и немедля открывать предъ ними сдѣланную мною ошибку, будетъ ли она въ діагнозѣ или въ леченіи болѣзни.

Въ этомъ духѣ я и написалъ мои клиническіе анналы, съ изданіемъ которыхъ я нарочно спѣшилъ, чтобы не дать повода моимъ ученикамъ упрекать меня въ намѣреніи выиграть время для скрытія правды.

Описавъ въ подробности всѣ мои промахи и ошибки, сдѣланныя при постели больныхъ, я не щадилъ себя и, конечно, не предполагалъ, что найдутся охотники воспользоваться моимъ положеніемъ и въ критическомъ разборѣ выставить снова на видъ, выставленные уже мною грѣхи мои. Охотники, однако же, нашлись. Мой хорошій петербургскій пріятель д-ръ Задлеръ написалъ огромную критическую статью въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ.

Въ этой большой статьѣ нашлось для меня одно полезное замѣчаніе,—это русская пословица, приведенная Задлеромъ въ концѣ его критики.

— „Терпи, казакъ,—атаманомъ будешь“.

Старикъ Хеліусъ въ 1862 году напомнилъ мнѣ объ этой пословицѣ, переведенной Задлеромъ для нѣмцевъ такъ: Geduld, Kosak, wirst Ataman werden.

Черезъ годъ, вскорѣ послѣ выхода первыхъ выпусковъ моей хирургической анатоміи, я былъ уже избранъ въ ординарные профессоры.

Для изданія этого труда мнѣ нужны были: издатель-книгопродавецъ, художникъ-рисовальщикъ съ натуры и хорошій литографъ.

Не легко было тотчасъ же найти въ Дерптѣ трехъ такихъ лицъ.

Къ счастію, какъ нарочно къ тому времени явился въ Дерптѣ весьма предпріимчивый (даже слишкомъ, и послѣ обанкрутившійся) книгопродавецъ Клуге. Ему, конечно безденежно, я передалъ все право изданія съ тѣмъ лишь, чтобы рисунки были именно такими, какіе я желалъ имѣть. Художникъ-рисовальщикъ — этотъ рисовальщикъ былъ тотъ же г. Шлатеръ, котораго нѣкогда я отыскалъ случайно для рисунковъ моей диссертаціи на золотую медаль. Это былъ не геній, но трудолюбивый, добросовѣстный рисовальщикъ съ натуры. Онъ же, самоучкою, работая безъ устали и съ самоотверженіемъ, сдѣлался и очень порядочнымъ литографомъ. А для того времени это была не шутка. Тогда литографовъ и въ Петербургѣ былъ только одинъ, и то незавидный. Первые опыты литографскаго искусства Шлатера и были рисунки моей хирургической анатоміи. Они удались вполнѣ.

LXX.

Съ попечителемъ Крафтштремомъ, вначалѣ ко мнѣ весьма благоволившимъ, я не долго жилъ въ ладу, впрочемъ не по моей винѣ.

То было время дуэлей въ Дерптѣ. Періодическія дуэли то усиливались (и едва ли не тогда, когда ихъ преслѣдовали), то уменьшались.

Крафтштрему и ректору—дуэли, разумѣется, были не по сердцу, особливо случившіяся вскорѣ одна послѣ другой: одна мнимая, другая—дѣйствительная.

Русскій студентъ, сорви-голова, Хитрово, безнадежно влюпался въ одну пріѣзжую замужнюю женщину. Желая всѣми силами обратить на себя вниманіе этой дамы, Хитрово придумалъ такую штуку: увидѣвъ предметъ своей любви на одномъ концертѣ, онъ бросился стремглавъ къ ректору съ донесеніемъ, что убилъ одного студента, на дуэли въ лѣсу, и предаетъ себя произвольно въ руки правосудія.

Ректоръ отправилъ Хитрово въ карцеръ, а самъ съ фонарями, педелями и полиціей отправился въ лѣсъ отыскивать трупъ убитаго.

Проискали цѣлую ночь и ничего не нашли.

На другой же день оказалось, что вся эта исторія выдумка взбалмошнаго влюбленнаго.

Другая же, дѣйствительная, даже надѣлала много хлопотъ Крафтштрему.

Нашли, дѣйствительно, убитаго студента въ лѣсу и, несомнѣнно, убитаго на пистолетной дуэли. Розыскивали не мало, но все оставалось шитымъ и крытымъ.

Въ это самое время ѣхалъ чрезъ Дерптъ за границу государь Николай Павловичъ. Можно себѣ представить, какъ струсилъ Крафтштремъ. Онъ явился съ докладомъ государю на почтовую станцію; государь не выходилъ изъ кареты и когда Крафтштремъ ему донесъ о случившемся, то государь прямо объявилъ ему:

— „Ну, что же; такъ разгони факультетъ".

Вотъ тебѣ разъ. Что тутъ подѣлаешь? Разгони факультетъ— да какой, ихъ цѣлыхъ четыре, и какъ его разгонишь?

Вотъ въ это-то тревожное время и случись еще одна дуэль на студенческихъ геберахъ.

Рана была грудная и опасная. Меня позвали на третій день, когда уже развилось сильное воспаленіе плевры. Я дня два посѣщалъ раненаго, вскорѣ за тѣмъ отдавшаго Богу душу.

Меня призываютъ къ Крафтштрему.

— „Вы лечили раненаго на дуэли?“ спрашиваетъ онъ меня.

— Я.

— „Вы знали, что онъ былъ раненъ на дуэли?“

— Я могъ бы вамъ отвѣтить, что не зналъ, такъ какъ никто мнѣ не докажетъ, что я зналъ; но я не хочу вамъ лгать, и потому говорю: зналъ.

— „А когда знали, то почему не донесли по закону? Вы будете отвѣчать.“

„Назначается судъ, не университетскій, не домашній, а уголовный. Затѣмъ прощайте“.

Судъ, дѣйствительно, начался и меня притянули къ нему.

На судѣ я сказалъ то же самое, что мнѣ никто не докажетъ, что я зналъ о дуэли, но я сознаюсь, что зналъ, а не донесъ потому, что, во-первыхъ, твердо былъ увѣренъ въ существованіи доноса о дуэли и помимо меня; а во-вторыхъ, считалъ для раненаго вреднымъ судебное дознаніе, неизбѣжное, если бы я донесъ при жизни больного, находившагося въ опасности; по смерти же я дѣйствительно доносилъ по начальству о приключившейся отъ грудной раны смерти, вслѣдствіе воспаленія въ плеврѣ.

Итакъ, эта дуэль разстроила меня съ Крафтштремомъ. Я перестал посѣщать его. Встрѣчаясь на улицѣ, мы не кланялись другъ другу. Я получилъ черезъ совѣтъ выговоръ отъ министра.

Натянутыя мои отношенія къ попечителю продолжались нѣсколько мѣсяцевъ.

Появленіе на свѣтъ 1-й части моихъ клиническихъ анналовъ доставило мнѣ, почти въ одно и то же время, пріятность и выгоду. Пріятно, чрезвычайно пріятно, было для меня привѣтъ и дружеское пожатіе руки профессора Энгельгардта.

Энгельгардтъ (профессоръ минералогіи), цензоръ и рев-

ностный піэтистъ, неожиданно является ко мнѣ, вынимаетъ изъ кармана одинъ листъ моихъ анналовъ, читаетъ вслухъ, взволнованнымъ голосомъ и со слезами на глазахъ, мое откровенное признаніе въ грубѣйшей ошибкѣ діагноза, въ одномъ случаѣ причинившей смерть больному; а за признаніемъ слѣдовалъ упрекъ своему тщеславію и самомнѣнію. Прочитавъ, Энгельгардтъ жметъ мою руку, обнимаетъ меня и, разстроганный до нельзя, уходитъ.

Этой сцены я никогда не забуду; она была слишкомъ отрадна для меня.

Выгода, доставленная мнѣ анналами, (получена) съ другой, почти противоложной, стороны.

Въ то время, когда я писалъ свои анналы, въ Дерптѣ былъ распространенъ сифилисъ въ значительныхъ размѣрахъ между студентами и бюргерскою молодежью.

Полицейскихъ санитарныхъ мѣръ не существовало. Я, въ статьѣ о сифилисѣ, настаивалъ на безотлагательное введеніе этихъ мѣръ, говоря, что если предохранить слабыхъ дѣтей отъ паденія, то надо, по крайней мѣрѣ, сдѣлать паденіе это какъ можно менѣе вреднымъ.

Пошли толки и я услышалъ, что Крафтштремъ читалъ эту статью нѣкоторымъ изъ вліятельныхъ городскихъ людей, причемъ хвалилъ меня за правду и нелицемѣріе.

Это случилось, именно, въ то время, когда я намѣревался воспользоваться университетскою суммою, назначенною для ученыхъ экспедицій,—поѣхать въ Парижъ для осмотра госпиталей. Это дѣло должно было идти черезъ попечителя. Я и отправился къ нему, обнадеженный слухами о расположеніи его ко мнѣ.

Пріемъ былъ, дѣйствительно, очень радушный; Крафтштремъ обѣщалъ мнѣ полное содѣйствіе въ министерствѣ.

Въ январѣ 1837 г. я и отправился въ Парижъ, получивъ пособіе отъ университета на путевыя издержки.

LXXI.

Тринадцать дней и ночей я ѣхалъ, не отдыхая ни разу, изъ Дерпта до Парижа на Полангенъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Саарбрюкенъ и Мецъ. И не смотря на 13 ночей, проведенныхъ въ экипажѣ, я, по пріѣздѣ въ Парижъ, тотчасъ же отправился осматривать городъ.

Парижъ не сдѣлалъ на меня особенно благопріятнаго впечатлѣнія въ хирургическомъ отношеніи. Госпитали смотрѣли угрюмо; смертность въ госпиталяхъ была значительная.

Самое пріятное впечатлѣніе произвелъ на меня изъ всѣхъ парижскихъ хирурговъ Вельпо. Можетъ быть нравился онъ мнѣ и потому, что на первыхъ же порахъ сильно пощекоталъ мое авторское самолюбіе. Когда я пришелъ къ нему въ первый разъ, то засталъ его читающимъ два первые выпуска моей хирургической анатоміи артерій и фасцій. Когда я ему рекомендовался глухо: je suis un médécin russe (я русскій врачъ), то онъ тотчасъ же спросилъ меня, не знакомъ-ли я съ le professeur de Dorpat, m-r Pirogoff. и когда я ему объявилъ, что я самъ и есть Пироговъ, то Вельпо принялся расхваливать мое направленіе въ хирургіи, мои изслѣдованія фасцій, рисунки и т. д., и тогда же познакомилъ меня съ англійскимъ спеціалистомъ въ наукѣ о фасціяхъ и, по мнѣнію Вельпо, весьма компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ. Это былъ нѣкто Томсонъ, участвовавшій въ заговорахъ чарлистовъ и бѣжавшій изъ Англіи въ Парижъ.

Дѣйствительно, весьма дѣльный анатомъ, онъ называлъ себя, по своей спеціальности, fascia Tom, но чудакъ преоригинальнѣйшій. Всю жизнь свою въ Парижѣ онъ посвятилъ двумъ спеціальностямъ: изслѣдованію фасцій, съ изготовленіемъ превосходныхъ препаратовъ, и преслѣдованію профессоровъ. Для этой послѣдней цѣли онъ предпринялъ публикованіе разныхъ брошюръ, выходившихъ почти ежедневно въ свѣтъ изъ литографическаго станка. Брошюры были составляемы самимъ Томсономъ и нѣкоторыми весельчаками студентами и разносились ими же самими по знакомымъ.

Мнѣ онъ надавалъ ихъ цѣлую груду, одну забористѣе другой: „L'art d'engraisser les professeurs“ (искусство откармливать профессоровъ), „Soi pour soi et chacun pour soi“ (всѣ для себя, и каждый тоже) etc. etc. Въ каждой изъ нихъ было собраніе скандаловъ, случившихся съ профессорами. Тутъ фигурировали особенно Бретгардтъ, анатомъ Бреше, молодой Шассеньякъ, получившій однажды пощечину отъ Томсона и судившійся съ нимъ въ Police correctionnelle.

Послѣ Вельпо, нѣсколько молодыхъ хирурговъ (учениковъ Дюпитрена) могли считаться настоящими представителями современной хирургіи: Бланденъ—Hotel Dieu; Жоберъ—Hôspital St. Luis; Robert. Спеціалисты по литотрипсіи Амюсса, Сивіаль и Леруа d'Etoile составляли истинную славу тогдашней французской хирургіи (Heuterelоup фигурировалъ въ то время въ Лондонѣ). Амюсса пригласилъ меня на свои домашнія хирургическія бесѣды. Онѣ были весьма интересны, но на французскій ладъ, какъ всѣ курсы въ Парижѣ; привлекательны, но фразисты и не рѣдко пустопорожни.

Услыхавъ на этихъ бесѣдахъ, куда приглашались Амюсса всѣ пріѣзжавшіе въ Парижъ иностранные врачи (между прочими Аст. Куперъ, Диффенбахъ), что Амюсса все еще поддерживаетъ свое ложное мнѣніе о совершенно прямомъ направленіи мочевого канала (у мужчинъ), я заявилъ ему о результатѣ моего изслѣдованія направленія мочевого канала на замороженыхъ трупахъ, совершенно противорѣчащихъ мнѣнію его, и когда онъ голословно отвергъ результаты моихъ изслѣдованій, то я предложилъ ему состязаніе на слѣдующей лекціи, для которой я взялся и изготовить препараты, которые должны доказать справедливость моего убѣжденія. Я и притащилъ на слѣдующую лекцію разрѣзы таза, которыми я доказывалъ ему и нелѣпость его воззрѣній на отношеніе мочевого канала къ предстательной железѣ.

Конечно, Амюсса, не смотря на всю наглядность моихъ доказательствъ, не соглашался. Люди, а особливо ученые и еще особливѣе тщеславные французы, съ предвзятымъ мнѣніемъ, никогда не соглашаются въ ошибкахъ и заблужденіяхъ. Но для меня довольно было и того, что я видѣлъ, какъ новъ былъ для Амюсса мой способъ изслѣдованія. Я доволенъ былъ еще и тѣмъ, что остальная

часть присутствовавшихъ на этомъ состязаніи молодыхъ врачей не была на сторонѣ его.

Не отрадное впечатлѣніе произвели на меня и двѣ другихъ хирургическихъ знаменитости—Ру и Лисфранкъ.

Лисфранкъ, какъ профессоръ, былъ, въ полномъ смыслѣ, французскій нахалъ и благеръ-крикунъ, рослый, плечистый, одаренный голосомъ такимъ, который можно слышать за версту. Лисфранкъ тѣмъ только и привлекалъ на свои клиническія лекціи, что кричалъ во все горло, въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ, противъ всѣхъ своихъ товарищей по ремеслу.

„Ces per-r-roquets de la medicine“ (обезьяны медицины), раздавалось безпрестанно въ его аудиторіи, когда онъ говорилъ не о себѣ, а о другихъ. Ce brigand du bord le l'eau (береговой разбойникъ), это было прозваніе, данное имъ нѣкогда Дюпитрену. Ce chirurgien menuisier—это былъ Ру; Velpeau назывался на языкѣ Лисфранка vil-peau (подлая шкура) и т. п.

Не смотря на все это, Лисфранкъ былъ, дѣйствительно, замѣчательный хирургъ и клиницистъ своего времени, хотя и скрывавшій зачастую свои промахи и ошибки.

Что касается до Ру, данное ему Лисфранкомъ прозвище „столяра“ было, надо сознаться, весьма мѣтко. Огромная, полувѣковая опытность не сообщала знаменитому оператору никакого строго-научнаго авторитета.

Гораздо выше стояла въ то время научная дѣятельность французскихъ діагностовъ и клиницистовъ по внутреннимъ болѣзнямъ: Андраль, Луи, Шомель, Рустенъ, Крювелье и даже, увлекавшійся до крайности, Бульо—были истинными представителями научной медицины того времени.

Всѣ privatissima, взятыя мною у парижскихъ спеціалистовъ, не стоили выѣденнаго яйца и я понапрасну только потерялъ мои луидоры.

Лица, дававшія privatissima, большею частію agrégés (адъюнктъ-профессора), не имѣли никакого права на доставленіе своимъ слушателямъ разныхъ демонстративныхъ пособій—труповъ, препаратовъ, клиническихъ случаевъ, и всѣ лекціи ихъ заключались въ одномъ говореньи или нелѣпыхъ упражненіяхъ на ка-

комъ нибудь импровизирующемъ фантомѣ, какъ напримѣръ у литотритера Labut, на сухомъ бычачьемъ пузырѣ, со вложеннымъ въ немъ кускомъ мѣла; а одинъ изъ этихъ господъ (m-r Beaux) ухитрился читать мнѣ свое privatissimum о стетоскопіи у себя на квартирѣ, предъ пылающимъ каминомъ. Я не докончилъ слушанія ни одного privatissimum и не имѣлъ терпѣнія выдержать болѣе половины назначеннаго числа лекцій.

Мои занятія въ Парижѣ состояли исключительно въ посѣщеніи госпиталей, анатомическаго театра и бойни для вивисекцій надъ больными животными (лошадьми).

Это былъ единственный privatissimum Амюсса съ демонстраціями на живыхъ животныхъ. Но самъ Амюсса рѣдко являлся на живодерню. И вотъ, чтобы воспользоваться рѣдкимъ у насъ случаемъ вивисекцій на больныхъ животныхъ, я и нѣсколько молодыхъ американскихъ врачей устроили между собою маленькое общество съ тѣмъ, чтобы производить вивисекціи въ живодернѣ на общій счетъ.

Тутъ я имѣлъ случай, въ первый разъ въ жизни, присмотрѣться къ разнымъ, для насъ невѣдомымъ и чуждымъ, свойствамъ американцевъ.

Ѣдемъ мы, напримѣръ, вмѣстѣ на живодерню, мимо какой нибудь мясной лавки. „Стой!" кричатъ извощику американцы, и выскакиваютъ смотрѣть на сегодняшнюю таксу на мясо, начинаютъ торговаться, спорить съ мясникомъ. Пріѣхали мы на бойню, начинается споръ изъ-за таксы съ извощикомъ, и мнѣ никакъ не позволялось уплатить что нибудь лишнее, лишь бы отдѣлаться поскорѣе отъ извощика.

А вотъ, однажды, такъ и со мной заводитъ исторію одинъ американецъ изъ-за кроваваго пятна, которое я нечаянно сдѣлалъ на рукавѣ его байковаго пиджака. Едва я могъ укротить, взбѣшеннаго моею неосторожностію, янки, клянясь ему, что не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія его оскорбить или причинить ему изъянъ, и готовъ тотчасъ же вознаградить его за причиненный ему убытокъ,—такъ называю я кровавое пятно на рукавѣ поношеннаго, темно-бураго байковаго пиджака.

Кромѣ Парижа, я дѣлалъ нѣсколько разъ экскурсіи изъ Дерпта въ Москву (3 раза), Ригу и Ревель.

Побывавъ въ Москвѣ, я имѣлъ случай сравнить мое дерптское житье-бытье съ житьемъ въ Москвѣ старыхъ товарищей.

Разумѣется, всего болѣе интересовала меня жизнь моего прежняго товарища по хирургіи, Иноземцева, тѣмъ болѣе, что ему суждено было занять назначенное для меня мѣсто. Оказалось, что Иноземцевъ пошелъ въ гору по практикѣ и дѣлался однимъ изъ первыхъ врачей-практиковъ Бѣлокаменной. Разсказывали потомъ, что онъ учредилъ у себя на Никитской (гдѣ онъ жилъ) товарищество изъ молодыхъ врачей, раздѣлявшихъ съ нимъ практику въ городѣ; а по случаю этого товарищества сказывали, какъ относилась къ нему публика Гостиннаго двора и Охотнаго ряда. Одинъ гостинодворецъ, повѣствовали мнѣ, страдавшій весьма упорною язвою на ногѣ, обратился въ клинику профессора Овера, который и отнесся съ вопросомъ къ больному, гдѣ онъ до сихъ поръ и какъ лечился, на что и получилъ весьма характерный отвѣтъ:

— „Да были у меня разъ нѣсколько молодцовъ съ Никитской, а потомъ и хозяинъ самъ былъ".

Иноземцевъ не былъ научно раціональный врачъ въ современномъ значеніи, хотя онъ и постоянно толковалъ о раціонализмѣ, мыслящихъ врачахъ и т. п.

Но Иноземцевъ отъ природы былъ хорошій практикъ, имѣлъ тактъ, снаровку и смекалку. Иноземцевъ былъ терапевтическій діагностъ; я послѣ когда нибудь скажу что̀ подъ этимъ названіемъ разумѣю я.

Особливо одинъ, дѣйствительно, замѣчательный случай возвысилъ Иноземцева въ медицинскомъ практическомъ мірѣ. Это было всѣмъ извѣстное лицо, прошедшее чрезъ руки всѣхъ петербургскихъ и большей части московскихъ врачей. Больной страдалъ кровавою рвотою съ болями подъ ложечкою и слабостью.

Профессоръ Бушъ и другіе врачи въ Петербургѣ считали болѣзнь за ракъ желудка. Иноземцевъ узналъ изъ тщательнаго анализа, что больной страдалъ прежде болями и припухлостію большого пальца ноги, принялъ болѣзнь за arthritis, поставилъ мушку на большой палецъ ноги, прежде болѣвшій, и хроническая рвота прекратилась; больной выздоровѣлъ.

Второй случай, доказавшій способность Иноземцева находить

правильныя показанія къ употребленію того или другого способа леченія, встрѣтился у него въ клиникѣ и описанъ былъ въ нѣкоторыхъ журналахъ.

Это былъ громадный медулярный саркомъ глаза, постепенно атрофировавшійся при употребленіи амигдалина (?) (внутрь) въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Гипсовый отлѣпокъ съ этого больного я видѣлъ при посѣщеніи мною клиники Иноземцева.

Въ первое время своей профессуры въ Москвѣ, Иноземцевъ не былъ счастливъ. Спустя два года послѣ занятія этой каѳедры, Иноземцевъ проѣзжалъ за границу, черезъ Петербургъ, гдѣ мы и встрѣтились; онъ до такой степени показался мнѣ тогда жалкимъ и убитымъ, что я искренно пожалѣлъ о немъ, хотя въ глубинѣ души невольно думалось: „вотъ, ништо тебѣ, это за то, что отбилъ мѣсто и пошелъ не на свое!“

Право, мнѣ казалось тогда, что Иноземцевъ былъ не въ своемъ умѣ, до того странны были его разсказы о причиняемыхъ ему каверзахъ; оперированные у него умирали въ клиникѣ отъ того, что ассистенты нарочно портили раны и отравляли больныхъ и т. п. Потомъ вся эта мономанія прошла безслѣдно, но онъ остался такимъ, какимъ и прежде былъ,—фанатикомъ разныхъ предположеній, и этотъ-то фанатизмъ онъ и считалъ медицинскимъ раціонализмомъ. Этотъ фанатическій раціонализмъ и заставилъ Иноземцева быть періодическимъ приверженцемъ различнѣйшихъ способовъ леченія. Одно время онъ восторженно превозносилъ lapis haemostriticus противъ всѣхъ возможныхъ кровотеченій; а другое время— amygdalin (?) дѣлался панацеею противъ раковъ; а во время холеры нашлись капли, извѣстныя и до сихъ поръ подъ именемъ „иноземцевскихъ“, которыми онъ, по его мнѣнію, спасалъ всѣхъ больныхъ отъ холеры, если только успѣвалъ во время захватить болѣзнь.

Этими знаменитыми каплями снабдилъ онъ и меня при нашемъ послѣднемъ свиданіи въ Москвѣ въ 1854 г.

Я заѣхалъ тогда къ Иноземцеву проѣздомъ чрезъ Москву въ Севастополь; обѣдалъ у него, послѣ обѣда почувствовалъ схватки въ животѣ, вслѣдствіе чего и получилъ на дорогу драгоцѣнную панацею съ наставленіемъ какъ ее употреблять противъ холеры. Иноземцева съ тѣхъ поръ я не видалъ уже болѣе ни разу, а

бутылку съ его каплями привезъ нетронутою изъ подъ стѣнъ Севастополя.

Однажды, въ бытность мою въ Москвѣ, товарищи посовѣтовали мнѣ сдѣлать визитъ попечителю Строгонову, увѣривъ меня, что это будетъ ему очень пріятно. Я рѣшился, но Строгоновъ принялъ меня, профессора другого университета, такъ, какъ будто онъ стоялъ предо мною на высотѣ трона; стоя, не пригласивъ сѣсть,—за что я и самъ сталъ на дыбы, отвѣчалъ отрывисто, прекратилъ разговоръ почти на серединѣ, раскланялся и ушелъ.

Нашъ дерптскій Крафтштремъ, хотя и неотесанный фронтовикъ, не пріучилъ насъ къ такому пріему.

О моихъ ежегодныхъ экскурсіяхъ въ вакаціонное время въ Ригу и Ревель я долженъ упомянуть, что онѣ оставили у меня много разнаго рода воспоминаній. Одинъ изъ моихъ пріятелей называлъ эти экспедиціи, по множеству проливавшейся въ нихъ крови, чингисханскими нашествіями. Но оставшіяся у меня воспоминанія вовсе не кровавыя; кровавыя помѣщались въ хирургическихъ анналахъ,—а тихія и пріятныя.

Впрочемъ, поѣздка въ Ригу могла бы сдѣлаться памятною на цѣлую жизнь; но тихою ли и пріятною, это одному Богу извѣстно.

Дѣло въ томъ, что въ Ригѣ, въ 1837 году, я чуть было не сдѣлалъ предложенія одной дѣвушкѣ, вовсе еще не расположенный такъ рано жениться. Тотчасъ, по пріѣздѣ въ Ригу, я познакомился съ семействомъ главнаго доктора военнаго госпиталя (родомъ серба). Семейство его состояло изъ жены доктора, очень умной и образованной нѣмки, и 3 дочерей.

Однажды, подгулявъ за обѣдомъ, данномъ мнѣ рижскими врачами, мы съ главнымъ докторомъ отправились къ нему въ госпиталь; расположенный послѣ шампанскаго къ болтовнѣ, я вдругъ задаю моему спутнику вопросъ: какъ онъ думаетъ, хорошо ли я поступлю, сдѣлавъ предложеніе одной мнѣ знакомой и ему извѣстной барышнѣ?

Конечно, онъ не могъ не замѣтить о комъ шла рѣчь. Но отвѣчалъ весьма уклончиво, въ такомъ родѣ, что молъ какъ, чрезъ годъ, когда вы опять сюда пріѣдете, будетъ удобнѣе.

Я прикусилъ языкъ и тотчасъ же перемѣнилъ разговоръ.

Съ той минуты не было и помину о предложеніи.

На другой годъ, проѣзжая черезъ Ригу въ Парижъ, я сдѣлалъ визитъ этому семейству и отецъ, старый докторъ, замѣтно употреблялъ разные маневры, чтобы снова возбудить во мнѣ охоту сдѣлать предложеніе. Но было поздно; я притворился, что ничего не замѣчаю, отобѣдалъ, распростился и уѣхалъ. Богъ знаетъ, кто изъ насъ двоихъ былъ глупѣе: отецъ невѣсты или я.

Мои лѣтнія экспедиціи въ Ревель продолжались и тогда, когда я переѣхалъ изъ Дерпта въ Петербургъ. Я любилъ Ревель; въ немъ и послѣ Дерпта, и послѣ Петербурга я отдыхалъ и тѣломъ и душою.

Я цѣлые 30 лѣтъ, не пропуская почти ни одного года, купался въ морѣ (прежде въ Балтійскомъ, потомъ въ Черномъ и, наконецъ, въ Средиземномъ) и чувствовалъ себя всегда укрѣпленнымъ и поздоровѣвшимъ послѣ купаній; только въ Соренто, около Неаполя, морскія купанья подѣйствовали на меня не ладно и взволновали мой кишечный катарръ, можетъ быть и отъ того, что они были соединены съ непривычнымъ режимомъ (горячительнымъ виномъ, пищею на прованскомъ маслѣ съ разными итальянскими приправами).

Но, кромѣ купаній, Ревель оставилъ во мнѣ пріятныя воспоминанія на цѣлую жизнь тѣмъ, что я проводилъ въ немъ время и какъ женихъ съ невѣстою, при первой моей женитьбѣ, и съ молодою женою и дѣтьми, послѣ моего второго брака.

Въ Ревелѣ жило семейство моего хорошаго пріятеля по университету, д-ра Эренбуша. Мы проводили пріятно время вмѣстѣ въ его загородномъ домѣ (въ Екатериненталѣ); въ Ревелѣ знакомился я ежегодно съ интересными личностями, пріѣзжавшими изъ Петербурга.

Такъ, однажды, я познакомился въ Ревелѣ съ графиней Растопчиною (поэтомъ) и у ней же узналъ князя Вяземскаго и Толстого.

Это былъ весьма замѣчательный годъ наплывомъ разныхъ знаменитостей изъ Петербурга; между прочими, одного богача-откупщика, страшно безобразнаго, съ какимъ-то жирнымъ, лосня-

щимся, отвратительнымъ лицомъ, и г-на Ш......, директора или инспектора одного изъ военныхъ учебныхъ заведенiй и любимца Ростовцева, также прiѣзжавшаго въ тотъ годъ въ Ревель.

Растопчина весьма изумила меня своею привычкою жевать бумагу. Передъ нею на столѣ ставилась всегда коробка съ длинными полосками тонкой почтовой бумаги, и графиня, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняясь, постоянно несла одну бумажку въ ротъ, вслѣдъ за другою. Мы разговорились за столомъ объ этой оригинальной страсти жевать бумагу и каждый сталъ предлагать средства противъ этой страсти.

— Я вамъ скажу самое вѣрное, замѣтилъ Толстой, попросите откупщика N N, чтобы онъ вашею бумагою вытеръ себѣ лицо, и я увѣренъ, что тотчасъ же отвыкнете жевать ее.

Ш...... съ откупщикомъ не ладили; послѣ объяснилась причина: и Ш......, и откупщикъ были очень уродливы. И тотъ, и другой, взятые вмѣстѣ, составили бы одного порядочнаго Квазимоду.

Уроженецъ Кавказа Ш...... усвоилъ себѣ тамъ нѣжное обращенiе съ мальчиками и потому не любилъ женскаго пола. Откупщикъ, напротивъ, какъ телецъ упитанный, живущiй себѣ въ сласть, постоянно болталъ о женскомъ полѣ и позволялъ себѣ всякаго рода сальности. Ему не могло не казаться страннымъ это отвращенiе отъ женщинъ, и онъ вѣрно догадывался о причинѣ. Съ другой стороны и Ш...... была не по нутру догадливость откупщика.

Могъ ли я, находясь ежедневно въ обществѣ этихъ двухъ господъ и проводя съ Ш....... цѣлые часы въ прогулкахъ, подозрѣвать, что этотъ умный, талантливый и весьма образованный уродъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ уличенъ въ самомъ безнравственномъ уголовномъ преступленiи.

Любимецъ Ростовцева, любимецъ вел. кн. Михаила Павловича, Ш...... въ одно прекрасное утро попался au flagrant délit и былъ уличенъ своими питомцами въ половыхъ сношенiяхъ съ ними, систематически имъ организованными. Итакъ родители будущихъ сыновъ Марса узнали въ одно прекрасное утро, что архипедагогъ учебныхъ заведенiй, фаворитъ великихъ

міра сего, посвящалъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, цѣлыя поколѣнія своихъ питомцевъ въ мистеріи греческой любви.

И какъ обворожителенъ, остроуменъ, любезенъ онъ былъ въ обществѣ, только не дамъ; о чемъ вамъ угодно, о всѣхъ возвышенныхъ предметахъ говорилъ умно, отчетливо и горячо этотъ замѣчательный рахитикъ. У Ш......, кромѣ искривленія колѣнъ, и голова, и позвоночный столбъ носили на себѣ явные слѣды англійской болѣзни.

Дѣло Ш....., надѣлавшее столь много шума, вскорѣ заглохло....

При Николаѣ Павловичѣ не любили долго распространяться о скандалахъ, съ участіемъ лицъ отъ правительства. Я долго послѣ этой исторіи вспоминалъ загадочныя циническія усмѣшки и подмигиванія откупщика при взглядѣ на Ш......, такъ злившія его въ Ревелѣ.

Говоря о моихъ знакомствахъ въ Ревелѣ, я забѣгаю впередъ и кстати уже говорю и о тѣхъ, которыя я дѣлалъ потомъ, пріѣзжая въ Ревель изъ Петербурга. Къ такимъ я отношу одно интересное знакомство съ семействомъ Моллера и Глазенапа.

Федоръ Моллеръ (сынъ бывшаго морскаго министра), сначала военный (адъютантъ Паскевича), потомъ художникъ (живописецъ), замѣчателенъ былъ для меня тѣмъ, что правая рука, владѣвшая такъ прекрасно кистью, была поражена давно костянымъ наростомъ (osteide), занявшимъ все запястье и всю пясть этой руки. Сверхъ этого, Моллеръ, впрочемъ, крѣпкій на видъ, здоровый и красивый мущина, пріѣхавъ изъ Италіи на сѣверъ, схватилъ сильную невральгію сѣдалищнаго нерва (Ischias); я помогъ ему холодными душами, послѣ того какъ онъ перепробовалъ безъ пользы множество другихъ средствъ.

При этомъ-то случаѣ я познакомился и съ сестрою Моллера, Эмиліею Амосовною Глазенапъ. Въ этотъ годъ скончался старикъ Моллеръ, министръ,—и Эмилія Амосовна, очень любившая отца, впала въ нервно-истерическое состояніе, заставлявшее ее поминутно, безъ всякой видимой причины, плакать; сверхъ этого, это была особа отъ роду необыкновенно впечатлительная и притомъ увлекающаяся до нельзя и разсѣянная. Примѣры ея увлеченій и разсѣянности встрѣчались на каждомъ шагу. То вдругъ, при самомъ обыкновенномъ разговорѣ, она вскакивала и вскри-

кивала: нѣтъ, нѣтъ, c'est impossible, c'est plus qu'impossible, то восхищалась также неожиданно какимъ нибудь выраженіемъ.

Э. А. Глазенапъ страстно любила музыку, сама играла и пѣла, но въ пѣніе она вкладывала, увлекаясь, столько чувства, что искусство ея казалось для посторонняго человѣка чѣмъ-то напускнымъ, неестественнымъ, пересоленнымъ.

Такъ во всемъ. Братъ ея мнѣ разсказывалъ, что Эмилія Амосовна, однажды, на большомъ домашнемъ концертѣ, стоя за стуломъ піяниста, до того увлеклась гармоніею, что, забывшись, начала пальцами водить по головѣ артиста, потомъ зацѣпилась чѣмъ-то за длинные его волосы и къ ужасу всѣхъ присутствующихъ обнажила его плѣшивую голову. Приподнятый съ головы парикъ висѣлъ на крючкѣ платья Эмиліи Амосовны.

Прибывъ вмѣстѣ съ больнымъ еще братомъ въ Ревель, Эмилія Амосовна хотѣла и полечить себя отъ несносной истерической тоски; мужъ, капитанъ-лейтенантъ Богданъ Александровичъ Глазенапъ, былъ гдѣ-то при флотѣ за границею. Я ей посовѣтовалъ морскія купанья и, какъ можно болѣе, движенія на чистомъ воздухѣ. А между пріѣзжими я считался знатокомъ по части ревельскихъ прогулокъ, и дѣйствительно я исходилъ пѣшкомъ всѣ ближнія окрестности и зналъ всѣ хотя сколько нибудь живописныя мѣста. Такимъ образомъ мы и составляли ежедневно trio (Е. А. Глазенапъ, Федоръ Моллеръ и я) для прогулокъ за городомъ. Къ намъ присоединялся иногда и докторъ Н. Ф. Здекауеръ.

Прогулки приносили очевидную пользу, истерическіе припадки и грустное настроеніе духа прошли, а между тѣмъ, ревельскіе и петербургскіе сплетники и сплетницы подсмѣивались надъ нашими прогулками, называя ихъ, въ насмѣшку, ботаническими экскурсіями доктора Пирогова и m-me Глазенапъ. Это глупое хихиканье дошло и до Двора. Въ то время проѣзжала чрезъ Ревель одна изъ княгинь; встрѣтивъ Богдана Александровича на пароходѣ, она обратилась съ усмѣшкою къ нему и спрашивала: слышалъ-ли онъ, что его жена занимается ботаническими экскурсіями съ докторомъ Пироговымъ? Хорошо, что Богданъ Александровичъ зналъ отлично

нравы и обычаи жены и потому, нисколько не сконфузясь, отвѣчалъ какою-то шуткою.

Семейство Глазенапъ (мужъ и жена) оставались долго нашими добрыми пріятелями все время, пока мы жили въ Петербургѣ; потомъ пространство раздѣлило насъ. Архангельскъ (гдѣ Глазенапъ былъ губернаторомъ) и Одесса или Кіевъ (гдѣ я былъ попечителемъ, потомъ Германія, гдѣ я жилъ четыре года), Николаевъ, гдѣ Глазенапъ былъ военнымъ губернаторомъ; наконецъ, Подольская губернія (мое имѣніе) и Петербургъ, гдѣ Глазенапъ и теперь еще (октябрь 1881 г.) служитъ, — это все такая даль, такія разстоянія, что давно уже, лѣтъ 15, мы не видались.

Въ Ревелѣ же, наконецъ, возобновилъ я старое знакомство съ моимъ товарищемъ по Берлину и, вмѣстѣ съ нимъ, завелъ новое съ лицомъ, не менѣе интереснымъ, какъ и мой старый товарищъ, но крайне подозрительнымъ.

Какъ-то нечаянно я встрѣчаю въ морскихъ купальняхъ знакомое лицо; всматриваюсь и узнаю, что это Н. Ив. Крыловъ, профессоръ римскаго права въ московскомъ университетѣ.

— „Ба, ба, ба! ты зачѣмъ здѣсь очутился?“ спрашиваю я его.

— Да, вотъ, проѣздомъ изъ Петербурга, хочу попробовать выкупаться въ морѣ. Я, чай, вода-то тутъ у васъ холодная, прехолодная? А (эта частица „а“ прибавлялась Крыловымъ къ каждому періоду), а, вотъ, рекомендую моего друга, главнаго врача при морскихъ купальняхъ и ваннахъ, доктора Эренбуша. Познакомтесь, господа, мой старый товарищъ профессоръ Крыловъ.

— „Очень рады“.

— „Ну, что, Эренбушъ, сегодня вода въ морѣ, спросилъ я подмигнувъ Эренбушу, холодна?“

— „О, нѣтъ! отвѣчаетъ Эренбушъ, очень пріятная, въ самую пору“.

Мы раздѣваемся и идемъ купаться. Первый входитъ въ воду Крыловъ, но какъ только окунулся, такъ сейчасъ же благимъ матомъ назадъ; трясясь, какъ осиновый листъ, посинѣвъ, Крыловъ бѣжитъ изъ воды, крича дрожащимъ голосомъ:

— Подлецы, нѣмцы!

Мы хохотали до упаду при этой суетѣ. Это было такъ по русски, и именно по московски: „нѣмцы подлецы". Зачѣмъ вода холодна—нѣмцы подлецы, жиды подлецы, всѣ подлецы, потому что я глупъ, потому что я неостороженъ и легковѣренъ.

Потѣха продолжалась цѣлый день потомъ.

Съ Крыловымъ нельзя было не смѣяться. Онъ сталъ разсказывать намъ свое похожденіе съ генераломъ Дубельтомъ. Крыловъ былъ цензоромъ, и пришлось имъ въ этотъ годъ цензировать какой-то романъ, надѣлавшій много шума. Романъ былъ запрещенъ главнымъ управленіемъ цензуры, а Крыловъ вызванъ къ петербургскому шефу жандармовъ, Орлову. Вотъ объ этомъ-то дѣлѣ и надо было подсунуть представленіе. Крыловъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, разумѣется, въ самомъ мрачномъ настроеніи духа и является прежде всего къ Дубельту, а затѣмъ, вмѣстѣ съ Дубельтомъ, отправляются къ Орлову. Время было сырое, холодное, мрачное.

— Проѣзжая по Исакіевской площади, мимо монумента Петра Великаго, Дубельтъ, закутанный въ шинель и прижавшись къ углу коляски, какъ будто про себя, — такъ разсказывалъ Крыловъ — говоритъ:

— „Вотъ бы кого надо было высѣчь, это Петра Великаго, за его глупую выходку: Петербургъ построить на болотѣ".

Крыловъ слушаетъ и думаетъ про себя: „понимаю, понимаю, любезный, не надуешь нашего брата, ничего не отвѣчу".

И еще не разъ пробовалъ Дубельтъ по дорогѣ возобновить разговоръ, но Крыловъ оставался нѣмъ, яко рыба. Пріѣзжаютъ, наконецъ, къ Орлову. Пріемъ очень любезный.

Дубельтъ, повертѣвшись нѣсколько, оставляетъ Крылова съ глазу на глазъ съ Орловымъ.

— „Извините, г. Крыловъ, говоритъ шефъ жандармовъ, что мы васъ побезпокоили почти понапрасну. Садитесь, сдѣлайте одолженіе, поговоримъ".

— А я,—повѣствовалъ намъ Крыловъ,—стою ни живъ, ни мертвъ, и думаю себѣ: что тутъ дѣлать: не сѣсть—нельзя, коли приглашаетъ, а сядь у шефа жандармовъ, такъ, пожалуй, еще и высѣченъ будешь. Наконецъ, дѣлать нечего, Орловъ снова приглашаетъ и указываетъ на стоящее возлѣ него кресло.

— „Вотъ я, разсказывалъ Крыловъ, потихоньку и осторожно сажусь себѣ на самый краюшекъ кресла. Вся душа ушла въ пятки. Вотъ, вотъ, такъ и жду, что у меня подъ сидѣньемъ подушка опустится и—извѣстно что... И Орловъ вѣрно замѣтилъ, слегка улыбается и увѣряетъ, что я могу быть совершенно спокоенъ, что въ цензурномъ промахѣ виноватъ не я. Что ужъ онъ мнѣ тамъ говорилъ, я отъ страха и трепета забылъ. Слава Богу, однако же, дѣло тѣмъ и кончилось. Чортъ съ нимъ, съ цензорствомъ,—это не жизнь, а адъ".

Въ этотъ же день познакомилъ насъ мой пріятель Эренбушъ и еще съ двумя личностями, оставшимися у меня въ памяти. Почему?

Одна изъ этихъ личностей, германскаго происхожденія, обязана горошинѣ тѣмъ, что я ее еще помню, хотя другіе, болѣе меня интересующіеся классицизмомъ и царедворствомъ, вспоминаютъ о профессорѣ д-рѣ Гриммѣ, по его, нѣкогда весьма извѣстной у насъ, учебно-придворной дѣятельности. Гриммъ былъ учителемъ вел. кн. Константина Николаевича, а потомъ и наслѣдника в. кн. Николая Александровича; этотъ знатокъ древнихъ языковъ и біографъ покойной императрицы Александры Ѳеодоровны, глухой на одно ухо отъ роду (какъ онъ самъ полагалъ), пріѣхавъ съ государынею въ Ревель, обратился къ доктору Эренбушу, боясь, чтобы не оглохнуть на другое ухо.

Но какъ же и Гриммъ, и всѣ мы были удивлены, когда, послѣ нѣсколькихъ спринцовокъ теплою водою, изъ глухого отъ роду уха выскочила горошина. А съ появленіемъ горошины на свѣтъ Гриммъ тотчасъ же вспомнилъ, какъ онъ, еще неразумный ребенокъ, играя въ горохъ, засадилъ себѣ одну горошину въ ухо.

Другая личность, такъ же болѣе или менѣе патологическая, только въ другомъ родѣ, былъ графъ Гуровскій, присланный въ Ревель изъ С.-Петербурга по распоряженію шефа жандармовъ, чего мы, однако же, тогда еще не знали. Гуровскій съ жадностію, можно сказать, принялъ знакомство съ нами, и частію на французскомъ, частію на ломаномъ русскомъ языкѣ, затянулъ съ нами нескончаемую канитель о могуществѣ Россіи, ея богат-

ствахъ, открытыхъ соплеменникомъ Гуровскаго, Тенгоборскимъ и т. п.

При этомъ онъ утверждалъ, что правительство наше не должно допускать слишкомъ интимнаго сближенія русской молодежи съ польскою. Были случаи, впослѣдствіи напомнившіе мнѣ это правило Гуровскаго.

Послѣ діарреи словъ, продолжавшейся нѣсколько часовъ сряду, мы разошлись, и первое, что мнѣ и Крылову пришло въ голову, что съ Гуровскимъ намъ надо быть осторожными. Одно только насъ озадачило, какъ полякъ Гуровскій, замѣшанный въ революціонной пропагандѣ, могъ сдѣлаться нашимъ русскимъ пресмыкающимся.

Впослѣдствіи это объяснилось; Гуровскій имѣлъ родственницу, чуть-ли не сестру, замужемъ за шталмейстеромъ Фридрихсомъ, очень приближенную къ государынѣ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и очень ею любимую.

Ревель, вмѣсто или подъ видомъ ссылки, послужилъ Гуровскому мѣстомъ службы, да еще какой,—основанной на обширной довѣренности къ вѣрноподданническимъ чувствамъ и патріотизму служащаго. Гуровскій, по-свойски, по польски, позволялъ себѣ иногда зазнаваться.

Мнѣ, напримѣръ, и Крылову онъ прямо объявилъ, что писалъ уже о насъ, куда слѣдуетъ, въ Петербургъ и очень радъ былъ найти въ насъ людей вполнѣ благонадежныхъ.

„Вотъ, шельма-то“, думаю я, „едва только самъ съ висѣлицы сорвался, а беретъ уже на себя смѣлость быть судьею другихъ, ничѣмъ не провинившихся предъ правительствомъ“.

И что же? Къ моему удивленію, Гуровскій получилъ предлинное посланіе отъ одного изъ главныхъ рептилій, въ которомъ, сверхъ благодарности Гуровскому, заключались еще отеческія наставленія разнаго рода. Письмо это Гуровскій показывалъ и не оставалось никакого сомнѣнія у меня, что кривой, никогда не скидающій своихъ синихъ очковъ, польскій аристократъ-революціонеръ (впослѣдствіи родственникъ, если не ошибаюсь, испанской королевской фамиліи) принадлежалъ, по волѣ судебъ, къ классу пресмыкающихся нашего обширнаго государства.

А графъ Гуровскій покончилъ свое пребываніе въ Ревелѣ тѣмъ, что набралъ разныхъ вещей въ лавкахъ, за поручительствомъ Эренбуша, и въ одно прекрасное утро безъ вѣсти исчезъ.

Потомъ, какъ слышно было, этотъ высокорожденный авантюристъ и рептиль появился въ Испаніи.

Въ мою послѣднюю экскурсію въ Ревель, я вдругъ занемогъ тогда непонятною еще для меня болѣзнію.

Однажды, сидя за обѣдомъ въ Екатериненталѣ, я вдругъ почувствовалъ какую-то страшную, никогда не бывалую, боль въ лѣвой чревной области. Сначала это была скорѣе какая-то неловкость при движеніи всего тѣла, чѣмъ боль; но потомъ непріятное чувство дѣлалось все сильнѣе и сильнѣе и превратилось въ нестерпимую боль, не позволявшую мнѣ разогнуться; кое-какъ я всталъ изъ-за стола и, въ сопровожденіи Эренбуша, поѣхалъ къ нему на квартиру; по дорогѣ мы заѣхали въ заведеніе ваннъ, поставили мнѣ сухія банки и положили на больное мѣсто горячіе компрессы.

На квартирѣ у Эренбуша я почувствовалъ тошноту, потомъ и рвоту; принялъ рицинное масло, положилъ теплую припарку, заснулъ и всталъ совершенно здоровый.

Но по пріѣздѣ въ Дерптъ боль по временамъ стала навѣщать меня и не давала мнѣ покоя тѣмъ, что я никогда не могъ быть увѣренъ, что не почувствую внезапно боли и не буду принужденъ бѣжать домой. Это мѣшало моимъ занятіямъ мѣсяца два и болѣе, пока я не слегъ отъ слабости.

Однажды ночью я просыпаюсь и чувствую, что боль прошла и въ то же самое время показался corpus delicti, чрезвычайно острый, величиною съ ячменное зерно, почечный камушекъ и, какъ показалъ анализъ, чистый оксалатъ.

Образованіе его я приписалъ тогда постоянному употребленію сквернѣйшаго поддѣльнаго французскаго вина. Воды эмбахской я не переносилъ, колодезная разстраивала также мой желудокъ, къ пиву я никогда не могъ привыкнуть, и поневолѣ пилъ прокислое, дешевое вино.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ моего выздоровленія, какъ началась другая напасть: это мой прежній кишечный катарръ, уже нѣсколько лѣтъ оставившій меня въ покоѣ.

Отъ того-ли, что я, опасаясь вина, началъ опять пить воду, или же отъ паталогической связи страданій двухъ органовъ,—почекъ и кишечнаго канала,—только никогда еще (разстройство желудка) не обнаруживалось у меня съ такою силою и упорствомъ какъ послѣ страданія почекъ.... Я пересталъ лечиться и держать діэту.

Н. И. Пироговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Къ Запискамъ Н. И. Пирогова.

Въ одной изъ главъ этихъ драгоцѣнныхъ посмертныхъ записокъ незабвеннаго Н. И. Пирогова, напечатанныхъ въ февральской книгѣ „Русской Старины"—авторъ вспоминаетъ моего отца, весьма извѣстнаго въ свое время акушера. При этомъ, вѣроятно, по неразборчивости рукописи Н. И. Пирогова фамилія моего отца означена Карпинскій, между тѣмъ должно читать Карпитскій, каковую ошибку я и прошу исправить.

Ю. П. Карпитскій.

Г. Плоцкъ.
28-го марта 1885 г.

ЗАПИСКИ К. К. МЕРДЕРА,

ВОСПИТАТЕЛЯ ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

1824—1834

(1829 г.) [1].

30-го мая. Четвергъ. Берлинъ. Сегодня г. Раухъ началъ лѣпить бюстъ великаго князя. Въ 10 час. е. выс., въ мундирѣ Прусскаго своего полка, ѣздилъ благодарить е. в. короля, потомъ явился своему корпусному командиру, принцу Вильгельму. Обѣдалъ за большимъ столомъ. Вечеромъ присутствовалъ на свадьбѣ ихъ выс., принца Вильгельма и принцессы Августы. Танцовалъ такъ называемый факельтанцъ и оставался до 11 часовъ на балѣ.

По принятому этикету, король, всѣ принцессы и принцы королевскаго дома нѣкоторое время играютъ въ карты. Александру Николаевичу пришлось быть въ партіи съ наслѣднымъ принцемъ Мекленбургскимъ; играли въ мушку; великій князь, не зная не только игры, но даже и картъ, принялъ намѣреніе во все время пассовать.

31-го мая. Пятница. Берлинъ. Отъ 7 до 9 ч. г. Раухъ лѣпилъ бюстъ съ е. выс. Послѣ 10 час. утра великій князь со мною и въ сопровожденіи г. Редерна выѣхалъ за Бранденбургскія ворота; тутъ сѣли верхомъ на приготовленныхъ лошадей и поскакали къ 3-му уланскому полку, находившемуся выстроеннымъ на плацу, на правой сторонѣ дороги находящемся. Вслѣдъ за нами прибылъ е. в. король и государь императоръ. Король представилъ полку новаго шефа, который послѣ сего принялъ командованіе полкомъ и проходилъ съ онымъ мимо ихъ вел. церемоніальнымъ маршемъ, подскакалъ съ необыкновенною

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1885 г., т. XLV, февраль, стр. 339—364; мартъ, стр. 527—554; т. XLVI, апрѣль, стр. 87—106.

ловкостью и салютовалъ. Послѣ церемоніальнаго марша произведены были полкомъ нѣкоторыя построенія по командѣ полкового командира, почтеннаго полковника Крахта; всѣ движенія производились съ неимовѣрною точностью и быстротою, чего никакъ невозможно ожидать отъ людей, не болѣе двухъ лѣтъ въ службѣ состоящихъ; чего не сдѣлаетъ добрая воля и постоянное усердіе офицеровъ! Великій князь, по окончаніи смотра, велъ полкъ по городу отъ Тиргартена ко дворцу. Толпа народа его преслѣдовала, всѣ окна были усѣяны любопытными и на всѣхъ лицахъ изображалось удовольствіе. Штандарты были поставлены въ комнату къ великому князю. Въ 12 часовъ е. выс. великій князь поѣхалъ на обѣдъ къ новобрачнымъ, общество было блестящее и многочисленное. Великій князь сидѣлъ по лѣвую руку короля; съ милою веселостію, ему одному свойственною, отвѣчалъ онъ на вопросы, ему дѣлаемые, и не обнаруживалъ ни малѣйшей застѣнчивости. Замѣтивъ въ великомъ князѣ усталость, вернувшись въ свои комнаты, я уложилъ его спать. Вечеромъ были въ театрѣ, давали большую лирическую драму: Gnes von Hohenschtaufen, сочиненіе Раупаха, музыка Спонтини. Піеса не заслуживаетъ особеннаго вниманія, музыка также, но за то декораціи превосходны. Великій князь столько видѣлъ и слышалъ въ теченіи дня, что крайне радовался возможности успокоиться сномъ; легъ спать и тотчасъ же уснулъ.

1-го іюня. Суббота. Государь императоръ оставилъ Берлинъ въ 3 ч. ночи, передъ отъѣздомъ своимъ е. вел. навѣстилъ великаго князя и благословилъ его.

Послѣ сеанса, даннаго г. Рауху, Александръ Николаевичъ поѣхалъ съ государынею императрицею въ Шарлоттенбургъ, дабы навѣстить гробъ покойной королевы. Е. в. король прибылъ туда же и съ неизъяснимою ласкою показывалъ намъ свои внутренніе покои. На возвратномъ пути изъ Шарлоттенбурга навѣстилъ е. выс. великій князь графиню Бранденбургъ, милую, прелестную даму, воспитывавшуюся вмѣстѣ съ государынею императрицею. Трубачи 3-го уланскаго е. выс. полка приходили поздравлять своего шефа. Великій князь Александръ Николаевичъ обѣдалъ у е. в. короля съ цѣлымъ корпусомъ офицеровъ своего уланскаго полка. Вечеромъ былъ во французскомъ театрѣ, давали два пустыхъ водевиля, на которые великій князь не обращалъ никакого вниманія. Возвратясь изъ театра, великій князь ужиналъ у е. в. короля въ кругу семейства.

2-го іюня. Воскресенье. Гринебергъ. Въ 8 часовъ утра великій князь поѣхалъ къ е. в. королю проститься. Король, прощаясь съ

милымъ внукомъ своимъ, до чрезвычайности былъ растроганъ; нѣсколько разъ съ нѣжностью обнималъ его, изъявляя сожалѣніе, что пребываніе его было такъ кратковременно въ Берлинѣ. Великій князь горько плакалъ. Отслушавъ обѣдню въ греко-россійской церкви, устроенной въ одной изъ залъ дворца, великій князь простился съ ея вел. государынею императрицею, принцами и принцессами. Всѣ были растроганы, великій князь много плакалъ. Проѣзжая городъ, е. выс. Александръ Николаевичъ кланялся на всѣ стороны привѣтствовавшимъ его добрымъ жителямъ Берлина, коими всѣ проѣзжаемыя имъ улицы были усѣяны. Въ грустной задумчивости продолжали мы путь нашъ и припоминая въ мысляхъ всѣ пріятныя воспоминанія и ласки милыхъ родныхъ своихъ, великій князь имѣлъ новое доказательство милостиваго вниманія е. в. короля; близь Фридрихфельдена увидѣлъ онъ своего имени уланскій полкъ, выстроенный вдоль дороги, лицо великаго князя прояснилось. Я приказалъ коляскѣ ѣхать вдоль фронта, великій князь простился съ гг. офицерами и солдатами, просилъ полковника Крахта благодарить е. в. короля за милостивое къ нему вниманіе и доставленный случай видѣть сей прославившійся храбростью полкъ. Раздалось громогласное ура! и мы въ сладостныхъ воспоминаніяхъ о всѣхъ удовольствіяхъ Берлина благополучно прибыли въ Гринебергъ.

3-го іюня. Понедѣльникъ. Сибиленъ-Ортъ. Въ 7 часовъ утра оставили мы Гринебергъ, обѣдали въ мѣстечкѣ Любенъ и въ 10 часовъ вечера пріѣхали въ Сибиленъ-Ортъ. Великій князь крайне соболѣзновалъ о несчастіи, постигшемъ всѣ окрестности Бреславля. Такъ называемый Швейдинцервассеръ и самый Одеръ залили на нѣсколько миль поля, обѣщавшія трудолюбивымъ поселянамъ богатую жатву и тѣмъ причинили ужасное опустошеніе. Въ Сибиленъ-Ортѣ встрѣтили е. выс. дивизіонный генералъ Цитенъ, господинъ ландратъ Меркель и другіе чиновники; великій князь поблагодарилъ ихъ за оказанное ему вниманіе и удалился въ назначенныя для него комнаты, гдѣ, поужинавъ, легъ спать. Віельгорскій и Паткуль прибыли на почлегъ весьма поздно.

4-го іюня. Вторникъ. Антонинъ. Великій князь оставилъ Сибиленъ-Ортъ въ веселомъ расположеніи духа. Погода была прелестная, мы шли по обыкновенію нашему пѣшкомъ. Великій князь горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть любезныхъ хозяевъ Антонина. Не доѣзжая нѣсколько верстъ до Антонина, Александръ Николаевичъ увидѣлъ издали ѣдущаго къ нему на встрѣчу князя Радзивила и вскрикнулъ отъ радости. Свиданіе было самое пріятное; мы перешли въ коляску князя

и въ нѣсколько минутъ очутились въ кругу любезнаго и милаго семейства, осыпавшаго великаго князя сердечными ласками, на которые е. выс. отвѣчалъ съ свойственною ему милою дѣтскою любезностью.

Едва пыль была смыта и туалетъ приведенъ въ исправность, великій князь и его товарищи принялись играть въ кегли. Послѣ обѣда всѣ, въ сопровожденіи князя, ѣздили въ звѣринецъ, гдѣ видѣли множество оленей; возвратясь, удили рыбу, прыгали чрезъ ровъ, бѣгали— словомъ веселились какъ нельзя больше.

Вечеромъ великій князь написалъ письмо къ ея в. государынѣ императрицѣ. Непринужденность, милое со всѣми обращеніе великаго князя приноситъ мнѣ много удовольствія. Хозяева дома отъ него въ восхищеніи.

5-го іюня. Среда. Кутно. Позавтракавъ въ кругу почтеннаго семейства князя, мы распрощались и отправились въ дальнѣйшій путь. Въ Островѣ, на границѣ Пруссіи, великій князь простился съ генераломъ Редеромъ съ чувствомъ благодарности за всѣ оказанныя ему въ продолженіе пути услуги. Въ Калишѣ, согласно съ волею государя императора, объявленною намъ г. флигель-адъютантомъ Гауке, встрѣтившемъ насъ на границѣ Царства Польскаго, великій князь посѣтилъ кадетскій корпусъ, былъ въ дортуарахъ и въ классахъ и, наконецъ, обѣдалъ вмѣстѣ съ кадетами. Я весьма былъ доволенъ великимъ княземъ. Приличная осанка и чувство достоинства ни на минуту его не покидали; онъ все достойное вниманія разсматривалъ и наконецъ изъявилъ сожалѣніе, что не видѣлъ кадетъ въ классахъ. Въ Кутнѣ е. выс. провелъ ночь у добрыхъ и привѣтливыхъ хозяевъ г. Лещинскаго, въ комнатѣ, гдѣ ея вел. ночевать изволила.

6-го іюня. Четвергъ. Варшава. Изъ Ловичъ мы заѣхали осмотрѣть Аркадію. Великому князю мѣсто сіе не весьма понравилось.

— «Я воображалъ себѣ Аркадію гораздо лучше, нежели какъ она въ самомъ дѣлѣ, здѣсь ничего нѣтъ большого, все вмѣстѣ, какъ будто въ кабинетѣ антиковъ и рѣдкостей», сказалъ великій князь.

Всѣ присутствовавшіе удивились справедливому замѣчанію. Не буду описывать затѣй женщины, которая весь умъ истощила на то, чтобы произвесть милую бездѣлку.

Мы обѣдали въ саду подъ тѣнью густыхъ вязовъ и орѣшника у г. Янковскаго, здѣсь въ Аркадіи квартирующаго. За столомъ присутствовали гг. генералы Клицкій и Препендовскій и всѣ гг. офицеры конно-егерскаго полка. Въ 7 часовъ мы благополучно прибыли въ Варшаву и нашли е. в. совершенно здоровымъ. Исправивъ туалетъ,

навѣстили е. выс. Константина Павловича и ея выс. Марію Павловну. Желая дать успокоиться е. выс. Александру Николаевичу, я уложилъ его спать въ 9 часовъ.

7-го іюня. Пятница. Варшава. Въ 6 съ половиною часовъ утра великій князь былъ уже близь селенія Парижа (?), у коего стояли въ трехъ колоннахъ войска, вступившія въ лагерь въ числѣ 28,000 чел. пѣхоты и 84 орудій артиллеріи. Въ 7 часовъ государь императоръ объѣзжалъ колонны, Александръ Николаевичъ за нимъ слѣдовалъ и потомъ все время до 11 часовъ присутствовалъ при прохожденіи полковъ церемоніальнымъ маршемъ. Возвратясь домой, великій князь завтракалъ, потомъ читалъ. Замѣтивъ въ е. выс. усталость, я уговорилъ его лечь отдохнуть, онъ легъ и спалъ до 6 часовъ. Послѣ чего мы поѣхали въ Прагу, гдѣ гуляли пѣшкомъ. Возвратясь, навѣстили государя императора и получили приказаніе ѣхать въ обратный путь въ Петербургъ 11-го числа во вторникъ, что принесло великому князю много удовольствія.

8-го іюня. Суббота. Варшава. Назначенный парадъ и молебствіе по случаю дня возстановленія королевства польскаго были отказаны по причинѣ дождливой погоды. Великій князь занимался у г. Жилля до 9 часовъ правописаніемъ, потомъ читалъ путешествіе Бельзона въ Египетъ. Въ 9 часовъ пожелалъ добраго утра государю императору и, поигравъ до 10 часовъ, занимался съ г. Юрьевичемъ геометріею и ариѳметикою. Я былъ весьма доволенъ вниманіемъ великаго князя и его товарищей. Послѣ обѣда Александръ Николаевичъ и Віельгорскій рисовали внутренность своихъ комнатъ и оба весьма хорошо оныя изобразили. Вечеромъ мы ѣздили всѣ четверо верхами въ лагерь; возвратясь, навѣстили ея выс. княгиню Ловичъ, побесѣдовавъ съ ея выс. о прелестныхъ мѣстоположеніяхъ Варшавы и объ удовольствіи, которое великій князь ощущалъ, познакомясь съ родными. Отъ ея выс. великій князь поѣхалъ съ е. выс. Константиномъ Павловичемъ къ ея выс. великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, куда пожаловали государь императоръ, е. выс. Михаилъ Павловичъ и ея выс. княгиня Ловичъ.

9-го іюня. Воскресенье. Варшава. Въ 8 часовъ великій князь былъ съ государемъ императоромъ у обѣдни въ дворцовой церкви; въ 10 часовъ поѣхалъ на назначенное молебствіе и парадъ, которые были вчерашняго числа отказаны по случаю ненастной погоды. Возвратясь съ парада, великій князь читалъ и рисовалъ. Вечеръ провелъ у ея выс. Маріи Павловны.

10-го іюня. Понедѣльникъ. Варшава. Великій князь занимался съ г. Жиллемъ, потомъ съ г. Юрьевичемъ; вниманіе великаго князя было похвально. Въ 4 часа поѣхали въ Бельведеръ, гдѣ е. вел. изволилъ кушать, осмотрѣвъ садъ и откушавъ чай, возвратились домой. Въ 8 часовъ, одѣвшись, ѣздили прощаться къ ея выс. княгинѣ Ловичъ; вечеръ Александръ Николаевичъ провелъ у ея выс. Маріи Павловны. Прощаясь съ близкими сердцу родными, великій князь былъ крайне растроганъ.

11-го іюня. Вторникъ. Ломжа. Въ исходѣ седьмого часа великій князь простился съ его величествомъ и не могъ удержаться отъ слезъ. Государь императоръ изволилъ уѣхать на кавалерійское ученье, а мы, возвратясь къ себѣ, напились чаю и въ 8 часовъ оставили Варшаву. Въ мѣстечкѣ Рожанъ обѣдали. Въ 7 часовъ прибыли на ночлегъ въ г. Ломжу. Проѣхавъ Яблонку, мы вышли изъ коляски, дабы пройтиться пѣшкомъ; въ это время подошла къ намъ женщина и поднесла великому князю горшечекъ собранной ею земляники. Въ продолженіе всей дороги ничего особеннаго не случилось.

V.

На обратномъ пути въ Петербургъ.—Ковно.—Рига.—Осмотръ крѣпости и гавани въ Ревелѣ.—Станція Вайвара.—Возвращеніе въ Царское.—Дѣтскій праздникъ.—Экзаменъ.—Павловскій дворецъ.—Дачныя удовольствія.—Поведеніе за уроками.—Выступленіе въ походъ съ кадетами.—Воскресныя занятія.—Маневры.—Парадъ 6-го августа.—День ангела великаго князя.—Отчетъ за 1829 годъ.—Характеристика великаго князя.

12-го іюня. Среда. Сувалки. Обѣдали въ Райгродѣ, въ 7 часовъ пріѣхали въ Сувалки. Великій князь до 9 часовъ игралъ въ саду.

13-го іюня. Четвергъ. Ковно. Обѣдали въ селѣ Будкѣ; изъ сел. Вайвары проѣхали прямо на гору, съ которой Наполеонъ смотрѣлъ переправу своей арміи. Великій князь сорвалъ себѣ дубовую вѣтку, въ память своей бытности на семъ мѣстѣ, ровно послѣ 17 лѣтъ, какъ здѣсь толпились грозныя тучи Наполеоновой арміи.

— «Вотъ какъ все проходитъ, сказалъ великій князь, ни Наполеона, ни страшной его арміи не существуетъ; осталась гора и къ ней присоединилось преданіе».

Въ 9 часовъ прибыли въ Ковно.

14-го іюня. Пятница. Шавли. Обѣдали въ Бейсагалѣ, въ 7 часовъ прибыли въ м. Шавли, принадлежащее графу Зубову, ночевали въ домѣ графа. Великій князь до 9 часовъ игралъ въ саду.

15-го іюня. Суббота. Рига. Обѣдали въ Митавѣ, гдѣ встрѣчены были г. гражданскимъ губернаторомъ и командующимъ 1-мъ корпусомъ генераломъ Жерве. Обѣдъ былъ приготовленъ въ замкѣ герцога Курляндскаго. Въ Ригу прибыли въ 7 часовъ. Въ тотъ же вечеръ въ сопровожденіи маркиза Паулучи осмотрѣли арсеналъ; ночевали въ замкѣ.

16-го іюня. Воскресенье. Г. Рига. Великій князь писалъ письмо къ государынѣ императрицѣ, въ 9 часовъ былъ у обѣдни, осматривалъ военно-сиротское отдѣленіе кантонистовъ, домъ дворянскаго собранія, домъ общества черноголовыхъ, гдѣ написалъ свое имя въ книгѣ. Посѣтилъ церковь св. Петра и каѳедральный соборъ, осматривалъ гидравлическую машину, снабжающую городъ водою. Обѣдалъ въ императорскомъ саду у маркиза Паулучи. Народъ встрѣтилъ его высочество съ радостными кликами и всюду за нимъ слѣдовалъ. Рига великому князю чрезвычайно понравилась.

17-го іюня. Понедѣльникъ. Г. Вольмаръ. Въ 4 часа утра выѣхали изъ Риги. Со станціи Гильхенсферъ повернули отъ большой дороги вправо, на д. Зегевольде, принадлежащую г. Борхъ. Въ Зегевольде видны развалины рыцарскаго замка и укрѣпленія древнихъ ливовъ. На противуположномъ берегу рѣки Аа, противъ Зегевольде, находится замокъ Кремонъ, также древній; въ 2 верстахъ отъ онаго виденъ замокъ и епископскій домъ Трейденъ. Все это мѣсто и вообще крутые берега Аа восхитительны. Мы обѣдали въ Нурмесъ у г. Дунтенъ. Въ Венденѣ осматривали извѣстный рыцарскій замокъ, взорванный на воздухъ. Ночевали въ Вольмарѣ.

18-го іюня. Вторникъ. Г. Перновъ. Обѣдали въ Куркундѣ. Въ 6 часовъ пріѣхали въ Перновъ, обошли всю крѣпость пѣшкомъ; толпа жителей города слѣдовала за его высочествомъ.

19-го іюня. Среда. Г. Ревель. Обѣдали на станціи Руноферъ. Къ 7 часамъ пріѣхали въ Ревель, остановились въ Екатериненталѣ. Насъ встрѣтили генералы: Бергъ, Паткуль, Левенштернъ и Новосильцевъ. Множество народу насъ ожидало; мы вышли въ садъ и всѣ толпою за нами слѣдовали. Великій князь былъ въ теплой ваннѣ.

20-го іюня. Четвергъ. Г. Ревель. До 9 часовъ великій князь писалъ письмо къ государю императору. Въ 9 часовъ въ сопровожденіи генералъ-губернатора Берга, коменданта Паткуля поѣхали мы въ военную гавань. Въ ней въ случаѣ надобности могутъ помѣститься 10 линейныхъ кораблей. Въ гавани сѣли въ катеръ и переѣхали на вновь заложенную, двойную, гранитомъ и известковымъ камнемъ одѣтую, батарею. Великій князь имѣлъ случай видѣть печь, въ которой раскаливаютъ ядра. Съ батареи мы снова переѣхали въ гавань; здѣсь сѣли въ экипажи и поѣхали въ городъ, осмотрѣли часть крѣпости и планъ, по которому предположено оную окончить. Инженеръ-полковнику Фельдману поручено производство работъ; чистота отдѣлки и прочность строенія приносятъ честь этому офицеру. Видѣли обгорѣвшія стѣны церкви св. Олая и планъ, по которому государь императоръ повелѣлъ оную выстроить; вышина колокольни содержитъ 340 футовъ; навѣстили каѳедральный соборъ св. Николая, въ коемъ находится памятникъ, воздвигнутый генералу Грейгу Екатериною; были въ домахъ дворянскаго собранія и общества черноголовыхъ; осматривали батарею, выстроенную на островѣ Карлосѣ, куда ѣздили на бригѣ Олень. Великій князь два раза купался въ морѣ; онъ плаваетъ превосходно.

21-го іюня. Пятница. Г. Ревель. Сегодня утромъ въ сопровожденіи г. Спафарьева, г. Берга и Паткуля мы были на маякѣ; виды съ сей точки восхитительны, море придаетъ всѣмъ предметамъ какую-то особенную красу. Осматривали развалины монастыря св. Бригитты и Вимсъ, дачу графа Буксгевдена. Великій князь и Віельгорскій въ восхищеніи отъ окрестностей Ревеля; они оба срисовали для себя по нѣсколько видовъ. Послѣ обѣда ѣздили мы смотрѣть гробъ дюка Лакруа и церковь чудотворца Николая. Великій князь приложился къ св. иконѣ и такимъ образомъ простился съ Ревелемъ.

22-го іюня. Суббота. Ст. Вайвары. Прибыли на ночлегъ часовъ около 8; едва вышли изъ экипажей, предприняли небольшую, по большой дорогѣ, прогулку пѣшкомъ. Г. Арбсховенъ, помѣщикъ с. Вайвары, пригласилъ насъ остановиться у него въ домѣ, но мы полагая, что проведемъ ночь покойно на станціи, не приняли предложенія, въ чемъ послѣ крайне раскаявались. Комары никому изъ насъ, въ продолженіе цѣлой ночи, не дали сомкнуть глазъ.

23-го іюня. Воскресенье. Г. Царское село. (Возвращеніе изъ Варшавы). Въ 5 часовъ утра великій князь оставилъ станцію Вай-

вары, въ 6 съ половиною часовъ осматривалъ нарвскій водопадъ: шумъ и быстрота паденія воды привели его въ удивленіе. Великій князь горѣлъ нетерпѣніемъ прибыть въ Царское село. Вмѣсто обѣда мы завтракали на станціи Касково. На послѣдней станціи онъ былъ внѣ себя отъ радости: безпрестанно обнималъ меня, цѣловалъ и прыгалъ, когда издали увидалъ бѣлѣющійся лагерь и Красное село; но когда въѣхали въ паркъ Царскаго села, то, обнявъ меня и до слезъ растроганный, сказалъ:

— «Наконецъ я дома, Боже мой! здѣсь все, каждый кустокъ, каждая дорожка напоминаютъ мнѣ о какомъ нибудь удовольствіи. Какое счастіе видѣть мѣста и людей, сердцу милыхъ, бывшихъ свидѣтелей нашихъ радостей!» Посмотрѣвъ на часы, продолжалъ: «въ сію минуту сестрицы должны быть на балконѣ».

Мы въ самомъ дѣлѣ увидали ея высочество Александру Николаевну; великій князь вскочилъ, махалъ фуражкою; насъ узнали и едва успѣли мы выйти изъ коляски, какъ ихъ высочества были уже въ объятіяхъ столь нѣжно любимаго брата. Вечеръ проведенъ въ сердечныхъ изліяніяхъ чувствъ, любви и разсказахъ.

24-го іюня. Понедѣльникъ. Г. Царское село. Утромъ великій князь занимался у г. Жилля правописаніемъ; вниманіе какъ его, такъ и Віельгорскаго заслуживало всякой похвалы. Его высочество ѣздилъ въ С.-Петербургъ, въ соборъ Казанской Божіей Матери. Народу было множество; не смотря на то, великій князь безъ малѣйшей застѣнчивости прикладывался къ св. иконѣ и кланялся присутствующимъ. Возвратясь къ чаю, въ Царское село, мы до $8^1/_2$ часовъ гуляли въ саду. Поведеніемъ великаго князя я былъ весьма доволенъ.

25-го іюня. Вторникъ. Царское село. Великій князь всталъ въ обыкновенное время, занимался съ г. Юрьевичемъ ариѳметикою до 9 часовъ. Въ 9 часовъ, одѣвшись въ мундиръ Атаманскаго казачьяго полка, пошелъ принести поздравленіе ихъ императорскимъ высочествамъ; прибывъ въ большой дворецъ, принималъ поздравленія нѣкоторыхъ лицъ, прибывшихъ изъ Петербурга, и пошелъ съ ихъ высочествами въ церковь. Послѣ обѣдни гулялъ въ саду и купался. Послѣ обѣда до 6 часовъ игралъ въ саду, прыгалъ чрезъ сѣно и ѣздилъ на дрезьенѣ. Въ 6 часовъ вмѣстѣ съ созванными гостями приглашенъ былъ къ чаю на Дѣтскій островъ. Нѣжная заботливость сестрицъ доставить ему удовольствіе разстрогала его до глубины сердца; онъ не находилъ словъ къ изъясненію чувствъ своихъ; растроганный до слезъ, разсматривалъ въ молчаніи гирлянды, коими былъ увѣшанъ

столъ, деревья, домъ и пристань, которую ея высочество Ольга Николаевна назвала мысъ Добраго Саши. Одинъ изъ маленькихъ гостей совѣтовалъ прибавить: «или Доброй Надежды». Все доказывало желаніе доставить удовольствіе нѣжно любимому брату. Поблагодаривъ сестрицъ за сюрпризъ, великій князь побѣжалъ съ товарищами къ башнѣ, гдѣ прыгалъ и скакалъ съ ними на сѣткѣ. Послѣ ужина благодарилъ князя Голицына, участвовавшаго въ приготовленіи праздника. Ея высочество Марія Николаевна чувствовала себя не совсѣмъ здоровою, почему мы лишены были ея присутствія. Поведеніемъ великаго князя я былъ весьма доволенъ.

26-го іюня. Среда. Царское село. Сегодня приступлено къ обыкновеннымъ нашимъ занятіямъ въ классахъ. Г. Колленцъ экзаменовалъ великаго князя и Віельгорскаго въ геометріи, а г. Липманъ въ исторіи; какъ тотъ, такъ и другой были весьма довольны отвѣтами великаго князя и Віельгорскаго.

Во время утренней прогулки купались. Послѣ обѣда катались на лодкѣ вокругъ Дѣтскаго острова. Вечеромъ ѣздили въ Павловскъ; чистота дорогъ въ саду, прелестная свѣжесть и богатство цвѣтовъ, кажется, обѣщаютъ присутствіе хозяйки; безлюдность дворца, въ особенности пустота покоевъ стѣсняютъ, терзаютъ сердце.

Въ такомъ состояніи чувствъ проходили мы покои царицы и оставили мѣсто, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ обитала радость, надежда и счастіе сирыхъ и бѣдныхъ, предметъ общей любви и уваженія, образецъ земного совершенства женщины и матери. Растроганный до глубины сердца, въ печальномъ молчаніи, оставилъ великій князь жилище своей незабвенной бабушки; когда встрѣтила его фрейлина покойной, Кочетова, онъ привѣтствовалъ ее, поцѣловалъ ей руку и слезы хлынули ручьемъ изъ глазъ его.

Мы навѣстили Карла Фридерици; онъ начинаетъ бродить по комнатѣ. Поведеніемъ великаго князя и Віельгорскаго я былъ весьма доволенъ.

27-го іюня. Четвергъ. Царское село. Въ урокѣ г. Эртеля великій князь и Віельгорскій повторяли уроки общей грамматики и натуральной исторіи. Отвѣты были весьма удовлетворительны и служили доказательствомъ, что пройденное не было выучено наизусть, но понято какъ должно и сильно врѣзалось въ память. Г. Жуковскій равномѣрно былъ весьма доволенъ при повтореніи естественной исторіи; гг. Жилль и Алфре также аттестовали великаго князя и Віельгорскаго весьма хорошо въ настольномъ журналѣ. Великій князь съ товарищами ка-

тался въ лодкѣ вокругъ Дѣтскаго острова и спускалъ на воду маленькій свой флотъ. Вечеромъ кушалъ чай съ ихъ высочествами, ѣздилъ верхомъ и купался.

28-го іюня. Пятница. Всѣ гг. учителя были какъ великимъ княземъ, такъ и Віельгорскимъ и Паткулемъ весьма довольны. Сей послѣдній прибылъ изъ отпуска совершенно здоровымъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ приготовлялъ съ сестрицами изъ песку пироги; атаманъ и шефъ разныхъ полковъ съ товарищами принялись съ тѣмъ же усердіемъ за ту же работу. Сохраняющаяся до сихъ поръ въ великомъ князѣ дѣтская невинность меня много радуетъ.

29-го іюня. Суббота. День проведенъ въ обыкновенныхъ занятіяхъ и увеселеніяхъ. Поведеніемъ великаго князя и его товарищей я былъ весьма доволенъ.

30-го іюня. Воскресенье. Великій князь читалъ евангеліе и бесѣдовалъ съ г. Павскимъ; былъ у обѣдни; обѣдалъ и кушалъ чай въ швейцарскомъ домѣ на дудергофской горѣ. Послѣ обѣда его высочество срисовалъ видъ дома весьма удачно. Мы много ходили по горамъ; во время прогулки каждый имѣлъ отрядъ особеннаго рода войска: всѣ составляли корпусъ, подъ начальствомъ г. Юрьевича, который посылалъ занимать выгодныя позиціи и производилъ разныя эволюціи. Вообще время провели весьма весело; возвратясь, купались.

1-го іюля. Понедѣльникъ. Едва великій князь проснулся, поздравилъ меня съ днемъ рожденія ея величества государыни императрицы. — «Мама проведетъ день сей весьма весело въ кругу родныхъ своихъ; какъ жаль, что, къ довершенію сего удовольствія, мы всѣ не можемъ быть въ сей разъ съ нею, вотъ бы ей было весело», сказалъ мнѣ великій князь.

Утромъ занимались у г. Жилля. Въ бытность у ихъ высочествъ великій князь принялъ поздравленіе его сіятельства князя Голицына, г. Кочубея съ супругою, князя Трубецкаго съ супругою, княгини Волконской, Виламова, Лонгинова и многихъ другихъ особъ. Былъ у обѣдни. Стрѣлялъ изъ пушекъ и изъ ружей; едва успѣли взойти на башню, получили извѣстіе о взятіи Силистріи и чрезъ того же фельдъегеря письмо отъ государыни императрицы отъ 11-го іюня, содержаніе коего принесло великому князю много удовольствія.

2-го іюля. Вторникъ. День проведенъ какъ обыкновенно. Великій

князь и его товарищи занимались весьма прилежно и въ продолженіе дня вели себя отмѣнно похвально. Отъ 12-ти до 2-хъ рисовали виды съ натуры. Вечеромъ ѣздили верхомъ въ Баболово.

3-го іюля. Среда. Великій князь занимался охотно. Во время урока г. Колленса случалось смѣяться отъ неудачныхъ фразъ, имъ самимъ или товарищами составляемыхъ. Отъ 9-ти до 10-ти часовъ утра великій князь находился съ ихъ высочествами великими княжнами въ палаткѣ великаго князя Константина Николаевича. Въ свободное отъ занятій время купались два раза, гуляли пѣшкомъ и катались верхомъ.

4-го іюля. Четвергъ. Утромъ великій князь и его товарищи занимались прилежно. Послѣ обѣда г. Жилль и г. Алфре написали въ настольномъ журналѣ всѣмъ троимъ: хорошо, потому что всѣ трое были довольно вялы во время уроковъ. Передъ вечернею молитвою я представлялъ великому князю, какое неудовольствіе онъ готовитъ себѣ къ пріѣзду родителей подобнымъ поведеніемъ: ибо они изъ получаемыхъ рапортовъ видятъ, что онъ во время уроковъ все еще не показываетъ твердой воли побѣдить вялость. Великій князь увѣрялъ меня, что постарается впередъ заниматься съ бо́льшимъ удовольствіемъ. Вечеромъ мы пили чай въ Баболовѣ съ ихъ высочествами, послѣ чего рисовали съ натуры; возвратясь въ Царское, купались.

5-го іюля. Пятница. Всѣ гг. учителя были довольны какъ великимъ княземъ, такъ и его товарищами. Десятый часъ провели на Дѣтскомъ островѣ, помогали ихъ высочествамъ поливать цвѣты. Отъ 12-ти до 2-хъ ч. великій князь стрѣлялъ въ цѣль и купался; вводили маленькій флотъ въ гавань, по плану великаго князя выстроенную. Вечеръ провели въ Павловскѣ, куда ѣздили верхомъ: пили чай въ Александровскомъ дворцѣ. Великій князь вспомнилъ объ удовольствіяхъ прошлаго года, доставленныхъ ему незабвенною бабушкою (Маріею Ѳеодоровною), и слезы полились ручьями. Изъ Павловска проѣхали прямо въ купальню. Великій князь и Віельгорскій страстные охотники купаться и оба превосходно плаваютъ.

6-го іюля. Суббота. Великій князь занимался охотно и велъ себя похвально. День проведенъ въ обыкновенныхъ занятіяхъ. Вечеромъ былъ урокъ танцованія.

7-го іюля. Воскресенье. Въ 7 часовъ утра г. Павскій освятилъ учебную комнату, въ которой надѣемся съ Божіею помощію, прилежа-

ніемъ и непрерывнымъ занятіемъ, хотя нѣсколько вознаградить нами утраченное время; потомъ бесѣдовалъ съ великимъ княземъ до 9-ти часовъ. Десятый часъ великій князь игралъ съ оловянными солдатами. Одиннадцатый и двѣнадцатый былъ у обѣдни и при молебнѣ по случаю взятія Силистріи. Гуляли пѣшкомъ и купались.

8-го іюля. Понедѣльникъ. Великій князь и его товарищи занимались прилежно и вели себя въ продолженіе дня весьма хорошо. Дождь помѣшалъ намъ обѣдать на островѣ. Купались одинъ разъ; вечеромъ было весьма сыро и надъ водою стоялъ большой туманъ.

Графъ Орловъ, возвратившійся изъ Старой Руссы, оставилъ государя императора въ вожделѣнномъ здравіи. Великій князь крайне радовался извѣстію о скоромъ пріѣздѣ государя.

— «Поѣдемъ сегодня по московской дорогѣ, сказалъ мнѣ великій князь, садясь на лошадь, быть можетъ мы встрѣтимъ папа».

— «Но вы слышали, что его величество прибудетъ не прежде 11-го».

— «Да, я это слышалъ, но все лучше ѣхать по московской дорогѣ».

Просьба была исполнена, но ожиданія продолжаются, часъ отъ часу увеличиваясь отъ нетерпѣнія.

9-го іюля. Вторникъ. Гг. учителя, во время уроковъ, равно и я, въ продолженіе всего дня, были весьма довольны какъ великимъ княземъ, такъ и его товарищами.

Г. Триніусъ, между прочимъ, сказалъ: что брилліантъ ни что иное, какъ самый чистый, чудеснымъ процессомъ сгущающійся углетворъ. «Скажите, какая ничтожная вещь, а какъ люди стараются доставать брилліанты, чтобы украшать себя оными», сказалъ великій князь. Его высочество Александръ Николаевичъ наслаждается цвѣтущимъ здоровьемъ и готовъ полюбить занятія; съ нетерпѣніемъ ожидаю сей минуты; она придетъ неминуемо, если не будетъ случаю къ развлеченію, если у насъ будетъ одно постоянное жилище въ Царскомъ селѣ, во время лѣта, а въ Зимнемъ дворцѣ—зимою.

10-го іюля. Среда. Великій князь занимался прилежно и его товарищи тоже. Во время прогулки нашей на водѣ, маленькій корабль великаго князя шелъ на буксирѣ за нашею лодкою. Віельгорскій приказалъ грести скорѣе, отъ чего корабль наклонило и залило водою. Великій князь крайне огорчился, слезы и негодованіе показались на лицѣ его; но онъ то и другое скрылъ. Я замѣтилъ въ немъ сильное движеніе и ожидалъ послѣдствій... Великій князь, полагая, что за нимъ не наблюдаютъ, схватилъ Віельгорскаго за шею, потрясъ его и далъ ему

нѣсколько толчковъ. Поступокъ сей вынудилъ меня сдѣлать ему весьма строгій выговоръ и объявить, что поступкомъ симъ онъ самъ себя унизилъ, ибо выказалъ гнусное чувство мщенія.

11-го іюля. Четвергъ. Государь императоръ возвратился въ Царское село. Великій князь велъ себѣ хорошо и занимался прилежно.

12-го іюля. Пятница. Государь императоръ, князь Голицынъ и прусскій генералъ Редернъ кушали за столомъ ихъ высочествъ. Послѣ обѣда государь императоръ катался въ лодкѣ; гребцами были: великій князь наслѣдникъ и Віельгорскій. Его величество, осмотрѣвъ островъ, былъ весьма доволенъ устройствомъ въ домѣ и въ кухнѣ, и много смѣялся надъ флотомъ, стоявшимъ въ гавани, великимъ княземъ построенной.

13-го іюля. Суббота. Въ урокѣ г. Колленса великій князь упрямился и когда ему дѣлали вопросы, требовавшіе размышленія, то онъ въ двухъ случаяхъ едва могъ удержаться отъ слезъ. Урокъ былъ однако довольно хорошъ.

14-го іюля. Воскресенье. Утромъ великій князь бесѣдовалъ съ Павскимъ. Послѣ обѣдни, мы отправились съ великимъ княземъ на встрѣчу ихъ величествъ въ Кипень, гдѣ обѣдали; въ $2^1/_2$ часа ихъ императорскія величества прибыли на станцію и крайне обрадовались найдя великаго князя; государь императоръ сообщилъ намъ извѣстіе объ одержаніи побѣды графомъ Паскевичемъ надъ сераскиромъ турецкихъ войскъ и взятіи въ плѣнъ трехбунчужнаго паши и совершенномъ истребленіи его корпуса. Въ 5 часовъ пріѣхали въ Петергофъ. Вечеръ проведенъ въ котеджѣ.

15-го іюля. Понедѣльникъ. Великій князь не совсѣмъ былъ внимателенъ во время урока исторіи. Я поручилъ ему испросить позволеніе у государя императора быть воспріемникомъ отъ купели у сына г. Эртеля. Великій князь видѣлъ государя императора нѣсколько разъ и не вспомнилъ о порученіи.

16-го іюля. Вторникъ. Великій князь и его товарищи занимались прилежно и вели себя, въ продолженіе цѣлаго дня, весьма похвально. День проведенъ въ обыкновенныхъ занятіяхъ и удовольствіяхъ.

17-го іюля. Среда. Великій князь и его товарищи занимались прилежно и вели себя прекрасно. День проведенъ какъ обыкновенно.

18-го іюля. Четвергъ. Во время урока г. Эртеля великій князь не могъ найти своихъ тетрадей. При урокѣ г. Жуковскаго присутствовали князь Голицынъ и г. Ушаковъ; великій князь взялся отвѣчать на вопросы изъ естественной исторіи безъ карты, замялся и не исполнилъ то, за что взялся съ самонадѣянностію и въ продолженіе урока не могъ уже принудить себя быть внимательнымъ. Вечеромъ мы ѣздили па бывшую дачу Чичагова; на возвратномъ пути гуляли въ Ораніенбаумѣ.

Ложась спать, великій князь принялъ твердое намѣреніе болѣе наблюдать за собою и избѣгать смѣшной самонадѣянности.

19-го іюля. Пятница. Великій князь и его товарищи занимались весьма прилежно и вели себя, въ продолженіе цѣлаго дня, похвально. Ихъ величества возвратились въ котеджъ (прозванный Александріею); мы проведемъ здѣсь ночь.

20-го іюля. Суббота. При урокѣ г. Колленса великій князь велъ себя неприлично: безпрестанно перемѣнялъ положеніе и ломался, чѣмъ заставлялъ смѣяться Паткуля, за что оба невыгодно отмѣчены въ настольномъ журналѣ.

Исключая сего обстоятельства, всѣ гг. учителя были довольны вниманіемъ и поведеніемъ великаго князя и его товарищей.

Его высочество въ особенности прилежно занимался у г. Юрьевича. Написавъ одинъ анекдотъ о святости закона, сказалъ: «государь долженъ быть первый исполнитель закона. Чтобы умѣть другимъ приказывать, надлежитъ прежде научиться исполнять въ точности приказанія».

Я похвалилъ великаго князя за мысли и совѣтовалъ стараться никогда не измѣнять сему чувству справедливости.

Государь императоръ, прочитавъ въ рапортѣ о поведеніи, при г. Колленсѣ сдѣлалъ великому князю замѣчаніе и совѣтовалъ мнѣ поставить его часа на три на часы, прибавивъ:

— «Пора перестать ребячиться, а не то быть худу».

21-го іюля. Воскресенье. Великій князь былъ на панаѳидѣ и у обѣдни. Отобѣдавъ въ первомъ часу, поѣхалъ въ Стрѣльну, гдѣ въ отведенной для насъ квартирѣ ожидалъ прибытія кадетъ; въ 4 часа выступилъ въ походъ, съ кадетами 2-го корпуса, въ полной походной аммуниціи, въ Петергофъ; у дачи Мятлева надѣли ранцы; не доходя шлахбаума, остановились. Государь императоръ, изволивъ прибыть, проѣхалъ по фронту и повелъ кадетъ въ лагерь, мимо котеджа, гдѣ

государыня императрица съ ихъ высочествомъ изволила находиться на балконѣ. Кадеты проходили по отдѣленіямъ, великій князь находился въ знаменныхъ рядахъ 2-го кадетскаго корпуса, Віельгорскій и Паткуль за унтеръ-офицеровъ въ стрѣлковыхъ взводахъ. Едва мы пришли къ палаткамъ, набѣжала туча, поднялся вихрь, ударилъ градъ и полился дождь рѣкою; всѣ, кто тутъ ни былъ, до нитки промокли. Великій князь, смѣнившись съ часовъ, изъ подъ знамя, возвратился со мною домой пѣшкомъ. Великій князь перенесъ маршъ и непогоду съ похвальнымъ терпѣніемъ. Прибывъ въ котеджъ, поздравилъ ея высочество Марію Николаевну и подарилъ сестрицѣ прекрасный золотой съ антиками фермуаръ.

22-го іюля. Понедѣльникъ. Великій князь занимался у г-на Жилля и былъ у обѣдни, потомъ занимался у г-на Липпмана; купался, обѣдалъ у ея величества въ Александріи, гдѣ игралъ до 7 часовъ; въ девятомъ часу прогуливался верхомъ.

23-го іюля. Вторникъ. При урокѣ г-на Триніуса какъ великій князь, такъ и его товарищи были отмѣнно внимательны, прочіе гг. учителя равномѣрно были довольны ихъ вниманіемъ. Государь императоръ и государыня императрица, откушавъ въ большомъ дворцѣ, отправились въ Ораніенбаумъ, а оттуда на яхтѣ къ Кронштадту, въ сопровожденіи иностранныхъ министровъ и высочайшаго двора. Въ 12 часовъ мы вышли было гулять, но Віельгорскій просилъ позволенія остаться дома, дабы рисовать карту; великій князь послѣдовалъ его примѣру и они до самаго обѣда рисовали. Вечеромъ гуляли пѣшкомъ; были въ Монплезирѣ, окруженные кадетами, смотрѣли въ телескопъ, потомъ толпою ходили въ гавань, откуда пошли въ Александрію; попрыгавъ на сѣткѣ, великій князь легъ спать. Онъ чувствовалъ небольшую боль въ лѣвомъ ухѣ и глазъ былъ у него красный, почему я и не позволилъ ему купаться.

К. К. Мердеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Война съ польскими мятежниками 1831 года

въ перепискѣ императора Николая I-го съ графомъ Дибичемъ-Забалканскимъ.

XXXVII [1]).

Графъ Дибичъ—графу Чернышеву.

Милосна. 14-го февраля 1831 г.

Милостивый государь, графъ Александръ Ивановичъ! Я имѣю счастіе всеподданнѣйше донести его императорскому величеству о пораженіи 7-го числа мятежниковъ въ виду Праги. Вслѣдъ за отправленіемъ рапорта моего я получилъ донесеніе отъ генералъ-лейтенанта барона Крейца, что въ тотъ же день, т. е. 7-го числа, онъ долженъ былъ выдержать, на лѣвомъ берегу Вислы, при м. Козеницѣ, натискъ несравненно превосходнѣйшихъ силъ мятежническихъ и, приведши оныя въ разстройство, отразилъ ихъ, и преслѣдовалъ. Послѣ сего успѣха генералъ-лейтенантъ баронъ Крейцъ переправился обратно 11-го числа сего мѣсяца при д. Тырчинѣ на правый берегъ Вислы и при всей опасности и слабости льда перешелъ со всею артиллеріею и всѣми тяжестями. Отрядъ его расположенъ нынѣ при Маціовицѣ; я далъ ему направленіе на Пулаву, дабы совершенно упрочить занятіе Люблинскаго воеводства. Копію съ рапорта отъ 9-го февраля за № 116, о дѣлѣ 7-го числа, препровождаю при семъ къ вашему сіятельству и

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 93—122, февраль. стр. 381—400; т. XLII, іюль, стр. 149—156, августъ, стр. 331—340, сентябрь, стр. 529—544; изд. 1885 г., т. XLVI, апрѣль, стр. 107—124.

прошу представить на высочайшее благоуваженіе его императорскаго величества. Съ ист. почтеніемъ и пр.

XXXVIII.

Рапортъ гр. Дибичу отъ командира 5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса г.-л. б. Крейца.

9-го февраля 1831 г.

Честь имѣю донести вашему сіятельству, что 7-го числа сего мѣсяца, близь м. Козенице, былъ я атакованъ соединенными непріятельскими силами подъ командою генераловъ Дверницкаго и Серавскаго, въ числѣ 18-ти эскадроновъ, 8-ми баталіоновъ, 2-хъ орудій пѣшей артиллеріи и 6-ти конныхъ (линейныхъ войскъ), и сверхъ оныхъ 600 лѣсныхъ стрѣлковъ, 3-мя полками кракусовъ и многочисленными толпами коссіонеровъ. По словамъ военно-плѣнныхъ, число войскъ, бывшихъ противу меня, простиралось до 16,000 человѣкъ.

Я находился въ весьма затруднительномъ положеніи, какъ уже имѣлъ честь донести вашему сіятельству отъ 1-го и 3-го февраля за № 93 и 101, бывъ совершенно отдѣленъ на лѣвомъ берегу Вислы, не имѣя болѣе 8 дней никакихъ свѣдѣній о сосѣдственныхъ войскахъ, кромѣ слуховъ, разсѣеваемыхъ въ народѣ, и извѣстій, полученныхъ мною чрезъ военно-плѣнныхъ о потерѣ, понесенной отрядомъ генералъ-адъютанта барона Гейсмара, не вошедшему со мною въ сношеніе и отступившему, какъ я полагаю, вопреки данныхъ мною ему инструкцій, по направленію, удаляющему отрядъ его отъ моего.

Сражаясь цѣлую недѣлю съ непріятелемъ, день ото дня усиливающимся, не имѣя надежнаго отступленія, ибо рѣка Висла ежечасно въ настоящее теплое время представляетъ большія затрудненія къ переправѣ, особливо артиллеріи и тяжелыхъ обозовъ, въ сей крайности, я не предвидѣлъ другого спасенія своему отряду, какъ сражаться до послѣдней капли крови и гибель свою ознаменовать въ рядахъ непріятельскихъ величайшимъ пораженіемъ.

Бой отряда моего 7-го числа сего мѣсяца продолжался отъ 10 часовъ утра до самой ночи; не имѣя другихъ средствъ отражать отчаянныя нападенія непріятеля, во столько разъ превосходившаго меня въ числительной силѣ, я воспользовался преимуществомъ моимъ въ артиллеріи, почему и рисковалъ ею съ тѣмъ, чтобы достичь цѣли—не отступать ни шагу и симъ удержать моральную нашу поверхность. Командиру конно-артиллерійской № 28 роты подполковнику Бутовичу было поручено исполненіе сего управленія силъ. Опытъ показалъ, что я въ выборѣ своемъ не ошибся, ибо подполковникъ Бутовичъ, распоряжаясь

съ удивительнымъ равнодушіемъ и храбростію болѣе 3-хъ часовъ дѣйствіемъ своей артиллеріи (почти одними картечными выстрѣлами), удерживалъ непріятеля столько превосходнаго въ силахъ; сей храбрый офицеръ, получивъ двѣ раны въ пылу схватки кавалерійской, былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ двумя орудіями его роты; но сія потеря совершенно вознаграждена ужаснымъ пораженіемъ, нанесеннымъ непріятелю, который симъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ артиллеріи на самый ближній картечный выстрѣлъ былъ опрокинутъ и приведенъ въ совершенное разстройство. Хотя потеря сія мнѣ весьма прискорбна, но утѣшаюсь тѣмъ, что сею битвою я отвлекъ значительныя силы на себя и способствовалъ тѣмъ въ общемъ дѣлѣ усмиренія мятежниковъ, ибо въ продолженіе трехъ дней выстрѣлы съ правой моей стороны увѣрили меня, что наши войска сражаются.

Непріятель отступилъ чрезъ м. Ричеволъ и сжегъ тамъ мостъ.

Въ сраженіи семъ съ нашей стороны, кромѣ взятаго въ плѣнъ подполковника Бутовича, убито нижнихъ чиновъ 57 человѣкъ; ранено: драгунскаго его королевскаго высочества герцога Александра Виртембергскаго полка прапорщики: Стрюковъ и Этингеръ, нижнихъ чиновъ 33 человѣка. Потеря непріятеля несравненно болѣе: на мѣстѣ сраженія найдено убитыхъ 3 штабъ-офицера и до 400 нижнихъ чиновъ; въ плѣнъ взято: адъютантъ генерала Дверницкаго, поручикъ Маецкій, и нижнихъ чиновъ 105, коихъ ежечасно еще приводятъ; большая часть изъ нихъ тяжело раненые; какъ военно-плѣнные показываютъ, что и генералъ Томицкій опасно раненъ холоднымъ оружіемъ и едва-ли переживетъ свои раны; въ числѣ плѣнныхъ находится довольное число регулярныхъ пѣхотныхъ солдатъ.

Донеся о семъ вашему сіятельству, имѣю честь почтеннѣйше присовокупить, что хотя непріятель сей разъ отбитъ совершенно, но положеніе мое отъ того мало улучшилось и что при новомъ нападеніи отражать его я могу, только не щадя своей артиллеріи; но при всемъ томъ, коль скоро мостъ будетъ вновь устроенъ въ м. Ричеволѣ, то я всѣми силами буду стараться содѣйствовать къ общему успѣху и наводить на себя часть непріятельскихъ силъ.

Я дѣйствовалъ въ семъ случаѣ, какъ всегда, съ тою увѣренностію, что мѣры, мною предпринятыя, согласны съ честію русскаго офицера и съ общею пользою; впрочемъ, все сіе имѣю честь представить въ благоуваженіе вашего сіятельства.

Вѣрно: генералъ-адъютантъ Нейдгартъ.

XXXIX.

Императоръ Николай — графу Дибичу.

С.-Петербургъ. 17 февраля (1 марта) 1831 г.

(Переводъ). Сію минуту прибылъ вашъ второй курьеръ, любезный другъ. Вы сообщаете мнѣ такъ мало подробностей о томъ, что происходитъ у васъ съ 4 (16) числа, что, по правдѣ сказать, я не могу понять движеній арміи и въ особенности того, что происходитъ у васъ на флангахъ. Я ожидалъ съ нетерпѣніемъ по крайней мѣрѣ одного донесенія о дѣлѣ Гейсмара; вы не говорите о немъ ни слова, однако оно стоило упоминовенія, такъ какъ оно покрыло насъ позоромъ и всѣ иностранныя газеты повторяютъ малѣйшія подробности его, тогда какъ я не знаю ни одной. Въ самомъ дѣлѣ, я этого не понимаю. Съ 25 января я ничего не знаю о дѣйствіяхъ Крейца и вдругъ вы сообщаете мнѣ, что онъ былъ въ Радомѣ, не говоря, взялъ ли онъ Люблинъ или переправился черезъ Вислу и только послѣ того, какъ онъ допустилъ забрать у себя два орудія, мнѣ объявляютъ, что онъ потерялъ ихъ по ту сторону Вислы.

Вы забываете, кажется, что я долженъ быть извѣщенъ обо всемъ и что здѣсь необходимо имѣть возможность сказать истину, чтобы опровергнуть ложные слухи или, по крайней мѣрѣ, чтобы не отставать отъ берлинскихъ газетъ, которыя говорятъ о вещахъ, намъ совершенно неизвѣстныхъ и которыя мы не можемъ ни опровергнуть, ни подтвердить.

Это неприлично и я рѣшительно приказываю вамъ разъ навсегда извѣщать меня о движеніяхъ войскъ и обо всемъ случающемся въ арміи. Я ничего не могу сказать вамъ о сраженіяхъ, такъ какъ я ничего о нихъ не знаю; частныя письма сообщаютъ намъ подробности, которыя мнѣ неизвѣстны.

Вы прекрасно сдѣлали, ввѣривъ полкъ конныхъ егерей Виртембергскому. Прибытіе Шаховскаго чрезвычайно радуетъ меня, хотя я нахожу весьма рискованной его переправу черезъ Бугъ на разстояніи одного перехода отъ непріятельской арміи. Наконецъ, вы вѣроятно имѣете теперь лишнихъ 22 баталіона и 60 орудій и можете рискнуть дать сраженіе, которое случится, я полагаю, числа 14 (26) или 15 (27). Дай Богъ, чтобы оно окончилось къ славѣ нашего оружія; пора этой драмѣ заключиться блистательнымъ образомъ.

Весьма сожалѣю о ранѣ Сухозанета; вы не пишете мнѣ также, кѣмъ вы его замѣстили? Это постъ весьма важный. Я нахожу, что

одинъ только Герстенцвейгъ способенъ замѣнить его. Не понимаю, какимъ образомъ могли запоздать госпитальные предметы, высланные въ громадномъ количествѣ? Разузнайте, гдѣ они задержаны.

Такъ какъ г-жа Сухозанетъ имѣетъ уже знакъ отличія (la cocarde), то я предоставляю вамъ представить ее къ другой наградѣ. Кланяйтесь всѣмъ нашимъ,—да направитъ и защититъ васъ всѣхъ Господь. Вашъ навсегда искренно преданный вамъ Николай.

Жена моя вамъ кланяется.

S.-Petersbourg le 17 Février (1 Mars) 1831.

Il y a un moment que votre second courrier m'est arrivé, mon cher ami. Vous me donnez si peu de détails sur tout ce qui se passe chez vous depuis le 4 (16), qu'en vérité je ne sais rien comprendre ni des mouvements de l'armée, ni surtout de ce qui se passe sur vos ailes. J'attendais avec impatience du moins un rapport sur l'affaire de Geismar; vous ne m'en dites pas un mot, cependant cela en valait bien la peine, car la honte en est grande, et toutes les gazettes étrangères en donnent tous les détails, tandis que je n'en connais aucun de vous. En vérité je ne le comprends pas. Depuis le 25 Janvier je ne sais rien des opérations de Kreutz et tout à coup vous me dites qu'il a été à Radom, sans me dire s'il a pris Lublin, ou il a passé la Vistule, et ce n'est que quand il s'est fait prendre 2 canons que l'on m'annonce qu'il les a perdu de l'autre côté de la Vistule.

Vous oubliez à ce qu'il me parait que je dois être informé de tout et qu'ici il est indispensable de pouvoir informer de la vérité, pour démentir les faux bruits, ou du moins de ne pas rester en arrière des gazettes de Berlin qui parlent de choses que nous ignorons complétement et que nous ne pouvons ni démentir, ni confirmer.

La chose est indécente et je vous ordonne une fois pour tout et trés expressement de me tenir au courant des mouvements et de événements de l'armée. Je ne puis rien vous dire des combats puisque je n'en sais rien; des lettres particulières parlent de détails que moi j'ignore.

Vous avez fort bien fait donner le régiment de chasseurs á cheval Würtemberg. L'arrivée de Chahofskoy me fait grand plaisir; quoique je trouve bien hazardeux son passage du Boug à une marche de l'armée ennemie. Enfin vous voilà probablement 22 bataillons et 60 pièces de plus, et vous pouvez risquer le combat, que je calcule avoir eu lieu le 14 (26) ou 15 (27). Que Dieu fasse qu'il ait tourné à la gloire de nos armes; il est temps que ce drame finisse d'une manière éclatante.

Je suis bien aux regrets de la blessure de Souchosanet; vous ne me dites non plus, par qui vous l'avez remplacé? C'est un poste bien imposant. Je ne vois que Герстенцвейгъ de capable pour le remplacer. Je ne comprends pas le retard de l'arrivée des objets d'hopitaux dont une quantité énorme a été envoyée. Sachez où tout cela reste.

Madame Souchosanet ayant déjà la cocarde, je vous laisse libre de la présenter pour une autre récompense. Mille choses à tous les notres et que bon Dieu vous guide tous et vous couvre de son égide. A vous pour la vie.

Votre sincèrement affectionné N.

Mille choses de la part de ma femme.

XL.

Графъ Дибичъ — императору Николаю.

Милосна. 19 февраля 1831 г.

(Переводъ). Ваше величество, послѣ послѣднихъ депешъ, которыя я имѣлъ честь адресовать в. и. в., въ арміи не случилось ничего особенно интереснаго.

Потери, понесенныя въ дѣлѣ 13 числа, оказались, какъ я предполагалъ, болѣе значительными, нежели сообщалось въ первомъ донесеніи. Онѣ доходятъ убитыми и ранеными до восьми тысячъ человѣкъ. Но за то по единогласнымъ показаніямъ плѣнныхъ, перебѣжчиковъ и мѣстныхъ жителей, въ особенности жидовъ, являющихся къ намъ ежедневно, уронъ непріятеля несравненно значительнѣе; всѣ госпиталя, казармы и самый дворецъ Сапѣги загромождены ранеными. Всѣ повторяютъ слухъ, будто Хлопицкій тяжело раненъ, а у Жимирскаго оторвало руку. Говорятъ, будто нѣкоторые другіе польскіе генералы также ранены, но это менѣе вѣроятно. Впрочемъ, во всѣхъ непріятельскихъ войскахъ, видѣнныхъ мною вблизи, я не замѣтилъ ни шляпы, ни какого-либо иного знака, изобличающаго присутствіе какого-нибудь генерала и всѣ сдѣлали подобное же замѣчаніе.

Наши генералы, напротивъ того, по большей части слишкомъ храбры; это прекрасный недостатокъ, но я желалъ бы, чтобы наши дивизіонные генералы соединяли съ нимъ большую способность къ военнымъ диспозиціямъ на мѣстности.

Въ числѣ раненыхъ съ нашей стороны въ битвѣ при Гроховѣ находится генералъ-маіоръ Добрищинъ-Каблуковъ, также былъ сильно контуженъ пулею. Судя по тѣмъ показаніямъ, о которыхъ я говорилъ

выше, 2-й и 4-й полки легкой кавалеріи и 7-й линейный полкъ почти не существуютъ. Тѣ же люди утверждаютъ, что вновь сформированные полки (они вооружены ружьями лишь въ первыхъ рядахъ, тогда какъ прочіе снабжены только косами) и краковцы (krakous) воспользовались безпорядкомъ, слѣдовавшимъ за сраженіемъ, и большая часть ихъ разбѣжалась, такъ что не смотря на принятыя, вѣроятно, строгія мѣры, дезертированье весьма значительно даже въ регулярныхъ войскахъ.

Произведя рекогносцировку для изслѣдованія предмостнаго укрѣпленія Праги, я не считаю возможнымъ произвести нападеніе на укрѣпленіе хорошо построенное, планкированное, обнесенное палисадомъ (palissadé) и снабженное достаточнымъ гарнизономъ, а всякое подобіе осады, веденной правильно, стоило бы намъ массу боевыхъ запасовъ, въ которыхъ мы нуждаемся для войны въ открытомъ полѣ.

Погода, къ несчастію, стоитъ непостоянная: то подморозитъ, то нѣсколько часовъ спустя все начинаетъ таять. Гораздо желательнѣе было бы, чтобы температура была постояннѣе. Если бы Висла вскрылась, то я могъ бы расположить войска на квартирахъ на болѣе обширномъ пространствѣ, давъ имъ отдыхъ, а болѣе сильный морозъ обезпечилъ бы намъ переправу черезъ рѣку и возможность вести за собою походные госпитали. Однако погода установится, вѣроятно, черезъ нѣсколько дней.

Между тѣмъ я сосредоточу 1-ю гренадерскую дивизію и послалъ уже генерала Сакена съ бригадой кавалеріи, пѣхоты и съ двумя казацкими полками рекогносцировать мѣстность между Наревомъ и Вислою. По прибытіи гвардейскаго корпуса, онъ составитъ его авангардтъ, во время похода будетъ прикрывать правый флангъ, а въ случаѣ остановки займетъ аванпосты по нижнему теченію Вислы.

Я устраиваю главные госпиталя въ Сѣдлецѣ, откуда стараюсь, по мѣрѣ того какъ новые транспорты прибываютъ изъ госпиталей: Окунева, Минска и Калушина, отправлять больныхъ въ Брестъ (à dél layer sur Brest).

Я скомплектовалъ вновь мои артиллерійскіе боевые запасы, но сомнѣваюсь, чтобы непріятель также успѣлъ сдѣлать это. Я имѣю еще въ резервѣ полукомплектъ, не считая зарядныхъ ящиковъ, находящихся въ Бѣлостокѣ. Остальные парки подоспѣютъ впослѣдствіи.

Въ продовольствіи, благодаря усиленнымъ транспортамъ изъ Россіи, не чувствуется недостатка, но мы бѣдны фуражемъ. Вслѣдствіе этого я отвелъ со вчерашняго дня болѣе обширную стоянку для резервной кавалеріи. Страна, хорошо сохранившаяся до Сѣдлеца, лишена всѣхъ естественныхъ средствъ, начиная отъ Калушина. Мятежники, отступая,

сами грабили деревни, истощенныя уже продолжительнымъ пребываніемъ ихъ арміи. Несчастная мѣстность эта чрезвычайно пострадала, въ ней весьма мало жителей и они обречены на крайнюю нищету. Я стараюсь, по возможности, оказать имъ пособіе. Раззореніе распространилось въ ширину верстъ на двадцать вправо и влѣво отъ большой дороги.

Я приказалъ произвести рекогносцировки, съ цѣлью узнать какіе пункты наиболѣе пригодны для переправы черезъ Вислу выше Варшавы. Если бы рѣка вскрылась окончательно, то Карчевскій мостъ показался бы мнѣ, вѣроятно, слишкомъ близкимъ отъ центра непріятельскихъ силъ. Однако я, не колеблясь, избралъ бы этотъ пунктъ, если бы прочіе не представляли тѣхъ же стратегическихъ выгодъ и если бы лѣвый берегъ не былъ затопленъ, на что я разсчитываю, такъ какъ въ нынѣшнемъ году выпало весьма мало снѣга.

Поспѣшность, съ какою я постарался отправить в. и. в. реляцію о сраженіи 13-го числа, была причиною одного упущенія съ моей стороны, о которомъ я искренно сожалѣю. Я не упомянулъ въ ней, государь, о славныхъ дѣйствіяхъ генералъ-маіоровъ Муравьева и Герстенцвейга. Первый сражался съ замѣчательною отвагою во главѣ своихъ войскъ и бригада его, на которую не возлагали особенныхъ надеждъ, оказалась лучшею въ арміи. Въ этомъ дѣлѣ гвардейскіе офицеры соперничали храбростью со старыми служаками и изъ числа 24 ихъ выбыло 10 изъ строя. Генералъ Герстенцвейгъ сопровождалъ графа Толя въ атакѣ, произведенной резервной кавалеріей, и особенно отличился, командуя артиллеріей этого отряда.

Я долженъ присовокупить, къ величайшему моему сожалѣнію, что когда я уже отправилъ донесеніе в. и. в. о дѣлѣ 13-го числа, то князь Шаховской, не говорившій мнѣ объ этомъ ничего при нашемъ первомъ свиданіи на полѣ битвы, извѣстилъ меня рапортомъ, что въ дѣлѣ, которое онъ имѣлъ въ этотъ день по утру, ему пришлось бросить одно орудіе легкой батареи № 2-й, изъ 1-й бригады, взятое имъ отъ отряда Мандерштерна, которое, сбившись съ пути, завязло въ одномъ изъ тѣхъ болотистыхъ рвовъ, коими такъ изобилуютъ окрестности Варшавы. Князь Шаховской надѣялся разыскать это орудіе, но лица, посланныя за нимъ, узнали отъ жителей, что крестьяне вытащили его изъ рва и оно увезено. Эта потеря тѣмъ болѣе чувствительна, что она не была искуплена, какъ потеря орудій Крейца, дѣйствіемъ нашего орудія на непріятеля. Я былъ вынужденъ сдѣлать это замѣчаніе князю Шаховскому.

Письмо мое было написано до сихъ поръ, когда я получилъ донесеніе генерала Сакена, извѣщающаго меня, что подполковникъ Сва-

линскій, командующій 4-мъ баталіономъ 8-го линейнаго полка, перешелъ въ его лагерь. Онъ прибылъ вчера вечеромъ въ мою главную квартиру. Я обошелся съ нимъ съ тѣмъ уваженіемъ, какого заслуживаетъ человѣкъ, подавшій первый примѣръ возврата къ своему долгу. Я посылаю его въ Гродно, откуда онъ будетъ препровожденъ въ С.-Петербургъ, въ сопровожденіи офицера.

Извѣстія, привезенныя намъ подполковникомъ Сволинскимъ, въ высшей степени интересны. Его показанія о потеряхъ, понесенныхъ поляками, согласуются съ тѣми, которыя получены ранѣе, но онъ прибавляетъ, что такъ какъ князь Радзивилъ объявилъ себя неспособнымъ долѣе командовать арміей, то его просьба объ отставкѣ принята точно также, какъ и отставки генераловъ: Вейсенгофа, Крюковицкаго, Томильцкаго, Сухаржевскаго, Гелгуша и нѣкоторыхъ другихъ, и что главнокомандующимъ избранъ бывшій полковникъ 8-го полка, Скжынецкій (Skrynecki), одинъ изъ наиболѣе молодыхъ генералъ-маіоровъ, такъ какъ онъ произведенъ въ генералы революціоннымъ правительствомъ. Какъ ни мало вѣроятно это извѣстіе, но подполковникъ Сволинскій выдаетъ его за достовѣрное, утверждая, что онъ слышалъ его отъ генерала Янковскаго, пріѣзжавшаго изъ Варшавы въ Модлинъ, чтобы посѣтить полковника Ледуховскаго.

Этотъ полковникъ числится комендантомъ Модлина, гарнизонъ котораго состоитъ изъ 4-хъ баталіоновъ 4-хъ дивизій разныхъ полковъ и изъ двухъ баталіоновъ милиціи. Посовѣтывавшись съ графомъ Курутою, я пошлю полковника Киля парламентеромъ въ Модлинъ съ цѣлью постараться призвать Ледуховскаго къ исполненію его долга. Но я не разсчитываю на успѣхъ.

Генералъ Сакенъ также донесъ мнѣ, что довольно значительное количество милиціи съ нѣсколькими баталіонами и эскадронами регулярныхъ войскъ, съ 8-ю орудіями, двинулось изъ Плоцка по направленію къ Плонску и что другіе, довольно многочисленные, отряды милиціи находятся въ Черкановѣ и Прайницѣ, въ воеводствѣ Плоцкомъ. Не имѣя возможности мечтать о переправѣ черезъ Вислу до вскрытія рѣки и даже нѣсколько дней спустя, я счелъ за лучшее употребить это время, пославъ литовскій корпусъ для подкрѣпленія генерала Сакена и поручивъ барону Розену разсѣять всѣ эти сборища.

Мои достойные товарищи по оружію благодарятъ в. и. в. за вашу милостивую память о нихъ. Прошу васъ, государь, повергнуть меня къ стопамъ ея в. государыни императрицы и принять увѣреніе въ глубочайшей благодарности и преданности, съ коими честь имѣю быть в. и. в. всепокорнѣйшій и всепреданнѣйшій слуга и вѣрноподданный И. Дибичъ-Забалканскій.

XLI.

Проэктъ статьи для напечатанія въ Вѣдомостяхъ съ поправками рукою его величества.

1831 г.

Главнокомандующій дѣйствующею арміею отъ 19-го февраля доноситъ государю императору, что послѣ сраженія 13-го числа никакихъ важныхъ военныхъ дѣйствій не происходило. Не взирая на пораженіе, нанесенное въ тотъ день арміи мятежниковъ и на совершенное разстройство, въ коемъ она находится на правомъ берегу Вислы, доселѣ еще невозможно было воспользоваться всѣми выгодами побѣды. Ненадежное состояніе льда на Вислѣ, вскрывшейся во многихъ уже мѣстахъ, не дозволяетъ предпринять переправы войскъ нашихъ до совершеннаго ея очищенія, ниже овладѣть остающимся въ рукахъ мятежниковъ мостовымъ укрѣпленіемъ въ Прагѣ, которое, имѣя свободное сообщеніе съ Варшавою, можетъ противупоставить намъ упорную защиту, между тѣмъ какъ обладаніе онымъ въ настоящемъ положеніи рѣки не представляетъ существенной выгоды [1]).

Ген.-ф. графъ Дибичъ Забалканскій вмѣстѣ съ симъ доноситъ е. и. в., что потеря наша въ сраженіи 13-го числа превышаетъ первоначальное показаніе объ оной—по рапортамъ полковъ она простирается до 8,000 убитыми и ранеными, но потеря мятежниковъ, безъ всякаго сравненія, значительнѣе нашей потери отъ сосредоточеннаго дѣйствія нашей многочисленной артиллеріи и стремительныхъ атакъ нашей кавалеріи.

Сіе подтверждено показаніемъ плѣнныхъ и ежедневно передающихся къ намъ нижнихъ чиновъ и жителей варшавскихъ.

(Рукою г.-а. гр. Чернышева сдѣлано противу этого съ боку слѣдующее замѣчаніе:)

«Въ первомъ рапортѣ гр. Ивана Ивановича сказано 4,000. Не сдѣлаетъ ли сіе непріятнаго впечатлѣнія, такъ какъ здѣсь потеря показана вдвое».

Выс. резолюція. «Правда должна быть извѣстна какъ есть».

---

[1]) Противъ послѣднихъ строкъ высочайшая резолюція: „Лучше не упоминать“.

XLII.

Императоръ Николай—графу Дибичу.

С.-Петербургъ. 21 февраля (2 марта) 1831.

[Переводъ]. Вчера въ 3 часа прибылъ Будбергъ съ вашимъ письмомъ отъ 14 (26) числа. Благодарю Бога за дарованный намъ успѣхъ; храбрость нашего прекраснаго войска нисколько не удивляетъ меня, скорѣе я былъ бы изумленъ противнымъ. Но признаюсь вамъ, другъ мой, что я ожидалъ болѣе важныхъ и въ особенности болѣе рѣшительныхъ результатовъ, взявъ во вниманіе значительное превосходство нашихъ силъ и прочія выгоды нашей позиціи. Почти невѣроятно, что при подобныхъ условіяхъ непріятелю удалось спасти всю свою артиллерію и переправиться со всѣмъ войскомъ черезъ Вислу въ одномъ пунктѣ. Можно было ожидать по крайней мѣрѣ, что онъ потеряетъ большую часть своей артиллеріи и что тутъ повторится Березинская драма. Теперь развязка похода отложится еще на нѣкоторое время. Остается только сказать, что вѣрно такова воля Господня, и покориться ей, продолжая эту войну со всею возможною энергіей.

Я долженъ вамъ замѣтить, что съ самаго начала кампаніи я не получалъ ни одной вѣдомости о движеніяхъ войска; что я нахожусь въ полнѣйшемъ и совершенно непостижимомъ невѣдѣніи относительно всѣхъ диспозицій отдѣльныхъ частей войска. Я не знаю даже, что сталось съ остальными 10 баталіонами изъ колонны кн. Шаховскаго, такъ что я не въ состояніи слѣдить за событіями; это не можетъ такъ продолжаться и я долженъ повторить вамъ, чтобы вы слѣдили за тѣмъ, чтобы я получалъ извѣстія обо всемъ происходящемъ, ибо такъ должно быть и нѣтъ причины, чтобы было иначе; даже въ Турціи и въ Персіи всякое отданное приказаніе строго исполняется. Я полагаю, что остальная часть польской арміи воспользуется тѣмъ временемъ, когда ненадежное состояніе Вислы помѣшаетъ вамъ переправиться черезъ рѣку, чтобы стянуть остальные резервы и запастись боевыми запасами въ Модлинѣ; весьма возможно даже, что, прибѣгнувъ къ крайнему средству, они сформируютъ большой отрядъ съ цѣлью двинуться отъ Модлина на Пултускъ и напасть на отряды, оставленные на ковенской дорогѣ или движущіеся по ней. Вслѣдствіе этого я приказалъ пріостановить на два дня движеніе головы второй гвардейской дивизіи, такъ чтобы она шла вмѣстѣ со всей дивизіей; такое же приказаніе получитъ кирасирская дивизія, но было бы хорошо, чтобы вы имѣли часть вашей огромной кавалеріи для разъѣздовъ по воеводству Плоцкому и для того, чтобы разоружить

тамъ войско, подобно тому, какъ это сдѣлано уже въ занятыхъ нами воеводствахъ.

Атака, произведенная кирасирами съ ихъ артиллеріей, прекрасна, точно также какъ и дѣйствія гвардейскихъ улановъ; но я сожалѣю, что вы назначили послѣднихъ въ дѣло, лучше было бы обойтись безъ нихъ и употребить ихъ вмѣстѣ со всѣмъ корпусомъ лишь въ послѣдней крайности. Прикажите немедленно укомплектовать этотъ полкъ 15 рядами, взявъ улановъ изъ Литовскаго полка, какъ наиболѣе сильныхъ. Точно также прикажите комплектовать людьми и лошадьми конно-гвардейскую батарею.

Вчера вечеромъ отправлено приказаніе двинуть по одному резервному эскадрону изъ 3 кирасирскихъ и 3 уланскихъ полковъ [1]), они могутъ присоединиться къ вамъ въ половинѣ апрѣля. Вы считаете свой уронъ въ 10,000 человѣкъ, я же полагаю, что онъ доходитъ до 15,000 чел., благодаря безразсуднымъ дѣйствіямъ Гейсмара, отъ котораго я не имѣю до сихъ поръ донесенія. За то потерю непріятеля я считаю сравнительно въ 20,000 человѣкъ и вѣроятно не дѣлаю большой ошибки, взявъ во вниманіе дѣйствіе нашей многочисленной артиллеріи. Имъ трудно будетъ пополнить убыль артиллеристовъ, это обстоятельство весьма важное. Если бы Варшава не сдалась на капитуляцію послѣ вашего требованія и если бы армія вздумала запереться въ ней, чего я не могу предположить, то вы можете бомбардировать ее, если войско будетъ защищать городъ; если же войско не засядетъ тамъ, то вы могли бы даже доказать, что городъ возможно сжечь, не ведя впрочемъ правильной атаки, такъ какъ голодъ будетъ средствомъ болѣе вѣрнымъ и столь же дѣйствительнымъ.

Остается теперь предположить, что крѣпость могла бы сдаться; сдача эта должна быть безусловною. Въ такомъ случаѣ прикажите арестовать главныхъ виновниковъ, помиловавъ мелочь; я называю главными виновниками зачинщиковъ нападенія на Бельведеръ и убійцъ, членовъ незаконнаго правительства и въ особенности Чарторыйскаго и Лелевеля и другихъ имъ подобныхъ негодяевъ.

Учредите въ городѣ такое правленіе, какое вы найдете болѣе подходящимъ къ обстоятельствамъ. Дозволяю вамъ обратить королевскій замокъ въ военный госпиталь, оставивъ неприкосновеннымъ только кабинетъ покойнаго государя. Всѣ вещи, какъ-то мундиръ государя и прочіе предметы, принадлежавшіе ему, должны быть высланы мнѣ немедленно. Королевскія вещи, какъ-то тронъ и т. п., должны быть прибраны въ надежное мѣсто и опечатаны до полученія отъ меня

---

[1]) Par un escadron de réserve des 3 cuirassiers et 3 lanciers par régiment.

дальнѣйшихъ приказаній. Прикажите также опечатать университетскую библіотеку и библіотеку литературнаго общества. Орудія изъ Варны, находящіяся въ Варшавѣ, слѣдуетъ забрать и отправить въ Динабургъ. Впрочемъ соблюдайте строжайшую дисциплину, держите въ городѣ какъ можно меньше войска и только необходимое число его въ казармахъ. Лучше всего было бы поручить охрану города гвардіи, которая имѣетъ тамъ свои квартиры и уже свыклась съ Варшавою.

Вы знаете уже, что я сформировалъ для 6-го корпуса 26-ую дивизію; чѣмъ скорѣе вы будете въ состояніи присоединить ее, чтобы облегчить ея организацію, тѣмъ лучше. Я полагаю, что съ этой цѣлью вы могли бы немедленно приказать 2-му корпусу двинуться, чтобы замѣнить въ Бѣлостокѣ и его окрестностяхъ баталіоны 24-й дивизіи и условиться съ Сакеномъ, чтобы замѣнить баталіоны 25-й дивизіи дивизіонами 3-го корпуса. Брестъ и Сѣдлецъ должны быть сборнымъ пунктомъ 26-й дивизіи, т. е. тѣмъ пунктомъ, гдѣ она будетъ окончательно сформирована. Новые резервные баталіоны 6-го корпуса не могутъ прибыть ранѣе конца апрѣля мѣсяца. Я тороплю по мѣрѣ возможности сформированіе резервныхъ баталіоновъ 1-го корпуса и гренадерскаго полка, но это нельзя будетъ исполнить такъ скоро, такъ какъ новобранцы запаздываютъ. Въ числѣ плѣнныхъ, взятыхъ 7 числа, у васъ находится извѣстный Борткевичъ, его слѣдуетъ держать какъ государственнаго преступника и какъ таковаго отправить въ Бобруйскъ.

Я произвелъ Притвица во флигель-адъютанты, оставивъ его при полку; то же повышеніе получили Будбергъ и баронъ Мейендорфъ. Точно также я наградилъ Толя, Розена, Палена, Нейтгарда и Горчакова; относительно другихъ я подожду.

Косецкій пріѣхалъ; онъ скоро поѣдетъ вслѣдъ за Энгелемъ. Мнѣ нечего болѣе сказать вамъ. Извѣстія, получаемыя изъ Франціи, ухудшаются съ каждымъ днемъ; въ Парижѣ разграблены церкви и крестъ замѣненъ трехцвѣтнымъ знаменемъ! Пора покончить дѣла въ Польшѣ, чтобы имѣть руки развязанными.

Кланяйтесь всѣмъ нашимъ храбрецамъ, Толю и компаніи; скажите кирасирамъ, что я съ особеннымъ удовольствіемъ вижу, что они сдержали слово и что первое появленіе ихъ въ бою было произведено въ томъ же боевомъ порядкѣ, въ какомъ я видѣлъ ихъ въ послѣдній разъ, когда я имъ предсказалъ, что если они точно также будутъ держать себя передъ непріятелемъ, то никто не устоитъ передъ ними. Поберегите ихъ по возможности, точно также какъ гренадеръ, такъ какъ это отборное войско чрезвычайно понадобится намъ; главное сосредоточьте гренадеръ и не образуйте изъ нихъ отдѣльныхъ отрядовъ.

Прощайте, любезный другъ, да направитъ и защититъ васъ Господь. Вашъ навсегда искренно преданный Николай.

Жена моя кланяется вамъ.

S.-Petersbourg, le 21 Février (2 Marz) 1831.

C'est hier à 3 heures qu'est arrivé Boudberg, porteur de votre lettre du 14 (26). Je bénis Dieu pour le succés qu'il a daigné nous accorder; la bravoure de nos excellentes troupes ne saurait me surprendre, je ne m'étonnerais que du contraire. Mais je vous avoue, mon cher ami, que je m'attendais à de plus grands résultats, et surtout plus décisifs, vu l'immense supériorité de nos forces et les autres avantages que la position vous offrait. Il est presque incroyable qu'après de telles chances, l'ennemi ait pu sauver toute son artillerie et repasser en entier la Vistule sur un seul pont. L'on pouvait au moins s'attendre à lui voir perdre une grande partie de son artillerie et voir répéter un second Bérézina. Maintenant c'est partie remise. Il faut le dire que le bon Dieu l'a voulu ainsi et s'y résigner, en continuant cette guerre odieuse avec toute la rigueur possible.

Je vous observerais que depuis l'ouverture de la campagne je n'ai pas reçu un seul journal des mouvements de l'armée; que je suis dans l'ignorance la plus complète comme la plus incroyable de toutes les dispositions des parties détachées de l'armée. Je ne sais pas même ce que sont devenus les 10 bataillons restants de la colonne du P. Chahofskoy, de façon que je ne puis rien suivre de ce qui se passe, sela ne peut pas durer ainsi, et je suis obligé de vous répéter de veiller à ce que je sois tenu au courant de ce qui se passe, parceque cela doit être et qu'il n'y a pas de raison pour qu'il en soit autrement; même en Turquie et en Perse l'ordre ordonné a toujours été strictement observé. Je suppose que le reste de l'armée polonaise tachera de profiter du temps où l'état de la Vistule vous empêchera d'en faire le passage, pour attirer à soi les dernières réserves et se ravitailler en munitions de Modlin; dans leur désespoir de cause, il ne serait pas impossible même qu'ils ne fassent un gros détachement, pour déboucher de Modlin sur Pultusk, et tomber sur les détachements laissés ou en marche sur la chaussée de Kowno. J'ai ordonné à cet effet d'arrêter de deux jours le mouvement de la tête de la seconde division de la garde, de façon à la faire marcher ensemble; il en sera de même de la division des cuirassiers, mais il serait bon que vous eussiez de votre énorme cavalerie pour battre le palatinat de Plotsk pour y opérer le désarmement à l'instar de ce qui a été fait dans ceux que nous occupons déjà.

La charge des cuirassiers avec leur artillerie est superbe, ainsi que des lanciers de la garde; mais je suis au regret de ce que vous ayez fait donner ces derniers; il eut été mieux de s'en passer, et de ne les employer qu'avec leur corps et dans la dernière extrémité. Vous ferez de suite compléter ce régiment à 15 files en prenant sur les lanciers de Lithuanie comme les plus forts. Vous ferez de même compléter en hommes et en chevaux la batterie à cheval de la garde.

L'ordre est parti hier soir pour faire marcher par un escadron de réserve des 3 cuirassiers et 3 lanciers par régiment, ils pourront vous rejoindre à la mi-avril. Vous estimez votre perte à 10.000, moi je la suppose à 15.000 hommes avec les sottises de Geismar, dont jusqu'à présent je n'ai pas de rapport. Par comparaison j'établis à 20.000 la perte de l'ennemi et je ne crois pas me tromper de beaucoup vu l'effet de notre nombreuse artillerie. Ils auront de la peine à refaire leur perte en artilleurs et cela est fort conséquent. Si Varsovie ne capitulait pas à votre sommation et que l'armée voulut s'y enfermer, ce que je ne puis croire, alors vous la bombarderez, si elle fesait de même, même si l'armée ne s'y enfermait pas, vous pourriez aussi lui prouver que l'on peut la bruler, sans cependant tenter une attaque en forme, puisque la famine serait plus sure et tout aussi efficace.

Reste enfin la supposition d'une reddition; elle ne doit être qu'à discretion. Vous ferez dans ce cas arrêter tous les grands coupables, en faisant amnistie à la мелочь; j'appelle grands coupables les fauteurs de l'attaque contre Belvédère et les assassins, les membres du gouvernement illégal et surtout Tchartorisky et Lélével et autres faquins semblales.

Vous établirez dans la ville telle administration que vous trouverez convenable pour le moment. Je vous autorise de transformer le chateau Royal en hôpital militaire, en ne respectant que le cabinet de feu l'Empereur. Tous les objets tels que l'uniforme de l'Empereur et autres objets, qui lui ont appartenus, me seront envoyés sur le champ. Les objets Royaux comme trône etc. devront être mis en lieux de sureté et scellés jusqu'à nouvel ordre. Vous ferez de même mettre les scellés sur la bibliothèque de l'Université et celle de la societé des belles lettres. Les canons de Warna devront être enlevés et envoyés à Dunabourg. Du reste la plus exacte discipline, le moins de troupes possible en ville et l'indispensable en casernes. Le mieux serait de confier la garde de la ville à la garde, qui y posséde ses établissements et ses habitudes.

Vous savez déjà que j'ai formé une 26 division pour le 6 corps; le plutôt que vous pourrez la réunir pour faciliter son organisation le mieux ce sera. Je pense que pour le faire vous pourriez ordonner de

suite au 2 corps d'avancer et de remplacer à Byalostok et environs les bataillons de la 24, et vous aboucher avec Sacken pour remplacer ceux de la 25 par les divisions du 3 corps. Brest devrait être avec Sedlze le point de réunion ou de formation finale de la 26 division. Les nouveaux bataillons de réserve du 6 corps ne peuvent arriver que vers la fin d'Avril. Je hate tant que je puis la formation des bataillons de réserve du 1 corps et des grenadiers, mais ce ne sera pas de sitot, les recrues nous arrivont fort tard. Parmis vos prisonniers du 7 vous avez le fameux Bortkévitch; celui la doit être tenu comme criminel d'Etat et envoyé comme tel à Bobrouysk.

J'ai nommé Pritwitz mon aide de camp en le laissant au régiment; j'en ai fait de même pour Boudberg et pour le Baron Meyendorf. J'ai recompensé de même Toll, Rosen, Pahlen, Neithardt et Gortchakof; j'attends pour les autres.

Kossetsky est arrivé, il suivra Engel dans peu. Rien de plus à vous dire. Les nouvelles de France deviennent de jour en jour plus mauvaises; à Paris l'on a pillé des églises et remplacé la croix par le drapeau tricolore! Il est temps que l'affaire de Pologne se termine, pour avoir les coudes libres.

Mille choses à tous nos braves, Toll et compagnie; dites aux cuirassiers que j'ai eu une vraie satisfaction de voir qu'ils m'ont tenu parole, et que leur première apparition au feu ait été exactement dans l'ordre de bataille dans lequel je les ai vu pour la dernière fois, et où je leur prédit que si devant l'ennemi ils sauraient être tels que je les voyais là, que rien ne leur résisterait. Menagez les tant que vous pouvez, ainsi que les grenadiers, car nous aurons bien besoin de cette troupe d'élite; surtout r é u n i s s e z les grenadiers et n'en faite pas de détachements.

Adieu, mon cher ami, que Dieu vous couvre de son égide et vous inspire! Tout à vous pour la vie.

Votre sincèrement affectionné N.

Ma femme vous dit mille choses

XLIII.

Графъ Дибичъ—императору Николаю.

Милосна, 21-го февраля 1831 г.

[Переводъ]. Ваше величество, отправивъ 19-го февраля моего курьера, я намѣревался отправиться къ аванпостамъ для осмотра ихъ, какъ вдругъ адъютантъ гр. Палена явился ко мнѣ съ извѣстіемъ, что какой-то парламентеръ требуетъ свиданія со мною. Не желая закрывать всякій путь къ примиренію, я приказалъ привести его ко мнѣ, съ завязанными глазами въ Грохово. Оказалось, что это полковникъ Мѣчельскій, бывшій адъютантъ е. и. в. великаго князя цесаревича.

Этотъ полковникъ объявилъ мнѣ, что онъ уполномоченъ временнымъ правительствомъ и главнокомандующимъ польской арміей спросить меня, на какихъ условіяхъ в. и. в. разрѣшили мнѣ прекратить враждебныя дѣйствія. Онъ распространился о бѣдствіяхъ, вызываемыхъ войною, сознался, что бывшія сраженія стоили имъ болѣе 10,000 человѣкъ, но напомнилъ, что и наши успѣхи стоили намъ громадныхъ жертвъ.

Я отвѣчалъ, что разумѣется я желаю болѣе всѣхъ прекращенія раззорительной войны, въ которой нашими врагами являются люди, такъ недавно бывшіе нашими согражданами, нашими братьями; что тѣмъ не менѣе я не могу признать существованіе въ Варшавѣ какого бы то ни было правительства, когда преступный и незаконный сеймъ осмѣлился низложить императора и короля, что поэтому я не имѣю права входить съ нимъ въ переговоры, но что если новый главнокомандующій польской арміи, чувствуя всю важность возложенныхъ на него обязанностей, желаетъ чистосердечно изъявить свою покорность в. в., то обнародованный манифестъ укажетъ ему на дальнѣйшій его образъ дѣйствій и что въ немъ изложены единственныя условія, какія я могу предложить.

Полковникъ Мѣчельскій возразилъ мнѣ на это, что если армія, по смыслу манифеста, сдастся въ Плоцкѣ, то это значило бы отдать въ наши руки Варшаву и пожертвовать всѣми правами Польши, въ защиту которыхъ народъ поднялъ оружіе. Онъ сознался, что онъ вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что въ концѣ концовъ мы подавимъ польскія войска нашимъ численнымъ превосходствомъ, но что сдаться безусловно было бы подлостью, на которую они никогда не согласятся, что они скорѣе рѣшатся погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, даже безо всякой надежды на успѣхъ, или примутъ какое нибудь отчаянное рѣшеніе, какъ напр. пробить себѣ силою дорогу до Франціи, о чемъ вопросъ уже былъ поднятъ.

Я сказалъ съ своей стороны, что по моему мнѣнію нѣтъ иного средства къ примиренію, какъ сдаться безусловно, положась на милосердіе и великодушіе в. и. в. Я доказывалъ, что для солдата не можетъ быть постыднымъ возвратиться къ исполненію данной присяги, что первымъ дѣйствіемъ арміи должно быть провозглашеніе незаконности декрета о низложеніи короля. Я не хотѣлъ даже останавливаться на опроверженіи возможности войскамъ пройти земли Австріи и Пруссіи по пути во Францію, но обратился къ разуму и къ истинному патріотизму, чтобы доказать, что армія, сознавъ невозможность побѣдить, обязана, ради отечества и своихъ согражданъ, отказаться отъ безполезнаго сопротивленія.

Польскій депутатъ, нарисовавъ затѣмъ обстоятельную картину обидъ, нанесенныхъ польскому народу вслѣдствіе нарушенія нѣкоторыхъ главныхъ статей польской хартіи, старался этимъ объяснить и оправдать революцію. Онъ старался на тысячу ладовъ вызвать меня на объясненіе по поводу соблюденія конституціи и получить отъ меня обѣщаніе, что она не будетъ отмѣнена.

Я съ своей стороны тщательно избѣгалъ объясниться, ссылаясь на тѣ рѣшенія, какія могутъ быть приняты в. и. в. по полученіи извѣстія о томъ, что Польша признала вашу августѣйшую власть.

Полковникъ М ѣ ч е л ь с к і й желалъ повидимому добиться перемирія, во-первыхъ, съ тѣмъ, чтобы дать польскому правительству время принять какое-либо рѣшеніе, и во-вторыхъ, чтобы я, со своей стороны, могъ послать въ С.-Петербургъ курьера за вашимъ, государь, окончательнымъ рѣшеніемъ. Я объяснилъ ему совершенно откровенно, что инструкціи, данныя мнѣ, воспрещаютъ заключать перемиріе, основанное на какомъ бы то ни было взаимномъ соглашеніи, но что если польская армія двинется на Плоцкъ съ явнымъ намѣреніемъ изъявить тамъ свою покорность, то я обязуюсь не атаковать ее, не прекращая однако же прочихъ нашихъ военныхъ операцій. Впрочемъ я замѣтилъ, что наступившее время года благопріятствуетъ желанію поляковъ, вынуждая прекратить на нѣсколько дней враждебныя дѣйствія, чѣмъ они могутъ воспользоваться для того, чтобы зрѣло обдумать участь, которую они готовятъ странѣ своимъ упорнымъ, но какъ говорятъ, — безполезнымъ сопротивленіемъ. Я присовокупилъ, что чѣмъ скорѣе и добровольнѣе будетъ изъявлена покорность, тѣмъ болѣе Польша можетъ надѣяться на то, что в. в. отнесетесь къ ней съ снисхожденіемъ.

Полковникъ Мѣчельскій отвѣчалъ мнѣ фразами, настаивалъ на невозможности войску отправиться въ Плоцкъ и объявить себя противникомъ правительства, созданнаго волею народа, припомнилъ прежнія

обиды, высказалъ надежду, что королевское правительство, если оно будетъ возстановлено, съумѣетъ впредь избѣгнуть прежнихъ ошибокъ и предложилъ, наконецъ, избрать в. в. королемъ польскимъ.

Услыхавъ столь странное предложеніе, я хотѣлъ прекратить нашъ разговоръ, но прежде счелъ необходимымъ выяснить всю нелѣпость этого предложенія и растолковать ему совершенно ясно, что мы не только не желаемъ упрочить принципъ народной власти (souveraineté du peuple) и всѣ проистекающія изъ него революціонныя тенденціи, но что, напротивъ, всѣ наши заботы будутъ клониться къ тому, чтобы исправить бѣдствія, причиненныя ими. Я доказывалъ, что декреты незаконнаго собранія, присвоившаго себѣ верховную власть, не могутъ уничтожить никакихъ правъ, а тѣмъ менѣе правъ в. и в. и что престолъ Польши не раздѣленъ отъ престола Россіи. Гр. Мѣчельскій постарался смягчить впечатлѣніе, произведенное его словами, и отдалъ, государь, полную справедливость вашимъ личнымъ качествамъ, снискавшимъ, какъ онъ говоритъ, довѣріе и любовь поляковъ. Справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ именно тонѣ говорилъ полковникъ во все время нашихъ переговоровъ. Затѣмъ онъ снова коснулся обидъ, нанесенныхъ полякамъ тѣми, кому было ввѣрено управленіе, и попытался еще разъ вынудить у меня обѣщаніе, что конституція будетъ соблюдена. Наконецъ, онъ упомянулъ объ указѣ, назначающемъ меня генералъ-губернаторомъ, высказавъ, что хотя этотъ выборъ и предвѣщаетъ, что страна будетъ подчинена, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, военному управленію, такъ какъ я соединяю въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ званіе главнокомандующаго русской арміей, но что подобное назначеніе не встревожило бы страну, если бы званіе, присвоенное мнѣ, было конституціонное, каково напр. званіе королевскаго намѣстника, такъ какъ поляки увѣрены, что проникнутый вашими великодушными намѣреніями я не сталъ бы злоупотреблять данной мнѣ властью и по возстановленіи порядка я съумѣлъ бы держаться въ границахъ, предписываемыхъ закономъ.

Надобно сказать, что въ тѣхъ фразахъ, которыми сопровождалась эта рѣчь, я ясно видѣлъ желаніе подкупить меня лестью. Я попрежнему остерегался сказать что либо могущее быть принятымъ за обѣщаніе, что хартія останется неприкосновенною, или могущее подать мысль, что она можетъ быть уничтожена. Но высказавъ, что въ трехъ воеводствахъ праваго берега Вислы вся администрація, по волѣ в. и. в., возстановлена на прежнихъ основаніяхъ и что всѣ судебныя инстанціи (tribunaux) получили приказаніе сообразоваться съ законами и обычаями, дѣйствовавшими до возстанія, я тѣмъ самымъ давалъ понять, что бывшія гражданскія законоположенія останутся въ прежней силѣ.

Наше совѣщаніе длилось около 3 часовъ. Прощаясь со мною, полковникъ Мѣчельскій сказалъ, что онъ передастъ все слышанное лицамъ, пославшимъ его, и обязался въ непродолжительномъ времени сообщить мнѣ ихъ отвѣтъ. Я вновь старался представить ему, какъ было бы желательно, чтобы изъявленіе покорности законному монарху прекратило поскорѣе бѣдствія страны и еще разъ повторилъ то, что уже неоднократно было высказано мною во время разговора, именно, что обѣщаніе помилованія людей, сбившихся съ пути истиннаго или доказавшихъ фактами свое раскаяніе, будетъ сдержано строжайшимъ образомъ.

Прежде чѣмъ отвести полковника Мѣчельскаго до непріятельскихъ аванпостовъ, я разрѣшилъ его двоюродному брату, графу Ржевускому, поговорить съ нимъ. Я счелъ долгомъ оказать этотъ знакъ довѣрія этому молодому офицеру, адъютанту гр. Витта, извѣстному своимъ умомъ, храбростью и испытанною преданностью къ в. и. в. Онъ вынудилъ у полковника Мѣчельскаго признаніе объ упадкѣ духа, начинавшемъ распространяться въ войскѣ, и о несогласіи, господствовавшемъ между начальниками. Мѣчельскій высказалъ ему даже, что если бы полякамъ удалось, кромѣ перемирія, заручиться положительнымъ обѣщаніемъ, что Польша будетъ и впредь существовать какъ отдѣльное королевство, то они, не колеблясь, изъявили бы свою покорность и войско сложило бы оружіе.

Полковникъ Мѣчельскій не появлялся у насъ вчера и мы еще не имѣемъ о немъ никакого извѣстія.

Я не надѣюсь, чтобы мятежники изъявили свою покорность немедленно, и даже до тѣхъ поръ, пока мы будемъ находиться на правомъ берегу Вислы. По крайней мѣрѣ эта первая попытка доказываетъ, что сраженіе 13-го числа возбудило вообще въ полякахъ желаніе достигнуть примиренія. Каковы бы ни были результаты порученія, возложеннаго на полковника Мѣчельскаго, но я желалъ немедленно извѣстить о томъ в. и. в.

Судя по донесеніямъ, полученнымъ мною отъ барона Розена, непріятельскіе отряды, собиравшіеся въ Прайницѣ и Цехановичѣ, никогда не были многочисленны и уже разсѣялись. Польскія войска, вмѣсто того, чтобы наводнить, какъ говорили, покоренную уже часть воеводства Полоцкаго, отступаютъ за Вкру (Vkru), сожигая за собою мосты. Такъ какъ наступившее тепло предвѣщаетъ скорое вскрытіе Вислы, то я отдамъ приказаніе 6-му корпусу не преслѣдовать мятежниковъ въ ихъ отступленіи.

Я узналъ, что польская армія расположилась такимъ образомъ, чтобы защищать переправу черезъ рѣку близъ Пулавы и, желая ли-

шить насъ средствъ къ продовольствію, опустошаетъ страну между Варшавою и этимъ пунктомъ до Коховицы. Но это препятствіе будетъ весьма ничтожное; я переправлюсь черезъ рѣку болѣе по направленію къ лѣвому флангу, возьму Радомъ и двинусь прямо на столицу. Этотъ путь представитъ намъ даже то преимущество, что мы можемъ миновать лѣса, покрывающіе лѣвый берегъ Вислы, простираясь до Варшавы.

Разговоръ, который я имѣлъ честь передать сегодня в. в., происходилъ въ присутствіи графа Палена и генерала Нейтгарда. Смѣю надѣяться, что осторожность, съ какою я держалъ себя во время этого разговора, заслужитъ высочайшее одобреніе в. и. в., и что вы соблаговолите сообщить мнѣ высочайшія распоряженія ваши относительно новыхъ предложеній, которыя могли бы мнѣ быть сдѣланы.

Соблаговолите, государь, принять увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи и совершенной преданности, съ какою честь имѣю быть, государь, в. и. в. всенижайшій и всепокорнѣйшій вѣрноподданный И. Дибичъ-Забалканскій.

Ваше величество, я уже продиктовалъ это письмо и даже подписалъ его, когда, обдумывая еще разъ всѣ подробности моего разговора съ полковникомъ Мѣчельскимъ, я вспомнилъ два обстоятельства, о которыхъ я считаю долгомъ довести до свѣдѣнія в. и. в.

Первое обстоятельство то, что мятежники были убѣждены, что передъ генеральнымъ сраженіемъ я пришлю имъ парламентера; въ особенности же они ожидали таковаго послѣ сраженія 13-го числа, но, не дождавшись его, рѣшились сами сдѣлать первый шагъ.

Полковникъ Мѣчельскій высказалъ кромѣ того, что на военномъ совѣтѣ было предложено истребить Варшаву, такъ какъ защита ея послѣ переправы черезъ Вислу признавалась невозможною, что было много толковъ о томъ, своевременно ли подобное рѣшеніе, но что до сихъ поръ ничего еще не рѣшено.

Соблаговолите, государь, извинить меня за сдѣланное упущеніе въ моемъ письмѣ и принять вторично увѣреніе въ совершенной моей преданности. И. Дибичъ-Забалканскій.

Собственноручная отмѣтка императора Николая: „Прочтите, позабавьтесь и отошлите мнѣ обратно".

XLIV.

Графъ Дибичъ — императору Николаю.

Милосна. 22-го февраля 1831 г.

(Переводъ). Ваше величество, вчера я имѣлъ честь отправить курьера къ в. и. в., но одно важное событіе вынуждаетъ меня не замедлить отправкою къ вамъ вторичнаго донесенія.

Генералъ Крейцъ только-что извѣстилъ меня словесно, черезъ адъютанта своего, присланнаго имъ ко мнѣ, что весьма многочисленный отрядъ поляковъ подъ командою генерала Дверницкаго переправился черезъ Вислу при Пулавѣ, частью по льду, частью по временному мосту, составленному изъ лодокъ и понтоновъ; говорятъ даже, будто при переправѣ утонуло два кавалерійскихъ эскадрона.

Мятежники напали врасплохъ на малочисленный кавалерійскій отрядъ, бывшій подъ командою генерала Кабра, причинивъ ему нѣкоторый уронъ, точную цифру котораго мы, впрочемъ, не знаемъ, точно также какъ и подробностей самой стычки.

Донесенія генерала графа Витта подтверждаютъ эти извѣстія; судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія ему удалось собрать, непріятельскія силы состоятъ изъ 18 довольно полныхъ баталіоновъ пѣхоты (такъ какъ 1-я дивизія менѣе пострадала, какъ говорятъ, въ битвѣ подъ Гороховымъ), изъ 2-хъ батарей полевой и 3-хъ батарей легкой артиллеріи. Я думаю, что это чрезвычайно преувеличено. Согласно показаніямъ нѣкоторыхъ перебѣжчиковъ, какъ-то: жидовъ и мѣстныхъ жителей, отдалившихся отъ своихъ жилищъ, польскіе солдаты и офицеры открыто говорятъ о намѣреніи идти на Волынь.

При приближеніи этихъ силъ, генералъ Крейцъ долженъ былъ отступить и Люблинъ будто бы занятъ мятежниками 20-го февраля.

При первомъ извѣстіи объ этомъ событіи я приказалъ графу Витту двинуться съ его войскомъ, стоявшимъ по квартирамъ въ окрестностяхъ Ласкаргева, на помощь корпусу Крейца; въ томъ же направленіи я послалъ бригаду гренадеръ литовскаго корпуса, а вслѣдъ за нею посылаю 3-ю гренадерскую дивизію.

Не знаю, въ какомъ направленіи совершитъ свое отступленіе генералъ Крейцъ; если ему удастся примкнуть къ тѣмъ войскамъ, которыя я ему посылаю, то успѣхи непріятеля безъ сомнѣнія будутъ этимъ пріостановлены и поляки, отрѣзанные отъ главныхъ силъ арміи скорымъ вскрытіемъ Вислы, вѣроятно потерпятъ рѣшительное пораженіе. Однако поляки имѣютъ то преимущество, что они ушли на 6 переходовъ впередъ корпуса Витта и онъ одинъ безъ поддержки дру-

гихъ войскъ уступитъ имъ численностью, такимъ образомъ поляки, скрывая искусно свои движенія, дѣйствительно могли бы достигнуть границы.

Желая предупредить возможность нечаяннаго нападенія и обезпечить за собою средства воспрепятствовать вторженію непріятеля въ наши предѣлы, я послалъ немедленно адъютанта къ фельдмаршалу графу Сакену. Я извѣщаю его о предполагаемыхъ намѣреніяхъ поляковъ и предлагаю ему, не теряя времени, сосредоточить 11-ю пѣхотную дивизію и 3-ю гусарскую между Луцкомъ и Дубно, стянувъ также къ этой мѣстности кавалерію генерала Ридигера.

Говорятъ, будто отчаянное рѣшеніе, принятое Дверницкимъ, къ которому присоединились войска, посланныя въ Кохеницу подъ начальствомъ Шембека, принято имъ вслѣдствіе неудовольствія этихъ обоихъ генераловъ по поводу назначенія главнокомандующимъ арміей человѣка гораздо моложе ихъ по службѣ. Слишкомъ виновные для того, чтобы изъявить свою покорность законному монарху, они хотятъ дѣйствовать независимо, пріобрѣсти извѣстность побѣдами надъ отдѣльными отрядами и смѣлостью своего проекта перенести войну въ предѣлы самой Россіи.

Я употреблю, в. в., всѣ мои старанія къ тому, чтобы разрушить этотъ замыселъ, но я счелъ долгомъ, не теряя ни минуты, извѣстить о томъ в. и. в.

По всѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мнѣ удалось получить, регулярныя войска поляковъ, значительно уменьшенныя громадными потерями, понесенными ими во время послѣднихъ сраженій, не особенно многочисленны, тогда какъ мятежники успѣли завербовать несравненно болѣе войска, въ особенности кавалеріи, нежели мы предполагали до сихъ поръ. Впрочемъ въ арміи не случилось ничего особенно важнаго; настала оттепель и мы ожидаемъ съ минуты на минуту вскрытія Вислы.

Соблаговолите, государь, повергнуть меня къ стопамъ ея в. государыни императрицы и принять увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи и безграничной преданности, съ коими честь имѣю быть, государь, в. и. в. всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга и вѣрноподданный И. Дибичъ-Забалканскій.

Собственной рукой е. в. написано: „Это непріятно въ настоящую минуту, но можетъ случиться, что этотъ польскій корпусъ будетъ весь уничтоженъ, я опасаюсь только какого нибудь отдѣльнаго нападенія, этому же какъ нельзя болѣе можетъ подать поводъ изолированное движеніе Витта и пѣхоты, идущей одиноко отдѣльными бригадами и дивизіями“.

XLV.

Императоръ Николай — графу Дибичу.

С.-Петербургъ. 24 февраля (8 марта) 1831 г.

(Переводъ). Вашъ курьеръ отъ 19-го числа прибылъ въ ту самую минуту, любезный другъ, когда я готовъ былъ отправиться на разводъ. Я весьма огорченъ тѣмъ, что неправильное движеніе, сдѣланное Шаховскимъ, лишило васъ успѣха, заслуженнаго сраженіемъ 13-го числа, и прихожу совсѣмъ въ отчаяніе отъ замедленія, причиняемаго дальнѣйшимъ военнымъ операціямъ ненадежнымъ состояніемъ Вислы,— сколько утраченнаго времени! Итакъ у насъ выбыло изъ строя 8,000 человѣкъ; исключая равносильной убыли у непріятелей, мы не достигли иного результата! Это очень, очень прискорбно. Но да будетъ воля Господня! Я вполнѣ одобряю ваше рѣшеніе послать Розена съ его корпусомъ на правый берегъ Нарева; это хорошая мѣра, такъ какъ она обезпечиваетъ вашъ правый флангъ и вынуждаетъ поляковъ передвинуть значительную часть своихъ силъ на нижнее теченіе Вислы изъ опасенія переправы. Можетъ быть по вскрытіи рѣки вамъ будетъ возможно даже оставить одну дивизію пѣхоты и одну кавалеріи для наблюденія за Прагою, а сами вы со всею арміею могли бы двинуться вслѣдъ за корпусомъ Розена и попытать переправиться ниже Модлина; вы будете имѣть прямыя дороги для сообщеній съ нашей границей и вынудите непріятеля сражаться спиною къ Варшавѣ, отрѣзавъ ему въ то же время сообщеніе съ тою мѣстностью, которая доставляетъ ему все необходимое и въ особенности съ границею. Если бы они даже атаковали обсерваціонный корпусъ, стоящій передъ Прагою, то отступленіе нашихъ войскъ на нѣсколько верстъ сдѣлало бы для нихъ невозможнымъ всякое дальнее преслѣдованіе. Въ это время необходимо будетъ двинуть всю легкую кавалерію на возможно бо̀льшее число пунктовъ, чтобы стѣснить дѣйствія непріятеля и нигдѣ не сражаться массами, однимъ словомъ—утомлять ихъ, не подвергая себя большимъ неудачамъ. Относительно продовольствія вы ничѣмъ не рисковали бы, такъ какъ вамъ легко было бы получить его даже изъ Пруссіи въ томъ случаѣ, если бы ваши запасы встрѣтили препятствія на пути. Попытать въ настоящее время переправу выше Варшавы кажется мнѣ неудобнымъ вслѣдствіи того, что это вынудило бы васъ отозвать обратно Розена или значительно ослабило бы васъ, если бы пришлось оставить его тамъ, гдѣ онъ находится, въ то же время оставивъ сильный отрядъ передъ Прагою; между тѣмъ мы видѣли на опытѣ, что у насъ нѣтъ ни одного человѣка и ни одной пушки лишнихъ.

Извѣстія, полученныя отъ Сволинскаго, если они справедливы, весьма важны и любопытны, но признаюсь, я съ трудомъ вѣрю имъ, точно также, какъ сомнѣваюсь въ успѣхѣ порученія, возложеннаго на Киля (Kiel). Пора употребить всѣ наши старанія, чтобы открыть глаза польскимъ солдатамъ; не слѣдуетъ щадить никакого средства, чтобы выяснить имъ наши намѣренія. Я полагаю, вамъ слѣдуетъ остановить гвардію близъ Ломжи и въ ея окрестностяхъ, и ни въ какомъ случаѣ не двигать ее далѣе, исключая какого нибудь бѣдствія, о которомъ я не желаю и думать, когда вамъ останется только это средство. Я сохраняю гвардію для себя и желаю, чтобы хоть она осталась невредимою, такъ какъ всѣ прочіе довольно пострадали въ дѣлѣ; трудно знать, что можетъ случиться въ непродолжительномъ времени, а это нашъ единственный резервъ! Итакъ, повторяю вамъ, я не желаю чтобы вы болѣе приближали его къ театру военныхъ дѣйствій. Но за то было бы весьма полезно, чтобы вы вовсе не останавливали 2-й корпусъ, но вмѣсто Бреста прямо направили бы его на Гродно и Бѣлостокъ, сосредоточивъ его въ окрестностяхъ перваго съ тѣмъ, чтобы двинуть массами (6-я дивизія могла бы двинуться за нимъ впослѣдствіи) на Ломжу, Пултускъ и Плоцкъ для присоединенія къ вамъ или для движенія прямо на Калишъ; слѣдуетъ занять войскамъ эту мѣстность и прекратить всякое сообщеніе съ прочими государствами (au dehors). Во всякомъ случаѣ было бы не лишне, если бы этотъ корпусъ находился поближе къ вамъ, а я замѣщу его внутри страны такимъ образомъ, что вамъ нечего будетъ опасаться.

25-го вечеромъ. Почта только-что привезла намъ извѣстія изъ Варшавы, полученныя черезъ Данцигъ; всѣ извѣстія о Сволинскомъ подтверждаются. Но трудно понять, почему именно польская армія раздѣлилась на три корпуса для защиты переправы черезъ Вислу; одинъ изъ нихъ миновалъ Блони, на калишской дорогѣ, но съ какой цѣлью? Это трудно понять. Я боюсь, что они не захотятъ драться съ нами массами, но разсѣятся по странѣ, чтобы дѣйствовать какъ партизаны; это было бы для насъ весьма неудобно. Я получилъ вчера письмо отъ брата изъ Бѣлостока; всѣ ваши замѣчанія вполнѣ справедливы, и въ этомъ смыслѣ я написалъ ему; надѣюсь, что, если онъ не возвратился, то мое письмо убѣдитъ его остаться; въ такомъ случаѣ я предлагаю ему командовать гвардіей и надѣюсь, что это склонитъ его остаться.

Френчъ писалъ Бенкендорфу въ одномъ смыслѣ съ вами, чтобы склонить меня повелѣть это моему брату и повидимому это дѣлается съ его вѣдома.

Бога ради, извѣщайте меня обо всемъ происходящемъ, такъ какъ большею частью я узнаю о движеніи нашихъ войскъ изъ берлинскихъ и даже изъ варшавскихъ газетъ. У васъ есть Чевкинъ и Долгорукій, на которыхъ можно возложить веденіе этого журнала, котораго я требую.

Жена моя кланяется вамъ, а я, любезный другъ, цалую васъ. Да направитъ и защититъ васъ Господь. Вашъ навсегда искренно преданный Николай.

Кланяйтесь всѣмъ нашимъ.

S.-Petersbourg. le 24 Février (8 Marz) 1831.

C'est au moment d'aller à la parade que votre courrier du 19 m'est arrivé, mon cher ami. Si j'ai été peiné de ce que la fausse direction de Chahofskoy vous ait ravis les succés de la bataille du 13, je suis réellement désolé du retard que l'état de la Vistule apporte à la continuation des opérations, quels moments perdus! Ainsi 8,000 hommes hors de combat, et excepté une perte pour le moins égale en hommes chez l'ennemi, aucun autre résultat! c'est bien, bien fâcheux; mais que la volonté de Dieu se fasse! J'approuve parfaitement votre résolution d'avoir envoyé Rosen avec son corps à la droite du Naref; c'est une bonne mesure, car cela rassure votre flanc droit et force les polonais à porter une bonne partie de leurs forces sur la basse Vistule, crainte de passage. Peut-être même qu'en laissant à la débacle une division à pied et une à cheval observer Praga vous pourriez avec toute l'armée passer à la suite du corps de Rosen et tenter le passage au dessous de Modlin; vous avez des chaussées directes pour vos communications avec notre frontière, et vous forcez l'ennemi à combattre le dos tourné à Varsovie, tout en coupant ses communications avec ce qui la nourrit et surtout avec l'étranger. Si même ils attaquaient le corps d'observation devant Praga, un mouvement de retraite de quelques verstes leur rendrait toute poursuite lointaine impraticable. Durant ce temps lancer toute la cavalerie légère sur le plus de points possibles pour tout tenir en echec et nulle part combatre en masse, en un mot les fatiguer sans s'exposer à de grands échecs. Vous ne risqueriez rien pour vos approvisionnements, car vous pourriez en tirer de Prusse aisement, si même les votres éprouvaient de la difficulté à arriver. Un passage actuellement au dessus de Varsovie me parait avoir l'inconvénient ou de vous forcer de rappeler Rosen, ou bien de vous affaiblir très considérablement, en le laissant là où il est, et en devant laisser un gros détachement devant Praga; or nous savons l'expérience que nous n'avons pas un homme ni un canon de trop.

Les nouvelles de Swolynsky, si elles sont vraies, sont curieuses et fort importantes, mais j'avoue que j'ai peine à y croire, comme je doute aussi de la réuissite de l'envoie de Kiel. C'est le moment de tacher d'ouvrir les yeux aux soldats polonais; il ne faut épargner aucun moyen pour leur faire connaître nos intentions. Mon intention est que vous arretiez la garde près de Lomza et environs et qu'en aucun cas vous ne la fassiez avancer plus, à moins d'un désastre, dont je repousse l'idée et qui ne vous offrait plus que cette ressource. Je me réserve ce corps pour moi, je veux que du moins celui là reste intact, car tout a été déjà fortement employé; or que savons nous de ce qui dans peu, peut nous tomber sur les bras et c'est là la seule réserve! Ainsi je vous le répète, je ne veux pas que vous les fassiez approcher d'avantage du théatre de la guerre. Mais par contre il serait fort utile que vous n'arrêtiez du tout le 2 corps, mais qu'au lieu de Brest vous le dirigiez en droiture sur Grodno et Bialostok, en le fesant concentrer dans les environs du premier, pour le faire déboucher en masse (la 6 division pourrait suivre plus tard), sur Lomza, Pultusk, Plotsk, et par là soit pour vous y joindre ou pour se porter directement sur Kalisch et occuper ce pays militairement et faire cesser tout moyen de correspondance au dehors. En tout cas ce corps ne sera pas de trop près de vous et je le remplacerai à l'intérieur de façon, que vous n'aurez rien à craindre.

Le 25 soir.

Dans ce moment la poste nous apporte des nouvelles de Varsovie par Danzig; toutes les nouvelles de Swolinsky se confirment. Mais ce qui est difficile à comprendre, c'est que l'armée polonaise s'est partagée en trois corps pour défendre le passage de la Vistule; l'un d'eux a passé Blonie sur la chaussée de Kalisch; mais dans quel but? C'est difficile à comprendre. Je crains qu'ils ne veulent plus nous résister en masse, mais bien se disperser dans tout le pays pour agir en partisans, ce qui nous génerait beaucoup. J'ai reçu hier une lettre de mon frère de Bialostok; toutes vos observations sont parfaitement justes, et je lui écrit dans ce sens; j'espère que s'il n'est pas retourné, ma lettre le décidera à rester; je lui ai offert dans ce cas le commandement de la garde et j'espère que cela le fera rester.

Fensch a écrit à Benkendorf absolument dans votre sens, et pour m'engager à l'ordonner à mon frère, et il parait que c'est de son sû.

De grâce faites moi tenir au courant de ce qui se passe car pour la pluspart du temps c'est les gazettes Berlin et même celles de Varsovie qui m'apprennent les mouvements de nos troupes. Vous avez Чевкинъ et Dolgorouky qui peuvent être tous deux chargés de ce journal, que j'exige.

Ma femme vous dit mille choses, et moi je vous embrasse, mon cher ami. Que Dieu vous couvre de son égide et vous inspire. A vous pour la vie.

Votre sincèrement affectionné Nicolas.

Mille choses à tous les notres.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ИСТОРІИ ЖЕЛѢЗНО-ДОРОЖНАГО ДѢЛА ВЪ РОССІИ.

Николаевская дорога между Петербургомъ и Москвою

въ 1842 — 1852 гг.

I.

Сооруженіе первой капитальной желѣзной дороги въ Россіи есть событіе великой важности, такъ какъ этимъ былъ въ свое время разрѣшенъ вопросъ о возможности вообще, по климатическимъ и мѣстнымъ условіямъ, проложенія паровозныхъ желѣзныхъ дорогъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ, имѣющемъ много особенностей противъ другихъ странъ.

До сихъ поръ, сколько извѣстно, въ литературѣ у насъ не появилось никакого описанія, какъ возникла и какъ строилась эта дорога. Мы принимаемъ на себя эту попытку, какъ современникъ и какъ инженеръ-участникъ въ осуществленіи означенной желѣзной дороги, которая сооружалась и дѣйствовала въ началѣ подъ именемъ С.-Петербурго-Московской, и только послѣ кончины императора Николая Павловича, въ 1855 г., при которомъ она возникла и исполнена, переименована въ Николаевскую желѣзную дорогу, чѣмъ, какъ говорятъ, исполнена его посмертная воля, одновременно съ переименованіемъ, устроеннаго тоже при немъ, Благовѣщенскаго моста чрезъ Неву въ С.-Петербургѣ въ Николаевскій мостъ.

Еще до 1834 года шли толки въ Петербургѣ и вообще въ Россіи о введеніи у насъ желѣзныхъ дорогъ, которыя уже появились въ Европѣ, именно въ Англіи изъ Бирмингама въ Манчестеръ и въ Парижѣ въ Версаль и проч., и достигли значительнаго распространенія въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ; но осуществленію ихъ у насъ противупоставляли наши снѣга, морозы и горы, даже

Валдайскія, наши обычаи и порядки и, наконецъ, совершенное незнакомство съ этимъ новымъ дѣломъ.

Первый толчекъ дѣлу далъ австрійскій инженеръ, чехъ Францъ фонъ-Герстнеръ, изучившій желѣзныя дороги въ Америкѣ и прибывшій въ Россію въ августѣ 1834 года по приглашенію К. В. Чевкина, завѣдывавшаго горнымъ дѣломъ, для обозрѣнія заводовъ.

Отъ Герстнера поступило первое предложеніе правительству нашему объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, на что испрашивалась привиллегія на 20 лѣтъ, въ которой онъ на широкую руку хотѣлъ завладѣть всѣмъ такимъ важнымъ предпріятіемъ.

Въ предложеніи своемъ, въ числѣ прочихъ тяжелыхъ условій, онъ требовалъ, чтобы всякая желѣзная дорога, устроенная въ Россіи въ теченіе означенныхъ 20-ти лѣтъ безъ дозволенія его, — получившаго привиллегію, обращалась въ его, Герстнера, собственность. Между тѣмъ онъ такъ увлекся дѣломъ, что произвелъ на свой счетъ между столицъ нивеллировку въ двѣ линіи по обочинамъ московскаго шоссе и убѣдился въ возможности устройства паровозной желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвою.

Для разсмотрѣнія этого предложенія былъ составленъ особый комитетъ, которымъ и польза, и возможность устройства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи были положительно признаны; но на счетъ предоставленія на это привиллегіи Герстнеру ему былъ сдѣланъ запросъ и требовались дополнительныя свѣдѣнія. Изъ отвѣта его видно, что стоимость постройки желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвою опредѣлялась въ 75 мил. руб. ассигнаціями и годовая доходность исчислялась въ 15 мил. руб. и расход. въ $7^1/_2$ мил. руб. ассигнаціями. Но, по бездоказательности такого разсчета и невѣроятности составленія компаніи для осуществленія предпріятія, было рѣшено признать выдачу привиллегіи преждевременнымъ.

На все это Герстнеръ не возражалъ, а пожелалъ сперва для опыта устроить желѣзную дорогу изъ Петербурга въ Царское Село и Павловскъ, на что послѣдовало отъ него второе предложеніе, на которое получено высочайшее разрѣшеніе 21-го марта 1836 года.

Герстнеръ, учредивъ общество, приступилъ къ исполненію, и работы шли быстро, такъ что паровозное движеніе по желѣзной дорогѣ отъ Петербурга въ Павловскъ было торжественно открыто 30-го октября 1837 года. Дорога устроена въ одинъ рельсовый путь длиною въ 25 верстъ, такъ что публика черезъ годъ убѣдилась въ возможности существованія у насъ желѣзныхъ дорогъ и въ тѣхъ удобствахъ, которыя онѣ доставляютъ.

Если ботикъ Петра Великаго у насъ названъ дѣдушкой русскаго флота, то Царскосельскую желѣзную дорогу слѣдовало бы назвать бабушкой русскихъ желѣзныхъ дорогъ, хотя бабушка эта до настоящаго времени не можетъ похвастаться многочисленнымъ потомствомъ. (Всего до 1885 г. считается у насъ построенныхъ желѣзныхъ дорогъ до 24,000 верстъ, тогда какъ въ Америкѣ ихъ до 1884 г. было 121,592 мили или 182,388 верстъ, а до 1868 г. ихъ было построено только 36,251 миля или 54,376 верстъ) [1]).

Въ прекрасной статьѣ И. П. Боричевскаго, помѣщенной въ Журналѣ Путей Сообщенія 1863 года, т. 39—40, перечислены всѣ предложенія объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи по 1860 годъ, каковыхъ съ 1834 года было 86; изъ нихъ, до начала построенія С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги, были еще слѣдующія:

Въ 1838 году статскій совѣтникъ Абаза просилъ разрѣшенія учредить общество для устройства желѣзной дороги, отъ Петербурга чрезъ Вышній-Волочокъ и Тверь до Москвы, полагая ее устроить съ двойными колеями, съ тѣмъ, чтобы по одной колеѣ было движеніе паровозное для быстраго сообщенія, а по другой перевозка тяжестей на лошадяхъ при протяженіи дороги въ 600 верстъ.

Для разсмотрѣнія этого предложенія опять былъ учрежденъ комитетъ, который пришелъ къ заключенію, что: не отвергая пользы, которую могла бы принесть желѣзная дорога чрезъ облегченіе способовъ перевозки тяжестей, призналъ,—«нельзя же однако согласиться, чтобы должно было ожидать большой пользы отъ умноженія быстроты переѣздовъ частныхъ пассажировъ между двумя столицами, и что едва-ли можно надѣяться осуществленію всѣхъ обѣщаемыхъ просителемъ выгодъ; наконецъ, можно опасаться, что устройство и содержаніе дороги превзойдетъ разсчетъ, а доходъ — ожиданіе».

По всему этому комитетъ не изъявилъ согласіе на предложеніе г. Абазы, тѣмъ болѣе, что устройство желѣзныхъ дорогъ тогда еще считалось новымъ дѣломъ въ Европѣ и въ Америкѣ.

Въ декабрѣ 1838 года была представлена записка статсъ-секретаря Муравьева объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Прежде всего предполагалось устроить желѣзную дорогу отъ С.-Петербурга до Москвы, а потомъ и въ стороны.

Главныя основанія этого предложенія заключались въ томъ, что всѣ желѣзныя дороги въ Россіи должны быть устраиваемы отъ пра-

---

[1]) Журналъ Пут. Сообщ. 1884 г., книжка IV, хроника (считая 1 милю въ $1^1/_2$ версты).

вительства и ни въ какомъ случаѣ не должно быть предоставлено частнымъ компаніямъ для отвращенія торгашества акціями.

Предполагалось для свободнаго передвиженія огромнаго количества грузовъ устроить 3 рельсовыхъ конныхъ пути и 3 паровозныхъ, считая въ числѣ послѣднихъ третій путь запаснымъ, на случай исправленія дороги.

Здѣсь видно, какъ мало было тогда у насъ развито понятіе о желѣзныхъ дорогахъ; такъ, по этому предположенію полотно дороги должно было бы имѣть ширину до 9-ти саж., хотя идея строить желѣзныя дороги отъ казны была дальновидно-вѣрна.

Предположеніе это было разсмотрѣно въ комитетѣ министровъ и затѣмъ поручено главноуправляющему путями сообщенія и министерству финансовъ собрать нужныя свѣдѣнія.

Тутъ же предлагалось объ устройствѣ желѣзной дороги отъ Рыбинска въ Петербургъ, при чемъ имѣлось въ виду, что всѣ грузы, сплавляемые по Волгѣ снизу до Рыбинска и здѣсь расходящіеся для достиженія Петербурга по тремъ воднымъ системамъ: Вышневолоцкой, Маріинской и Тихвинской, пойдутъ отъ Рыбинска по желѣзной дорогѣ, и между прочимъ приведено, что въ 1838 году прошло груза воднымъ путемъ:

1) По Вышневолоцкой системѣ—$9^1/_2$ мил. пудовъ на 20 мил. рублей.

2). По Маріинской — $11^1/_2$ мил. пудовъ на сумму 31 мил. рублей.

3) По Тихвинской — 3 мил. пудовъ на сумму 14 мил. рублей.

Всего грузовъ по воднымъ системамъ этимъ въ 1838 году прошло 24 мил. пудовъ на сумму 65 мил. руб., считая все на ассигнаціи, такъ какъ переложеніе курса на серебро, по которому 3 руб. 50 коп. ассигнацій обратились въ 1 рубль серебромъ, произошло въ 1843 году.

Впослѣдствіи, съ устройствомъ при управленіи графа Клейнмихеля обходныхъ каналовъ около Бѣлаго озера и Онежскаго, почти всѣ грузы съ мелководной Вышневолоцкой системы направились на Маріинскую.

По разсмотрѣніи предложеній статсъ-секретаря Муравьева, государь императоръ Николай Павловичъ, по резолюціи 13-го апрѣля 1839 года, не соизволилъ окончательно рѣшить этого вопроса о желѣзныхъ дорогахъ, но согласился однако, что во всякомъ случаѣ, гдѣ есть возможность къ удобному водяному сообщенію, тамъ оное слѣдуетъ предпочитать сообщенію по желѣзной дорогѣ. При чемъ, въ виду развитія устройства такихъ дорогъ въ Америкѣ, повелѣлъ послать для осмотра ихъ двухъ надежныхъ офицеровъ изъ инженеровъ.

Во исполненіе сей высочайшей воли посланы были въ Сѣверо-

Американскіе Штаты въ 1839 году инженеры путей сообщенія—полковникъ Николай Осиповичъ Крафтъ и подполковникъ Павелъ Петровичъ Мельниковъ (впослѣдствіи, въ 1863 г., министръ путей сообщенія).

Въ 1839 году сдѣлали предложеніе лейпцигскіе банкиры, Дюфуръ и Гаркартъ, о составленіи общества на акціяхъ для устройства желѣзной дороги между С.-Петербургомъ и Москвою; гдѣ между прочимъ высказано, что въ годъ ожидается пассажировъ свыше 200,000 человѣкъ и 24 мил. пудовъ клади.

Особый комитетъ, разсмотрѣвъ это предложеніе, сдѣлалъ постановленіе 30-го іюля 1844 г. съ замѣчаніями, но Дюфуръ и Гаркартъ не согласились принять сдѣланныя измѣненія и отказались; между тѣмъ въ 1844 году уже было приступлено къ устройству С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги отъ правительства, какъ изложено ниже.

Хотя позднѣйшія предложенія объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, перечисленныя въ статьѣ И. П. Боричевскаго (всѣхъ было до 1860 г. 86 предложеній), не входятъ въ нашу рамку, но мы приведемъ одно, замѣчательное по своей грандіозности.

Въ концѣ 1858 года (при главноуправл. путей сообщенія Чевкинѣ) [1], англійскій подполковникъ Слейгъ подалъ предложеніе объ устройствѣ желѣзной дороги отъ Нижняго-Новгорода чрезъ Уралъ и всю Сибирь до Татарскаго залива или Японскаго моря, т. е. къ устью р. Амура, для удобства сообщенія Европы съ Китаемъ, Индіею и Америкой. Дорога эта была бы длиною 9,000 верстъ и потребовала бы капитала въ 50 мил. фунтовъ стерлинговъ, а поверстно рельсовый путь стоилъ бы 36,000 руб.

Въ своемъ предложеніи г. Слейгъ завѣрялъ, что успѣхъ предпріятія основанъ на томъ, что время на проѣздъ сократится вдвое и даже вчетверо противъ нынѣшняго, и путь изъ Англіи къ Татарскому заливу, длиною около 12,500 верстъ, будетъ совершаться въ 7 дней. Преимущества для компаніи требовались весьма значительныя: между прочимъ 90-лѣтнее исключительное право, уступка земель, безпошлинный ввозъ всѣхъ потребностей и освобожденіе отъ осмотра всѣхъ провозимыхъ вещей.

На это предложеніе Слейга данъ былъ отвѣтъ, что устройство такой желѣзной дороги не входитъ въ виды русскаго правительства.

О предложеніи этомъ въ свое время много говорили, и ходили

---

[1] „Журн. Пут. Сообщ.", томъ 40, 1863 г., стр. 142.

слухи, что отказали Слейгу главное потому, что почтенный К. В. Чевкинъ опасался, что подъ видомъ грузовъ къ намъ привезутъ въ запломбированныхъ вагонахъ пятидесятитысячную армію въ центръ Сибири и завладѣютъ ею неожиданно.

II.

Всѣ приведенныя предложенія объ устройствѣ въ Россіи желѣзныхъ дорогъ и въ особенности главнѣйшее—между обѣими столицами, обратили на себя вниманіе императора Николая Павловича и къ тому-же возвратившіеся изъ Америки инженеры И. О. Крафтъ и П. П. Мельниковъ, посланные отъ правительства для осмотра желѣзныхъ дорогъ, привезли самыя удовлетворительныя свѣдѣнія о возможности существованія съ успѣхомъ и пользою желѣзно-дорожныхъ сообщеній и у насъ въ Россіи. Все это привело къ тому, что послѣдовало высочайшее повелѣніе обсудить этотъ важный вопросъ въ комитетѣ министровъ, что должно отнести къ 1840 году.

Въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія введено было въ курсъ устройство желѣзныхъ дорогъ въ 1836 году по книжкѣ, изданной его профессоромъ механики, инженеромъ путей сообщенія Мельниковымъ; такъ что на выпускномъ экзаменѣ въ этомъ году выходящіе инженеры уже отвѣчали изъ этого предмета.

Государь императоръ внимательно слѣдилъ за обсужденіями въ комитетѣ министровъ предложенія по устройству желѣзной дороги между С.-Петербургомъ и Москвою, и нерѣдко самъ лично присутствовалъ при нихъ.

Документовъ объ этихъ обсужденіяхъ мы не имѣемъ подъ рукою, но сообщаемъ то, что слышали отъ лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу. Говорили, что всѣ министры были противъ устройства желѣзной дороги между столицами даже вообще и каждый представлялъ свои возраженія, именно: министръ финансовъ—что это потребуетъ чрезвычайныхъ расходовъ, такъ какъ предполагалось безусловно строить желѣзную дорогу между столицами на счетъ казны, при чемъ доходность была сомнительна, по дешевизнѣ перевозки грузовъ по шоссе гужомъ, за что была плата по 30 коп. съ пуда ассигнаціями; министръ государственныхъ имуществъ заявлялъ, что это сдѣлаетъ неблагопріятный переворотъ въ населеніи ямщиковъ по шоссе и поведетъ къ истребленію лѣсовъ на топливо для паровозовъ; главноуправляющій путями сообщенія графъ Толь настаивалъ на мѣстныхъ трудностяхъ, полагая

ихъ непреодолимыми какъ для постройки, такъ и движенія по желѣзной дорогѣ по климатическимъ причинамъ—морозамъ и снѣгамъ, которые неизвѣстны въ такой степени на территоріи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, гдѣ самыя сѣверныя окраины равняются по климату съ югомъ Харьковской губерніи; онъ также пугался непроходимыхъ болотъ Новгородской губерніи, которыя должна пересѣчь желѣзная дорога и какихъ не встрѣчается на той территоріи въ Америкѣ; опасался трудности перехода чрезъ Валдайскія горы, разливовъ нашихъ рѣкъ;—другіе говорили, что это поведетъ къ равенству сословій, такъ какъ и сановникъ и простякъ, баринъ и мужикъ поѣдутъ, сидя рядомъ въ вагонѣ, въ одномъ поѣздѣ.

Были и сторонники возможности и пользы устройства желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвою, именно: приглашенные къ обсужденію въ комитетъ министровъ графъ Бобринскій, генералъ К. В. Чевкинъ, герцогъ Лейхтенбергскій, кажется и графъ Клейнмихель.

Императоръ Николай Павловичъ, давъ полную волю излиться всѣмъ этимъ мнѣніямъ до конца, и недовольный на большинство въ комитетѣ отрицательныхъ результатовъ, пожаловалъ самъ въ послѣднее засѣданіе 1-го февраля 1842 года и, выслушавъ всѣ возраженія гг. министровъ, какъ говорятъ, съ нахмуреннымъ лицомъ, изволилъ встать на своемъ мѣстѣ предсѣдателя и объявилъ рѣшительнымъ тономъ высочайшую волю свою, что онъ признаетъ сооруженіе желѣзной дороги между столицъ вполнѣ возможнымъ и полезнымъ и что къ исполненію должно быть немедленно приступлено, и что: насколько онъ убѣжденъ въ пользѣ и необходимости сооруженія желѣзной дороги между столицами, настолько-же онъ считаетъ ненужнымъ пролагать теперь желѣзныя дороги въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Въ заключеніе императоръ сказалъ: а такъ какъ всѣ министры противъ устройства такой дороги, то онъ, императоръ, учреждаетъ для осуществленія этого важнаго предпріятія особый комитетъ, назначая предсѣдателемъ наслѣдника престола цесаревича Александра Николаевича и при комитетѣ особую строительную коммисію.

Вотъ послѣдовавшій поэтому именной высочайшій указъ отъ 1-го февраля 1842 г. за № 15265[1]), гдѣ подтверждается все, что ходило тогда по устамъ публики. Приводимъ главныя выдержки изъ этого именного указа.

«Въ безпрерывномъ попеченіи Нашемъ объ учрежденіи сообщеній

---

[1]) Собраніе законовъ 1842 г. Книга первая

въ Имперіи. Мы еще за нѣсколько лѣтъ предъ симъ обратили вниманіе на тѣ пользы, кои принесло учрежденіе желѣзныхъ дорогъ во многихъ иностранныхъ земляхъ, повелѣли комитету министровъ войти въ разсмотрѣніе бывшихъ по сему предложеній, и послѣдствіемъ такого разсмотрѣнія было возложеніе на главное управленіе путей сообщенія и горныхъ инженеровъ дальнѣйшее собраніе свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ иностранныхъ, дабы, опредѣливъ мѣру достоинства сихъ путей для Россіи, наилучшее ихъ у насъ примѣненіе и удобнѣйшее техническое исполненіе, — воспользоваться потомъ безъ излишнихъ пожертвованій всѣми выгодами сего новаго рода сообщеній».

Далѣе сказано въ указѣ, что для изученія заграницею лучшихъ желѣзныхъ дорогъ были посланы избранныя лица[1]); по осмотрѣ-же такимъ образомъ почти всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ и въ Америкѣ было поручено, въ соглашеніи съ нѣкоторыми изъ первыхъ учредителей желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, представить соображеніе объ устройствѣ подобнаго пути между Петербургомъ и Москвою.

Далѣе слова указа: «Нынѣ, по разсмотрѣніи и разностороннемъ обсужденіи въ личномъ присутствіи нашемъ сего соображенія, признавъ за благо даровать отечеству Нашему сообщеніе, котораго устройство хотя и сопряжено съ значительными расходами, но обѣщаетъ государству выгоды многоразличныя и соединитъ обѣ столицы, какъ-бы во едино,—Мы положили возвесть желѣзную дорогу отъ С.-Петербурга до Москвы и, по примѣру другихъ державъ, возвесть оную на счетъ казны, дабы удержать постоянно въ рукахъ правительства и на пользу общую—сообщеніе, столь важное для всей промышленной и дѣятельной жизни государства».

«Съ этой цѣлью Мы для устройства С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги учредили, въ непосредственной отъ Насъ зависимости, особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ любезнѣйшаго сына нашего его императорскаго высочества цесаревича наслѣдника».

Въ этотъ комитетъ вошли: главноуправляющій путей сообщенія и публичныхъ зданій, министры — финансовъ, государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ, шефъ жандармовъ—графъ Бенкендорфъ и графъ Орловъ, графъ Левашовъ, графъ Клейнмихель, инженеръ путей сообщенія генералъ-лейтенантъ Дестремъ, герцогъ Лейхтенбергскій, генералъ-маіоръ Чевкинъ и графъ Бобринскій.

---

[1]) Другіе, кромѣ Крафта и Мельникова, мнѣ неизвѣстны и не упоминались.
А. Ш.

Далѣе слова указа: «Поручивъ этому комитету всѣ главныя распоряженія по сему дѣлу, равно наблюденіе за правильнымъ его довершеніемъ, сходно особому положенію, которое отъ насъ дано будетъ, Мы съ тѣмъ вмѣстѣ повелѣли: изъ нѣкоторыхъ членовъ комитета образовать строительную коммисію, которой поручить ближайшій надзоръ за сооруженіемъ, всѣ распорядительныя мѣры и самое производство работъ, по особому помянутому выше положенію, имѣющему быть составленнымъ въ комитетѣ».

Предсѣдателемъ этой строительной коммисіи былъ назначенъ шефъ жандармовъ графъ Бенкендорфъ, а членами: графъ Клейнмихель, инженеръ генералъ-лейтенантъ Дестремъ, герцогъ Лейхтенбергскій, генералъ-маіоръ Чевкинъ, графъ Бобринскій, инженеръ-полковники Крафтъ и Мельниковъ и три члена отъ купечества. Министру финансовъ,—которымъ былъ тогда графъ Канкринъ,—было повелѣно приготовить для возведенія желѣзнаго пути между столицами денежные способы, отдѣльно отъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ.

Далѣе слова указа: «Постановивъ такимъ образомъ первыя мѣры къ начатію дѣла, по обширности и пользѣ своей истинно-народнаго, и желая, чтобы избраннымъ нами для совершенія онаго лицамъ преподаны были соотвѣтственныя исполнительныя средства, повелѣваемъ правительствующему сенату, всѣмъ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ вмѣнить въ обязанность оказывать учрежденнымъ нами для устройства С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги комитету и коммисіи — не только законное по требованіямъ удовлетвореніе, но и всякое зависящее отъ нихъ содѣйствіе; сословія-же владѣльческія и промышленныя, уѣздовъ между столицъ лежащихъ,—пригласить споспѣшествовать равнымъ образомъ всѣми мѣстными средствами къ успѣху дѣла на пользу и славу Россіи, съ благословеніемъ Божіимъ предпринимаемаго».

Таковъ былъ указъ императора Николая I, ставившій сразу задуманное имъ важное дѣло на твердую почву.

Именной указъ этотъ былъ распубликованъ 6-го февраля 1842 г. при указѣ правительствующаго сената, сообщеннаго особо каждому изъ поименованныхъ въ немъ лицъ. Указомъ 8-го февраля 1842 года за № 15279 утвержденъ штатъ для канцеляріи комитета и коммисіи.

III.

Такимъ распоряженіемъ государя императора суть веденія всего дѣла, не огорчая гг. министровъ, переходила въ строительную коммисію, въ которую были назначены все сторонники устройства предпринимаемой желѣзной дороги, при чемъ если г. Дестремъ не сочувствовалъ ей и читалъ даже лекціи о безполезности желѣзныхъ дорогъ для Россіи,—то, какъ извѣстный инженеръ, все же могъ быть полезенъ и при чемъ, можно думать, что онъ только вторилъ тутъ мнѣнію своего начальника графа Толя, но подавленный большинствомъ, не могъ и противодѣйствовать.

Вскорѣ, однако, главнымъ руководителемъ всего дѣла сталъ графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель, который пользовался особымъ довѣріемъ императора Николая и являлся при немъ сглаженною тѣнью графа Аракчеева, могущественнаго временщика предшествовавшаго императора. Довѣріе это подтверждается тѣмъ, что графъ Петръ Андреевичъ уже проявилъ всю свою энергію быстрымъ возобновленіемъ Зимняго дворца послѣ пожара въ 1837 году, при которомъ выгорѣло все, что могло горѣть и оставались однѣ голыя стѣны, а въ 1839 году дворецъ былъ вполнѣ возобновленъ и занятъ, за что Петръ Андреевичъ Клейнмихель получилъ въ награду 1 мил. руб. и титулъ графа, съ изображеніемъ въ гербѣ дворца и съ девизомъ: «усердіе все превозмогаетъ».

Всѣ прочіе члены комитета стушевались предъ круто-быстрымъ графомъ, даже самъ государь наслѣдникъ цесаревичъ; въ примѣръ чему разсказывали, что его императорское высочество однажды показалъ графу какой-то чертежъ новаго приспособленія для желѣзныхъ дорогъ, желая примѣнить его, на что, будто-бы, Петръ Андреевичъ отвѣчалъ: «мнѣ некогда заниматься такими пустяками», и на жалобу цесаревича за такое невниманіе къ нему, государь отвѣчалъ глубокимъ молчаніемъ.

Нѣкоторое время спустя все дѣло устройства между-столичной желѣзной дороги перешло въ руки графа П. А. Клейнмихеля самымъ формальнымъ образомъ, такъ какъ главноуправляющій путями сообщенія, герой 1812 года—графъ Толь, умеръ 11-го апрѣля 1842 года, и графъ Клейнмихель былъ назначенъ ему преемникомъ 11-го августа того-же года, а по указу сената отъ этого-же дня былъ учрежденъ въ главномъ управленіи путями сообщеній особый департаментъ «желѣзныхъ дорогъ», въ который перешла вся исполнительная часть

по сооруженію С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги. Однако при этомъ остался, хотя болѣе номинально, учрежденный 1-го февраля 1842 года комитетъ, который утверждалъ всѣ главныя распоряженія, но строительная коммисія при комитетѣ сократилась и была составлена другая, собственно при департаментѣ желѣзныхъ дорогъ, и въ нее вошли, какъ правитель дѣлъ,—директоръ этого департамента Фишеръ и члены генералы изъ инженеровъ Дестремъ, Девятинъ, Готманъ, свиты его величества генералъ Чевкинъ, вице-директоръ департамента полковникъ Кроль и строители дороги полковники инженеры Крафтъ и Мельниковъ.

Въ числѣ первыхъ распоряженій было раздѣленіе устройства С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги на двѣ дирекціи почти равнаго протяженія—сѣверную и южную, именно: сѣверная дирекція простиралась отъ Петербурга до рѣчки Коломенецъ близь села Бологова, а южная дирекція занимала протяженіе отъ р. Коломенецъ до Москвы и начальникомъ первой былъ назначенъ П. П. Мельниковъ, а второй Н. О. Крафтъ, которые заимствовали въ Америкѣ много практическихъ свѣдѣній и привезли много чертежей. По ихъ-же рекомендаціи былъ приглашенъ изъ Америки, въ качествѣ совѣщательнаго инженера, съ жалованьемъ 60 т. руб. ассигнацій въ годъ, извѣстный тамъ инженеръ-маіоръ Уистлеръ, впослѣдствіи заслужившій общее уваженіе; его совѣты были всегда ясны, опредѣлительны, полны знанія и полезны.

По рекомендаціи-же г. Уистлера были вызваны изъ Америки механики Гаррисонъ и Уайненсъ и съ ними былъ заключенъ на 6 лѣтъ контрактъ на устройство подвижного состава для строющейся желѣзной дороги. Для исполненія этого въ ихъ полное распоряженіе былъ отданъ главный Александровскій механическій заводъ, перешедшій поэтому изъ министерства финансовъ въ главное управленіе путей сообщенія къ графу Клейнмихелю. Для управленія заводомъ было высочайше утверждено 25-го марта 1844 года положеніе, по которому онъ названъ «заводомъ С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги». По контракту механики Гаррисонъ и Уайненсъ обязывались на этомъ заводѣ: «своими средствами изготовить локомотивы (паровозы) и вагоны, снабдивъ заводъ всѣми необходимыми для этого дѣла машинами и инструментами; научить казенныхъ мастеровъ, остающихся въ заводѣ, механическому дѣлопроизводству; образовать изъ нихъ машинистовъ—водителей паровозовъ; приготовить кондукторовъ и вообще привесть заводъ въ соотвѣтственное его предназначенію устройство».

Такимъ важнымъ и дѣльнымъ распоряженіемъ правительства меха-

ническая часть устройства желѣзныхъ дорогъ была водворена у насъ въ Россіи и если первоначально обошлась дорого, но за то мы имѣли свои мѣстнаго производства паровозы и вагоны и своихъ машинистовъ; желѣзныя рельсы были заказаны за границею, длиною по 18 футъ и вѣсомъ по 22 фунта на 1 погонный футъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ было сдѣлано распоряженіе о выдѣлкѣ рельсовъ у насъ въ Россіи на уральскихъ заводахъ.

Вслѣдъ за указомъ вышеупомянутымъ, отъ 6 февраля 1842 года, начальникамъ сѣверной и южной дирекціи было поручено избрать себѣ сотрудниковъ изъ молодыхъ инженеровъ и были назначены къ П. П. Мельникову: гг. Па́ленъ, Поссе́, Керсновскій и Граве, а къ Н. О. Крафту инженеръ-капитаны В. А. Даненштернъ и А. И. Гофмейстеръ и поручики А. И. Штукенбергъ и П. П. Зуевъ, которымъ выпала честь быть первыми строителями первой желѣзной дороги—капитальной въ Россіи.

Какъ быстро было приступлено къ сооруженію этой желѣзной дороги, можно судить по тому, что въ томъ же 1842 году, когда послѣдовалъ высочайшій указъ 1-го февраля, уже въ этомъ мѣсяцѣ начаты изысканія для опредѣленія направленія ея со съемкой и нивеллировкой; именно въ южной дирекціи они начались близь Вышняго-Волочка отъ р. Цны—22-го февраля 1842 года.

Много было трудовъ съ этими изысканіями; сперва приходилось бродить по колѣно въ снѣгу, потомъ весною по колѣно въ водѣ; но за то болота были еще замерзши и проходъ по нимъ былъ безъ затрудненія; за то лѣтомъ, когда болота оттаяли, проходъ представлялся весьма тяжелымъ, но всѣхъ воодушевляла важность дѣла и молодыя силы все преодолѣвали.

Основаніемъ для избранія наивыгоднѣйшаго направленія для желѣзной дороги, имѣя въ виду и сокращенія работъ, было принято:

1) По возможности держаться прямыхъ линій и даже имѣлся въ виду Петровскій просѣкъ, проложенный между столицъ по совершенно прямой линіи при Петрѣ Великомъ, каковаго просѣка слѣды еще кое гдѣ сохранились или были извѣстны, напримѣръ, около Вышняго-Волочка; но отъ этого скоро отказались, встрѣтивъ большія трудности; затѣмъ полагалось проведеніе прямыхъ линій на значительномъ протяженіи, преимущественно между городами, что во всякомъ случаѣ значительно посокращало общее протяженіе дороги, уменьшало число поворотовъ, которыхъ тогда опасались для движенія поѣздовъ.

2) Въ видахъ этого было положено обойти города на Московскомъ шоссе, находящіеся слишкомъ въ сторонѣ отъ прямого направленія

между столицами, жертвой чего сдѣлались города Новгородъ, Крестцы, Валдай и Торжокъ, при чемъ первый былъ въ сторонѣ на 74 версты, второй на 42 версты, третій на 35 верстъ, а четвертый на 30 верстъ.

3) Предпочитать проводъ линіи по болотамъ противъ прохода черезъ озера, что встрѣтилось въ Новгородской губерніи, опасаясь поврежденій насыпей на открытыхъ водахъ, и стараться обходить большія рѣки.

Въ видахъ чего между городами, которые остались близь направленія желѣзной дороги, проводились по нѣсколько линій со съемкой мѣстности и нивеллировкой; такъ, напримѣръ, между Вышнимъ-Волочкомъ и Тверью было проведено 4 линіи: одна совершенно прямая, но она пересѣкала р. Тверцу три раза; другая въ обходъ Тверцы около р. Осѣченки и двѣ для обхода возвышенной Луневой горы [1]) и удобнаго пересѣченія р. Тверцы близь гор. Твери.

Вообще можно сказать, что едва ли для какой другой желѣзной дороги у насъ дѣлалось столько изслѣдованій. Но все же въ публикѣ, видя продолжительность изысканій, шли кривые и недоброжелательные толки; такъ говорили, что въ Новгородской губерніи встрѣтились бездонныя болота, которыя впрочемъ доходили до глубины 6 саженъ и что линіи двухъ дирекцій отъ столицъ не сходятся у р. Коломенки на нѣсколько верстъ; помѣщики волновались, кто за то, что линія проходитъ слишкомъ близко, кто за то, что слишкомъ отдаляется отъ ихъ усадьбъ.

Ниже мы опишемъ мѣстность, по которой прошло окончательно избранное направленіе для С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги, а теперь скажемъ только, что оно вышло протяженіемъ между-столичныхъ станцій этой дороги въ 604 версты, между тѣмъ протяженіе Московскаго шоссе было въ 674 версты, изъ котораго, впрочемъ, нужно выкинуть части по городу съ обоихъ концовъ; астрономическое же протяженіе разстоянія между столицъ опредѣлено было въ 598 верстъ. Такимъ образомъ избранное направленіе значительно сокращало разстояніе,—около 70 верстъ, что представляло экономію въ постройкѣ и впослѣдствіи путь для проѣзда.

Изысканія по всему протяженію были въ 1843 г. окончены, а въ 1844 г. приступлено къ землянымъ работамъ и къ постройкѣ мостовъ.

Для окончательно составленнаго продольнаго профиля земляного полотна было принято за основаніе: продольные подъемы отъ Москвы къ Петербургу принять не круче какъ въ $^1/_{400}$, а отъ Петербурга къ

---

[1]) У села „Плоское“.

Москвѣ не круче $^{1}/_{200}$, имѣя въ виду, что отъ Москвы пойдутъ большіе грузы; радіусъ закругленій на поворотахъ былъ принятъ въ 3 версты, при чемъ поворотъ дѣлается такъ пологъ, что движеніе поѣздовъ совершается удобно какъ по прямой линіи. Объ отступленіяхъ отъ сего будетъ приведено ниже.

Земляное полотно назначалось строить для двухъ рельсовыхъ путей, шириною каждый между внутреннихъ граней рельсовъ въ 5 футъ, съ промежуткомъ между путями въ 6 футъ.

Дальнѣйшія подробности будутъ изложены ниже.

Графъ Клейнмихель лично осматривалъ линію въ доступныхъ для проѣзда мѣстахъ и быстро разрѣшалъ встрѣчаемыя затрудненія, приговаривая: «одобряю и разрѣшаю».

А. И. Штукенбергъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ НАЗИМОВЪ.

Очеркъ изъ новѣйшей лѣтописи сѣверо-западной Россіи.

XIII [1]).

Въ предъидущихъ главахъ нашего очерка мы выяснили результаты административной дѣятельности Владиміра Ивановича въ первое трехлѣтіе управленія его сѣверо-западнымъ краемъ (1855—1857 гг.). Въ слѣдующіе затѣмъ три года (1858—1860 гг.) все вниманіе какъ высшаго правительства, такъ и администраціи, даже и всего общества, было всецѣло обращено на развитіе и поступательное движеніе великой соціальной реформы, и о всякихъ постороннихъ вопросахъ никто не помышлялъ, въ ожиданіи тѣхъ конечныхъ результатовъ, какіе реформа эта принесетъ государству. Позволяемъ себѣ думать, что если бы въ то время на виленскомъ генералъ-губернаторствѣ, вмѣсто Назимова, сидѣлъ Муравьевъ, по мѣткому выраженію сенатора Я. А. Соловьева, «страдающій зудомъ дѣятельности», то и онъ предпочелъ бы помириться съ выжидательною политикою и взирать снисходительно на разные старо-польскіе фарсы шляхетства, чѣмъ передѣлывать по своему прежніе порядки и тѣмъ самымъ умножать въ краѣ число несочувствующихъ благимъ цѣлямъ правительства. Простой здравый смыслъ указывалъ на необходимость окончить сперва одно дѣло, а потомъ уже приниматься за другое.

Между тѣмъ польскіе эмигранты не дремали, а зорко слѣдили за ходомъ работъ по освобожденію крестьянъ въ Россіи, которое имъ такъ желательно было затормозить, чтобы затѣмъ стать самимъ во главѣ этого соціальнаго переворота. Сознавая, что съ благопріятнымъ исходомъ великой реформы они потеряютъ главную точку опоры

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLV, февраль, стр. 385—410; мартъ, стр. 555—580.

для своихъ замысловъ о возстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772 г., эмигранты, пользуясь перемѣною правительственной системы въ конгрессувкѣ, которой придерживался фельдмаршалъ Паскевичъ, усердно подготовляли революціонное движеніе въ Варшавѣ. Наконецъ, наступилъ 1860 годъ, а съ нимъ и первыя манифестаціи, которыя отъ береговъ Вислы пролетѣли, съ быстротой электрической искры, къ берегамъ Днѣпра и Западной Двины. Послѣдствія этихъ манифестацій, разрѣшившіяся вооруженнымъ возстаніемъ въ 1863 году, хорошо всѣмъ извѣстны, а потому распространяться о нихъ нѣтъ надобности; остается только добавить, что, по крайнему нашему разумѣнію, никто такъ не способствовалъ благопріятному, скорому и окончательному разрѣшенію пресловутаго польскаго вопроса въ западныхъ губерніяхъ Россіи, какъ виновники этого вооруженнаго возстанія [1]), и что въ этомъ отношеніи они несравненно болѣе принесли пользы русскому дѣлу въ этомъ краѣ, чѣмъ покойный графъ М. Н. Муравьевъ.

XIV.

Въ заключеніе настоящихъ замѣтокъ на Записки графа Муравьева, и для подведенія итоговъ административной дѣятельности его предмѣстника, а также для разъясненія нѣкоторыхъ мало кому извѣстныхъ обстоятельствъ, относящихся ко времени управленія сѣверо-западнымъ краемъ какъ Назимова, такъ и Муравьева, мы приведемъ еще нѣсколько эпизодовъ, дополняющихъ картину описываемой нами эпохи.

а) Крѣпостное право, отмѣненное окончательно манифестомъ 19-го февраля 1861 г., не могло исчезнуть разомъ, безслѣдно, и de facto продолжало свое существованіе. Тому способствовали, прежде всего, мировые посредники, избранные, какъ и вездѣ, помѣстнымъ дворянствомъ изъ своихъ же людей, наиболѣе склонныхъ охранять до безконечности старые порядки, а также обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, вытекающія изъ отбыванія въ пользу послѣднихъ разныхъ повинностей за тотъ участокъ полевой земли, который находился въ пользованіи крестьянъ. Не прошло еще сполна двухъ лѣтъ со дня обнародованія манифеста, какъ Назимовъ убѣдился въ совершенной непригодности этихъ отношеній для улучшенія быта крестьянъ, въ особенности со времени возникшей въ краѣ революціонной агитаціи, когда путемъ разныхъ уступокъ и льготъ можно было склонить крестьянъ въ пользу

[1]) То есть эмиграція—мѣстное шляхетство и католическое духовенство. П.

движенія противъ правительства. Благая мысль ходатайствовать объ измѣненіи этого порядка, опредѣленнаго «Положеніемъ», не предвѣщала успѣха; но лишь только первыя вооруженныя банды появились въ предѣлахъ Гродненской губерніи и произвели въ Петербургѣ отрезвляющее впечатлѣніе, замѣнившее прежнія иллюзіи, Назимовъ воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ для представленія государю императору записки, въ коей онъ объяснялъ причины настоятельной необходимости прекратить обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, путемъ замѣны оныхъ извѣстнымъ денежнымъ оброкомъ, вносимымъ въ казну, для передачи таковыхъ по принадлежности. Записка эта была доставлена въ собственныя руки государя свиты его величества генералъ-маіоромъ графомъ Петромъ Андреевичемъ Шуваловымъ [1]), который въ то время командовалъ отрядомъ войскъ, расположенныхъ по линіи С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги, для охраненія ея отъ всякихъ покушеній со стороны повстанцевъ.

Ходатайство Назимова увѣнчалось полнымъ неожиданнымъ для него успѣхомъ, и 1-го марта 1863 г. состоялся извѣстный высочайшій указъ, прекратившій неудобныя отношенія между помѣщиками и бывшими ихъ крестьянами и положившій основанія обязательному выкупу земель крестьянскаго надѣла, съ содѣйствіемъ правительства. Этотъ знаменитый указъ, разрѣшающій ясно и категорически всѣ запутанности по обезпеченію крестьянъ земельнымъ надѣломъ, закрѣпилъ еще болѣе за Назимовымъ право на самое видное мѣсто въ дѣлѣ уничтоженія крѣпостного состоянія.

б) Объѣзжая подвѣдомственный ему край для ознакомленія съ тѣми экономическими реформами, которыя вводились уже нѣкоторыми помѣщиками въ виду предстоящаго освобожденія крестьянъ, Владиміръ Ивановичъ наглядно убѣдился въ томъ, что представители русскаго землевладѣнья въ литовскихъ губерніяхъ, не смотря на свою малочисленность, разрозненность и вліяніе окружающей ихъ среды, не утратили тѣхъ драгоцѣнныхъ качествъ, которыми должны отличаться благонадежные сторонники правительства и піонеры русскаго дѣла въ ополяченномъ краѣ; но въ виду того прискорбнаго факта, что число такихъ помѣщиковъ въ трехъ литовскихъ губерніяхъ представляло не болѣе двухъ процентовъ общей суммы помѣщиковъ польскаго происхожденія, Назимовъ вознамѣрился провести мысль объ умноженіи въ странѣ числа русскихъ землевладѣльцевъ путемъ раздачи и продажи казенныхъ земель въ частное владѣніе.

---

[1]) Впослѣдствіи генералъ-губернаторъ въ Прибалтійскомъ краѣ и потомъ шефъ жандармовъ. П.

Съ этой цѣлью весною 1860 года, заручившись сперва одобреніемъ государя императора, онъ представилъ всеподданнѣйшую докладную записку, въ которой, разъясняя необходимость расширенія въ краѣ русскаго землевладѣнья, ходатайствовалъ объ установленіи правилъ для раздачи, въ видѣ награды за службу и взамѣнъ практикующихся до сихъ поръ денежныхъ арендъ, а также для продажи на льготныхъ условіяхъ—участковъ свободныхъ казенныхъ земель и оброчныхъ при нихъ статей тѣмъ чиновникамъ и лицамъ русскаго происхожденія, которые изъявили бы готовность водвориться на пожалованныхъ имъ или пріобрѣтенныхъ ими со льготою казенныхъ земляхъ. Записка Назимова, по приказанію государя, разсматривалась тогда же въ экстренномъ засѣданіи комитета министровъ, куда былъ приглашенъ и составитель ея съ правомъ голоса; но министръ государственныхъ имуществъ, М. Н. Муравьевъ, усматривая въ способѣ проведенія генералъ-губернаторомъ своего проекта не только дерзновенное вторженіе въ предѣлы не подвѣдомственной ему области, но и нарушенія общепринятаго правила [1]), требующаго, чтобы каждый новый законопроектъ представлялся на благовоззрѣніе государя или чрезъ посредство подлежащаго министерства, или же хотя и непосредственно, но по предварительномъ соглашеніи съ министромъ, до котораго касается это дѣло,—успѣлъ склонить своихъ коллеговъ къ признанію проекта Назимова не удобнымъ и не практичнымъ. Такимъ образомъ благія намѣренія Владиміра Ивановича были отклонены.

По окончаніи засѣданія, Муравьевъ подошелъ къ своему сопернику и, протягивая ему руку, сказалъ: «надѣюсь, многоуважаемый Владиміръ Ивановичъ, что разномысліе въ настоящемъ дѣлѣ не измѣнитъ нашихъ старыхъ, добрыхъ отношеній».

— Разумѣется, отвѣчалъ Назимовъ, видимо взволнованный и раздосадованный,—жаль только, что отъ вашей сегодняшней побѣды надо мною русскому дѣлу въ западномъ краѣ также не поздоровится, какъ отъ побѣды надъ вами графа Д. Н. Блудова въ 1830 г. [2]).

---

[1]) Которое самъ Михаилъ Николаевичъ никогда не соблюдалъ.

[2]) Въ пріятельскихъ бесѣдахъ съ Назимовымъ Михаилъ Николаевичъ неоднократно разсказывалъ о томъ, какъ въ 1830 году, будучи губернаторомъ въ Могилевѣ, онъ представилъ покойному государю Николаю I-му всеподданнѣйшую записку о необходимости воспретить латинскому монашествующему духовенству заниматься воспитаніемъ юношества въ Бѣлоруссіи; но бывшій въ то время товарищемъ министра народнаго просвѣщенія Д. Н. Блудовъ, которому государь передалъ записку Муравьева на заключеніе, призналъ такую мѣру несвоевременною и даже вредною, а потому она и осталась безъ послѣдствій. П.

Съ этого момента между Назимовымъ и Муравьевымъ отношенія не только охладились, но и приняли непріязненный характеръ.

Но проекту Назимова, забракованному комитетомъ министровъ во вниманіе доводовъ и аргументацій Муравьева, не суждено было заглохнуть окончательно. Разумная мысль, поставленная въ основаніе онаго, была подхвачена налету преемникомъ Михаила Николаевича, генералъ-адъютантомъ Кауфманомъ, который возобновилъ ходатайство, начатое Назимовымъ, и на этотъ разъ оно увѣнчалось успѣхомъ, выразившимся въ высочайше утвержденной 23-го іюля 1865 года «Инструкціи о порядкѣ продажи и раздачи казенныхъ земель въ западномъ краѣ лицамъ русскаго происхожденія, желающимъ въ немъ поселиться на постоянное жительство». Мѣра эта была, такъ сказать, первымъ шагомъ по пути къ постепенному сокращенію въ краѣ польскаго землевладѣнія, которое, вслѣдъ затѣмъ, законъ 10-го декабря 1865 г., проведенный генералъ-губернаторомъ Кауфманомъ, обезпечилъ окончательно.

в) Миніатюрная колонія русскихъ людей въ краѣ, слагавшаяся преимущественно изъ чиновничества, порадовалась назначенію Назимова на постъ виленскаго генералъ-губернатора [1]), и всѣ ея члены встрепенулись, почувствовавъ, что въ воздухѣ повѣяло чѣмъ-то роднымъ, напоминающимъ далекую, но любезную для нихъ Москву, гдѣ Владиміръ Ивановичъ оставилъ по себѣ добрую память и пользовался сочувствіемъ высшей интеллигенціи, нашедшей въ немъ смѣлаго защитника свободы мысли и слова, такъ долго стѣсняемыхъ обскурантизмомъ и строгими цензурными путами. Симптомомъ новой политики, благопріятствующей интересамъ приниженной и забитой русской народности въ Литвѣ, было на первыхъ порахъ удаленіе отъ должности правителя генералъ-губернаторской канцеляріи поляка [2]), и назначеніе на его мѣсто человѣка благонамѣреннаго, способнаго и вполнѣ преданнаго русскому дѣлу [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ русскій кружокъ усилился въ своемъ составѣ многими весьма дѣльными и образованными чиновниками, прибывшими съ Владиміромъ Ивановичемъ изъ Москвы, въ числѣ которыхъ князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ [4]) и М. Н. Похвисневъ [5]) отличались выдающимися дарованіями и неутоми-

---

[1]) Въ апрѣлѣ 1856 г.

[2]) Д. с. с. Бялоцкаго.

[3]) Э. А. де-Роберти. Умеръ скоропостижно.

[4]) Съ 1857 г. помощникъ попечителя виленскаго учебнаго округа, а съ 1863 годъ—попечитель того же округа. Умеръ въ 1884 году.

[5]) До 1863 года виленскій губернаторъ; впослѣдствіи начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Умеръ недавно. П.

мою служебною дѣятельностью. Наконецъ, и самъ генералъ-губернаторъ, его семейство и домочадцы, какъ люди строго соблюдавшіе обычаи и обряды русской жизни, не мало способствовали поднятію престижа русскаго начала въ краѣ. Такое же впечатлѣніе произвело прибытіе въ Вильно новаго начальника края и на православное духовенство литовской епархіи, во главѣ котораго въ то время стоялъ знаменитый митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, стяжавшій себѣ неувядаемую славу возсоединеніемъ уніатовъ съ православною церковью. Къ прискорбію, одно загадочное обстоятельство заронило въ душу этого доблестнаго подвижника православія не только сомнѣніе въ благонамѣренности Назимова, но и непріязненное къ нему чувство, которое онъ сохранилъ до послѣднихъ дней и унесъ съ собою въ могилу. Предлогомъ къ тому послужило слѣдующее.

Однажды, пришедши съ докладомъ въ кабинетъ Владиміра Ивановича и нашедши его чѣмъ-то озабоченнымъ и смущеннымъ, авторъ этой статьи располагалъ было удалиться, но замѣтивъ такое движеніе, Назимовъ, какъ бы очнувшись отъ удручающихъ его мыслей, подалъ ему лежавшій на столѣ послѣдній номеръ издаваемой въ Лондонѣ газеты «Колоколъ» и разсказалъ слѣдующее: «вскорѣ по прибытіи моемъ въ Вильно я получилъ отъ моего стараго благопріятеля, московскаго митрополита Филарета, копію письма нашего почтеннѣйшаго архипастыря Сѣмашки къ оберъ-прокурору св. синода, въ которомъ онъ излагалъ графу Протасову свой взглядъ на положеніе края въ политическомъ отношеніи, и рекомендовалъ нѣкоторыя мѣры, могущія способствовать осуществленію видовъ правительства. Раздѣляя вполнѣ взглядъ автора письма и принявъ къ свѣдѣнію многія изъ его разумныхъ и практическихъ замѣчаній, я положилъ этотъ интересный документъ, какъ сообщеніе совершенно конфиденціальное, въ мое бюро, и съ того времени не только никому не предъявлялъ его, но и не вынималъ ни разу изъ моего хранилища, такъ какъ въ памяти моей твердо сохранилось его содержаніе. Теперь легко вамъ будетъ представить, — добавилъ Владиміръ Ивановичъ, — мое изумленіе, когда въ доставленномъ мнѣ сегодня номерѣ «Колокола» я нашелъ то же самое письмо въ дословномъ спискѣ и съ разными комментаріями Герцена. Первою моею мыслью было—продолжалъ Назимовъ — предположеніе, что кто нибудь похитилъ у меня это письмо и отправилъ въ редакцію «Колокола»; но осмотрѣвши бюро, я нашелъ письмо на томъ же мѣстѣ и въ такомъ же точно видѣ, въ какомъ оно находилось въ день полученія мною этого документа изъ Москвы. Любопытно было бы узнать,—присовокупилъ въ заключеніе Владиміръ Ивановичъ — какими путями и кто именно снабжаетъ Герцена матеріалами для его редак-

торской дѣятельности, тѣмъ болѣе, что пріобрѣтеніе подобнаго рода документовъ свидѣтельствуетъ, что корреспонденты его пользуются довѣріемъ начальства и занимаютъ вліятельныя должности въ высшихъ административныхъ сферахъ столицы».

Признавая затѣмъ неудобнымъ и безцѣльнымъ входить по сему предмету въ объясненія съ митрополитомъ и опасаясь, чтобы такое загадочное обстоятельство не произвело на него подавляющаго впечатлѣнія, Назимовъ предпочелъ сохранить въ тайнѣ интересный документъ, сообщенный ему Филаретомъ, и былъ увѣренъ, что все это останется безъ послѣдствій; но нашлись услужливые люди, которые поспѣшили порадовать виленскаго архипастыря сообщеніемъ ему по секрету того номера «Колокола», въ которомъ была помѣщена копія письма московскаго митрополита къ Назимову. Недовѣрчивый отъ природы, извѣдавшій долговременнымъ опытомъ шаткость нашей внутренней политики, измученный борьбою съ коварствомъ и интригами римскаго духовенства и его многочисленныхъ приверженцевъ, митрополитъ Іосифъ заподозрилъ Назимова въ сообщеніи Герцену его письма къ графу Протасову, съ цѣлью затормозить архипастырскую дѣятельность его на пользу православія, а себя возвысить въ мнѣніи вліятельныхъ членовъ польскаго общества и мѣстной аристократіи. Съ этихъ поръ, не взирая на то, что ни Назимовъ, ни митрополитъ Іосифъ не заводили рѣчи объ этомъ загадочномъ событіи и каждый изъ нихъ, думая по своему, молчалъ, между представителями духовной и свѣтской власти въ краѣ добрыя отношенія охладѣли, конечно, въ ущербъ общему дѣлу и, не взирая на всѣ старанія Назимова облегчать митрополиту шествіе по его тернистому пути, послѣдній сталъ взирать на него недовѣрчиво и даже считалъ его человѣкомъ двуличнымъ, фальшивымъ и интриганомъ. Въ такихъ неприглядныхъ краскахъ онъ изобразилъ Назимова и въ своихъ недавно опубликованныхъ запискахъ. Но тѣ, которые знали хорошо и близко Владиміра Ивановича, могутъ засвидѣтельствовать, что если онъ грѣшилъ въ чемъ-либо, то чаще всего отъ избытка своей правдивости и простодушія, и что въ его рыцарской натурѣ не было ни тѣни лицемѣрія, двуличности и хитрости.

г) Вскорѣ послѣ вступленія Муравьева въ управленіе сѣверо-западнымъ краемъ, изъ внутреннихъ губерній Россіи стали прибывать въ Вильно чиновники разныхъ вѣдомствъ, вызванные Михаиломъ Николаевичемъ для замѣщенія чиновниковъ польскаго происхожденія, устраняемыхъ отъ должностей по ихъ неблагонадежности. Какого достоинства были въ большинствѣ случаевъ эти чиновники,—послѣ аттестаціи, сдѣланной о нихъ Муравьевымъ, говорить много нѣтъ надобности; достаточно будетъ прибавить, что, по распоряженію Михаила

Николаевича, нѣкоторые изъ нихъ были отправлены обратно по мѣстамъ своего прежняго служенія «по этапу, не въ родѣ арестантовъ»; впослѣдствіи же оказалось, что главные начальники тѣхъ вѣдомствъ и учрежденій, которыя Михаилъ Николаевичъ просилъ «во имя интересовъ русскаго дѣла въ западномъ краѣ» присылать ему вполнѣ благонадежныхъ и способныхъ чиновниковъ, высылали ему въ Вильно преимущественно такихъ, которые за свое неодобрительное поведеніе подлежали удаленію отъ службы по 3-му пункту. Впрочемъ, слѣдуетъ добавить, что какъ между прибывающими въ край по вызову, такъ въ особенности между тѣми, которые были приглашены на службу лично Муравьевымъ, было много людей вполнѣ благовоспитанныхъ и просвѣщенныхъ, о которыхъ добрая память и до сихъ поръ сохранилась въ сѣверо-западномъ краѣ; можно только посѣтовать на нихъ за то, что какъ скоро, съ прибытіемъ Потапова въ Вильно, повѣяло мертвечиною и на горизонтѣ ихъ служебной карьеры появились маленькія тучки, они, руководствуясь мудрымъ девизомъ, гласящимъ: «ubi bene, ibi patria», поспѣшили стушеваться какъ заѣзжіе, временные гости, для которыхъ миссіонерская дѣятельность, сопровождаемая подъ часъ разными невзгодами и перипетіями, представляется неудобнымъ и безполезнымъ «похмѣльемъ въ чужомъ пиру», а не подвигомъ гражданскаго мужества или задачею безкорыстнаго патріотизма, требующаго не рѣдко принесенія въ жертву личныхъ интересовъ и настойчивой борьбы съ препятствіями. Впрочемъ, у насъ на Руси такая эгоистическая политика практикуется искони на всѣхъ окраинахъ государства и, къ сожалѣнію, ее не только не порицаютъ, но даже и не замѣчаютъ. Нашъ чиновникъ, въ большинствѣ случаевъ, соблазняемый «окладами и бенефиціями», охотно спѣшитъ въ дальніе края и, принявъ на себя роль миссіонера русскаго дѣла, работаетъ съ усердіемъ и полнымъ самоотверженіемъ, но только до тѣхъ поръ, пока изъ кустовъ не выбѣжитъ «волкъ», а тогда онъ обращается въ постыдное бѣгство какъ наемникъ, а не какъ добрый пастырь, который остается на мѣстѣ и, продолжая охранять ввѣренное ему стадо, «полагаетъ душу свою за овцы». Все это, при кажущейся невзрачности, однако же довольно естественно и даже извинительно: отправляясь въ «чужіе края», какими для нашихъ столичныхъ чиновниковъ будутъ всегда—далекая Сибирь, Кавказъ, Туркестанъ, Остзейскій край, Польша и даже западныя губерніи, каждый изъ нихъ не можетъ не желать возвращенія со временемъ «домой» на родину; поэтому нельзя не пожалѣть, что въ нашихъ далекихъ окраинахъ имѣется слишкомъ мало «своихъ людей», душою и тѣломъ русскихъ, на которыхъ можно было бы вполнѣ полагаться и которые, поставленные на стражѣ интересовъ государ-

ства и правительства, съ тѣмъ вмѣстѣ охраняли бы и собственные свои интересы.

Описываемый нами ниже эпизодъ можетъ служить примѣромъ, какими цѣлями задавались нѣкоторые изъ прибывшихъ на зовъ Михаила Николаевича чиновниковъ, и какія средства были употребляемы ими для достиженія этихъ цѣлей.

Вскорѣ по воспослѣдованіи высочайшаго указа 1-го марта 1863 г., изъ земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ былъ присланъ въ Вильно еще довольно молодой чиновникъ М*** съ порученіемъ — объяснить Назимову соображенія министерства по предмету примѣненія на практикѣ правилъ, установленныхъ новымъ закономъ. Исполнивъ возложенное на него порученіе, онъ отправился обратно въ Петербургъ; затѣмъ, когда Муравьевъ былъ назначенъ на мѣсто Назимова, тотъ же самый чиновникъ, по рекомендаціи управлявшаго земскимъ отдѣломъ Я. А. Соловьева (впослѣдствіи сенатора), былъ приглашенъ Муравьевымъ въ Вильно для временнаго завѣдыванія крестьянскими дѣлами, находившимися до того въ рукахъ правителя генералъ-губернаторской канцеляріи А. Д. Туманова.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что неисчерпаемая казна, находившаяся въ непосредственномъ и безъотчетномъ распоряженіи М. Н. Муравьева, составляла предметъ вождѣленій значительнаго числа людей, прибывавшихъ въ край съ пустыми карманами и съ единственною цѣлью уврачевать свои разстроенные финансы, но въ описываемомъ нами ниже сего случаѣ, разыгравшемся въ средѣ членовъ мирового института въ сѣверо-западномъ краѣ, не представляется возможности допустить мысль, чтобы въ основаніи приводимаго событія было намѣреніе воспользоваться отъ руки главнаго начальника края какими либо матеріяльными выгодами, потому что выборъ на должности дѣятелей по мировымъ учрежденіямъ производился съ крайнею осмотрительностью и разборчивостью; скорѣе можно полагать, что тутъ было желаніе инициатора—выдѣлиться порельефнѣе изъ общей массы заурядныхъ чиновниковъ и такимъ образомъ проложить себѣ дорогу къ болѣе виднымъ должностямъ, или же простая, безъ злобной, задней мысли, потребность вызвать агитацію и стать въ ея главѣ. Впрочемъ, чужая душа — потемки, а потому странствовать по этой области и искать свѣтильника правды—было бы безполезный трудъ.

Приглядѣвшись внимательно къ тому, что дѣлается вокругъ и познакомившись лично съ большинствомъ дѣятелей по крестьянскимъ учрежденіямъ, нашъ дѣлецъ (нынѣ покойный) изъ «земскаго отдѣла» въ концѣ 1864 г., не подозрѣвая близкаго удаленія Муравьева изъ края, сталъ агитировать между членами мирового института и проводить

мысль о поднесеніи Михаилу Николаевичу, въ память его благотворной дѣятельности на пользу крестьянъ, альбома съ фотографическими карточками всѣхъ сотрудниковъ его по этой части. По счастливой мысли инціатора альбомъ долженъ былъ отличаться богатымъ переплетомъ, украшеннымъ массивными серебряными досками, съ изображеніемъ на нихъ тонкою чеканною работою двухъ эмблематическихъ фигуръ [1]): на одной сторонѣ—исхудалаго крестьянина съ поникшею головою и въ нищенскомъ рубищѣ, а на другой—зажиточнаго, здороваго парня въ щегольскомъ крестьянскомъ нарядѣ со смѣлымъ, веселымъ взглядомъ; подъ первою фигурою надпись—«до 1-го марта 1863 года», а подъ второю—«послѣ 1-го марта 1863 года». Для чиновника-афериста было, повидимому, совершенно безразлично, кто исходатайствовалъ законъ 1-го марта, имѣвшій такія благотворныя послѣдствія для крестьянъ; его не смущала мысль, что выставленное на альбомѣ число 1-е марта 1863 г. стоитъ на цѣлыхъ два мѣсяца прежде назначенія Муравьева на постъ виленскаго генералъ-губернатора, что наступитъ время, когда тотъ же самый альбомъ будетъ служить вещественнымъ доказательствомъ недобросовѣстности не только того, кто его придумалъ, но и тѣхъ слишкомъ 400 членовъ мирового института, фотографіи которыхъ окажутся въ альбомѣ. Всѣ эти простыя комбинаціи не были приняты во вниманіе и ни одинъ изъ 400 человѣкъ, подписавшихъ хвалебный адресъ Муравьеву, поднесенный ему вмѣстѣ съ альбомомъ, не протестовалъ противъ этой неприглядной оваціи!

Къ прискорбію предпріимчиваго и храбраго чиновника М*** дѣло съ альбомомъ затянулось слишкомъ долго: 17-го марта 1865 года Муравьевъ окончательно выѣхалъ изъ Вильны; за нимъ послѣдовали многіе изъ его приближенныхъ, а наступившее затишье и уныніе были поводомъ, что торжество поднесенія адреса и альбома состоялось только 14-го ноября 1865 г. въ домѣ графа Михаила Николаевича въ Петербургѣ, куда съ этою цѣлью прибыла депутація отъ всего персонала членовъ мирового института сѣверо-западнаго края. Подслѣповатый графъ принялъ альбомъ отъ своихъ бывшихъ подчиненныхъ, выразилъ имъ сердечную благодарность за ихъ добрую память и доставленное ему удовольствіе и, наконецъ, угостивъ дорогихъ гостей отличнымъ обѣдомъ, отпустилъ ихъ съ миромъ. Но замѣтилъ ли онъ впослѣдствіи продѣлку руководителя этой оваціи и далъ ли онъ почувствовать подносителямъ альбома неблаговидность такого извращенія фактовъ,—исторія о томъ умалчиваетъ.

---

[1]) Составленіе рисунка было поручено виленскому художнику Жамету, и онъ исполнилъ его весьма удачно; за то впослѣдствіи ему крѣпко доставалось отъ его соотечественниковъ—польскихъ пановъ. Самый же альбомъ былъ изготовленъ въ Петербургѣ въ мастерской художника Сазикова. П.

Разсказанный нами эпизодъ представляетъ явленіе поразительное и необъяснимое. Какъ могло случиться, чтобы въ такой многочисленной группѣ людей интеллигентныхъ не нашлось ни одного настолько проницательнаго и смѣлаго, чтобы разгадать дѣйствительную цѣль задуманной оваціи и поставить свое veto противъ осуществленія затѣи, огульно компрометтирующей цѣлую корпорацію не только въ глазахъ обывателей ополяченнаго края, ловящихъ съ жадностью на-лету всякій неосторожный шагъ или промахъ русской администраціи, но и тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые взирали съ смущеніемъ на дѣятельность членовъ мирового института въ смежной съ внутренними областями имперіи странѣ, гдѣ они съ такимъ усердіемъ работали подъ знаменемъ соціализма? Безспорно, что въ рядахъ служащихъ по мировымъ учрежденіямъ въ муравьевскій періодъ не было недостатка въ людяхъ добросовѣстныхъ и умныхъ, а между тѣмъ всѣ они попали на удочку опытнаго рыбака (нынѣ покойнаго) и подписали адресъ, приложенный къ альбому съ ихъ фотографическими карточками. Этотъ прискорбный фактъ удостовѣряетъ, что въ дѣлѣ составленія и поднесенія всякаго рода адресовъ и петицій наша житейская и политическая опытность еще такъ мало созрѣла, что не гарантируетъ насъ отъ автоматическаго движенія на буксирѣ своекорыстной спекуляціи, и что не рѣдко, вопреки нашему желанію, мы идемъ не туда, куда слѣдуетъ, а туда, куда насъ ведетъ ловкая интрига, пользуясь свойственнымъ русскому человѣку благодушіемъ или недостаткомъ гражданскаго мужества, препятствующимъ ему удержаться на почвѣ правды и плыть противъ общаго теченія.

д) Въ сентябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1883 г. (стр. 653) появилась замѣтка неизвѣстнаго намъ лица, по поводу всеподданнѣйшей записки В. И. Назимова на тему о необходимости относиться съ особеннымъ вниманіемъ къ римско-католическому духовенству западнаго края, какъ къ людямъ, имѣющимъ весьма сильное вліяніе на крестьянство, которыхъ поэтому не слѣдуетъ вооружать и озлоблять противъ правительства. Въ этой замѣткѣ составитель ея утверждаетъ, что когда онъ, по порученію бывшаго военнаго министра графа Милютина и согласно высочайшему повелѣнію, представилъ эту, какъ онъ выражается, «нелѣпѣйшую записку добродушнаго до простосердечности Назимова» Михаилу Николаевичу Муравьеву, то послѣдній, по прочтеніи ея, выразился будто бы такъ: «да, это дѣло серьезное, надо подумать. Знаете ли: во всякомъ дѣлѣ самое трудное — это начало. Настоящая записка является какъ нельзя болѣе кстати: она вполнѣ развязываетъ мнѣ руки. Теперь я знаю что̀ мнѣ дѣлать: первое, что я сдѣлаю по пріѣздѣ въ Вильно, это—разстрѣляю ксендза».

Хотя передаваемый г. N. N. анекдотъ какъ нельзя болѣе подходитъ

подъ вкусы людей, преклоняющихся предъ безсердечіемъ и мнящихъ оказать великую услугу потомкамъ графа Михаила Николаевича, изображая ихъ предка какимъ-то дикимъ, кровожаднымъ звѣремъ; за всѣмъ тѣмъ этотъ легендарный разсказъ, по своему существу, представляется весьма проблематическаго свойства. Во всякомъ случаѣ, по поводу этого разсказа считаемъ умѣстнымъ представить слѣдующія объясненія.

Въ первый моментъ возникновенія въ краѣ вооруженнаго возстанія преступная дѣятельность римско-католическаго духовенства выражалась только чтеніемъ въ костелахъ манифестовъ революціоннаго комитета, причемъ нѣкоторые ксендзы, предвидѣвшіе отъ того дурныя послѣдствія въ будущемъ не только для своей паствы и для себя лично, но и для самой римской церкви въ предѣлахъ имперіи, всячески уклонялись отъ исполненія требованій агентовъ тайнаго ржонда или начальниковъ вооруженныхъ бандъ, хотя въ большинствѣ случаевъ кончалось тѣмъ, что, смущаемые угрозами, они уступали предъ настояніями этихъ властей и дѣлали все то, что имъ приказывали дѣлать. Такая уклончивость ксендзовъ въ дѣлѣ возбужденія вооруженнаго возстанія объясняется также и внушеніями князя Чарторійскаго, который въ рѣчи своей, произнесенной въ собраніи историко-литературнаго общества въ Парижѣ 3-го мая 1861 года, слѣдовательно за два мѣсяца до своей смерти и безъ малаго за два года до мятежа, убѣждалъ своихъ соотечественниковъ не ставить польскую праву въ зависимость отъ шансовъ открытой борьбы съ могущественнымъ врагомъ, находя такую затѣю дѣломъ слишкомъ рискованнымъ; но вскорѣ послѣ первыхъ вспышекъ на сцену стали выступать такіе ксендзы, которые не только принимали дѣятельное участіе въ вооруженномъ возстаніи и совершаемыхъ мятежниками дѣйствіяхъ, но сами собирали банды и становились въ ихъ главѣ.

Исходя изъ того принципа, что преступленіе дѣйствіемъ въ разрядѣ криминаловъ стоитъ выше преступленія, совершаемаго словомъ, начальникъ штаба виленскаго военнаго округа, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ А. Э. Циммерманъ (умершій въ чинѣ генер.-отъ-инфантеріи), человѣкъ весьма умный, вполнѣ просвѣщенный и пользовавшійся большимъ авторитетомъ въ военныхъ сферахъ, докладывая В. И. Назимову военно-судное дѣло о ксендзѣ Шепетовскомъ, приговоренномъ къ смертной казни за чтеніе въ костелѣ революціоннаго манифеста, обратилъ вниманіе главнаго начальника края на несообразность распространенія на лицъ духовнаго званія, виновныхъ въ совершеніи второстепенныхъ преступленій, высшей мѣры наказанія, примѣняемой, и то лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, къ преступникамъ первой категоріи, въ виду чего и ходатайствовалъ о смягченіи участи

Шепетовскаго. Склонный по своей доброй натурѣ къ снисходительности, питающій отвращеніе ко всякимъ жестокимъ мѣрамъ и придерживаясь въ данномъ случаѣ взглядовъ министра внутреннихъ дѣлъ, который въ телеграммѣ своей отъ 8-го сентября 1861 года въ свою очередь высказался не въ пользу примѣненія смертной казни къ лицамъ духовнаго званія, — Владиміръ Ивановичъ охотно согласился съ доводами своего начальника штаба и, пощадивъ жизнь ксендза, поручилъ Циммерману составить по сему обстоятельству пояснительную докладную записку для представленія таковой государю императору. Послѣ этихъ переговоровъ генералъ Циммерманъ, возвратившись домой, написалъ дежурному штабъ-офицеру виленскаго военнаго округа письмо слѣдующаго содержанія:

„Александръ Спиридоновичъ! Надобно написать донесеніе государю о военно-судномъ дѣлѣ, конфирмованномъ сегодня Владиміромъ Ивановичемъ, которое рѣшено такъ:—ксендза Шепетовскаго на 12 лѣтъ въ каторжную работу, а потомъ водворить въ Сибири; прочихъ 7 человѣкъ—на 6 лѣтъ, а потомъ на поселеніе въ Сибири. Надобно въ донесеніи государю изложить, что Владиміръ Ивановичъ потому не конфирмовалъ смертнаго приговора ксендзу (объ остальныхъ самъ военный судъ ходатайствовалъ о смягченіи участи), что это произвело бы въ настоящее время самое вредное для правительства дѣйствіе. Ксендза этого несомнѣнно возвели бы въ мученики. Конарскаго, казненнаго здѣсь 25 лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ чтятъ какъ святого, и хотя онъ былъ протестантъ, тѣмъ не менѣе ксендзы молятся на его могилѣ и поминаютъ въ костелахъ; тѣмъ паче ксендза Шепетовскаго сочли бы въ настоящую минуту за святого; къ тому же этотъ ксендзъ и не въ Вильнѣ взятъ, не здѣсь совершилъ преступленіе, и виноватъ столько же, сколько десятки другихъ ксендзовъ, которыхъ однако не разстрѣляютъ. Не политичное дѣло было бы дать Вильнѣ, до сего спокойной, зрѣлище казни духовнаго лица. Напишите это, изложите съ вашимъ обычнымъ искусствомъ, Александръ Спиридоновичъ! У меня сегодня дѣла много. Надобно убѣдительно представить всѣ эти обстоятельства въ донесеніи государю. Графъ Шуваловъ говорилъ вчера, что государь желаетъ, чтобы съ виновными поступали по всей строгости законовъ, такъ какъ безъ того нельзя будетъ заставить поляковъ образумиться, но пока въ Вильнѣ тихо; смертная казнь не устрашила бы, а только экзальтировала бы здѣшнихъ рьяныхъ католиковъ.

„Если нужно, то сходите къ Владиміру Ивановичу; можетъ быть онъ прикажетъ добавить еще что нибудь къ этой бумагѣ. Ко мнѣ безпрестанно то тотъ, то другой приходятъ, а надо писать. Весь вашъ Циммерманъ. 11-го февраля 1863 г. 7 часовъ вечера“.

Таковы были обстоятельства, вызвавшія появленіе всеподданнѣйшей докладной записки о ксендзахъ, составленной, такъ сказать, подъ диктовку члена академіи генеральнаго штаба и согласно взглядамъ министра внутреннихъ дѣлъ, людей далеко недюжинныхъ и вполнѣ просвѣщенныхъ, а потому намъ кажется, что разномысліе Муравьева съ Назимовымъ во взглядахъ на смертные приговоры, при спокойномъ и разумномъ обсужденіи этого важнаго вопроса, возбуждающаго и

донынѣ энергическія препирательства между современными мыслителями и моралистами всѣхъ странъ, не должно бы служить предлогомъ или основаніемъ для язвительныхъ насмѣшекъ надъ гуманными принципами предмѣстника графа Михаила Николаевича, и къ низведенію этихъ благородныхъ принциповъ въ разрядъ явленій, свидѣтельствующихъ объ умственномъ убожествѣ Назимова.

XV.

Судьбѣ угодно было поставить Владиміра Ивановича Назимова въ двухъ наиболѣе выдающихся моментахъ упраздненнія крѣпостного права въ Россіи, а именно: въ возбужденіи перваго ходатайства объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, и въ побужденіи правительства — принять на себя всю операцію и разсчеты съ помѣстнымъ дворянствомъ за отходящія въ пользу крестьянъ земельныя угодья. Числа: 20-е ноября 1857 г. и 1-е марта 1863 г., должны бы украшать надгробный памятникъ, если такой будетъ когда-либо воздвигнутъ признательнымъ потомствомъ въ честь одного изъ лучшихъ гражданъ Россіи. Къ прискорбію въ исторіи освобожденія крестьянъ и въ описаніяхъ этого достопамятнаго событія о В. И. Назимовѣ упоминается только вскользь, такъ сказать — между прочимъ; въ нихъ нерѣдко болѣе видное мѣсто отводиться тѣмъ дѣятелямъ, которые, находясь внѣ всякаго соприкосновенія съ живыми народными элементами, волнуемыми разными страстями и матеріальными побужденіями, сочиняли, писали и переписывали свои теоретическія комбинаціи и проекты въ стѣнахъ покойныхъ и комфортабельныхъ кабинетовъ и канцелярій. Даже въ спичахъ и застольныхъ рѣчахъ, произносимыхъ ежегодно нашими дѣятелями по крестьянскому вопросу въ знаменательный день годовщины манифеста 19-го февраля 1861 года,—о заслугахъ, оказанныхъ родному краю Владиміромъ Ивановичемъ Назимовымъ, никто никогда не упомянулъ ни однимъ словомъ.

. . . .

. . . .

. . . .

Но и этого всего оказалось недостаточно: нашлись еще и такіе люди, которые не поцеремонились сорвать лучшій цвѣтокъ съ памятника трудовой жизни Владиміра Ивановича Назимова и украсить имъ альбомъ, подносимый преемнику его власти съ единственною цѣлью — расположить въ свою пользу вліятельнаго вель-

можу и такимъ способомъ упрочить свою служебную карьеру. Еще какихъ нибудь 5—10 лѣтъ, и со смертію послѣднихъ сослуживцевъ, друзей и бывшихъ подчиненныхъ покойнаго Владиміра Ивановича, память о немъ заглохла бы окончательно; но появленіе въ печати Записокъ графа М. Н. Муравьева дало намъ мысль — сгруппировать мало кому извѣстныя, либо же совершенно забытыя обстоятельства и черты изъ жизни и служебной дѣятельности Назимова, о которой, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ условій и причинъ, сложилось превратное представленіе, поддерживаемое и распространяемое мелкимъ тщеславіемъ и людскою завистью.

Не получивъ въ молодости академическаго образованія и разныхъ ученыхъ дипломовъ, достающихся не рѣдко на долю дюжинной посредственности, а слѣдовательно и не гарантирующихъ страну отъ вреда, причиняемаго ихъ промахами и ошибками, Владиміръ Ивановичъ, не смотря на то, въ личномъ составѣ сановниковъ своей эпохи, оказавшихъ не мало услугъ отечеству, не составлялъ никакой дисгармоніи; между тѣмъ, обладая счастливою памятью и будучи отъ природы весьма любознательнымъ, онъ расширялъ постоянно кругъ своихъ знаній усидчивымъ чтеніемъ лучшихъ произведеній нашей литературы и періодической печати и такимъ образомъ восполнялъ пробѣлы своего школьнаго образованія. Не менѣе благотворное дѣйствіе на воспріимчивую натуру Владиміра Ивановича имѣло постоянное общеніе его съ такими выдающимися по своему обширному уму и образованію людьми, какъ Грановскій, Хомяковъ, Аксаковъ, Катковъ, Самаринъ и многія другія свѣтила науки въ Москвѣ, съ которыми Назимовъ, въ бытность свою попечителемъ московскаго учебнаго округа, дружески сошелся и снискалъ ихъ сердечную симпатію своимъ честнымъ и прямодушнымъ характеромъ, а при такой счастливой обстановкѣ онъ не могъ оставаться равнодушнымъ и не увлекаться новыми теченіями мысли передовыхъ людей, стремившихся къ пересозданію дряхлаго общественнаго организма. Результатомъ всего этого было весьма солидное самообразованіе, которое, какъ плодъ добровольной и постоянной умственной работы, вызванной исключительно потребностью удовлетворенія духовной стороны человѣческой природы, представляетъ собою капиталъ значительно крупнѣе того, который выражается въ формѣ дипломовъ, добываемыхъ въ первой молодости въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, иногда не вполнѣ правильными путями, и въ большинствѣ случаевъ ради достиженія матеріальныхъ цѣлей. Такое самообразованіе, сопровождаемое многолѣтнею служебною практикою на разнообразныхъ поприщахъ дѣятельности, выдѣлило Назимова изъ многочисленной группы администраторовъ, коснѣющихъ въ своихъ старыхъ закорузлыхъ понятіяхъ о правахъ человѣческихъ, пользѣ и правдѣ; къ

тому же у Назимова отъ природы былъ въ головѣ тотъ здравый русскій смыслъ, который такъ высоко цѣнился Великимъ Петромъ, его достойною преемницею Екатериною II и не менѣе цѣнился Александромъ II Освободителемъ, а въ душѣ и сердцѣ В. И. Назимова были и тѣ безцѣнные самородки добра, правды и чести, безъ которыхъ люди и съ академическимъ образованіемъ мало чѣмъ отличаются отъ дикихъ варваровъ.

А. С. П.

Г. Кіевъ.
10-го декабря 1884 г.

Источники къ очерку «В. И. Назимовъ».

1. Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго права въ Россіи 3 т. Берлинъ. 1861—1862 гг.
2. Сборникъ законоположеній и постановленій по освобожденію крестьянъ. А. И. Скребицкаго.
3. Записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянскомъ дѣлѣ. „Русская Старина" изд. 1882, 1883 и 1884 гг.
4. Жизнь графа Михаила Николаевича Муравьева. Біографическій очеркъ М. Н. Кропотова. Спб. 1874 г.
5. В. Ѳ. Ратчъ—Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ. Вильно. 1867 г.
6. Ломачевскій—Виленская драма. Спб. 1873 г.
7. Вильканецъ—Назимовъ и Косцюшко. „Русск. Вѣдом." № 33, 1875 г.
8. Очеркъ исторіи польскаго умственнаго движенія. Ходатаи поляковъ въ Спб. въ 1818 году—объ упраздненіи крѣпостного права. „Новое Время", май, 1883 г., № 2569.
9. Объ упущеніяхъ и неправильныхъ приговорахъ надъ польскими мятежниками въ военно-судной коммисіи. „Вѣстн. Европы", январь, 1883 г., ст. Е. Л.
10. Записки митрополита Іосифа Сѣмашко. Характеристика генер.-губернатора, стр. 558.
11. „Виленскій Вѣстникъ", 1866 г., № 2. Подпесеніе альбома и адреса гр. Муравьеву мировыми посредниками.
12. „Русская Старина", августъ, 1883 г. Письма императора Александра II къ Влад. Ив. Назимову 1839, 1841, 1849 гг. и адресъ бывшихъ подчиненныхъ Назимова, отъ 20-го декабря 1863 г., съ помѣткою на немъ государя Александра II.
13. „Сѣверная Почта", іюнь, 1862 г., № 124. Статья, поощряющая открытіе польскихъ школъ по деревнямъ въ западныхъ губерніяхъ. (Соображенія Назимова о зловредности такихъ школъ изложены подробно въ его отношеніи къ мин. внутр. дѣлъ, отъ 18-го іюня 1862 г., № 460).
14. Сборникъ распоряженій гр. М. Н. Муравьева по усмиренію польскаго мятежа въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, 1863 — 1864 гг. Составилъ Цыловъ. 1866 г. Вильно.
15. Личныя Записки, воспоминанія и собраніе документовъ автора настоящаго очерка изъ новѣйшей лѣтописи сѣверо-западной Россіи.

А. П.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ДАРГОМЫЖСКІЙ

въ 1856—1869 гг.

I.

Я познакомился съ Александромъ Сергѣевичемъ Даргомыжскимъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1856 года. Знакомство это, начавшееся со взаимныхъ отношеній, вскорѣ перешло въ тѣсную дружбу, продолжавшуюся до его смерти (1869 г.).

Поставленная въ маѣ мѣсяцѣ 1856 года его опера, «Русалка», произвела на меня странное впечатлѣніе. До того времени я, пѣвецъ-любитель, ученикъ итальянца, горячій поклонникъ итальянской оперы и вообще итальянской музыки, довольно равнодушно относился къ произведеніямъ русскихъ композиторовъ, предпочитая имъ оперы Россини, Беллини и Доницетти, и самъ съ энтузіазмомъ пѣлъ отрывки изъ этихъ оперъ, разные салонные итальянскіе романсы и morceaux d'ensemble [1]).

Знакомство мое (исключительно музыкальное) было составлено изъ любителей и любительницъ, также, подобно мнѣ, предпочитавшихъ итальянскую музыку всякой другой. Изъ сочиненій же русскихъ композиторовъ я пѣлъ арію Сусанина и дуэтъ съ Ваней изъ «Жизни за Царя», два или три романса Глинки, затѣмъ романсы Варламова (болѣе другихъ романсовъ), Гурилева, Булахова, Дерфельдта, Пауфлера, Дюбюка и другихъ композиторовъ. Романсы же Даргомыжскаго я вовсе не пѣлъ, мало гдѣ ихъ слышалъ, да они мнѣ и совсѣмъ не нравились.

[1]) Тогда были въ большомъ ходу салонные дуэты итальянскаго композитора Габусси, которые я почти всѣ постоянно пѣлъ съ моимъ пріятелемъ, прелестнымъ теноромъ, С. А. Антоновымъ. Онъ же и познакомилъ меня съ Даргомыжскимъ. В. С.

Я былъ на первомъ представленіи «Русалки», данной 2-го мая 1856 года, въ бенефисъ тогдашней примадонны русской оперы, г-жи Булаховой. Въ какомъ-то странномъ состояніи духа вышелъ я изъ театра по окончаніи оперы. Въ головѣ моей былъ какой-то хаосъ; я не могъ дать себѣ отчета, что̀ это я слышалъ: хороша ли опера, или нѣтъ? Все меня въ ней поражало и удивляло: своеобразность пріемовъ, мелодій, разстановка музыкальныхъ фразъ... «Странно все какъ-то, думалъ я, возвращаясь домой, все не такъ, какъ въ другихъ операхъ. Напр. тріо не похоже на тріо изъ «Отелло» или изъ «Лукреціи Борджіа», квартетъ не похожъ на квартетъ изъ «Пуританъ», хоры не похожи на хоры изъ «Сонамбулы»... Что же это такое?»

Но что-то смутно влекло меня прослушать «Русалку» еще разъ. Я такъ и сдѣлалъ, и былъ въ оперѣ не только во второй разъ, но и въ слѣдующія пять или шесть ея представленій. Тогда только (въ особенности когда роль Наташи стала исполнять высокоталантливая покойная Латышева) я понялъ всю великость, всю геніальность этого произведенія, всю силу таланта Даргомыжскаго! Я понялъ, что должна быть и есть музыкальная драма, которая можетъ быть осуществлена рукою такого могучаго таланта, какимъ былъ Даргомыжскій!

Тогда-то во мнѣ загорѣлось желаніе познакомиться съ авторомъ «Русалки» и, какъ я уже сказалъ выше, въ октябрѣ того же года, въ которомъ была поставлена «Русалка», я былъ у него въ первый разъ, и съ перваго же раза почувствовалъ полную къ нему симпатію. Простой, радушный пріемъ, нецеремонное, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣжливое обращеніе, неподкупно-честная, благородная душа, веселый, полный неподдѣльнаго юмора, характеръ,—вотъ чѣмъ, помимо своего высокаго таланта, привязалъ меня къ себѣ Даргомыжскій! До конца своей жизни онъ сохранилъ вполнѣ юношескую теплоту сердца. Смерть его, хотя и ожиданная, была для меня тяжкимъ ударомъ! Въ немъ я потерялъ и опытнаго, и добросовѣстнаго руководителя, и совѣтника, и истинно преданнаго мнѣ друга! Потеря эта осталась на всю мою жизнь незамѣнима!

Вскорѣ у Александра Сергѣевича начались музыкальные вечера, на которыхъ постоянно присутствовалъ престарѣлый отецъ его, Сергѣй Николаевичъ, большой любитель пѣнія, и преимущественно сочиненій своего сына и Глинки. На этихъ вечерахъ ученицами Даргомыжскаго [1]) (онъ давалъ уроки пѣнія gratis только у себя на квар-

---

[1]) Онъ былъ большой поклонникъ прекраснаго пола, и часто говорилъ: „если-бы не было на свѣтѣ женщинъ-пѣвицъ, то я бы никогда не былъ композиторомъ. Онѣ всю жизнь вдохновляли меня“. Это подтверждается и тѣмъ, что большинство его романсовъ написано для женскаго голоса. В. С.

тирѣ, и только дамамъ и дѣвицамъ) и нами, любителями, пѣлись сочиненія его, Глинки, Монюшко, Глюка, Вебера, Мегюля, Обера, Вуно, — однимъ словомъ все, что только было хорошаго въ музыкѣ. Исключена была только итальянская музыка, къ большому горю нѣкоторыхъ италіомановъ, приходившихъ на эти вечера въ сладкой надеждѣ услышать Fra poco, Di pescatore ignobile, и т. под. [1]).

Враги Даргомыжскаго (а ихъ было у него не мало) говорили, что на его вечерахъ очень скучно, что онъ не позволяетъ (!) никому ничего пѣть, кромѣ своихъ сочиненій! Я, постоянный посѣтитель этихъ вечеровъ, положительно заявляю, что все это вздоръ, чистая выдумка. Кромѣ вышеназванныхъ мною композиторовъ, пѣлись мои романсы, пѣлась вся опера (кромѣ хоровъ) г-на Кюи «Кавказскій Плѣнникъ», пѣлись отрывки изъ оперы г-на Фитингофа «Мазепа», отрывки изъ оперы Сѣрова «Юдиѳь», его же Pater noster, и много еще другого. Если же дѣйствительно болѣе всего исполнялись сочиненія Даргомыжскаго, то этому причиною были сами мы, любители. Намъ не только позволялось, но мы и сами преимущественно исполняли его сочиненія, потому что они намъ болѣе всего нравились. Мы ихъ пѣли охотнѣе другихъ не потому только, чтобы угодить или польстить ихъ автору, а потому, что всѣ они были намъ по сердцу, всѣ мы ими увлекались, всѣ мы глубоко сочувствовали музыкальнымъ красотамъ, находящимся въ сочиненіи Даргомыжскаго!

Не говоря уже о «Русалкѣ», которую мы почти всѣ знали наизусть,—развѣ можно было не отнестись сочувственно къ нѣкоторымъ номерамъ изъ «Эсмеральды», оперы, написанной имъ еще прежде «Русалки», въ его молодые годы? къ нѣкоторымъ номерамъ изъ его одноактной оперы-балета «Торжество Вакха»? къ его серенадамъ? къ номерамъ начатой имъ, но къ сожалѣнію неоконченной, волшебно-комической оперы «Рогдана»? къ большинству его романсовъ, какъ напр. «Свадьба», «Она придетъ», «Шестнадцать лѣтъ», «Тучки небесныя», «Въ минуту жизни трудную», «Мнѣ грустно», «Я сказала зачѣмъ», «Не скажу никому», «Какъ часто слушаю», «Безъ ума, безъ разума», «Моя милая, моя душечка», «Я помню глубоко», «Разстались гордо

---

[1]) Впрочемъ иногда, шутки ради, пѣлось „Papataci", мужское тріо изъ оперы Россини „Итальянка въ Алжирѣ", въ которомъ теноровую партію исполнялъ самъ Даргомыжскій, баритона пѣлъ К. Н. Вельяминовъ, а баса— В. П. Опочининъ. Съ послѣднимъ Александръ Сергѣевичъ пѣвалъ „Obligato, si obligato", дуэтъ изъ оперы Доницети „Любовный Напитокъ". Пѣлся еще комическій дуэтъ изъ какой-то оперы стараго итальянскаго композитора Гульельми, начинавшійся словами: „Un palpito mi sento". Даргомыжскій пѣлъ его иногда съ басомъ, но большею частію съ своей ученицей, С. П. Еленевой.

В. С.

мы», «Безумная», «Старый капралъ», «Паладинъ», «Вы не сбылись», и многіе другіе.

Вечера эти были очень пріятны; собирались на нихъ большею частію одни и тѣ же лица, такъ что мы всѣ коротко познакомились между собою и составляли какъ бы одну семью. Постоянными посѣтителями этихъ вечеровъ, кромѣ меня, были—изъ дамъ:

А. Н. Байкова, С. П. Еленева, М. И Іокишъ, Е. И. Лаврентьева, М. М. Максимова, Л. Ѳ. Миллеръ, М. И. Морозова, В. В Саренко (вскорѣ вышедшая замужъ, и переставшая посѣщать вечера), О. А. Соколовская и Г. И. Элліотъ; изъ мужчинъ: К. Н. Вельяминовъ, С. В. Демидовъ, К. Н. де-Лазари, И. П. Загрунскій, И. Т. Лепко, В. П. Опочининъ, П. И Радзишевскій, М. Р. Щиглевъ и В. П. Энгельгардтъ. Не постоянными посѣтителями были: M-lle Вельцъ, М. А. Заровная, Л. А. Чехова, С. А. Антоновъ, В. И. Богдановъ, П. П. Булаховъ, І. Г. Васильевъ, І. І. Голубицкій, П. И. Гумбинъ, Г. А. Демидовъ, Н. И. Калининъ, К. Н. Лядовъ, І. А. Петровъ, М. В. Успенскій, Д. А. Чернавинъ, Л. И. Чернявскій и М. П. Яцевичъ. Въ качествѣ слушателей: А. А. Соколовская, отецъ Александра Сергѣевича, И. А. Богдановъ, Н. А. Воскресенскій, Н. А. Кологривовъ, В. И. Марковъ, А. П. Опочининъ, В. М. Пушиловъ, В. И. Раевскій и В. В. Стасовъ. Изъ композиторовъ постоянно бывали: Ю. К. Арнольдъ и Н. А. Титовъ; изрѣдка посѣщали вечера: К. П. Вильбоа, С. Ф. Делюсто, А. Н. Сѣровъ, Б. А. Фитингофъ, М. А. Балакиревъ, Ц. А. Кюи и М. П. Мусоргскій. (Послѣдніе три бывали только вначалѣ, а потомъ вовсе перестали посѣщать эти вечера, бывая у Даргомыжскаго въ другіе дни. Къ нимъ впослѣдствіи присоединился Н. А. Римскій-Корсаковъ).

Вечера эти отличались полной свободой въ дѣйствіяхъ: можно было придти и уйти, когда угодно; можно было, чувствуя себя нерасположеннымъ пѣть, просидѣть цѣлый вечеръ въ качествѣ слушателя; но за то, во время исполненія какой бы то ни было піесы, наблюдалась постоянная тишина, и если-бы кто вздумалъ ее нарушить неумѣстнымъ разговоромъ (даже шепотомъ), то блюститель порядка, въ лицѣ отца Александра Сергѣевича, своимъ грознымъ шш!, обращеннымъ непосредственно къ нарушителю тишины, немедленно возстановлялъ спокойствіе. Въ 10 часовъ старикъ обыкновенно уходилъ спать, и тогда не рѣдко играли на фортепіано въ четыре руки (чего не любилъ старикъ, и при немъ никогда не играли). Играли номера изъ «Русалки», преимущественно увертюру и танцы, танцы изъ «Торжества Вакха», Казачекъ, чухонскую фантазію, увертюру и танцы изъ «Жизни за Царя» и «Руслана», сочиненія Вебера и другихъ композиторовъ, изъ которыхъ Даргомыжскій особенно любилъ сонату Онслова, если не ошибаюсь, написанную авторомъ для фортепіано въ четыре руки. Исполнителями были: самъ Александръ Сергѣевичъ почти постоянно съ М. Р. Щиглевымъ; изрѣдка вмѣсто послѣдняго играла Е. И. Лаврентьева или В. П. Энгельгардтъ.

Иногда бывали и танцы (также послѣ 10 часовъ). Рояль, стояв-

шій обыкновенно по рединѣ залы, отодвигался въ сторону, и вся молодежь пускалась въ плясъ. Игралъ для танцевъ большею частію самъ Александръ Сергѣевичъ и, надобно сказать правду, игралъ очень неловко. По незнанію современныхъ танцевъ, онъ импровизировалъ; но если это было хорошо въ музыкальномъ отношеніи, то для танцевъ выходило какъ-то неудобно, угловато, тяжеловѣсно; тогда на смѣну ему садились или В. П. Энгельгардтъ, или я. Н. А. Титовъ также не рѣдко игралъ свой знаменитый кадриль.

Ужинать оставались только самые близкіе, самые постоянные посѣтители вечеровъ: 6—10 человѣкъ. За этими ужинами, состоявшими обыкновенно изъ двухъ самыхъ простыхъ блюдъ, изъ которыхъ вторымъ было непремѣнно мелкое пирожное или, какъ называлъ Даргомыжскій, пирожки, мы иногда засиживались до поздней ночи [1]). Время летѣло незамѣтно въ веселыхъ разговорахъ [2]). Большею частію, передъ уходомъ, не вставая изъ-за стола, пѣли серенады. Чаще всего пѣлись: «Приди ко мнѣ», «По волнамъ спокойнымъ», «Прекрасный день», «Пью за здравіе Мери» и «Лѣшій». Разъ уже вздумали пѣть увертюру изъ «Фрейщюца», и хотя съ большими затрудненіями, остановками, путаницей,—но добрались таки до вожделѣннаго конца. Пѣвали иногда тріо изъ «Русалки»; въ особенности хорошо выходила первая его часть, начиная съ фразы Наташи: Не стыдно ли томить меня, и до andante.

Эти вечера навсегда остались въ моей памяти, какъ самыя пріятнѣйшія минуты въ моей жизни. Пропустить хотя бы одинъ изъ нихъ для меня было немыслимо, и только одна болѣзнь могла удержать меня дома въ понедѣльникъ и въ четвергъ, дни нашихъ собраній у Александра Сергѣевича. Другихъ препятствій для меня не существовало. Въ шестидесятыхъ годахъ я служилъ и имѣлъ казенную квартиру въ Петропавловской больницѣ, которая, какъ извѣстно, находится чуть не въ самомъ центрѣ Петербургской стороны, а Даргомыжскій жилъ въ Моховой между Симеоновской и Пантелеймоновской улицами въ домѣ Есакова. Разстояніе далеко не малое и, не смотря на то, я не пропускалъ ни одного вечера.

---

[1]) Въ противность принятому мнѣнію, что всѣ крупные таланты непремѣнно поклонники даровъ Бахуса, — Александръ Сергѣевичъ былъ человѣкъ совершенно трезвый. Водки онъ не пилъ вовсе; а обыкновенно, въ концѣ ужина, послѣ пирожковъ выпивалъ небольшую рюмку Елисѣевскаго Медокъ Сенъ-Жюльенъ, единственное вино, которое у него постоянно подавалось къ ужину.

[2]) Часто и много смѣшилъ своими разсказами, анекдотами и представленіями разныхъ сценокъ въ лицахъ К. Н. де-Лазари. В. С.

Слушая музыку Даргомыжскаго, вчитываясь въ нее постоянно, я не могъ не удивляться всей силѣ его таланта, этой (не говоря уже о мелодичности) поразительной вѣрности музыкальнаго выраженія, этого музыкальнаго драматизма, потрясающаго до глубины души, исторгающаго у нервныхъ особъ невольныя слезы; какъ напр. дуэты Наташи съ княземъ и отцомъ и финалъ 1-го дѣйствія въ «Русалкѣ», драматическая пѣсня «Старый капралъ», и мн. др. Въ этомъ отношеніи Даргомыжскій не имѣлъ себѣ предшественниковъ, и по настоящее время не имѣетъ себѣ наслѣдниковъ! Речитативы его—неподражаемы, изумительны по силѣ и вѣрности выраженія. Не говоря о речитативахъ въ «Русалкѣ», укажу на послѣднее его произведеніе—оперу «Каменный гость», которая, за исключеніемъ двухъ романсовъ Лауры, вся написана въ речитативной формѣ. Но какіе это речитативы? Есть ли въ современной русской музыкѣ хотя что нибудь подобное? Всѣ попытки создать что либо въ этомъ родѣ до крайности слабы. Эти господа пригоняютъ музыку къ словамъ, тогда какъ у Даргомыжскаго это дѣлалось естественно, легко и свободно, подъ вліяніемъ чистаго вдохновенія. Исполняя эти речитативы, или слушая ихъ, невольно чувствуешь, что иначе выразить тѣ или другія слова, какъ выразилъ ихъ Даргомыжскій,—невозможно; что въ такомъ случаѣ это было бы прямое отступленіе отъ вѣрнаго изображенія музыкою смысла фразы.

Я слышалъ «Каменнаго гостя», когда онъ только что писался, отдѣльными сценами; слышалъ исполненіе ихъ самимъ авторомъ. Хотя у Александра Сергѣевича не было никакого голоса, но онъ фразировалъ замѣчательно хорошо. У меня голова шла кругомъ отъ восторга, отъ сознанія, до какой недосягаемой высоты поднялся этотъ человѣкъ, и какъ намъ еще долго придется ждать другого Даргомыжскаго!

Со смертію отца Александра Сергѣевича музыкальные вечера, о которыхъ я говорилъ выше, прекратились; самъ онъ переѣхалъ въ другую небольшую квартиру въ томъ же домѣ, гдѣ создалъ своего безсмертнаго «Каменнаго гостя», и гдѣ и умеръ.

II.

Не смотря на свой безспорно высокій талантъ, не смотря на умъ, образованіе, благородный характеръ, чрезвычайно нѣжное и доброе сердце, не смотря на множество добрыхъ дѣлъ и благодѣяній, на всегдашнюю готовность помочь нуждающемуся словомъ и дѣломъ,—Даргомыжскій имѣлъ много враговъ.

Первымъ его врагомъ было петербургское общество того времени, по крайней мѣрѣ большинство его, претендующее на любовь къ музыкѣ и знаніе ея. Что было этому причиной? Тогдашнее-ли всеобщее увлеченіе итальянской музыкой, изъ-за котораго общество наше не видѣло и не хотѣло знать, есть-ли что нибудь хорошее и истинно музыкальное въ Россіи, въ рядахъ его соотечественниковъ-музыкантовъ по призванію? Оригинальность-ли музыки Даргомыжскаго, проявлявшаяся не только въ его оперѣ, но и въ романсахъ его, чуждая всякой рутины, всякой обыденной пошлости, столь любимой большинствомъ? Положительно сказать не могу [1]). Знаю только, что большинство это относилось къ его музыкѣ холодно, съ пренебреженіемъ, и что только въ послѣдніе годы его жизни масса начала цѣнить его, начала понимать, какія сокровища скрываются въ его музыкѣ, какою чистою правдою вѣетъ отъ нея, какъ она оригинальна и самобытна!

Даргомыжскій былъ слишкомъ гордъ, чтобы унижаться передъ заѣзжими въ Петербургъ пѣвунами и пѣвуньями, чтобы увиваться передъ любимцами публики для того, чтобы добиться счастія слышать то или другое свое сочиненіе, исполненное ими на концертной эстрадѣ. Если знаменитая Полина Віардо-Гарсія пѣла его романсы въ концертахъ, то это только потому, что талантливая пѣвица и высокоразвитая музыкантша поняла и оцѣнила талантъ Даргомыжскаго, и пѣла его романсы не вслѣдствіе его усиленныхъ просьбъ и заискиваній, а по собственному желанію, по сознанію, что она поетъ піесы, стоющія ея артистическаго вниманія и исполненія [2]).

Не только диллетанты, но и музыканты ex professo не признавали таланта Александра Сергѣевича. Такъ, напримѣръ, извѣстный въ 1860-хъ годахъ піанистъ и композиторъ, жившій въ Петербургѣ, и съ громаднымъ успѣхомъ подвизавшійся въ концертахъ, съ полною увѣренностію говорилъ во всеуслышаніе въ одномъ знакомомъ мнѣ домѣ, что «въ «Русалкѣ» нѣтъ ни одной мелодіи!» Этотъ піанистъ имѣлъ массу уроковъ, и умѣлъ такъ расположить къ себѣ своихъ учениковъ и ученицъ, что они благоговѣли передъ каждымъ его словомъ, и что онъ сказалъ,—то была непреложная истина. Понятно, что эти ученики и ученицы, разыгрывавшіе и приходившіе въ восторгъ отъ піесъ въ

---

[1]) Въ то время мнѣ не рѣдко случалось слышать отзывъ о Даргомыжскомъ въ такомъ родѣ: „что такое Даргомыжскій? Послѣдователь и подражатель Глинки,—и больше ничего!“ И смѣшно, и досадно было это слышать. Это также вѣрно, какъ если бы кто нибудь сталъ утверждать, что Лермонтовъ только послѣдователь и подражатель Пушкина!

[2]) Она пѣла его романсы: „Безумная“ и „Душечка-дѣвица“ въ 1853 году въ концертѣ въ пользу общества посѣщенія бѣдныхъ. В. С.

родѣ «Le reveil du lion», или «Larmes d'une jeune fille», — не могли сочувствовать таланту Даргомыжскаго; тѣмъ болѣе, что это нерасположеніе подкрѣплялось еще такимъ авторитетомъ, какимъ они считали своего учителя [1]).

Разумѣется, Даргомыжскій не могъ равнодушно переносить эту холодность публики къ его сочиненіямъ [2]). Всякія фразы утѣшенія были безсильны для того, чтобы успокоить постоянно задѣваемое и оскорбляемое его самолюбіе. Я разъ сказалъ ему: «по моему мнѣнію, Александръ Сергѣевичъ, причина неуспѣха вашихъ сочиненій та, что вы пошли впередъ общаго направленія, впередъ своего вѣка. Если бы вы писали романсы à la Булаховъ, Дерфельдтъ и даже à la Контскій, — тогда они имѣли бы въ публикѣ успѣхъ. Но за то извѣстность этихъ господъ эфемерна: какъ они быстро пошли въ ходъ, такъ они быстро и забудутся; а ваши романсы,—повѣрьте мнѣ, придетъ пора,—пойметъ, наконецъ, публика, и долго будетъ ими восхищаться». «Да», возразилъ онъ, «а когда это будетъ? послѣ моей смерти!» Но въ послѣдніе годы его жизни мои слова начали сбываться: романсы его все чаще и чаще стали появляться на концертныхъ афишахъ; «Русалка» вошла въ составъ сезонныхъ оперъ, и представленія ея стали давать хорошіе сборы.

Но самый злѣйшій врагъ Даргомыжскаго, постоянно портившій его оперную карьеру, мѣшавшій ея успѣхамъ, и по всей вѣроятности имѣвшій вліяніе на преждевременную его кончину, былъ—тогдашняя театральная дирекція.

Во первыхъ, Даргомыжскій нѣсколько лѣтъ тщетно добивался постановки своей «Русалки», и когда, наконецъ, добился, то какъ ее поставили? Съ какими-то старыми декораціями, набранными изъ разныхъ оперъ, въ старыхъ истасканныхъ костюмахъ, неряшество которыхъ доходило до крайней степени. Такъ, напримѣръ, Гумбинъ, исполнявшій роль свата, являлся во 2-мъ актѣ на свадьбѣ князя въ мантіи, оторванный кусокъ который волочился по полу! На свадебномъ столѣ

---

[1]) Здѣсь кстати замѣчу, что этотъ цѣновщикъ таланта Даргомыжскаго не признавалъ таланта геніальнаго Шопена и утверждалъ, что въ большинствѣ его сочиненій видна только работа, а вдохновенія нѣтъ.

[2]) Въ одномъ изъ писемъ къ Л. И. Кармалиной (въ 1857 г.) Александръ Сергѣевичъ говоритъ: „артистическое положеніе мое въ Петербургѣ незавидно. Большинство нашихъ любителей музыки и газетныхъ писателей не признаетъ во мнѣ вдохновенія. Рутинный взглядъ ихъ ищетъ льстивыхъ для слуха мелодій, за которыми я не гонюсь. Я не намѣренъ снизводить для нихъ музыку до забавы. Хочу, чтобы звукъ прямо выражалъ слово. Хочу правды. Они этого понять не умѣютъ“.

„Русская Старина“ изд. 1875 года, іюль, стр. 422. В. С.

горѣли двѣ пары тройныхъ канделябръ. Въ концѣ оперы, вмѣсто граціознаго плаванія живыхъ русалокъ, влекущихъ тѣло утопшаго князя, спускаются перпендикулярно двѣ деревянныя морскія чучелы: головы человѣческія, съ бакенбардами, а туловища огромныхъ окуней съ кольцеобразными хвостами! Невѣроятно, а между тѣмъ въ дѣйствительности это было такъ [1])!

Во вторыхъ, «Русалку» давали или въ началѣ сезона, когда еще не всѣ жители Петербурга воротились съ дачъ, изъ деревень или изъ-за границы, — или въ концѣ сезона, когда уже начиналось переселеніе въ загородныя мѣста. Иногда ее давали и въ серединѣ сезона, но только тогда, когда по внезапной болѣзни артиста надобно было замѣнить назначенную оперу другою; вотъ тогда-то и давали «Русалку», и бо́льшею частію прямо, безъ репетиціи!

Въ третьихъ, тогдашній капельмейстеръ русской оперы, К. Н. Лядовъ, главный воротило опернаго дѣла, почему-то болѣе всѣхъ враждовалъ противъ Даргомыжскаго. Небрежность К. Н. Лядова при исполненіи «Русалки» была чрезвычайна. Онъ, что называется, валялъ всю оперу съ плеча, позволялъ себѣ самопроизвольное измѣненіе темповъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на замѣчанія Даргомыжскаго. Такъ, напримѣръ, хоръ русалокъ исполнялся значительно медленнѣе противъ темпа, назначеннаго авторомъ. Но что всего болѣе было прискорбно, то это — полный выпускъ чуднаго дуэта Наташи съ княземъ, гдѣ онъ прощается съ нею навсегда! Отъ этого пропуска выходила безсмыслица, присущая тогдашнимъ итальянскимъ операмъ, этимъ костюмированнымъ концертамъ, въ которыхъ арія, хоръ, тріо—шли одинъ за другимъ, такъ себѣ зря, безъ всякаго толку и смыслу. Такъ было и тутъ: по окончаніи хоровода, когда весь народъ уходилъ со сцены, являлась Наташа съ повязкой на головѣ, и съ убитымъ видомъ садилась на скамейку. Выходилъ мельникъ, приходилъ въ восторгъ, видя дочь въ такомъ богатомъ уборѣ, и т. д. Не только лицу, знакомому съ сочиненіемъ нашего безсмертнаго Пушкина, но и всякому приходило въ голову: какъ же это такъ? откуда взялся этотъ уборъ у Наташи? когда князь съ нею простился? почему она знаетъ, что онъ женится? и т. под. Знакомому же съ этимъ дуэтомъ по музыкѣ оставалось только сожалѣть о безобразной, безсмысленной, варварской купюрѣ! Почему этотъ дуэтъ впалъ въ такую немилость у Лядова—не знаю; но не менѣе того это

---

[1]) Описа́ніе этой послѣдней декораціи взято мною изъ письма Даргомыжскаго къ Л. И. Кармалиной отъ 9-го декабря 1857 года.

„Русская Старина изд. 1875 года, іюль, стр. 423. В. С.

фактъ, который могутъ подтвердить всѣ тѣ, кто тогда посѣщалъ «Русалку» и былъ свидѣтелемъ этого безобразія [1]).

Понятно, что при подобной обстановкѣ и при подобномъ исполненіи «Русалка» не могла давать хорошихъ сборовъ, и года черезъ два послѣ ея постановки она была снята съ репертуара и сдана въ архивъ [2]). Такъ она и покоилась тамъ до 1865 года, когда нашъ незабвенный О. А. Петровъ заявилъ намѣреніе взять ее въ свой бенефисъ [3]).

Кромѣ обычныхъ исполнителей, Петрова и г-жи Леоновой, роль князя долженъ былъ исполнять г. Никольскій, а роль Наташи—незадолго предъ тѣмъ ангажированная въ русскую оперу на первыя роли пѣвица сопрано, Ю. Ѳ. Платонова. Даргомыжскій самъ проходилъ съ нею эту партію, былъ въ восторгѣ отъ ея исполненія, и при отъѣздѣ говорилъ: «спасибо дирекціи, что хоть разъ она оказала мнѣ услугу, отдавъ роль Наташи такой талантливой пѣвицѣ, какъ Платонова. Я увѣренъ, что она исполнитъ свою партію превосходно!»

Но и тутъ не обошлось безъ интригъ, безъ обмана, безъ самой дерзкой лжи со стороны недоброжелателей Даргомыжскаго.

Получаю я записку отъ г-жи Платоновой (съ которой былъ знакомъ), въ которой она проситъ меня немедленно пріѣхать по весьма нужному дѣлу. Пріѣзжаю, и застаю ее въ крайне разстроенномъ состояніи. Оказалось, что по приказанію тогдашняго начальника репертуарной части, П. Ѳ. Ѳедорова, роль Наташи у нея взяли, и передали другой пѣвицѣ. Г-жа Платонова должна была исполнить приказаніе Ѳедорова, но очень жалѣла объ этомъ, такъ какъ ей очень нравилась эта роль, и она была увѣрена, что будетъ имѣть въ ней успѣхъ. Отправившись немедленно въ театръ и увидѣвъ тамъ Ѳедорова, г-жа Платонова спросила у него: «отчего у нея взяли роль Наташи?» Ѳедоровъ отвѣчалъ, что на это было желаніе Даргомыжскаго, который писалъ объ этомъ Лядову изъ-за границы. Въ это время подошелъ къ нимъ Лядовъ и подтвердилъ, что онъ точно получилъ

---

[1]) Достойно замѣчанія, что при этихъ продѣлкахъ съ „Русалкою" Лядовъ находилъ возможнымъ бывать (хоть и рѣдко) на вечерахъ у Даргомыжскаго

[2]) Въ 1858 году „Русалка" дана была въ Москвѣ въ бенефисъ примадонны тамошней русской оперы, г-жи Семеновой.

[3]) Во время пребыванія Даргомыжскаго въ Брюсселѣ въ 1864 и 1865 гг. въ концертѣ подъ управленіемъ Гансена были исполнены съ громаднымъ успѣхомъ увертюра изъ „Русалки" и Казачекъ. Затѣмъ, когда Александръ Сергѣевичъ былъ уже въ Парижѣ, то тамъ же, въ Брюсселѣ, въ двухъ концертахъ исполнили славянскій и цыганскій танцы изъ „Русалки". В. С.

письмо отъ Даргомыжскаго, въ которомъ онъ изъявилъ желаніе, чтобы партію Наташи пѣла не г-жа Платонова, а та пѣвица, которой уже передали эту роль; что волю автора надобно уважать, и т. д. Будущая Наташа говорила то-же самое, прибавивъ, что Даргомыжскій передъ своимъ отъѣздомъ проходилъ съ нею эту роль. Чтó тутъ оставалось дѣлать г-жѣ Платоновой? Надобно было покориться горькой необходимости!

Но я былъ твердо убѣжденъ, что это ни болѣе, ни менѣе какъ гнусная интрига со стороны Ѳедорова и Лядова съ цѣлію уронить оперу, и тѣмъ досадить Даргомыжскому, потому что сколько нибудь сносное исполненіе роли Наташи у той пѣвицы, которой она была передана, было немыслимо: это была бездарность въ полнѣйшемъ значеніи этого слова! Нельзя же было предположить, чтобы Даргомыжскій, очень хорошо зная полную неспособность этой пѣвицы, рѣшился замѣнить ею талантливую г-жу Платонову!

Я рѣшился попробовать одно средство: не зная навѣрное, гдѣ въ то время былъ Даргомыжскій: въ Брюсселѣ или въ Лейпцигѣ,—я и сестра Александра Сергѣевича, С. С. Степанова, написали ему два письма одинаковаго содержанія, разсказавъ всю сущность дѣла, и послали одно въ Брюссель, а другое въ Лейпцигъ. Въ письмѣ своемъ я просилъ Александра Сергѣевича отвѣтить мнѣ какъ можно скорѣе, въ такомъ смыслѣ, чтобы я могъ это письмо показать директору театровъ, а если онъ (Даргомыжскій) найдетъ нужнымъ, то и министру императорскаго двора, какъ доказательство обмана со стороны Ѳедорова и Лядова. Въ скоромъ времени я получилъ такое письмо. Александръ Сергѣевичъ категорически заявлялъ, что онъ крайне удивленъ самопроизвольною передачею роли Наташи другой пѣвицѣ, что онъ никакого письма Лядову не писалъ, и вообще твердо убѣжденъ, что лучшей исполнительницы роли Наташи, какъ г-жа Платонова, въ настоящее время на сценѣ нѣтъ; и что онъ ни съ какою другою пѣвицею, кромѣ г-жи Платоновой, партіи Наташи не проходилъ. Получивъ это письмо, я тотчасъ же отвезъ его къ г-жѣ Платоновой, которая, согласно своему желанію, отправилась съ нимъ для личныхъ объясненій съ директоромъ театровъ. Прочитавъ это письмо, директоръ сказалъ, что онъ разберетъ это дѣло, а письмо оставилъ у себя, какъ документъ для обличенія безстыдныхъ лжецовъ.

Между тѣмъ, пока шла эта переписка между мною и Даргомыжскимъ, прошло не мало времени, и я узналъ, что репетиціи «Русалки» съ невозможной Наташей уже начались. Встрѣчаю я какъ-то О. А. Петрова, и спрашиваю: «ну что, какъ у васъ идутъ репетиціи «Русалки»?» Петровъ отчаянно махнулъ рукой: «ахъ, не говорите! это изъ

рукъ вонъ что такое! Я кажется кончу тѣмъ, что откажусь отъ этой оперы, и возьму другую». Вскорѣ я узналъ, что онъ отказался отъ «Русалки», и взялъ «Руслана».

И такъ, цѣль враговъ Даргомыжскаго была достигнута. «Русалку» опять сложили въ архивъ; да если бы Петровъ отъ нея и не отказался, то она навѣрно выдержала бы не болѣе двухъ или трехъ представленій, потому что бездарное исполненіе главной женской роли, даже съ такимъ артистомъ, какъ Петровъ, не могло бы спасти оперу отъ полнаго фіаско; а потомъ виновники этого паденія, конечно, доложили бы высшему начальству, что вотъ мы хотѣли поддержать русскаго композитора, возобновили его «Русалку» по желанію Петрова, но она не даетъ сборовъ. Въ этомъ ужъ мы не виноваты, и потому оперу эту надобно снять съ репертуара.

Такъ вотъ какія дѣла творились въ театральномъ мірѣ лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Но я утѣшалъ себя тѣмъ, что если нельзя было поставить «Русалку» съ г-жей Платоновой, такъ пусть ужъ лучше она лежитъ въ архивѣ, чѣмъ слышать полное искаженіе этой чудной музыки, и видѣть ея позорное паденіе!

Только въ 1867 году въ бенефисъ г-на Комиссаржевскаго была возобновлена «Русалка». Съ такими артистами, какъ г-жи Платонова и Шредеръ, гг. Комиссаржевскій и Петровъ, съ такимъ капельмейстеромъ, какъ г. Направникъ, опера пошла великолѣпно, стала привлекать многочисленную публику, и Александръ Сергѣевичъ на закатѣ своей жизни имѣлъ возможность видѣть и слышать свое возлюбленное дѣтище въ истинно артистическомъ исполненіи, безъ безобразныхъ купюръ и въ настоящихъ темпахъ [1]).

Что касается до оперы «Каменный гость», то я уже выше говорилъ объ ея музыкальныхъ достоинствахъ. Могу прибавить только, что недоброжелатели Даргомыжскаго въ причинахъ, побудившихъ его къ сочиненію этой оперы, и тутъ постарались найти темную для него сторону. Говорили, что будто бы Александъ Сергѣевичъ, увлекшись новымъ направленіемъ, рѣшился написать оперу безъ извѣстныхъ общепринятыхъ оперныхъ формъ, исключительно въ речитативной формѣ.

Чистая выдумка!

Даргомыжскій всю жизнь свою шелъ самостоятельнымъ музыкальнымъ путемъ, никому не подражая, ни у кого ничего не заимствуя, не прося и неслушая ничьихъ совѣтовъ.

---

[1]) Купюры въ свадебномъ хорѣ 2-го акта и въ финалѣ 4-го акта сдѣланы самимъ Даргомыжскимъ. В. С.

Его взглядъ на искусство, его убѣжденія, его талантъ былъ слишкомъ силенъ, слишкомъ самостоятеленъ для того, чтобы поддаться убѣжденіямъ молодыхъ музыкантовъ съ ихъ странными (чтобы не сказать болѣе) взглядами на искусство, на музыку, на оперу.

Съ полною увѣренностію утверждаю, что опера «Каменный гость» писалась Даргомыжскимъ подъ наитіемъ чистаго вдохновенія, собственнаго убѣжденія въ возможности написать такую оперу, въ такихъ формахъ, а не вслѣдствіе какихъ либо уговоровъ и убѣжденій [1]).

Здѣсь кстати замѣчу, что Александръ Сергѣевичъ предчувствовалъ свою близкую кончину. Онъ часто говорилъ мнѣ: «я чувствую, что я скоро умру, что «Каменный гость» будетъ моя лебединая пѣсня». Когда я старался разувѣрить его въ противномъ, то онъ возражалъ: «отчего же у меня такой приливъ вдохновенія, какого у меня не бывало никогда даже въ мои молодые годы? Вы сами видите, какъ быстро пишется опера!» Что на это было отвѣчать? [2])

Уже съ начала 1868 года Александръ Сергѣевичъ началъ прихварывать, и по мучившимъ его болѣзненнымъ припадкамъ я, какъ бывшій врачъ, съ грустью и съ болью въ сердцѣ чуть не въ каждое мое съ нимъ свиданіе убѣждался, что предчувствіе его не обманываетъ, и что смерть быстро къ нему приближается. Его лѣчили извѣстные наши врачи-профессора гг. Боткинъ и Богдановскій. Болѣзнь его была—аневризмъ сердца, отъ котораго онъ и умеръ 5 января 1869 года.

Незадолго до его смерти, тогдашній министръ императорскаго двора, графъ А. В. Адлербергъ, присылалъ къ нему своего чиновника узнать: когда онъ надѣется кончить «Каменнаго гостя», и какъ онъ желаетъ распредѣлить роли? Даргомыжскій распредѣлилъ ихъ такъ: Донна Анна — г-жа Платонова, Лаура — г-жа Лавровская, Донъ Жуанъ— г. Комиссаржевскій и Лепорелло—г. Петровъ. Впослѣдствіи, при постановкѣ «Каменнаго гостя» на сцену, это распредѣленіе ролей такъ и сохранилось, кромѣ роли Лауры, которую исполняла г-жа Абаринова, потому что г-жа Лавровская не была ангажирована въ тотъ

---

[1]) Даргомыжскій часто говаривалъ, что онъ пишетъ „Каменнаго гостя" ради удовольствія своего и своихъ пріятелей, а не для сцены. Онъ былъ убѣжденъ, что такая опера, въ такихъ формахъ, не можетъ понравиться большинству публики, и потому не удержится долго на сценѣ.

[2]) Уже бывъ больнымъ, Александръ Сергѣевичъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ К. Н. Вельяминову говорилъ: „сидя за фортепьянами, больной и сгорбленный, я въ пять дней подвинулъ своего „Каменнаго гостя" такъ, какъ бы здоровый и въ два мѣсяца его не подвинулъ".

„Русская Старина" изд. 1875 года, іюль, стр. 265. С. В.

сезонъ въ русскую оперу. Нѣсколько маленькихъ незначительныхъ сценокъ, которыя не успѣлъ написать Александръ Сергѣевичъ, были составлены г-мъ Кюи, а оркестровалъ оперу г. Римскій-Корсаковъ. Не смотря на художественное выполненіе оперы г-жею Платоновой и гг. Комиссаржевскимъ и Петровымъ, она мало посѣщалась публикой, и послѣ нѣсколькихъ представленій была снята съ репертуара. Такимъ образомъ предсказаніе Даргомыжскаго оправдалось!

III.

Послѣ смерти Александра Сергѣевича, издатель музык. произведеній г. Бессель изъ начатой Даргомыжскимъ волшебно-комической оперы «Рогдана» издалъ три хора (одинъ мужской и два женскихъ), комическую арію баритона и дуэттино Рогданы и Ратибора (сопрано и теноръ). Также: дуэтъ Орлика и Кочубея (сцена изъ поэмы Пушкина «Полтава») и комическую пѣсню «Какъ пришелъ мужъ изъ-подъ горокъ». Всѣ эти піесы намъ, постояннымъ посѣтителямъ вечеровъ Даргомыжскаго, были очень хорошо извѣстны. Что же касается до изданнаго тѣмъ же Бесселемъ романса Даргомыжскаго «Что дѣлать съ ней», то никто изъ насъ и не подозрѣвалъ его существованія; да едва ли и самъ Александръ Сергѣевичъ издалъ бы его когда-нибудь, потому что онъ далеко ниже даже посредственныхъ его романсовъ.

Одноактная его лирическая опера-балетъ «Торжество Вакха«, на текстъ Пушкина, была написана имъ въ 1846 и 1848 годахъ, а поставлена въ Москвѣ только въ 1867 году, въ Петербургѣ же вовсе не давалась. Какъ одноактная опера, она могла быть дана только какъ прибавокъ къ небольшой другой оперѣ, для пополненія опернаго спектакля. Въ тѣ времена это такъ и дѣлалось. Давали въ дополненіе или дивертиссементъ изъ танцевъ, или напримѣръ оперетки Адана: «Глухой», «Нюренбергская кукла», «Швейцарская хижина» и т. п. Александръ Сергѣевичъ хлопоталъ, чтобы на такомъ же основаніи поставили и «Торжество Вакха». Но его желанія не исполнили. Почему? Да потому, конечно, что это было сочиненіе ненавистнаго для тогдашнихъ заправилъ опернаго дѣла, русскаго композитора Александра Сергѣевича Даргомыжскаго.

Впрочемъ, отрывки изъ этой оперы-балета (вокальные) съ успѣхомъ были исполнены, не помню въ которомъ году, въ одномъ изъ концертовъ дирекціи императорскихъ театровъ.

Кромѣ того, еще въ молодые свои годы, Даргомыжскій написалъ «Эсмеральду», оперу на либретто Виктора Гюго, въ переводѣ на рус-

скій языкъ. Она была представлена въ дирекціи театровъ въ 1839 году, но дана въ первый разъ только въ 1847 году въ Москвѣ съ большимъ успѣхомъ. Въ 1851 году поставлена въ Петербургѣ, въ бенефисъ Петрова. Въ то же время извѣстный итальянскій пѣвецъ Тамбурини хотѣлъ взять ее въ свой бенефисъ, но дирекція ему въ этомъ отказала.

Опера эта, какъ первый опытъ молодого композитора, во всѣхъ отношеніяхъ ниже «Русалки». Самостоятельности, оригинальности въ ней почти нѣтъ; она написана подъ вліяніемъ тогдашней французской оперной школы. Тутъ слышенъ по преимуществу Оберъ (котораго Даргомыжскій всегда любилъ), затѣмъ Аданъ, Галеви, Герольдъ, и другіе бывшіе въ то время французскіе композиторы. Только въ концѣ оперы, въ дуэтѣ Эсмеральды и Клода Фролло, чувствуется будущій авторъ «Русалки», слышится что-то собственное, свое, Даргомыжское, если можно такъ выразиться!

Изъ этой оперы напечатанъ только отрывокъ изъ дуэта Эсмеральды и Клода Фролло (сопрано и басъ). Любопытно бы знать: у кого находится полная опера для пѣнія съ фортепіано, писанная самимъ Даргомыжскимъ, которую я много разъ у него видѣлъ и изъ которой пѣли вышеупомянутый мною дуэтъ.

Александръ Сергѣевичъ переложилъ всю «Русалку» для фортепіано въ четыре руки. Гдѣ она? У кого? Цѣла ли? Не знаю, а весьма бы желательно увидѣть ее въ печати [1]).

Музыкальный магазинъ М. Бернарда издалъ доставленное ему мною переложеніе самого Даргомыжскаго для одного фортепіано извѣстнаго его дуэта «Ты и Вы».

Не помню теперь, въ которомъ году хоръ любителей пѣнія давалъ въ залѣ благороднаго собранія концертъ въ пользу одного изъ своихъ сотоварищей, лишившагося зрѣнія. Въ этомъ концертѣ, между прочими номерами, была исполнена одна изъ «Петербургскихъ серенадъ» Даргомыжскаго: «На сѣверѣ дикомъ». Всѣ серенады, какъ извѣстно, написаны безъ акомпанимента; но Александръ Сергѣевичъ придѣлалъ тогда къ этой серенадѣ акомпаниментъ изъ однѣхъ валторнъ. Исполненіе серенады съ этимъ акомпаниментомъ произвело необыкновенный эффектъ, и серенада по общему требованію была повторена. Гдѣ этотъ акомпаниментъ и цѣлъ ли?—не знаю.

Недоброжелатели Даргомыжскаго утверждали, что онъ враждуетъ противъ Глинки, завидуетъ ему, его извѣстности, его таланту, ста-

---

[1]) Изъ этого переложенія у меня есть увертюра и хоры, и хороводы 1-го акта. В. С.

рается всячески умалить его достоинства, его заслуги, оказанныя имъ русской музыкѣ... Ничего подобнаго я никогда не слыхалъ отъ Даргомыжскаго. Напротивъ, онъ всегда отзывался о немъ съ величайшею любовью и глубокимъ уваженіемъ; всегда съ увлеченіемъ говорилъ объ его произведеніяхъ. На вечерахъ Даргомыжскаго, о которыхъ я говорилъ, пѣлось много романсовъ Глинки, пѣлись номера изъ «Жизни за Царя» и изъ «Руслана», игрались на фортепіано въ четыре руки, кромѣ увертюръ и танцевъ изъ обѣихъ его оперъ, обѣ испанскія увертюры, «Valse-fantaisie», увертюра и антракты къ Холмскому и проч. Тогдашняя публика не понимала и не цѣнила «Руслана». Александръ Сергѣевичъ всегда говорилъ, что «Русланъ» во всѣхъ отношеніяхъ несравненно выше «Жизни за Царя». Можетъ быть именно эти его слова принимались за желаніе унизить Глинку?

Ставили Даргомыжскому въ вину даже и то, что онъ писалъ музыку на тѣ же слова, на которые писалъ и Глинка; напр. «Въ крови горитъ огонь желанья», «Не называй ее небесной», и проч. Но если слова таковы, что возбуждаютъ вдохновеніе композитора, то ему нечего думать и заботиться о томъ, что на нихъ уже есть другая музыка. Композиторъ въ этомъ случаѣ покоряется своему вдохновенію; всѣ другія соображенія о томъ, что нѣтъ ли на эти слова другой музыки, кто ее написалъ,—все это не входитъ въ его разсчеты, да онъ объ этомъ ни мало не думаетъ и не заботится. Да и мало ли у насъ есть романсовъ, на слова которыхъ писали музыку нѣсколько композиторовъ. Напр. «Въ минуту жизни трудную»—музыку писали Глинка, Даргомыжскій и г. Игнатьевъ; «Горныя вершины»—Варламовъ и гг. Брянскій и Рубинштейнъ; «Не отходи отъ меня»—Варламовъ и гг. Галлеръ и Чайковскій и мн. др. Можно ли упрекать ихъ и ставить имъ это въ вину?

Въ доказательство же прямоты и честности отношеній Александра Сергѣевича къ Глинкѣ, приведу подлинныя его слова о Глинкѣ въ его автобіографіи [1]).

«Въ 1833 году я познакомился съ М. И. Глинкой. Одинаковое образованіе, одинаковая любовь къ искусству тотчасъ сблизили насъ, не смотря на то, что Глинка былъ 10-ю годами старше меня. Мы въ теченіи 22-хъ лѣтъ сряду были съ нимъ постоянно въ самыхъ короткихъ, самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Дружба наша не поколебалась даже и въ послѣдніе годы жизни Михаила Ивановича, когда нашлись, по обыкновенію, пріятели, старавшіеся всѣми силами возбудить между нами артистическое соревнованіе: образованность Глинки и искреннее мое уваженіе къ его таланту превозмогли надъ сплетнями».

---

[1]) „Русская Старина" изд. 1875 г., февраль, стр. 342.

Гдѣ же тутъ зависть, гдѣ же тутъ недоброжелательство къ таланту Глинки?

Далѣе, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ В. Г. Кастріото-Скандербеку Александръ Сергѣевичъ говоритъ [1]):

...«Я все также принимаю участіе въ его (Глинки) твореніяхъ и съ необыкновеннымъ удовольствіемъ проигрываю всѣмъ, кто не бываетъ у меня, его музыкальные очерки, изъ коихъ особенно нравится мнѣ «Souvenir d'une masurque». Глинка человѣкъ — какъ и всѣ мы грѣшные, а талантъ онъ, въ глазахъ моихъ, *зѣло великій*» (курсивъ въ подлинникѣ).

Въ другомъ своемъ письмѣ къ тому же В. Г. Кастріото-Скандербеку Александръ Сергѣевичъ говоритъ:

... «Я считаю произведенія его (Глинки) весьма важными не только для русской, но даже вообще для всякой другой музыки. Все, что ни выходитъ изъ-подъ пера его—ново и интересно».

Гдѣ же тутъ зависть, гдѣ же тутъ недоброжелательство къ таланту Глинки?

Замѣчателенъ отзывъ Александра Сергѣевича о тогдашнемъ музыкальномъ критикѣ и музыкантѣ-композиторѣ, г. *Кюи*.

Въ одномъ изъ писемъ къ Л. И. Кармалиной въ 1866 году онъ говоритъ о немъ [2]):

...«Музыкантъ онъ хорошій. Оригиналъ умный и забавный. Какъ критикъ, къ сожалѣнію, не всесторонній»...

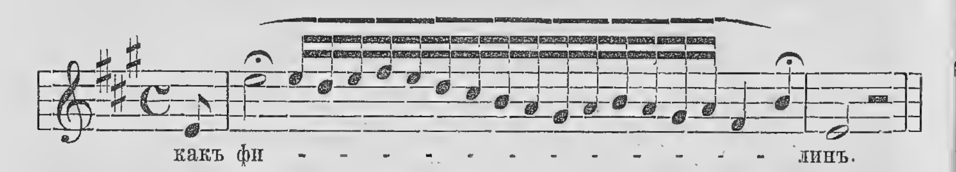
IV.

Опера «Эсмеральда» (не помню въ которомъ году) назначена была къ возобновленію на московской сценѣ. Теноръ, которому дана была роль Феба (одна изъ главныхъ ролей въ оперѣ), пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы пройти съ Даргомыжскимъ свою роль, и для этого приходилъ къ нему въ тѣ дни, когда у него не было собраній. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ я зашелъ къ Даргомыжскому, и засталъ тамъ тенора—Феба, проходящаго свою роль. Онъ пѣлъ andante аріи, въ концѣ котораго онъ говоритъ, что всѣ ушли, а онъ остался одинъ, какъ *филинъ*. Пропѣвъ это слово, теноръ остановился. «Что же вы не поете дальше»? спросилъ Даргомыжскій. «Да вотъ, Александръ Сергѣевичъ, я думалъ, нельзя ли тутъ сдѣлать маленькую каденцу»,

---

[1]) „Русская Старина" изд. 1875 г., мартъ, стр. 566 и 567.
[2]) Тамъ-же, іюль, стр. 434.

отвѣчалъ теноръ. «Гдѣ»? «А вотъ, на словѣ филинъ». «Какую же? Спойте». И теноръ спѣлъ (приблизительно) такъ:

Не знаю, что́ въ это время выражало лицо Александра Сергѣевича, и что́ онъ ему на это сказалъ, потому что на половинѣ этой каденцы, едва удерживаясь отъ смѣха, я выбѣжалъ въ другую комнату. Но замысловатая каденца болѣе не повторялась, и теноръ скоро уѣхалъ. Тогда Александръ Сергѣевичъ разразился своимъ добродушнымъ хохотомъ. «Ну», говорилъ онъ въ промежуткахъ смѣха, «распотѣшилъ же, нечего сказать! Вотъ штуку-то придумалъ! Какую-то нелѣпую каденцу, да еще какое и слово-то для этого выбралъ»! И долго онъ не могъ успокоиться, вспоминая и напѣвая эту каденцу.

На одинъ изъ вечеровъ явился нѣкто г. Х***, дѣйствительный статскій совѣтникъ, служившій на Кавказѣ. Какъ мнѣ сказывали, у него въ молодости былъ очень хорошій теноръ; но когда я услыхалъ его въ этотъ вечеръ, то убѣдился, что у него голосъ почти совсѣмъ пропалъ. Онъ видимо самъ сознавалъ это, и потому Александру Сергѣевичу большого труда стоило уговорить его спѣть что нибудь. Наконецъ, онъ рѣшился, и выбралъ тріо «Скажи, что такъ задумчивъ ты». Баритонную и басовую партію пѣли К. Н. Вельяминовъ и В. П. Опочининъ (оба генералы); акомпанировалъ, кажется, самъ Даргомыжскій, или М. Р. Щиглевъ. По окончаніи тріо, Даргомыжскій подошелъ къ бывшему тутъ Н. А. Титову [1]), и сказалъ ему: «жаль, что не вы акомпанировали; а это было бы кстати: три генерала пѣли тріо, а четвертый бы имъ акомпанировалъ».
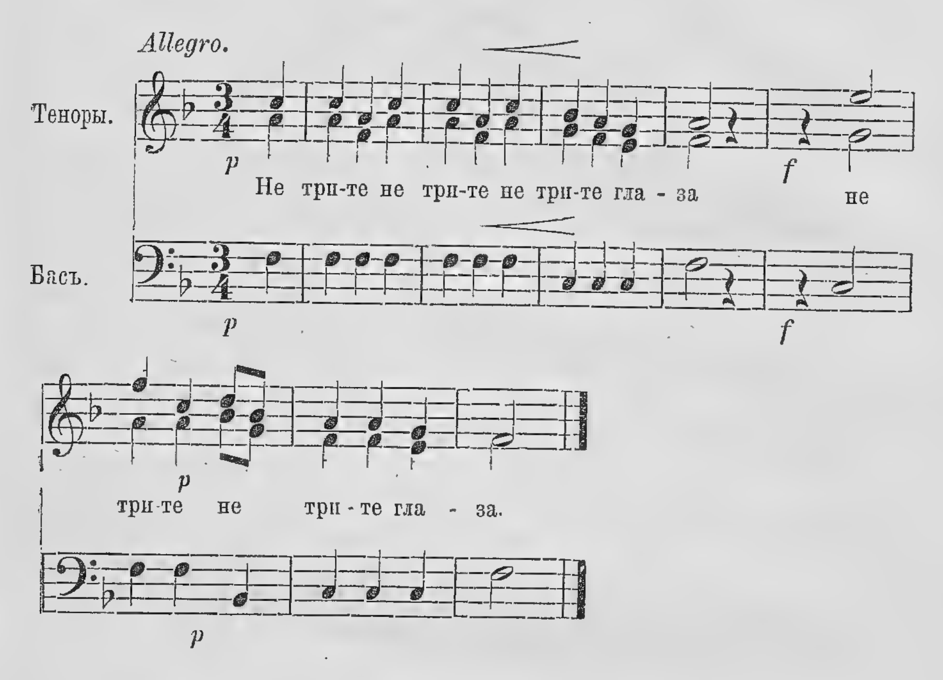
Одна изъ ученицъ Александра Сергѣевича, Л. Ѳ. М***, имѣла привычку тереть руками глаза. Онъ постоянно ее за это преслѣдовалъ, и часто шутя билъ ее по рукамъ, говоря: «не трите глаза». Въ одинъ изъ понедѣльниковъ или четверговъ прихожу я, по обыкновенію, къ Александру Сергѣевичу. Онъ говоритъ мнѣ: «я сочинилъ тріо для мужскихъ голосовъ». Я конечно полюбопытствовалъ узнать его музыку и слова. «Музыка очень простая», отвѣчалъ онъ, а слова Не трите глаза, — и больше ничего. Я сочинилъ это для Fräulein M*** Какъ только кто нибудь изъ насъ замѣтитъ, что она третъ глаза,—я сей-

---

[1]) Н. А. Титовъ былъ тоже генералъ. В. С.

часъ задамъ тонъ, и мы споемъ ей это тріо. Вы будете пѣть басовую партію, Вельяминовъ второго тенора, а я перваго».

Вотъ это тріо:

Пришелъ К. Н. Вельяминовъ, прошелъ свою партію, и тріо было готово. Въ числѣ другихъ явилась и Л. Ѳ. М***. Чрезъ нѣсколько времени кто-то изъ насъ замѣтилъ, что она третъ глаза. Тотчасъ Александръ Сергѣевичъ задалъ тонъ и мы, обратившись къ ней, пропѣли это тріо con gran espressione. Всѣ бывшіе тутъ гости и сама виновница сочиненія тріо много смѣялись этой шуткѣ Даргомыжскаго.

Въ числѣ посѣтителей-слушателей у Даргомыжскаго бывалъ Н. А. Кологривовъ. Разговорившись какъ-то о музыкальныхъ достоинствахъ «Русалки», Кологривовъ сказалъ: «какъ въ ней (въ «Русалкѣ») все необыкновенно, оригинально, не такъ, какъ въ другихъ операхъ. Возьмите напр. хоть то, что въ ней идутъ три тріо сряду».—Какъ, три тріо? спросилъ кто-то.—«Да какъ же, въ первомъ актѣ, первое тріо начинается словами: Чу, я слышу топотъ его коня. Второе тріо — словами: Ахъ прошло то время золотое. Третіе тріо—словами: Ласковымъ ты словомъ. Вотъ вамъ и три тріо сряду».

Тотъ же Н. А. Кологривовъ совѣтовалъ Даргомыжскому хлопотать о постановкѣ «Русалки» на петербургской итальянской сценѣ. «Увѣ-

ряю васъ, говорилъ онъ, что это очень легко сдѣлать: надобно только перевести либретто на итальянскій языкъ, и разучить оперу. Бозіо была бы превосходная Наташа, Тамберликъ—князь, а Дебассини—мельникъ».—«Да, это правда», отвѣчалъ Даргомыжскій, «надо похлопотать». Но въ тонѣ его голоса, которымъ онъ произносилъ эти слова, слышно было: какіе пустяки вы говорите, милостивый государь!

Разъ какъ-то зимою, довольно позднею ночью, я возвращался домой вмѣстѣ съ Даргомыжскимъ. (Я жилъ тогда недалеко отъ него). Дорогой мы, конечно, разговаривали. Уже мы были близко Моховой, гдѣ жилъ Александръ Сергѣевичъ. Вдругъ извощикъ поворачивается къ нему, и говоритъ: «а позвольте, баринъ, спросить васъ: вѣдь вы Александръ Сергѣевичъ Драгомыцкій?» — Да, отвѣчалъ онъ, а ты какъ меня знаешь?—«Да вѣдь вы прежде изволили жить въ Николаевской улицѣ, когда она еще называлась Грязнóю».—Да, жилъ; да вѣдь это когда же было? Я ужь лѣтъ 15 какъ живу въ Моховой. — «Правда, батюшка, это давно было. Вы жили въ домѣ... (тутъ извощикъ назвалъ фамилію домовладѣльца), а подлѣ него былъ извощичій дворъ, на которомъ жилъ я. Вы и сестрица ваша, Софья Сергѣевна, часто присылали на нашъ дворъ лакея за извозчикомъ, и я много разъ возилъ васъ и вашу сестрицу».—Хорошо; да какъ же ты теперь-то узналъ меня? чрезъ столько лѣтъ, и ночью, въ темнотѣ? — «А по голосу, батюшка, по голосу».

Здѣсь кстати замѣчу, что у Даргомыжскаго былъ странный голосъ, подобно которому я никогда ни прежде, ни послѣ не слыхивалъ. Это былъ какой-то хрипъ, смѣсь звука дѣтскаго голоса съ звукомъ голоса взрослаго человѣка, который осипъ. Это произошло отъ того, какъ онъ самъ мнѣ разсказывалъ, что когда ему было около 18 лѣтъ, то онъ нечаянно застудилъ явившуюся у него корь. Сыпь перешла на легкія, и онъ только какимъ-то чудомъ спасся отъ смерти. Но послѣ этого у него навсегда остался этотъ странный звукъ голоса. Начавшій было образовываться теноръ совсѣмъ исчезъ, такъ что онъ сдѣлался вовсе безъ голоса, т. е. относительно пѣнія. Не смотря на это, Даргомыжскій пѣвалъ теноровыя партіи, конечно, тогда только, когда не было другихъ теноровъ, или когда исполнялъ совершенно незнакомую для другихъ піесу, или когда, наконецъ, неотступно просили его пѣть. При этомъ онъ часто говаривалъ: «да я сегодня не въ голосѣ», и заливался своимъ добродушнымъ смѣхомъ, такъ хорошо знакомымъ всѣмъ постояннымъ посѣтителямъ его вечеровъ. Но при полномъ отсутствіи голоса онъ фразировалъ замѣчательно. Я никогда не забуду (да и всѣмъ, слышавшимъ его, я думаю, памятно), какое онъ произвелъ впе-

чатлѣніе, исполняя «Стараго капрала», или «Паладина»! Вмѣстѣ съ этимъ Даргомыжскій былъ замѣчательный комикъ: никто съ такимъ совершенствомъ не исполнялъ «Червяка», какъ онъ!

Я уже говорилъ выше, что Александръ Сергѣевичъ училъ пѣнію только дамъ и дѣвицъ; но сдѣлалъ исключеніе для одного бѣднаго молодого человѣка, по фамиліи Жебенева, которому онъ давалъ фундаментальные уроки. Кажется, Жебеневъ помышлялъ о сценѣ. Природа, дѣйствительно, одарила его прекраснымъ tenore di grazia; но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ совершеннѣйшій антимузыкальный субъектъ. Полное отсутствіе музыкальнаго пониманія, автоматически вѣрное въ звуковомъ отношеніи исполненіе піесы,—вотъ характеристика его пѣнія! Сколько ни бился съ нимъ Александръ Сергѣевичъ, сколько ни старался развить его,—все было напрасно: Жебеневъ оставался тѣмъ же истуканомъ въ пѣніи, какимъ былъ при началѣ уроковъ. Однажды онъ пѣлъ романсъ «Чаруй меня», и пѣлъ его также холодно и вяло, какъ всегда, какъ все остальное. Даргомыжскій замѣтилъ ему это. «Хорошо, Александръ Сергѣевичъ», сказалъ онъ, «начните еще разъ; теперь я буду пѣть съ выраженіемъ». Началъ онъ пѣть снова; все то же, исполненіе такое же деревянное. Только въ самомъ концѣ романса Жебеневъ выкинулъ такую штуку: воспользовавшись паузой передъ послѣднимъ словомъ романса (чаруй!), онъ покачалъ вправо и влѣво головой, а потомъ сказалъ послѣднее слово. Это покачиваніе головой и означало, что онъ исполнилъ то, что обѣщалъ: спѣлъ романсъ съ выраженіемъ!

До возобновленія «Русалки» въ послѣдній разъ при его жизни, Александръ Сергѣевичъ почти совсѣмъ пересталъ бывать въ русской оперѣ. Когда появилась на сценѣ г-жа Платонова, то подъ вліяніемъ ея артистическаго исполненія и сильнаго драматическаго таланта я сталъ расхваливать ее Даргомыжскому, что это была бы превосходная Наташа для «Русалки», и т. под. Даргомыжскій долго относился недовѣрчиво къ моимъ восторженнымъ отзывамъ о г-жѣ Платоновой, долго не соглашался на мое предложеніе познакомить его съ нею; наконецъ, сдался на мои убѣжденія, и знакомство это состоялось. Александръ Сергѣевичъ сразу оцѣнилъ ея талантъ, и согласился, что мои похвалы нисколько не были преувеличены. Это было незадолго до его отъѣзда за границу въ 1865 году. Чрезъ нѣсколько дней послѣ перваго его посѣщенія г-жи Платоновой, я прихожу къ нему. Между прочимъ, онъ говоритъ мнѣ: «я былъ на дняхъ у г-жи Платоновой, но неудачно».—Не застали дома? — «Нѣтъ, не то, что не засталъ дома; я не

отыскалъ ея».—Какъ, не отыскали?—Надобно замѣтить, что г-жа Платонова была замужемъ за офицеромъ, служившимъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ (на Васильевскомъ островѣ, гдѣ теперь Павловское военное училище), и имѣвшимъ тамъ казенную квартиру. Фамилія его была—Тваневъ, а она поступила на сцену подъ фамиліею Платоновой. Всѣ эти подробности были неизвѣстны Даргомыжскому. Когда онъ подъѣхалъ къ воротамъ флигеля, гдѣ жили Тваневы, то спросилъ у стоявшаго тутъ сторожа: «гдѣ живетъ офицеръ Платоновъ?» Сторожъ отвѣчалъ, что такой офицеръ здѣсь не живетъ, да и во всемъ корпусѣ нѣтъ офицера съ такою фамиліею. Начались взаимныя объясненія, споры. Даргомыжскій увѣрялъ сторожа, что съ небольшимъ недѣлю назадъ былъ въ этомъ самомъ флигелѣ у Платонова. Сторожъ увѣрялъ Даргомыжскаго, божился и клялся, что такого офицера въ корпусѣ нѣтъ; что онъ знаетъ навѣрно, потому что слишкомъ 10 лѣтъ служитъ при корпусѣ, на этомъ мѣстѣ, сторожемъ. Кончилось это, конечно, тѣмъ, что Александръ Сергѣевичъ въ полномъ недоумѣніи вернулся домой.

Въ числѣ посѣтителей-слушателей на вечерахъ Даргомыжскаго бывалъ В. М. Пушиловъ, дядя извѣстнаго въ Петербургѣ скрипача, г-на Пушилова. Вздумалъ Пушиловъ-дядя сдѣлать у себя музыкально-танцовальный вечеръ, и пригласилъ на него всю нашу поющую братію мужеска и женска пола, бывавшую на вечерахъ Даргомыжскаго. Приглашая каждаго изъ насъ порознь, онъ къ приглашенію своему непремѣнно прибавлялъ: «у меня будетъ персидскій посланникъ». Общимъ совѣтомъ положили: съѣхаться къ назначенному часу у Даргомыжскаго, и отъ него отправиться всѣмъ къ Пушилову, что и исполнили. Пушиловъ жилъ на Васильевскомъ островѣ, въ собственномъ домѣ, на площади противъ биржи, подлѣ университета. Вотъ мы подъѣхали къ дому, вызываемъ дворника, спрашиваемъ: «гдѣ живетъ хозяинъ дома?» Дворникъ указываетъ на подъѣздъ, надъ которымъ красуется вывѣска: «Трактиръ». «Да вѣдь это ходъ въ трактиръ, говоримъ мы дворнику, а намъ нужно въ квартиру хозяина дома».—Ну да, отвѣчаетъ дворникъ, это ходъ въ трактиръ, и по этой же лѣстницѣ, черезъ трактиръ, вы пройдете къ хозяину. — «Да нѣтъ ли другого хода?»—Есть, да тотъ черный, тамъ грязно.—«Ну, дѣлать нечего, пройдемте черезъ трактиръ», сказалъ Даргомыжскій. Вотъ мы двинулись, толпой человѣкъ въ 20, черезъ всѣ комнаты трактира, гости котораго съ удивленіемъ смотрѣли на такую внезапно появившуюся толпу посѣтителей и посѣтительницъ. Половой провелъ насъ въ квартиру Пушилова. Входимъ въ первую комнату. Небольшое зальце, въ одномъ углу котораго, почти

подъ потолкомъ, что-то въ родѣ балкона. «А это что у васъ такое?» спрашиваетъ Даргомыжскій у Пушилова.—Это ложа, отвѣчаетъ онъ.— «Какъ ложа?»—Да тамъ можно сидѣть.—«Какъ же туда попасть?»—Пойдемте, я васъ проведу.—И онъ повелъ Даргомыжскаго въ другую комнату, а мы остались въ зальцѣ, дожидаясь появленія Даргомыжскаго въ ложѣ. Долго онъ не показывался; мы слышали только его кашель и чиханіе. Наконецъ, онъ появился въ ложѣ; мы привѣтствовали его громкими аплодисментами. Когда онъ вернулся назадъ, то разсказывалъ, что онъ долженъ былъ взбираться по винтовой лѣстницѣ, въ непроницаемой темнотѣ. Пыли онъ тамъ наглотался вдоволь, отъ того и кашлялъ, и чихалъ. Затѣмъ мы прошли въ слѣдующую, довольно обширную, комнату. Въ ней, на лѣвой отъ входа сторонѣ, въ углу, прилегающемъ къ первой комнатѣ, гдѣ была пресловутая ложа, видна была лѣстница, ведущая въ эту ложу. Подлѣ лѣстницы мы съ удивленіемъ увидѣли сдѣланную въ человѣческій ростъ фигуру, которая правою рукою указывала входъ на лѣстницу и въ ложу. Изъ этой комнаты, направо, мы перешли въ гостиную, въ которой невольно бросилось въ глаза то, что на мягкихъ стульяхъ, вмѣсто обыкновенныхъ спинокъ, были вставлены зеркальныя стекла. Для чего? Съ какою цѣлію? Странная фантазія! Впрочемъ, тутъ все было странно!

Изъ гостей, кромѣ нашей компаніи, были: старшая дочь Пушилова съ мужемъ, племянникъ-скрипачъ, и еще двѣ или три личности. Обѣщаннаго персидскаго посланника не было; но хозяинъ увѣрялъ, что онъ непремѣнно будетъ. Дѣйствительно, въ серединѣ вечера явились три какіе-то восточные человѣки въ своихъ національныхъ костюмахъ; но былъ ли между ними посланникъ, — положительно сказать не могу.

Послѣ чаю начались танцы подъ фортепіано; но Александръ Сергѣевичъ, увидя нѣсколько скрипокъ и альтовъ, лежащихъ на роялѣ, а также віолончель и контрбасъ, — предложилъ составить оркестръ. Онъ и племянникъ Пушилова взяли скрипки, М. Р. Щиглевъ (самый маленькій изъ всѣхъ насъ по росту) взялъ контрбасъ, Н. А. Титовъ и я взяли альты, и заиграли мы вмѣстѣ съ фортепіано. Видя, что Титовъ какъ-то нерѣшительно водилъ смычкомъ по струнамъ, и часто слыша скрипъ и визгъ, я спрашиваю у него: «вы умѣете играть на альтѣ?»—Понятія не имѣю, отвѣчаетъ онъ, а вы?—«Тоже».—Ну, ничего, будемъ играть.—И мы принялись усердно пилить, конечно, какъ попало. Изъ всего этого вышелъ такой сумбуръ, что и не разсказать! какофонія въ полномъ смыслѣ слова. Забавнѣе всего было то, что Александръ Сергѣевичъ, стоя съ своей скрипкой противъ Пушилова-скрипача, подражалъ всѣмъ его движеніямъ. У Пушилова были

очень длинные, прямые волосы; онъ игралъ порывисто, и отъ быстрыхъ движеній волосы у него часто падали на лобъ, и закрывали глаза. Онъ встряхивалъ головой, продолжая играть, или отбрасывалъ волосы рукою назадъ. Даргомыжскій не носилъ такихъ длинныхъ волосъ, и притомъ онъ былъ курчавый, такъ что его волосы не мѣшали ему играть; но стоя противъ Пушилова, онъ автоматически подражалъ всѣмъ его движеніямъ: и встряхивалъ головой, и отбрасывалъ рукою вовсе не падавшіе ему на лобъ и на глаза волосы, такъ что мы, танцующіе и нетанцующіе, хохотали до упаду, видя эти продѣлки Александра Сергѣевича.

Послѣ танцевъ, въ которыхъ принимали участіе и восточные человѣки, пѣли много разныхъ романсовъ и хоровъ. Наконецъ, хозяинъ сталъ приглашать всѣхъ закусить. «Покорнѣйше прошу господа», говорилъ онъ, указывая рукою на отворенное окно въ той комнатѣ, гдѣ была знаменитая ложа и къ которому была приставлена небольшая деревянная лѣстница. «Куда же идти?» спрашивали мы, «вѣдь это окно и мы попадаемъ на дворъ?»—«Нѣтъ, не безпокойтесь, отвѣчалъ онъ, вотъ по этой лѣстницѣ вы войдете въ окно, и тамъ увидите комнату, въ которой и найдете закуску». Что за чудеса! Часъ отъ часу не легче! Полѣзли мы по этой лѣстницѣ въ окно, и увидѣли комнату, о существованіи которой и не подозрѣвали.

Слѣдовавшій за тѣмъ ужинъ окончился пѣніемъ серенадъ, и мы опять тѣмъ же путемъ, черезъ трактиръ, по полуосвѣщеннымъ комнатамъ, теперь уже пустымъ (было 2—3 часа ночи), мимо дремавшихъ половыхъ, пробрались къ своимъ возницамъ. Веселый, почти непрерывный хохотъ слышался изъ всѣхъ нашихъ экипажей. Мы вспоминали всѣ чудеса, которыя видѣли у Пушилова... Надолго осталось у насъ воспоминаніе объ этомъ оригинальномъ вечерѣ.

Александръ Сергѣевичъ часто говорилъ мнѣ: «вы,—самый первый и самый лучшій докторъ во всемъ свѣтѣ, потому что оставили занятія медициной, убѣдившись, что это шарлатанская наука». Какъ я ни разувѣрялъ его, что нисколько не согласенъ съ его мнѣніемъ, что оставилъ медицину вслѣдствіе разныхъ, неожиданно для меня сложившихся обстоятельствъ,—онъ стоялъ на своемъ мнѣніи, что медицина—шарлатанство. «Я еще допускаю», прибавлялъ онъ, «что докторъ можетъ лѣчить и вылѣчивать разныя наружныя болѣзни, какъ напр., раны, язвы, нарывы, потому что тутъ онъ видитъ весь болѣзненный процессъ. Но какъ онъ можетъ знать, что́ дѣлается въ человѣческомъ организмѣ при какой нибудь внутренней болѣзни? Онъ тутъ лѣчитъ

наугадъ, дѣйствуетъ на авось; отъ того и бываетъ, что отъ одной и той же болѣзни одинъ человѣкъ выздоравливаетъ, а другой умираетъ».

Во все время моего знакомства съ Даргомыжскимъ (1856—1869 гг.) онъ очень рѣдко бывалъ боленъ и ни разу не хворалъ серіозно. Болѣзни его были: простудная или перемежающаяся лихорадка, кашель, горловая боль. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ никогда не обращался къ врачу, ограничиваясь употребленіемъ самыхъ простыхъ домашнихъ средствъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти баронъ Б. А. Фитингофъ почти насильно убѣдилъ его пользоваться у Деламота, а потомъ его лечили гг. Боткинъ и Богдановскій.

На одинъ изъ вечеровъ явился какой-то литераторъ. Фамиліи его я не зналъ и не знаю, но только далеко не изъ литературныхъ свѣтилъ. Онъ былъ всего одинъ разъ и какъ попалъ къ Даргомыжскому— тоже не знаю. Пѣли нѣкоторые номера изъ «Торжества Вакха». Александръ Сергѣевичъ подходитъ къ нему и спрашиваетъ: «нравится ли ему эта музыка?»—Очень нравится, отвѣчаетъ онъ, только я тутъ не слышу ничего русскаго!—Между тѣмъ, передъ началомъ пѣнія онъ былъ предупрежденъ, что будутъ пѣть отрывки изъ оперы «Торжество Вакха». «Сейчасъ видно образованнаго человѣка», говорилъ смѣясь Даргомыжскій по его уходѣ, «дѣйствіе происходитъ въ Греціи и поэтому онъ удивляется, что въ музыкѣ не слышитъ ничего русскаго».

На одинъ изъ вечеровъ (кажется, по рекомендаціи Н. А. Кологривова) пришелъ одинъ молодой человѣкъ, баритонъ, какъ оказалось впослѣдствіи. Даргомыжскій проситъ его спѣть что нибудь; молодой человѣкъ изъявляетъ желаніе спѣть дуэтъ князя и мельника изъ «Русалки». Не помню теперь, съ кѣмъ изъ теноровъ онъ пѣлъ его. Послѣ того, какъ мельникъ говоритъ, что деньги, вырученныя имъ за продажу запечнымъ бѣсамъ мельницы, онъ отдалъ своей дочери русалкѣ, и что онѣ зарыты въ пескѣ рѣки Днѣпра,—слѣдуетъ хохотъ сумасшедшаго мельника, выраженный въ нотахъ на одномъ верхнемъ mi bémol. Молодой баритонъ выказалъ себя хорошимъ механикомъ-исполнителемъ, т. е. пѣлъ математически вѣрно, — и больше ничего. Дойдя до хохота сумасшедшаго мельника, онъ довелъ свою исполнительскую аккуратность до того, что прохохоталъ на верхнемъ mi bémol, не перемѣняя звука и затѣмъ продолжалъ пѣть далѣе. Когда по окончаніи дуэта Александръ Сергѣевичъ замѣтилъ ему эту неправдоподобность смѣха, то онъ оправдывался тѣмъ, что «тамъ такъ написано».

Александръ Сергѣевичъ разсказывалъ намъ: «Въ молодости моей я былъ приглашенъ въ одинъ знакомый мнѣ домъ, какъ скрипачъ, на квартетный вечеръ. Въ числѣ гостей-слушателей хозяинъ представилъ мнѣ одного молодого человѣка, какъ почитателя моихъ композицій, назвавъ его при этомъ, теперь ужъ не припомню навѣрно, какою-то нѣмецкою фамиліею: Шмидтъ, Шульцъ,—что-то въ этомъ родѣ. Не знаю ужъ почему, но я какъ-то скоро позабылъ его фамилію. Мнѣ понадобились какія-то, довольно далеко отъ меня лежавшія, ноты, и видя, что молодой человѣкъ стоитъ близко къ нимъ, и почему-то вообразивъ, что его фамилія Ивановъ, я обратился къ нему: «Ивановъ, потрудитесь передать мнѣ вотъ тѣ ноты». Потомъ мнѣ захотѣлось пить; молодой человѣкъ стоялъ подлѣ меня: «Ивановъ, будьте такъ добры, прикажите дать мнѣ стаканъ воды». За ужиномъ опять та же исторія. «Ивановъ, потрудитесь передать мнѣ хлѣбъ. Ивановъ, потрудитесь передать мнѣ бутылку съ лафитомъ» и т. под. Молодой человѣкъ съ полнымъ усердіемъ и поспѣшностію исполнялъ всѣ мои просьбы. Когда гости начали расходиться, то хозяинъ обратился къ нему съ какимъ-то вопросомъ и назвалъ его Шмидтомъ или Шульцемъ. «Отчего вы его такъ называете? спросилъ я у хозяина, вѣдь его фамилія Ивановъ?» Хозяинъ расхохотался.—«Какой онъ Ивановъ? Его фамилія Шмидтъ» (или Шульцъ).—«Какъ же это такъ? А я весь вечеръ называлъ его Ивановымъ и онъ всякій разъ отзывался на эту фамилію!» Я сталъ извиняться передъ молодымъ человѣкомъ въ своей забывчивости.

— «Помилуйте, Александръ Сергѣевичъ, отвѣчалъ мнѣ Шмидтъ-Шульцъ-Ивановъ, стоитъ ли говорить о такихъ пустякахъ!»

Вскорѣ по возвращеніи Даргомыжскаго изъ-за границы, въ 1865 г., пришелъ я однажды на одинъ изъ его вечеровъ. Никого еще не было; онъ предлагаетъ мнѣ сыграть съ нимъ въ четыре руки піесу его сочиненія. Я отказываюсь, говорю: «какой же я піанистъ, и гдѣ ужъ мнѣ играть съ вами, да еще съ листа».—«Вы это сыграете», говоритъ онъ, «это очень легко. Садитесь играть секунду». Я подошелъ къ роялю. «Гдѣ же ноты?» говорю я.—«Садитесь, садитесь».—«Да какъ же я буду играть безъ нотъ?»—«Ахъ, Господи, какой онъ несговорчивый! Да садитесь же, говорятъ вамъ!» Мы оба сѣли. «Ну, теперь смотрите-же: тонъ — la mineur, размѣръ—$^6/_8$. Берите въ басу лѣвой рукой нижнее la и держите его на $^3/_8$; а потомъ правой рукой la въ октаву тому, и тоже держите его на $^3/_8$».—«Ну, а потомъ что?»—«Продолжайте въ этомъ же порядкѣ, пока я не скажу вамъ: довольно!» Я проигралъ такимъ образомъ два такта; затѣмъ, онъ началъ прелестную мелодію въ la mineur, переходящую потомъ въ la majeur и заканчивающуюся

опять въ la mineur'номъ тонѣ. Я пришелъ въ восторгъ, заслушался его и часто сбивался въ своей трудной партіи. Піеса эта была— Славянская Тарантелла, напечатанная впослѣдствіи у Бернарда [1].

В. Т. Соколовъ.

г. Полтава.

Примѣчаніе отъ редакціи. Напечатанныя выше воспоминанія В. Т. Соколова объ А. С. Даргомыжскомъ были сообщены нами, чрезъ обязательное посредство Н. Н. Кармалина, его супругѣ Любовь Ивановнѣ, весьма извѣстной въ свое время прекрасной пѣвицѣ, съ отличнымъ музыкальнымъ образованіемъ и пользовавшейся дружбою и уваженіемъ М. И. Глинки и Даргомыжскаго. Вотъ замѣтки, полученныя нами отъ г-жи Кармалиной въ письмѣ ея супруга.

„По поводу фразы Даргомыжскаго о Ц. А. Кюи, жена моя Любовь Ивановна Кармалина замѣчаетъ, что фраза эта сказана была много лѣтъ тому назадъ, когда г. Кюи только что началъ свою музыкальную дѣятельность и вовсе не имѣетъ того значенія, какое придаетъ ей г. Соколовъ; нѣсколько лѣтъ спустя послѣ написанія письма, заключающаго эту фразу, самъ же Александръ Сергѣевичъ, при разговорѣ съ женою моей, отзывался о Кюи, какъ композиторѣ—съ большимъ уваженіемъ и надеждою.

„По вопросу о переложенной на 4 руки оперы „Русалка", жена моя Л. И. Кармалина поясняетъ: какъ извѣстно („Русская Старина", изд. 1875 г., тт. XII и XIII), въ письмѣ отъ 9-го декабря 1857 г. Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій пишетъ къ ней: „Я началъ было перекладывать „Русалку" для фортепьяно въ 4 руки, но бросилъ; не хватило терпѣнія. Напишите мнѣ, что вы этого желаете и особенно обѣщаете, что будете играть её со мною, какъ бывало мы игрывали Бетховена, Моцарта и проч. и я навѣрно одолѣю лѣнь и окончу свое предпріятіе. Видите, что я дѣйствительно люблю вамъ повиноваться". И дѣйствительно, А. С. повиновался: Любовь Ивановна настоятельно выразила желаніе играть съ нимъ „Русалку" въ 4 руки и послала „приказаніе" переложить эту оперу. Желаніе и приказаніе было въ точности исполнено Даргомыжскимъ и спустя годъ или болѣе онъ писалъ уже женѣ моей, что посылаетъ ей (заграницу) переложенную на 4 руки оперу съ г. Шиловскимъ. При встрѣчѣ съ моею женою въ Петербургѣ въ 1862 г., Александръ Сергѣевичъ высказалъ свое огорченіе по поводу того, что Любовь Ивановна

---

[1]) Въ одномъ изъ писемъ къ сестрѣ своей, Ѳ. С. Степановой, изъ Брюсселя, въ 1865 году, Александръ Сергѣевичъ говоритъ: „Глядя на здѣшнихъ балетныхъ танцовщицъ, мнѣ пришло въ голову, за что онѣ лишены возможности играть на фортепьяно? И чтобы дать имъ эту возможность, я написалъ довольно большую пьеску для фортепьяно въ 4 руки, которую могутъ играть всѣ, не только самые слабые піанисты, но даже и тѣ, кто никогда въ жизни не садился за фортепьяно".

„Русская Старина" изд. 1875 г., май, стр. 104. В. С.

не благодарила его ни письменно, ни словесно за его повиновеніе, трудъ и присылку оперы; благодарности же не было прислано изъ за границы по очень простой причинѣ: опера женою моею получена не была; гдѣ эта рукопись, у кого, и цѣла-ли—жена моя не знаетъ.

„Надняхъ я видалъ г. Шиловскаго, сына извѣстной нашей артистки-любительницы, урожд. Вердеревской, и онъ обязательно принялъ на себя трудъ спросить объ этомъ обстоятельствѣ своего дядю, ѣздившаго за границу въ то время, къ которому относится письмо Даргомыжскаго къ моей женѣ по поводу посылки ей „Русалки", переложенной въ 4 руки.

„Жена моя очень сожалѣетъ, что г. Соколовъ въ „Отрывкахъ" своихъ, посвященныхъ воспоминаніямъ объ А. С. Даргомыжскомъ, увлекся порицаніемъ музыки новѣйшихъ нашихъ композиторовъ, достойныхъ бо́льшаго уваженія, даже при несочувствіи ихъ сочиненіямъ".

Сообщ. Н. Н. Кармалинъ.

2-го марта 1885 г.
С.-Петербургъ.

КИРИЛЛО-МЕѲОДІЕВСКОЕ ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ

885—1885 гг.

6-го апрѣля сего года по всей православной Россіи совершилось торжество церковно-историческое, посвященное тысячелѣтней памяти славянскихъ первоучителей и апостоловъ св. солунскихъ братьевъ Кирилла и Меѳодія. Русская церковь исполнила свой долгъ по отношенію къ нимъ. Но исполняетъ ли его русская историческая наука? Достаточно ли она уяснила то, что именно было сдѣлано этими знаменитыми братьями для славянскаго міра; а, главное, уяснила ли она сколько нибудь самое поприще ихъ дѣятельности, т. е. современный имъ славянскій міръ? Девятый вѣкъ былъ тою эпохою, когда на исторической сценѣ рѣзко обозначился цѣлый рядъ славянскихъ государствъ, каковы: Русское, Болгарское, Польское, Чешское и Великоморавское. Важнѣйшіе подвиги Кирилла и Меѳодія относятся къ сему послѣднему. Но что такое была Великоморавская держава, откуда она взялась, какія были ея отношенія къ другимъ славянамъ, почему такъ наз. церковно-славянскій языкъ, на которомъ сдѣланы переводы св. писанія, получилъ такое широкое распространеніе въ славянскомъ мірѣ, какой народности принадлежалъ этотъ языкъ, когда и кѣмъ сдѣланы эти переводы, гдѣ искать начало славянской азбуки и т. п. Эти вопросы доселѣ остаются или не вполнѣ рѣшенными, или совсѣмъ неизслѣдованными. Такъ, вопросъ о происхожденіи Великоморавской державы, гдѣ подвизались солунскіе братья, не только не выясненъ, но, можно сказать, не затронутъ въ нашей исторической литературѣ. Записные слависты доселѣ теряются въ догадкахъ—откуда и когда взялись славяне на Дунаѣ. Одни возводятъ ихъ появленіе тамъ за нѣсколько вѣковъ до Р. Х.; а другіе низводятъ нѣсколько вѣковъ по Р. Х. Да не одни дунайскіе славяне,—оказывается, что еще бо́льшая половина славянскаго міра, восточная или русская, также неизвѣстно откуда взялась. Самые огромные славянскіе народы, каковы Гунны, Болгаре и Русь, по мнѣнію извѣстнѣйшихъ славистовъ, суть народы чуждые, не славянскіе.

Откуда же произошла такая путаница и такое антиисторическое, отрицательное направленіе?

Изъ простого и, можно сказать, наивнаго смѣшенія исторіи славянскихъ народовъ съ исторіей самого ихъ названія славянами.

Названіе это, какъ извѣстно, является въ источникахъ довольно поздно, именно, начиная съ нѣкоторыхъ византійско-латинскихъ писателей VI вѣка по Р. Х. (Iорданъ и Прокопій), при томъ въ формѣ склавины, и обозначаетъ у нихъ только часть придунайскихъ славянъ, а отнюдь не всѣ славянскіе народы. Слѣдовательно, въ началѣ оно было видовое, а не родовое названіе. Ранѣе его встрѣчается названіе венеды; именно, у Тацита, т. е. въ I в. по Р. Х., оно обозначаетъ небольшое племя, жившее между германцами на западѣ, сарматами на востокѣ, финнами на сѣверѣ и певкинами на югѣ, слѣдовательно, гдѣ-то около Карпатъ и можетъ быть въ самихъ Карпатахъ. Очевидно и тутъ это названіе только видовое, а отнюдь не родовое. Тацитъ затрудняется, куда ихъ отнести: къ германцамъ или сарматамъ? Такъ какъ сарматы ведутъ кочевой образъ жизни, а венеды хотя имѣютъ подобные имъ разбойничьи нравы, но строятъ дома, носятъ щиты и сражаются болѣе пѣшіе, чѣмъ конные, то онъ скорѣе готовъ ихъ отнести къ германцамъ. И вотъ на такомъ-то шаткомъ основаніи слависты, съ знаменитымъ Шафарикомъ во главѣ, объявили сарматъ и венедовъ совершенно различными племенами; произвели весь огромный славянскій міръ отъ помянутаго небольшого народца вендовъ и начали увѣрять всѣхъ, что славяне никогда не проходили кочевой ступени, а явились на свѣтъ прямо не только осѣдлыми, но и по преимуществу земледѣльцами или пахарями. Между тѣмъ во времена Тацита, когда германское племя занимало среднюю Европу, славянское по всѣмъ даннымъ занимало восточную, подъ именемъ сарматъ. А его венеды являются только самымъ западнымъ славянскимъ народцемъ, который, перейдя изъ степной природы въ гористую средне-европейскую мѣстность, естественно началъ усвоивать себѣ болѣе осѣдлый бытъ, и не могъ уже содержать такія огромныя стада коней и рогатаго скота, которыя продолжали имѣть его родичи, сарматы. И Тацитъ, гадательно относя его къ германцамъ, показываетъ, что подобное распредѣленіе онъ дѣлалъ не на основаніи языка, а по признакамъ несущественнымъ, преходящимъ, и что языкъ вендовъ и сарматъ былъ ему неизвѣстенъ. Очевидно Тацитъ, собравшій значительныя свѣдѣнія о ближнихъ къ римскому міру германцахъ, весьма мало зналъ о болѣе отдаленныхъ славяно-сарматскихъ народахъ.

А между тѣмъ эти народы не заставили себя ждать. Вслѣдъ за своими родичами, венедами, нѣкоторыя сарматскія вѣтви также передвинулись въ среднюю Европу. Именно, сарматы-языги въ первомъ вѣкѣ изъ черноморскихъ степей передвигаются къ нижнему Дунаю, т. е. въ южную Дакію; а отсюда вскорѣ они заняли часть Паннонской равнины по обѣимъ сторонамъ рѣки Тиссы и прилегающую къ ней часть сѣверозападной Дакіи. Тутъ указываютъ

ихъ писатели: второго вѣка Птоломей и третьяго Діонъ Кассій; здѣсь, преимущественно въ союзѣ съ сосѣднимъ нѣмецкимъ народомъ квадами, они ведутъ цѣлый рядъ войнъ противъ Римской имперіи. Объ этихъ дако-паннонскихъ сарматахъ говорятъ потомъ писатели IV вѣка Аміанъ Марцелинъ и Евсевій, V вѣка Іеронимъ и Прискъ, VI-го Іорнандъ. Но въ VI вѣкѣ названіе сарматы начало замѣняться на Дунаѣ названіемъ склавинъ; въ то же время эти склавины у Іорнанда вмѣстѣ съ антами, болгарами и привислянскими славянами причисляются къ великому племени венедовъ. Тутъ названіе венеды выступаетъ уже въ качествѣ болѣе родового, чѣмъ видового; названіе склавины остается пока чисто видовымъ; а болѣе древнее ихъ родовое названіе, т. е. сарматы, мало по малу выходитъ изъ употребленія.

Слѣдовательно, движеніе славянскихъ (собств. сарматскихъ) народовъ изъ восточной Европы въ среднюю началось задолго до эпохи такъ назыв. Великаго переселенія народовъ. А въ эту эпоху оно усилилось. Славяно-гунны во время Аттилы потому могли легко овладѣть дако-паннонской равниной, что они нашли здѣсь своихъ соплеменниковъ славяно-сарматъ. Послѣ разрушенія его державы часть гунновъ отхлынула къ нижнему Дунаю; потомъ, соединясь съ своими родичами болгарами, они постепенно перешли па южную сторону Дуная и основали тамъ Болгарское царство въ восточной половинѣ Балканскаго полуострова. Въ то же время (т. е. V—VII вв.) часть дунайскихъ сарматъ или склавинъ соединилась съ своими родичами, перешедшими въ средн. Европу по сѣверной сторонѣ Карпатъ, переселилась также въ нѣсколько пріемовъ на южную сторону Дуная и основалась въ западной части того же полуострова подъ именемъ сербовъ и хорватъ. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ исторія разселенія славянъ въ странахъ придунайскихъ. Славяне западные и южные были ничто иное какъ колоніи или вѣтви, отдѣлившіяся отъ главной массы сарматъ или славянъ восточныхъ. Извѣстное мѣсто русской начальной лѣтописи о разселеніи всѣхъ славянъ съ Дуная (вслѣдствіе нашествія волоховъ) есть не болѣе какъ наивный домыселъ. Этотъ домыселъ повторяется и доселѣ въ разныхъ историческихъ сочиненіяхъ; хотя всѣ сколько нибудь значительныя народныя движенія, начиная съ эпохи, еще предшествующей Р. Х-ву, происходили на глазахъ исторіи, т. е. всѣ они внесены въ ея лѣтописи. Только нашему начальному лѣтописцу они остались неизвѣстны, да и странно было бы требовать отъ него предварительнаго изученія всей европейской исторической литературы.

Названіе гунны является въ извѣстные вѣка (IV—VII) также видовымъ названіемъ части восточныхъ славянъ; но такъ какъ оно обнимало нѣсколько народовъ (сѣверяне, волыняне, болгаре, угличи), то по отношенію къ нимъ, пожалуй, можетъ считаться родовымъ. Наконецъ, названіе рось или русь (съ его сложнымъ книжнымъ роксолане) долгое время стоитъ въ источникахъ рядомъ съ вышеприведенными названіями какъ видовое и подчиненное вмѣстѣ съ ними общему

или родовому названію сарматы. (Подъ это родовое названіе подходили и венды какъ видовое, о чемъ свидѣтельствуетъ venadi sarmatae Певтингеровыхъ таблицъ). Впослѣдствіи, охвативъ собою значительную часть восточныхъ славянъ, и названіе русь становится отчасти родовымъ. Едва-ли не позднѣе всѣхъ распространилось на народъ русь утвердившееся (книжнымъ путемъ) общее родовое названіе славяне, образовавшееся изъ видового склавины. Но тамъ же на Дунаѣ являются нѣкоторыя племена, сохранившія за собою это прежнее видовое названіе, въ нѣсколько измѣненной формѣ, а именно словинцы и словаки. Великоморавская держава, гдѣ подвизался архіепископъ Меѳодій, по всей вѣроятности, была собственно держава словакская [1]).

Все, что говорю теперь въ короткихъ словахъ о начальной славянской исторіи (собственно изъ эпохи в. переселенія народовъ), было уже мною высказано и развито въ длинномъ рядѣ изслѣдованій и полемическихъ статей. Желающихъ отсылаю къ своей книгѣ „Розысканіе о началѣ Руси“ и послѣдующимъ статьямъ. Относительно несомнѣннаго, по моему мнѣнію, тожества дунайскихъ сарматъ II—V вв. съ дунайскими склавинами VI и слѣдующихъ вѣковъ я встрѣчалъ только возраженія, основанныя па общемъ соображеніи, что сарматы были кочевымъ народомъ, а славяне осѣдлымъ. Много уже было мною сказано противъ такого страннаго, отнюдь ненаучнаго мнѣнія, по которому славяне будто бы никогда не проходили кочевой ступени. Въ настоящее время противникамъ своимъ укажу еще на одно упущенное ими изъ виду историческое свидѣтельство, прямо относящееся къ дунайскимъ славянамъ и положительно опровергающее помянутое мнѣніе.

Вотъ что говоритъ византійскій императоръ Левъ VI въ XVIII главѣ своего сочиненія о военной тактикѣ, написаннаго въ концѣ IX или началѣ X вѣка: „славяне (Σκλάβοι) прежде жили за Истромъ, который мы называемъ Дунаемъ. Они вели жизнь номадовъ (νομαδικῶς) и прежде, нежели перешли Истръ римляне уже воевали ихъ и подчиняли ихъ своему игу“; а ниже сказано, что они употребляютъ въ пищу просо и очень умѣренны въ ѣдѣ, потому что

---

[1]) Названіе словаки, пожалуй, напоминаетъ названіе языги, если послѣднее объяснять славянскимъ языкъ, которое означаетъ и органъ слова, и народную рѣчь, и вообще народъ. Указываемъ мимоходомъ на это совпаденіе и, конечно, не беремъ на себя рѣшать, случайно оно или не случайно.

Въ Венгріи доселѣ одинъ округъ носитъ названіе, напоминающее языговъ (jászság). И вотъ недавно привелось мнѣ прочесть въ замѣткахъ одного досужаго русскаго туриста, будто въ этомъ округѣ населеніе сохранило какія-то особыя татарскія или монгольскія черты древнихъ языговъ; хотя нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы это населеніе происходило прямо отъ языговъ, а не отъ какого либо позднѣйшаго наслоенія въ родѣ мадьяръ, кумановъ, татаръ и т. п. Благодаря господству нѣмецко-мадьярскихъ теорій въ исторіи славянъ, эта исторія постоянно затемняется новыми и новыми домыслами.

Д. И.

не любятъ заниматься воздѣлываніемъ другихъ произведеній земледѣлія, предпочитая вести болѣе свободное и менѣе трудовое существованіе, нежели съ помощію тяжкой работы добывать себѣ обильные съѣстные припасы и прочее имущество". Въ той же главѣ говорится объ ихъ набѣгахъ и грабежахъ. Гдѣ же тутъ (какъ и во многихъ другихъ источникахъ) пресловутый осѣдлый, земледѣльческій бытъ древнихъ славянъ и ихъ яко бы искони мирный (т. е. пассивный) характеръ, о которомъ постоянно толкуютъ поборники норманизма и туранизма въ славянской исторіи?

Указавъ, до какой степени не выяснена исторически и этнографически Мораво-Паннонская держава или та почва, на которой подвизались солунскіе братья, перейдемъ къ вопросу о томъ, что именно они сдѣлали въ области славянской письменности и переводовъ св. писанія. И съ этой стороны славистика все еще блуждаетъ въ сферѣ гаданій и разныхъ домысловъ, главнымъ образомъ, благодаря опять-таки господству анти-славянскихъ теорій.

Въ такъ называемомъ Паннонскомъ житіи Константина Философа (т. е. брата Меѳодіева, въ монашествѣ Кирилла) разсказывается о его хожденіи въ Хозарію. Во время сего путешествія онъ нѣкоторое время пребывалъ въ Корсуни или Херсонесѣ Таврическомъ, и тутъ между прочимъ „обрѣлъ евангеліе и псалтырь, написанныя русскими письменами, и человѣка обрѣлъ, говорящаго тою же рѣчью, бесѣдовалъ съ нимъ и, прислушиваясь къ разнымъ перемѣнамъ гласныхъ и согласныхъ, вскорѣ, къ удивленію многихъ, началъ читать и говорить" (т. е. выучился этой грамотѣ и рѣчи). Продолжаю утверждать, какъ и прежде („въ Розыск. о нач. Руси"), что это извѣстіе первостепенной важности, что оно составляетъ ключъ къ разрѣшенію вопроса о началѣ славянской письменности и что эта письменность и переводы св. писанія на славянскій языкъ уже существовали до Кирилло-Меѳодіевскаго времени, т. е. до второй половины IX вѣка. По сосѣдству съ Корсунемъ въ восточной половинѣ Тавриды и на Тамани со времени великаго переселенія народовъ обитали гунно-болгаре; а въ томъ же IX вѣкѣ водворились тамъ руссы, которые постепенно отвоевали этихъ соплеменныхъ себѣ болгаръ изъ хозарскаго владычества и основали особое русское княжество, извѣстное въ исторіи подъ именемъ Тмутараканскаго. Часть таврическихъ гунно-болгаръ приняла христіанство изъ Византіи еще въ VI—VII вв., и очень естественно, что къ IX вѣку она уже имѣла у себя переводы св. писанія; ибо Византія постоянно покровительствовала распространенію его на языкѣ народномъ (тогда какъ Римъ дѣйствовалъ наоборотъ). Вышеномянутыя русскія письмена, конечно, означаютъ все то-же церковнославянское или древнеболгарское письмо. Впослѣдствіи, когда Русь приняла христіанство (и приняла его тамъ же, въ Тавридѣ), названіе „русскій обрядъ" и „русское письмо" употреблялись въ смыслѣ церковнославянскомъ, чему не разъ видимъ примѣры въ источникахъ (начиная съ одной папской грамоты X вѣка). Если бы у Руси въ началѣ былъ свой собственный пере-

водъ и свое особое письмо, то она, конечно, пользовалась бы ими и впослѣдствіи, и ей не было бы никакой нужды мѣнять ихъ на болгарскіе; по крайней мѣрѣ такая перемѣна не могла бы обойтись безъ борьбы. Но мы не находимъ никакихъ намековъ на подобную борьбу.

Сомнѣваться въ подлинности приведеннаго извѣстія о славянскомъ евангеліи и псалтыри, найденныхъ Кирилломъ въ Корсуни, нѣтъ никакого серьезнаго основанія: во всѣхъ спискахъ житія оно повторяется постоянно въ томъ же видѣ, и по всѣмъ признакамъ принадлежитъ ранней его редакціи. А источникомъ для сказанія о хожденіи Кирилла въ Хозарію служила записка самого участника этого хожденія Кириллова брата Меѳодія, на что есть прямой намекъ въ томъ же сказаніи. Тѣмъ не менѣе слависты старались и стараются разными способами устранить это свидѣтельство Паннонскаго житія. Одни (напр. Шафарикъ) объясняли „русскія“ письмена готскими, на основаніи норманской теоріи происхожденія руси; хотя смѣшеніе руси съ готами въ данномъ случаѣ является совершеннымъ произволомъ. Если Кириллъ скоро выучился читать данныя письмена, то именно потому, что они были славянскія; а братья несомнѣнно уже на своей родинѣ были знакомы съ славянскимъ языкомъ. Притомъ вся послѣдующая ихъ дѣятельность связана съ этимъ языкомъ и письмомъ; тогда какъ на знакомство ихъ съ готскимъ языкомъ и готскою письменностію ни въ ихъ житіи, ни въ другихъ источникахъ нѣтъ никакихъ намековъ. Наконецъ, то же Паннонское житіе особо упоминаетъ готовъ въ числѣ народовъ, имѣющихъ свою грамоту. Другіе изслѣдователи (напримѣръ Бодянскій) видѣли въ этомъ извѣстіи о русскихъ письменахъ позднѣйшую вставку и ссылаются при семъ на одну рукопись житія, гдѣ встрѣчается сказаніе о томъ, что русская грамота самимъ Богомъ явлена въ Корсуни нѣкоему благочестивому русину, отъ котораго и научился ей Константинъ Философъ. Но такое сказаніе имѣетъ всѣ признаки позднѣйшаго домысла, и безъ сомнѣнія сложилось на основаніи означеннаго извѣстія Константинова житіи, а не обратно; самая же рукопись принадлежитъ довольно позднему времени. Третьи, наконецъ (наприм. Григоровичъ), предполагали, что русскія письмена, найденныя Константиномъ въ Корсуни, относятся къ такъ назыв. Глагольской письменности. Это предположеніе, если-бы и не оправдалось, во всякомъ случаѣ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ два предыдущія. Глаголица есть также письмо славянское; а для насъ прежде всего важенъ тотъ фактъ, что славянское письмо и славянскіе переводы св. писанія существовали уже до Кирилла и Меѳодія и что братья воспользовались ими при своей миссіи въ Моравію.

Но что же собственно заставляетъ большинство славистовъ всѣми силами отрицать или извращать извѣстія о славянскихъ письменахъ, найденныхъ въ Корсуни? Все тѣ же двѣ ложныя теоріи о народности руси и болгаръ, т. е. теоріи норманская и туранская. Историческія свидѣтельства ясно говорятъ о давнемъ существованіи къ Крыму гунскаго племени Черныхъ болгаръ и появ-

леніи тамъ руси въ IX вѣкѣ. Но какія же могли быть у нихъ славянскія письмена, если русь почитается варягами, а гунны и болгаре финнами или татарами? Понятно, что тѣ, кто еще держится подобныхъ теорій, не могутъ принять даннаго свидѣтельства, не рискуя запутаться въ безвыходныхъ противорѣчіяхъ [1]). Я много писалъ о несостоятельности этихъ двухъ теорій. По отношенію къ норманизму сущность моихъ изслѣдованій заключается въ томъ, что смѣшеніе руси съ варягами даже не принадлежитъ самой лѣтописной легендѣ о призваніи варяжскихъ князей, а относится къ позднѣйшему испорченному тексту нашей начальной лѣтописи или повѣсти временныхъ лѣтъ. По отношенію къ гуннамъ я указывалъ, что туранская теорія ихъ происхожденія основана, главнымъ образомъ, на извѣстіяхъ объ ихъ безобразной наружности; но при ближайшемъ разсмотрѣніи таковыхъ извѣстій оказывается, что это безобразіе было не природное, а искусственное, имѣвшее по преимуществу цѣли военныя, и далеко не раздѣлявшееся всѣми гуннами; между прочимъ оно не относится къ болгарской вѣтви гунновъ. Существовавшее доселѣ мнѣніе о неславянствѣ болгаръ основано было на разныхъ лжетолкованіяхъ и произвольныхъ соображеніяхъ.

Главнѣйшій источникъ для біографіи Кирилла и Меѳодія—ихъ Паннонскія житія выражаются объ ихъ дѣятельности относительно славянскихъ письменъ и переводовъ весьма кратко и довольно неопредѣленно, напримѣръ: „и тогда сложи письмена и нача бесѣду писати евангельскую“, или: „да ту яви Богъ философу словенскія книги, и абіе устроивъ письмена и бесѣду ставль“. Но въ позднѣйшихъ источникахъ говорится уже объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ Кирилломъ и Меѳодіемъ и переводѣ ими едва не всего св. писанія. И этотъ взглядъ доселѣ преобладаетъ въ наукѣ, хотя и не выдерживаетъ строгой критики. Правда, западныя латинскія свидѣтельства второй половины IX вѣка говорятъ или о „письменахъ славянскихъ, открытыхъ нѣкимъ философомъ Константиномъ“, или вообще о „вновь изобрѣтенныхъ славянскихъ письменахъ“; но подобныя выраженія или представляютъ полемиче-

---

[1]) Главный поборникъ сихъ теорій А. А. Куникъ хорошо понялъ опасность, грозящую имъ со стороны даннаго извѣстія; поэтому онъ усиленно настаивалъ на его яко-бы позднѣйшей вставкѣ (см. „Готскій топархъ“, 140, и „Каспій“, 633) и доказывалъ сіе тѣмъ, что, по солунской легендѣ, Кириллъ еще ранѣе изобрѣлъ славянское письмо, проповѣдуя македонскимъ славянамъ на Брѣгальницѣ. Эти подвиги на Брѣгальницѣ по всѣмъ признакамъ есть позднѣйшій миѳъ; но достопочтенному академику, повидимому, суждено отрицать историческіе факты и на мѣсто ихъ ставить миѳологію, коль скоро рѣчь заходитъ о начальной славянской или русской исторіи. Любопытно, что с.-петербургское Славянское благотворительное Общество, кажется, слѣдуетъ тому же отрицательному направленію по отношенію къ важнѣйшему извѣстію Паннонскаго житія къ славянству Болгаръ и Руси. О томъ свидѣтельствуютъ изданныя имъ ко дню тысячелѣтія жизнеописанія Кирилла и Меѳодія, назначенныя для народнаго чтенія. Д. И

скій пріемъ, или показываютъ, что письмо, принесенное солунскими братьями въ Моравію, дѣйствительно, было тамъ новостію.

До какой степени, исходя изъ невѣрныхъ положеній, слависты блуждаютъ въ вопросахъ, связанныхъ съ дѣятельностію Кирилла и Меѳодія, указываетъ примѣръ знаменитаго Шафарика. Послѣдніе годы своей жизни онъ началъ утверждать, что Кириллъ и Меѳодій изобрѣли собственно глаголицу, а что кириллица произошла изъ глаголицы и введена въ употребленіе однимъ изъ учениковъ Меѳодія, Климентомъ, епископомъ болгарскимъ. Любопытно, что это мнѣніе, хотя вызвало въ свое время горячія и дѣльныя возраженія, теперь уже принято нѣкоторыми учеными (напр. Миклошичъ, Рачкій, покойный Котляревскій, Кочубинскій, Небосклоновъ, отчасти архим. Амфилохій и др.).

По моему крайнему разумѣнію, Кириллу и Меѳодію принадлежитъ подвигъ не изобрѣтенія, собственно, а лучшаго устроенія и распространенія славянскихъ письменъ вмѣстѣ съ исправленіемъ и продолженіемъ найденныхъ ими переводовъ. Такое устроеніе даже не было ими закончено, а продолжалось послѣ нихъ трудами учениковъ, въ особенности св. Климента. Относительно кириллицы едва ли можетъ быть рѣчь объ изобрѣтеніи уже потому, что въ основѣ своей эта азбука чисто греческая, слѣдовательно заимствованная. Такихъ заимствованныхъ буквъ насчитывается 24. Вопросъ заключается собственно въ 12 или 14 знакахъ, выражающихъ звуки носовые, шипящіе, свистящіе и полугласные. И эти добавочныя буквы, по всей вѣроятности, уже существовали прежде. Откуда же они попали въ славянскую азбуку?

По сему поводу обращу вниманіе компетентныхъ читателей на любопытную статью московскаго профессора В. Ѳ. Миллера „къ вопросу о славянской азбукѣ“ („Ж. М. Н. Пр. 1884, мартъ). Тутъ онъ сближаетъ помянутыя добавочныя буквы съ письменами сассанидскими, по скольку они сохранились на монетахъ и надписяхъ. Эти письмена развились изъ болѣе древнихъ иранскихъ или авестійскихъ (которыми написана Авеста), происшедшихъ, въ свою очередь, отъ арамейскаго письма. Вотъ почему нѣкоторыя изъ нашихъ добавочныхъ буквъ похожи на еврейскія. Мысль, по моему мнѣнію, удачная, одна изъ тѣхъ мыслей, которыя имѣютъ право на будущность въ наукѣ. Но какими историческими путями объяснить заимствованіе этой части славянскаго алфавита изъ Персіи? На сей счетъ авторъ строитъ рядъ гипотезъ: „посредниками при передачѣ этихъ письменъ славянамъ служили хазары, которымъ славяне платили дань. Составляя значительный элементъ въ хазарскихъ городахъ, славяне должны были подчиниться нѣкоторому вліянію хазарской культуры“ (стр. 33). У хазаръ „несомнѣнно была письменность, хотя до насъ не дошло ни одной строчки“ (ibid.). А эти „предполагаемыя хазарскія письмена (выводимыя нами изъ добавленныхъ къ кириллицѣ буквъ) являются сколкомъ съ авестійскихъ“ (стр. 34). Дѣло въ томъ, что авторъ этихъ гипотезъ по отношенію къ руси держится норманской теоріи, а по отношенію къ гуннамъ и болгарамъ туранской. Такимъ образомъ удачную мысль сблизить часть славянской

азбуки съ персидскою поневолѣ пришлось затемнить искусственно придуманнымъ посредствующимъ звеномъ, т. е. хазарскимъ; пришлось сочинять хазарскую культуру, будто бы повліявшую на славянъ, и предположить существованіе особыхъ хазарскихъ письменъ, на которыя въ источникахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека. Извѣстно только, что хазарскій дворъ и высшее сословіе исповѣдывали еврейскую религію, слѣдовательно имѣли еврейскую письменность; а часть народа, принявшая исламъ, имѣла, конечно, письменность арабскую. Не забудемъ, что еще не рѣшенъ и самый вопросъ о томъ, какой, собственно, народъ разумѣется подъ именемъ хазаръ въ VIII—IX вв. и куда именно путешествовалъ Кириллъ во время своей хазарской миссіи. Авторъ считаетъ вѣроятнымъ извѣстіе Константинова житія о русскихъ или славянскихъ письменахъ, найденныхъ въ Корсуни (стр. 32). Но, говоря вообще о русскихъ славянахъ, онъ проходитъ молчаніемъ вопросъ, какому именно славянскому языку принадлежали эти переводы Евангелія и Псалтыри. Если бы онъ коснулся этого вопроса, то неминуемо долженъ въ немъ запутаться; такъ какъ никакихъ другихъ переводовъ кромѣ церковнославянскаго или древнеболгарскаго наша древнѣйшая церковная письменность не знаетъ; а гунно-болгаръ онъ считаетъ не славянами, и упускаетъ изъ виду византійскія извѣстія о принятіи ими христіанства въ VI—VII вв. Слѣдовательно, и съ этой стороны двѣ помянутыя теоріи ставятъ достоуважаемаго профессора-филолога въ явныя противорѣчія съ самимъ собой и съ историческими фактами.

А между тѣмъ для объясненія нашихъ заимствованій изъ персидской культуры эпохи сассанидовъ нѣтъ никакой нужды предполагать хазарское посредничество и вліятельную хазарскую культуру. Славянскій міръ издревле и долго былъ сосѣдомъ иранскихъ народовъ и со стороны средней Азіи, и со стороны Кавказа. Онъ является въ исторіи, можно сказать, пропитаннымъ иранскими элементами; но, конечно, онъ является въ древнемъ періодѣ не подъ своимъ позднѣйшимъ именемъ славянъ, а подъ именами массагетовъ, сарматъ, гунновъ, болгаръ, отчасти аланъ и т. д. Если возьмемъ, собственно, эпоху сассанидовъ, т. е. III—VII вв. по Р. Х., то увидимъ, что въ теченіе почти всей этой эпохи восточнославянскіе народы находились въ сношеніяхъ съ новоперсидской имперіей, которой владѣнія иногда не только простирались до Кавказскаго хребта, но и переходили на его сѣверную сторону. Извѣстно, что полководцы Атилы воевали персовъ и самъ онъ собирался идти на завоеваніе Персіи (Прискъ). По византійскимъ писателямъ Древняя или Великая Болгарія лежала между Азовскимъ моремъ и Кавказомъ. По Моисею Хоренскому болгаре вторгались въ земли Закавказья и колоніи ихъ встрѣчались въ Арменіи. А во время хазарскаго господства приазовскіе и прикавказскіе гунно-болгары, по извѣстіямъ армянскихъ и византійскихъ историковъ, вели войны или участвовали въ войнахъ византійцевъ и хазаръ съ персами. Разумѣется, лѣтописцы повѣствуютъ преимущественно о войнахъ и набѣгахъ; но кромѣ враждебныхъ столкновеній несомнѣнно были мирныя и торговыя сношенія. Вліяніе персид-

ской культуры на культуру восточныхъ славянъ ясно засвидѣтельствовано многими предметами, по преимуществу найденными въ южнорусскихъ могильникахъ. Какъ отразилось это вліяніе на обитателяхъ Воспорскаго царства и сосѣднихъ степей, о томъ вѣскія соображенія можно встрѣтить, напримѣръ, въ изслѣдованіи В. В. Стасова объ извѣстныхъ керченскихъ фрескахъ, которыя относятся къ III или IV вв. по Р. Х. Найденные проф. Самоквасовымъ въ черниговскомъ курганѣ, оправленные въ серебро турьи рога по работѣ и чеканнымъ изображеніямъ также сближаются съ искусствомъ сассанидской эпохи. Въ курганахъ южной и восточной Россіи немало открыто и разныхъ другихъ вещей той же эпохи. Вообще многое въ бытѣ и художествахъ восточныхъ славянъ или древней Руси, особенно въ области орнаментики, объясняется именно персидскимъ вліяніемъ. Отрицать непосредственное вліяніе этой культуры на нашу собственную невозможно. (Если и предполагать иногда какое либо посредничество со стороны Кавказа, то скорѣе болѣе культурныхъ армянъ и грузинъ, чѣмъ хозаръ). А потому, повторяю, и заимствованіе части славянскаго алфавита непосредственно изъ персидскаго весьма и весьма возможно. Только для рѣшенія такихъ вопросовъ необходимо стать прямо на историческую почву, т. е. признать исконное славянство руси и болгаръ.

Итакъ въ своемъ главномъ выводѣ относительно славянской азбуки В. Ѳ. Миллеръ склоняется къ тому же положенію, которое я высказалъ десять лѣтъ назадъ (Ж. М. Н. П. 1875 г., февраль), а именно: такъ называемая кириллица и нѣкоторые славянскіе переводы существовали у восточныхъ славянъ еще до Кирилла. Затѣмъ я говорилъ, что и глаголица, по всей вѣроятности, также существовала прежде. Онъ же принимаетъ мнѣніе тѣхъ славистовъ, которые приписываютъ ея изобрѣтеніе Кириллу, съ тою однако разницею, что по его словамъ, не кириллица произошла изъ глаголицы, а наоборотъ, т. е. Кириллъ не захотѣлъ взять просто найденныя въ Корсуни письмена, а нѣсколько ихъ передѣлалъ, ибо пожелалъ быть изобрѣтателемъ особаго письма. Послѣдній выводъ намъ кажется основаннымъ на разныхъ натяжкахъ [1]). Въ концѣ своей статьи онъ указываетъ недавно появившееся нѣмецкое изслѣдованіе Гейтлера, который сближаетъ глаголицу съ албанскими письменами и родиной ея считаетъ Македонію. И вотъ споръ о глаголицѣ готовъ вступить въ новую фазу.

Каково бы ни было дальнѣйшее развитіе вопросовъ о происхожденіи славянской письменности и о дѣятельности св. солунскихъ братьевъ, я стою на томъ, что правильное рѣшеніе этихъ вопросовъ невозможно безъ предварительно и правильно установленной исторіи самихъ славянскихъ народовъ. Тѣ слависты, которые будутъ держаться теорій норманизма и туранизма, никогда не встанутъ на историческую почву, и никогда не выпутаются изъ лабиринта противорѣчій и недоумѣній въ данныхъ вопросахъ.

Д. И. Иловайскій.

---

[1]) Почти тотъ же выводъ еще ранѣе встрѣчается у г. Небосклонова: „Начало борьбы славянъ съ нѣмцами за независимость въ средніе вѣка“. Казань, 1874.

ЭКСПЕДИЦІЯ ПРОТИВЪ АХАЛЪ-ТЕКИНЦЕВЪ

въ 1879—1880—1881 гг.

Посвящается памяти М. Д. Скобелева.

Историческій очеркъ очевидца и участника.

V [1]).

Походъ кавалеріи съ конно-горной артиллеріей въ горахъ Копетъ-Дагъ.

Этой операціей генерала Скобелева начинается рѣшительный періодъ экспедиціи 1880—1881 гг.

21 ноября 1880 г. командующій войсками рѣшилъ двинуться лично съ кавалеріей и 2 конно-горными орудіями на рекогносцировку по горамъ Дамана и Куха, дабы освѣтить правый флангъ операціонной линіи при наступленіи нашихъ войскъ на текинскую крѣпость Геокъ-тепе — оборонительный рядъ укрѣпленій (поперекъ оазиса) подъ названіями (съ юга на сѣверъ) Янги-кала, Денгли-тепе и Куня-Геокъ-тепе.

Выступивъ съ кавалерійскимъ резервомъ изъ Дузъ-олума вдоль по р. Чандырю, притоку р. Сумбара, мы въ полдень 22-го ноября прибыли къ развалинамъ крѣпостцы Ярты-кала, гдѣ нѣкогда было очень большое селеніе.

Богатѣйшіе луга, степныя привольныя и въ то же время дикія пространства тянутся вдоль всего Чандыря. Здѣсь въ ту пору года имѣлось на корню много травы, а потому и рѣшено было сдѣлать дневку, чтобы подкормить нашихъ коней для предстоящаго карабканья по горамъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVI, апрѣль, стр. 161—286.

Изъ Дузъ-олума съ нами вышелъ не весь кавалерійскій резервъ: полтавскій дивизіонъ подполковника кн. Голицына присоединился къ намъ уже въ Ярты-кала, куда онъ прибылъ нѣсколько раньше насъ, пройдя изъ мѣстечка Терсакана прямикомъ чрезъ снѣговыя вершины. Въ Ярты-кала мы соединились также съ таманскимъ дивизіономъ, который застали уже на этомъ мѣстѣ.

Утромъ 23-го ноября весь нашъ летучій кавалерійскій отрядъ (два эскадрона 15-го Тверского драгунскаго полка, четыре сотни казаковъ и конно-горный взводъ) двинулся далѣе вверхъ по Чандырю къ его верховью, откуда мы круто повернули на сѣверъ къ р. Сумбару, притоку Атрека, по ущельямъ, ведущимъ къ оставленной текинцами кр. Кара-кала, затѣмъ шли все время вдоль Сумбара до его верховья; съ этого мѣста мы должны были двинуться по родникамъ въ снѣжной полосѣ, ибо никакой другой воды тамъ нѣтъ. Намъ приходилось утолять свою жажду болотистою влагою чернаго цвѣта, въ которой ясно различалась масса пузырчатыхъ піявокъ. Родникъ отъ родника находится на разстояніи цѣлаго перехода, а не достигнувъ слѣдующаго ключа, мы безъ воды, очевидно, не могли сдѣлать и ночлега. Впрочемъ и этой жалкой влаги едва хватало для солдатъ,—мы осушали до дна все, что ключъ могъ насочить по каплѣ; столь медленно струится вода въ этихъ дикихъ горахъ, въ которыхъ до насъ еще никогда не ступала нога европейца и гдѣ даже азіяты снуютъ очень рѣдко. Крутые обрывы, бездны и пропасти представлялъ нашъ путь въ тѣсныхъ ущельяхъ; впереди виднѣлась узенькая тропинка, по которой въ одинъ конь шли наши джигиты-туркмены, служившіе намъ чапарами или путеуказателями и слѣдившіе за дорогою сами только ощупью, каждое мгновеніе рискуя сбиться съ пути.

Мы то поднимались въ область снѣговъ, то спускались въ полосу гранатъ, винныхъ ягодъ и растеній, свойственныхъ жаркой Персіи, гдѣ долины между грядами горныхъ цѣпей не знаютъ зимы; крутые подъемы и спуски сильно донимали нашихъ коней.

Далѣе мы двигались въ естественныхъ каменистыхъ пробояхъ въ горахъ; съ утесовъ этихъ обрывовъ грозитъ ежеминутная опасность быть раздавленнымъ каменьями, которые въ видѣ громадныхъ глыбъ постоянно обваливаются отъ тамошнихъ сильныхъ

ураганов. На всемъ нашемъ пути царила совершенно дѣвственная природа, какою она была еще въ отдаленный періодъ сѣдой старины.

Многократное эхо всюду вторитъ нашимъ голосамъ; звукъ отражается гранитными скалами, покрытыми густымъ зеленымъ мхомъ и плѣсенью. Съ высоты открываются величественныя панорамы природы. Рельефныя горныя покатости то спускаются, то подымаются, то совершенно теряются въ далекой лазури неба. Чудные кряжи горъ затѣйливо вьются далеко ниже насъ.

Наконецъ, ни одного деревца мы уже не находимъ, кругомъ— однѣ дикія грани; нигдѣ, повидимому, нѣтъ жизни; нигдѣ не находимъ уже и слѣдовъ травы или бурьяна, а наши кони сильно голодаютъ, ибо овесъ, взятый съ собою, уже истощился. Сухари также кончаются, а барановъ давно съѣли. О главныхъ силахъ и вообще, въ какомъ положеніи находятся дѣла въ Бами, не имѣемъ свѣдѣній; такимъ образомъ нашъ кавалерійскій отрядъ предоставленъ самому себѣ.

Густой туманъ заволакивалъ лунное небо ахалъ-текинской страны, когда въ сумерки 28-го ноября 1880 г. мы спустились съ надоѣвшихъ намъ вершинъ Дамана и Куха и на крупныхъ рысяхъ двигались изъ ущелья мимо Дуруна (текинскій аулъ) въ пески, а оттуда въ обходъ на аулы Нуръ-Верды-Хана. Въ первомъ часу ночи мы подошли къ башнямъ Келяты, которыя оказались запертыми извнутри занимавшимъ ихъ непріятелемъ. Еще нѣсколько мгновеній и текинцы открыли сильный огонь; намъ пришлось въ глубокую, темную и дождливую ночь разыграть кровавый штурмъ, кончившійся плѣненіемъ гарнизона и завладѣніемъ окрестныхъ ауловъ. Нашею добычею было нѣсколько тысячъ барановъ, что оказалось какъ нельзя болѣе кстати. Кромѣ того, для своихъ коней мы добыли много саману, зарытаго непріятелемъ въ глубокихъ и большихъ ямахъ. На занятой съ бою позиціи мы сдѣлали ночлегъ и дневку 29-го ноября. Въ этотъ день и накануне его надъ нашимъ отрядомъ начальствовалъ полковникъ Навроцкій; ибо генералъ Скобелевъ отсталъ отъ отряда на походѣ и со своею небольшою свитою, безъ особаго конвоя, очутился въ совершенно изолированномъ положеніи ночью въ горахъ, откуда онъ долженъ былъ послать джигита за охотниками (команда пѣхоты), находившимися далеко въ степи. Охотники,

получивъ приказаніе спѣшить къ командующему войсками, сдѣлали громадный ночной форсированный переходъ и на зарѣ прибыли на выручку генерала изъ опаснаго и рискованнаго положенія. Наши же разъѣзды, посланные по разнымъ направленіямъ, не могли найти, гдѣ остановился командующій войсками. Утромъ 29-го ноября, къ нашей великой радости, съ пѣснями охотниковъ, къ намъ въ Келяту прибылъ Михаилъ Дмитріевичъ, за участь котораго мы все время находились въ большомъ опасеніи.

Генералъ Скобелевъ въ походахъ имѣлъ привычки, напоминающія пріемы Наполеона Перваго. Часто говаривалъ М. Д., что онъ въ походѣ только тогда чувствуетъ себя спокойнымъ, когда увѣренъ, что у него ни одинъ солдатъ не отсталъ, для чего онъ всегда ѣздилъ позади всѣхъ. Въ походахъ ген. Скобелевъ вставалъ съ ночлега не рано. Обыкновенно авангардъ уходилъ съ бивака въ часа 4 утра, затѣмъ въ 6 часовъ выходили главныя силы и спустя часъ—аріергардъ, за которымъ слѣдовалъ генералъ, но на походѣ эти три части колонны обыкновенно значительно сближались, потому что авангардъ въ то же время имѣлъ импровизованныхъ конныхъ саперъ изъ драгуновъ и долженъ былъ нѣсколько исправлять дорогу. Тогда М. Д. со своей свитой галопомъ обгоняетъ аріергардъ и подскакиваетъ къ главнымъ силамъ, поздоровается съ солдатами и мчится далѣе къ авангарду, здоровается и рысью проѣзжаетъ еще впередъ версту или двѣ, затѣмъ останавливается, слѣзаетъ съ коня на бугрѣ, садится на складной стулъ и въ бинокли осматриваетъ мѣстность и подходящія войска, все время бесѣдуя со свитою, и отъ поры до времени высылаетъ адъютанта то къ той, то къ другой изъ проходящихъ мимо частей съ различными приказаніями частнаго характера, замѣчаніями или за справками. Но иногда генералъ, еще находясь за аріергардомъ, чѣмъ либо бывалъ отвлеченъ, а между тѣмъ отдалъ приказаніе аріергарду продолжать движеніе. Такъ, въ описываемомъ походѣ, къ нему выѣхали съ поклономъ и благодарностью нухурцы за то, что 10-го октября они были выручены нашимъ отрядомъ изъ блокады Тыкма-сардаря. Генералъ съ ними долго заговорился, а потому и очутился въ описанномъ критическомъ положеніи. Особенно грустно ему было на душѣ, когда онъ ночью слышалъ вдали раскаты нашихъ выстрѣловъ при штурмѣ Келяты-Нуръ-Верды-Хана, какъ объ этомъ онъ намъ потомъ разсказывалъ, и не могъ къ намъ поспѣть.

Въ этомъ походѣ восемь дней мы шли по горамъ, то подымаясь на возвышенности, то спускаясь въ лощины. Каждодневно проходили по трущобамъ не менѣе 50 верстъ; часто шли по 60 и, наконецъ, въ послѣдній день нашего испытанія, сдѣлали 80 верстъ, двигаясь то рысью, то галопомъ. Такимъ образомъ мы по горамъ прошли 500 верстъ. Ежедневно мы выступали съ бивуака на самомъ раннемъ разсвѣтѣ, а приходили на ночлегъ въ позднія сумерки, такъ что по дорогѣ должны были разводить костры передовые разъѣзды для идущихъ позади войскъ.

VI.

Занятіе ауловъ Егянъ-Батырь-Кала.—Отдыхъ кавалеріи.—Атака янги-калинской позиціи.

Въ то время, когда мы совершали операціи на югѣ оазиса, въ совершенно противоположномъ отъ насъ концѣ на михайловской линіи, 25-го ноября, Тыкма-сардарь сдѣлалъ рѣшительное нападеніе на нашъ транспортъ у Узунъ-Су и тутъ было успѣшное дѣло полусотни Лабинскаго коннаго полка, подъ командой сотника Алейникова.

Во время описаннаго нашего похода въ горахъ Дамана и Куха, главныя силы, подъ начальствомъ помощника командующаго войсками, генерала Петрусевича, совершали движеніе изъ Бами въ занятую нами Келяту. Все пространство отъ Бами до Келяты представляетъ одну сплошную равнину. Не долго мы въ Келятѣ ожидали подхода главныхъ силъ. Онѣ прибывали и стягивались, хотя и постепенно, но безъ особенныхъ замедленій, благодаря энергіи, нынѣ также покойнаго, генерала Петрусевича.

Въ часъ пополуночи съ 29-го на 30-е ноября кавалерійскій отрядъ съ конно-горнымъ взводомъ, подъ личнымъ начальствомъ генерала Скобелева, выступилъ изъ Келяты и въ темнотѣ двинулся въ пески по направленію къ сѣверо-востоку, чтобы съ тылу обойти текинскія укрѣпленія Егянъ-Батырь-Кала.

Въ густой эскадронной колоннѣ, съ близкими разъѣздами, перемѣннымъ и быстрымъ аллюромъ двигался нашъ летучій отрядъ, каждое мгновеніе готовый наткнуться на непріятельскіе секреты. Вся мѣстность изрыта водопроводными каналами и балками. Винтовки наши вынуты изъ чахловъ, орудія заряжены картечью.

То рысь, то карьеръ чередовали мы и торопились съ восходомъ зари подоспѣть къ ауламъ. Нигдѣ, повидимому, не оказывалось и слѣда текинцевъ на нашемъ пути; только при выходѣ изъ Келяты въ сторонѣ сверкнулъ огонекъ. Это былъ сигналъ непріятельскихъ разъѣздовъ; текинцы всегда и всюду принимали всѣ военныя предосторожности, благодаря своему боевому инстинкту, который исторически съ древнихъ временъ выработался у нихъ при постоянныхъ аламанахъ, служившихъ единственнымъ признаваемымъ средствомъ разбогатѣть.

Но вотъ на востокѣ уже начинаетъ заниматься утренняя заря; первые отблески лучей солнца начинаютъ рисоваться на чудномъ фонѣ средне-азіятскаго неба; грудь широко дышетъ свѣжимъ и пріятнымъ утреннимъ воздухомъ послѣ продолжительнаго галопа.

Мы подходимъ верстъ на пять къ заваламъ и выстраиваемъ боевой порядокъ, въ которомъ начинаемъ быстрое,—все время—карьеръ,—наступленіе съ тылу, т. е. со стороны Геокъ-тепе, дабы отрѣзать текинцамъ путь отступленія; съ другой же стороны уже подходятъ наши пѣшіе охотники, высланные еще ночью; оказывается, что текинцы заблаговременно очистили аулы Егянъ-Батырь-кала, а потому наше движеніе представляетъ собою лишь блестяще выполненный тактическій маневръ кавалеріи и конногорной артиллеріи. Мы заняли эти аулы безъ боя, а въ окрестныхъ горахъ захватили нѣсколько тысячъ барановъ.

Занявъ Батырь-кала, мы приблизили свой передовой опорный пунктъ на 9 верстъ къ цѣли всѣхъ операцій—Геокъ-тепе. Егянъ-Батырь-кала впослѣдствіи названо укр. Самурскимъ, въ честь одного изъ нашихъ пѣхотныхъ полковъ.

Въ тотъ же день сюда подтянулась часть нашей пѣхоты и полубатарея 4-й батареи 20-й артиллерійской бригады; съ этими частями прибылъ большой верблюжій транспортъ съ провіантомъ и фуражемъ.

По занятіи Егянъ-Батырь-кала были доставлены генералу Скобелеву чрезъ Яръ-Магомедъ-хана буджнурскаго свѣдѣнія, что текинцы ожидаютъ обѣщанной имъ помощи отъ Великобританіи. Генералъ Скобелевъ упоминаетъ объ этомъ въ своемъ рапортѣ отъ 20-го февраля 1881 года за № 2,037, говоря: „...... замѣчательно, что лошадь временно-командующаго войсками, взятая при

нападеніи на охотниковъ на бендесенскомъ перевалѣ 18-го августа, хранилась подъ попонами въ Денгли-тепе, для поднесенія въ подарокъ англійскому генералу, имѣющему прибыть на выручку съ войскомъ".

Думаемъ, что это важный историческій фактъ.

Но лишь только мы расположились на занятомъ пунктѣ, чтобы готовить себѣ пищу, какъ тотчасъ же нѣсколько тысячъ текинцевъ постепенно начали вываливать изъ Денгли-тепе и Янги-кала и такъ сильно донимали насъ своими пулями, что мы должны были сдѣлать по непріятелю нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, которые заставили текинцевъ угомониться, но перестрѣлка все-таки продолжалась до наступленія сумерекъ. Ночью же непріятель развелъ до 20-ти большихъ костровъ на полѣ между Геокъ-тепе и Батырь-кала; у этихъ огней сосредоточились отдѣльныя кучи текинцевъ, наблюдавшихъ за нашимъ расположеніемъ. Намѣреваясь произвести рекогносцировку нашего расположенія, непріятель къ зарѣ потушилъ почти всѣ свои костры, а группы отдѣльныхъ смѣльчаковъ начали приближаться къ намъ безъ выстрѣла, подползая шаговъ на 80, такъ что мы различали ихъ силуеты. Наши охотники, находившіеся съ конно-горнымъ взводомъ въ передовыхъ ближайшихъ къ непріятелю завалахъ, открыли по противнику рѣдкій огонь, въ отвѣтъ на который текинцы съ другого фланга начали поражать насъ близкими пулями; тогда конно-горный взводъ долженъ былъ выпустить одну картечь, которая ошеломила и отбросила непріятеля, а съ восходомъ зари въ догонку бѣгущимъ текинцамъ была послана граната; дѣйствіе было эффектное: уставшіе въ ночномъ бодрствованіи противники быстро начали очищать поле и потянулись въ Геокъ-тепе.

1-го декабря 1880 г. наша кавалерія съ конно-горнымъ взводомъ двинулась обратно изъ Самурскаго въ Келяту, конвоируя первый обратный транспортъ освободившихся верблюдовъ и всю нашу военную добычу, отбитую у непріятеля. Текинцы сильно донимали и преслѣдовали насъ на всемъ пути. Генералъ Скобелевъ изъ Самурскаго зорко слѣдилъ за движеніемъ нашей колонны. Видя какъ назойливо преслѣдуетъ насъ непріятель, разсыпавшійся по всему полю, чтобы атаковать нашъ аріергардъ, генералъ вышелъ изъ Самурскаго съ таманскимъ дивизіономъ казаковъ и самъ атако-

валъ текинцевъ съ тылу, чѣмъ и заставилъ ихъ бѣжать въ пески, а оттуда въ крѣпость.

Придя въ Келяту, мы загнали всѣхъ животныхъ, по обыкновенію, въ завалы и приспособили укрѣпленіе на случай ночного нападенія текинцевъ; непріятель небольшими конными шайками рыскалъ и джигитовалъ вокругъ, но насъ не осмѣлился безпокоить въ эту ночь.

Утромъ 2-го декабря мы выступили далѣе въ Дурунъ, въ которомъ къ этому времени былъ уже поставленъ русскій гарнизонъ (рота пѣхоты, сотня казаковъ и два горныхъ орудія). На пути намъ встрѣтилась одна изъ колоннъ съ верблюжьимъ транспортомъ, двигавшимся изъ Бами въ виду сосредоточенія главныхъ силъ въ Самурское.

Въ Дурунѣ мы сдѣлали дневку и, отправивъ нашъ транспортъ далѣе въ Арчманъ съ небольшимъ прикрытіемъ, сами 4-го декабря были уже опять въ Келятѣ.

Русское укрѣпленіе, подъ названіемъ Крымское, въ честь пѣхотнаго полка, было устроено тутъ въ сторонѣ отъ ауловъ подъ горами, на двухъ очень удачно выбранныхъ буграхъ. Здѣсь-то мы расположились слишкомъ на двѣ недѣли, поправляя нашихъ коней добываемымъ въ окрестностяхъ саманомъ, который былъ тщательно зарытъ текинцами въ ямахъ; овесъ у насъ уже кончился; ненадолго хватило намъ и саману, а тогда мы вынуждены были довольствовать лошадей однимъ жалкимъ бурьяномъ-колючкою, отъ которой кони сильно болѣли. Верблюды также сильно падали отъ истощенія и изнуренія.

Еще въ горахъ мы начали растягивать обыкновенную суточную дачу солдата; теперь продолжалось то же, ибо перевозка сдѣлалась крайне трудною.

Наконецъ, къ 19-му декабря 1880 года, почти весь русскій экспедиціонный отрядъ подтянулся въ Самурское; довольствія сюда было подвезено на нѣкоторое время достаточно; снаряды и патроны также доставлены. Въ этотъ же день вся кавалерія съ конно-горнымъ взводомъ выступила изъ Келяты въ Самурское, гдѣ и была встрѣчена генераломъ Петрусевичемъ, который, осмотрѣвъ нашихъ коней, пригласилъ къ себѣ подъѣхать командировъ частей и объяснилъ намъ, въ чемъ будетъ состоять сущность завтрашняго боя и что собственно послужитъ задачею кавалеріи.

Въ Самурскомъ мы сдѣлали ночлегъ, а главное—получили довольствіе для людей, овесъ и галеты для лошадей, хотя и въ ограниченныхъ пропорціяхъ, изъ образовавшагося подвозомъ сюда интендантскаго склада.

Въ Келятѣ войска добывали дрова, разрушая брошенныя текинцами постройки; въ Самурскомъ же ничего подобнаго не было, а пищу варили на бурьянѣ, котораго было чрезвычайно мало, и наше положеніе въ этомъ отношеніи было критическое.

Утромъ 20-го декабря 1880 г. на полѣ впереди Самурскаго выстроился весь нашъ закаспійскій дѣйствующій отрядъ: ставропольцы, ширванцы, апшеронцы, дагестанцы, самурцы, крымцы, красноводскій мѣстный баталіонъ, таманцы, лабинцы, оренбуржцы, тверскіе драгуны и артиллерія въ 70 орудій всякихъ сортовъ. Кромѣ того, нѣкоторая часть войскъ была оставлена, по необходимости, въ гарнизонахъ на пунктахъ двухъ военныхъ дорогъ: михайловской и атрекской, а также на линіи отъ Бами до Самурскаго.

Командующій войсками генералъ Скобелевъ объѣхалъ наши ряды и поздравлялъ отрядъ съ предстоящимъ боемъ — штурмомъ янгикалинской позиціи. Генералъ былъ серьезенъ и только на мгновенія улыбка проскальзывала на его симпатичнѣйшемъ лицѣ, когда онъ, подскакивая то къ той, то къ другой части, произносилъ: „здорово, молодцы", присовокупляя названіе части. Громадная и блестящая свита, человѣкъ 60, сопровождала Михаила Дмитріевича. Онъ былъ, по обыкновенію, на бѣломъ конѣ, въ кирасирскомъ сюртукѣ и покрытъ николаевской лѣтнею шинелью, которая развѣвалась за нимъ на галопѣ, какъ боевой плащъ Санъ-Сира, знаменитаго полководца Франціи.

Затѣмъ генералъ, по обыкновенію, пригласилъ къ себѣ подъѣхать всѣхъ офицеровъ и подробно изложилъ передъ нами, въ чемъ состоитъ его планъ дѣйствій и чего онъ желаетъ отъ офицеровъ.

Скоро весь отрядъ въ боевомъ порядкѣ двинулся впередъ. Мѣстность вокругъ совершенно открытая и ровная. День солнечный и было очень жарко. Двѣ отдѣльныя пѣхотныя колонны съ пропорціональнымъ числомъ орудій были направлены: одна съ южной стороны Янги-калы, другая—съ сѣверной, т. е. обѣ шли въ обходъ, а фронтальной атаки не было. Вся кавалерія съ конно-

горнымъ взводомъ двигалась на лѣвомъ флангѣ нашихъ войскъ; ея роль заключалась въ томъ, чтобы, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, атаковать полчища текинцевъ, если-бы они вздумали выйти изъ Денгли-тепе на выручку янгикалинскаго гарнизона; вторая задача кавалеріи, которую и пришлось выполнить, это—преслѣдовать бѣгущихъ текинцевъ, составлявшихъ гарнизонъ Янги-калы, если-бы онъ дрогнулъ.

Составъ войскъ при штурмѣ кишлака Янги-калы былъ слѣдующій:

1-я колонна, полковника Куропаткина: туркестанскій[1]) отрядъ, 4-я батарея 20-й артиллерійской бригады, 1-й батальонъ 84-го Ширванскаго полка, взводъ саперной роты; итого: $8^1/_4$ ротъ, 2 сотни, 10 орудій и два ракетныхъ станка.

Предметъ атаки этой колонны были: юговосточная окраина Янги-кала и круглая башня.

2-я колонна, полковника Козелкова: закаспійскій мѣстный баталіонъ, 3-й батальонъ 74-го Ставропольскаго полка, взводъ саперной роты; команды: осетинъ, моряковъ и охотничья эсаула Церенджалова; 6-я горная батарея 21-й артиллерійской бригады и двѣ картечницы; итого: $8^1/_4$ ротъ, три эскадрона и 10 орудій.

Предметъ атаки—сѣверная окраина Янги-кала.

Главныя силы, подъ личнымъ начальствомъ генерала Скобелева: 4-й батальонъ 81-го Апшеронскаго полка, 1-я, 13-я и 14-я роты 82-го Дагестанскаго полка, 1-й батальонъ 83-го Самурскаго полка, три роты 3-го батальона 83-го Самурскаго полка, 3-й батальонъ 84-го Ширванскаго полка, 3-я батарея 19-й артиллерійской бригады, 4-я батарея 19-й артиллерійской бригады, 1-я и 3-я подвижныя батареи (по шести орудій), полурота саперной роты, семь эскадроновъ и сотенъ, конно-горный взводъ, двѣ картечницы; итого: 18 съ половиной ротъ, семь эскадроновъ и сотенъ и 32 орудія.

Направленіе главныхъ силъ—на Опорное.

Гарнизонъ въ Самурскомъ былъ оставленъ слѣдующій: 1-я рота 73-го Крымскаго полка, 1-я рота 3-го батальона 83-го Самурскаго полка, двѣ сотни, 2-я подвижная батарея (7 орудій), два орудія 1-й подвижной батареи, два орудія 3-й подвижной батареи, мортирная полубатарея, одна картечница и одна пушка Энгстрема; итого: двѣ роты, двѣ сотни и 19 орудій.

---

[1]) Три роты, двѣ сотни, два горныхъ орудія и ракетный взводъ.

Всего съ госпитальною командою, нестроевыми и деньщиками около 500 штыковъ, 200 шашекъ, 19 орудій. Комендантомъ укр. Самурскаго былъ назначенъ войсковой старшина Верещагинъ. Геліографы были распредѣлены по всѣмъ колоннамъ. Люди имѣли на себѣ: сухарей на 4 дня; чай, сахаръ, соль, по два фунта варенаго мяса, котелки, мундиры, шинели, 120 патроновъ и линемановскій инструментъ. Въ кавалеріи, артиллеріи и транспортѣ фуража на два дня. Артиллерія подняла комплектъ снарядовъ на орудіе.

За войсками слѣдовали: инженерный паркъ, перевязочные пункты на каждую колонну, лазареты Самурскаго пѣхотнаго и Тверского драгунскаго полковъ, летучій лазаретъ Краснаго креста на 100 кроватей, одноколка и фургоны.

Значеніе Янги-кала выясняется въ письмѣ генерала Скобелева къ начальнику штаба кавказскаго военнаго округа отъ 19-го іюля 1880 г. за № 4: „Пунктъ начала атаки, можно даже сказать, опредѣлился. Это на Янги-кала или, какъ теперь его величаютъ, на Янги-тепе. Отсюда мы имѣемъ путь въ Персію къ Джермаву; владѣемъ истокомъ воды; становимся на пути отступленія къ Асхабаду, наконецъ мѣстность и грунтъ благопріятствуютъ атакѣ“.

Скоро завязался оживленный артиллерійскій огонь въ обѣихъ колоннахъ; наша пѣхота близко залегла отъ валовъ и заваловъ янгикалинскихъ; горячая перестрѣлка кипитъ по всей линіи; текинцы выдвигаютъ впередъ укрѣпленій свою лихую кавалерію, которая мѣтко стрѣляетъ съ коней.

Ко всякому своему ружью текинцы придѣлывали, близь дула, желѣзныя подпорки изъ двухъ стоекъ, помощью которыхъ ружье утверждается неподвижно на шеѣ коня во время стрѣльбы. Великолѣпные текинскіе скакуны отличаются своимъ смирнымъ, послушнымъ нравомъ и смѣлостью, т. е. полнымъ отсутствіемъ всякой пугливости.

Когда наша кавалерія подошла къ Маячной калѣ, что передъ Денгли-тепе, то масса, тысячъ двадцать, коннаго непріятеля вывалила изъ крѣпости Денгли-тепе, начала сильно насѣдать и густо обстрѣливать нашъ лѣвый флангъ, особенно-же донимала боковые лѣвофланговые разъѣзды и ихъ поддержки, а потому наступилъ моментъ ввести въ дѣло конную артиллерію, т. е.

конно-горный взводъ, который, сдѣлавъ поворотъ налѣво, выскакалъ карьеромъ впередъ на близкую дистанцію, снялся съ передковъ и, обсыпаемый пулями и ядрами текинцевъ, открылъ стрѣльбу: сначала пристрѣлялся гранатами, а потомъ дѣйствовалъ шрапнелью.

Результатомъ 15 выстрѣловъ было то, что текинская кавалерія отхлынула по всей линіи; въ это самое время полтавскій дивизіонъ кн. Голицына благополучно отошелъ отъ Маячной калы, которую раньше занялъ и выжидалъ въ ней, пока не подтянулся весь отрядъ съ обозомъ.

Послѣ двухчасового боя гарнизонъ Янги-калы бѣжалъ въ Денгли-тепе. Во флангъ бѣгущей массѣ непріятеля былъ пущенъ въ атаку Таманскій казачій полкъ, которымъ командовалъ, нынѣ уже покойный, графъ Орловъ-Денисовъ.

Наша кавалерія продвинулась на правый флангъ взятой позиціи.

Завладѣніе этими укрѣпленными пунктами обошлось намъ, сравнительно съ ихъ значеніемъ, очень дешево. Потери наши были невелики. Къ вечеру 20-го декабря мы уже окопались на взятой съ бою позиціи и, по обыкновенію, приготовились на случай ночного нападенія текинцевъ.

Еще раньше, при прежнихъ движеніяхъ русскихъ войскъ, текинцы рѣшили разъ навсегда держаться съ урусами такой тактики, чтобы дѣлать нападенія исключительно ночью. Но тутъ случился слѣдующій фактъ, который разъяснился намъ, къ сожалѣнію, уже послѣ взятія Геокъ-тепе. По занятіи янгикалинской позиціи, фронтомъ къ Денгли-тепе, въ извѣстный часъ вечера за-свѣтло у насъ игралась заря четырьмя оркестрами съ боевыми залпами всей артиллеріи по Денгли-тепе. Залпомъ 20-го декабря суждено было бы имѣть роковое для текинцевъ значеніе. Въ этотъ день въ Денгли-тепе, собравшіеся въ числѣ до 40,000, текинцы еще не окопались; они не устроили еще для своего житья ни глубокихъ имъ, ни боковыхъ траверзовъ-заваловъ противъ дѣйствія нашихъ снарядовъ, а потому сдѣланные залпы, мѣтко попавъ въ самую середину крѣпости на площадь, на которой по азіятскому обычаю копошилась масса текинцевъ, — сразу истребили до 2,000 непріятеля. Всю эту ночь раздавался въ Денгли-тепе страшный вой азіятскихъ собакъ и ужасный шумъ

и стоны отъ массы раненыхъ и искалѣченныхъ нашими выстрѣлами текинцевъ. Непріятелю теперь было уже не до того, чтобы нападать на насъ; наоборотъ, нашъ противникъ увѣренно думалъ, что мы сдѣлаемъ въ сегодняшнюю ночь штурмъ крѣпости. На ночь мы, конечно, окружили себя аванпостами и секретами; въ темнотѣ текинская кавалерія тщательно наблюдала за нашимъ расположеніемъ и ея разъѣзды сновали вокругъ нашихъ бивуаковъ.

При взятіи Янли-кала мы понесли слѣдующія потери: убитъ 1 нижній чинъ, 10 ранено, контужено 5; лошадей убито 9, ранено 10. Патроновъ выпущено: на пѣхотное ружье—6, кавалерійскую винтовку—7, на картечницу—100, снарядовъ на орудіе выпущено по 8.

VII.

Сраженіе съ текинцами 21-го декабря 1880 г.

Въ этотъ день была назначена рекогносцировка всѣми нашими кавалерійскими частями и конно-горнымъ взводомъ, подъ главнымъ начальствомъ генерала Петрусевича, который долженъ былъ обойти Денгли-тепе кругомъ и выдержать отчаянныя и стремительныя атаки текинцевъ по ту сторону крѣпости, при чемъ было предположено непремѣнно зайти въ укрѣпленіе старое (Куня) Геокъ-тепе, снять планъ всѣхъ окрестностей, опредѣлить мѣсто стоянки непріятельской кавалеріи и дать возможность нашему начальнику инженеровъ, тогда подполковнику, Рутковскому, хорошо и отчетливо осмотрѣть верки и расположеніе крѣпостныхъ фронтовъ.

Еще раньше изъ Самурскаго генераломъ Скобелевымъ было сдѣлано четыре [1]) рекогносцировки Денгли-тепе и тогда, глав-

---

[1]) 4-го, 11-го, 12-го и 18-го декабря. Составъ войскъ русскаго отряда на рекогносцировкѣ 4-го декабря былъ слѣдующій (семь ротъ, команда, три сотни, 16-ть орудій и рота саперъ): 4-й баталіонъ 81-го Апшеронскаго полка (13, 14 и 15-я роты), командиръ подполк. кн. Магаловъ; 1-й баталіонъ 84-го Ширванскаго полка, команд. подполк. Гогоберидзе; рота 2-го кавказскаго

нымъ образомъ, Янги-калы, но никогда рекогносцировки эти не имѣли тѣхъ широкихъ и важныхъ задачъ, какъ 21-го декабря 1880 г.

Въ полдень означеннаго числа мы выстроились на правомъ флангѣ янгикалинской позиціи и съ прибытіемъ къ фронту нашего доблестнаго начальника, генерала Петрусевича, двинулись къ сѣверо-востоку между Великокняжескою и Ольгинскою калами...

Съ подходомъ нашихъ близкихъ боковыхъ разъѣздовъ, на триста сажень къ крѣпостному валу, непріятельскій огонь поражалъ наши колонны какъ ядрами, такъ и пулями. Ядра то перелетали, то не долетали, или же попадали въ интервалы между эскадронами и конно-горнымъ взводомъ, но все-таки производили моральное впечатлѣніе. Наши разъѣзды, послѣ продолжительной выдержки, наконецъ начали отстрѣливаться съ коней, а между тѣмъ авангардъ уже поровнялся съ правофланговою калою и занялъ ее,

---

сапернаго батальона (штабсъ-капит. Васильевъ); команда охотниковъ (подпоручикъ Воропановъ); полубатарея 4-й батареи 20-й артил. бригады (капитанъ Полковниковъ); подвижная № 3 батарея (капитанъ Михайловъ); морская батарея (лейтенантъ Шеманъ); 1½ сотни Оренбургскаго полка; 1½ сотни Таманскаго полка. Начальникомъ артиллеріи былъ подполковникъ Бобриковъ Цѣлью дѣйствій была—рекогносцировка западнаго фронта Геокъ-тепе.

Наши потери на этой рекогносцировкѣ слѣдующія: убито нижнихъ чиновъ 4; ранены: командиръ охотничьей команды Апшеронскаго полка подпоручикъ Воропановъ и Дагестанскаго полка прапорщикъ Поповъ (нынѣ скончавшійся въ Бами); нижнихъ чиновъ 19; контужены: флигель-адъютантъ, войсковой старшина графъ Орловъ-Денисовъ; хорунжій Таманскаго полка Черный и 8 нижнихъ чиновъ. Лошадей убито 13, ранено 18. Выпущено патроновъ: на кавалерійскую винтовку 75, на пѣхотное ружье 12, снарядовъ на орудіе 15.

Потерю непріятеля мы считаемъ около 500 человѣкъ.

Съ 5-го по 11-е декабря 1880 г. войска наши занимались репетиціями штурма, укрѣпляли Самурское, пріучались къ взрывамъ динамита и конвоировали транспорты.

Наши потери 12-го декабря; убитъ одинъ нижній чинъ; ранены: врачъ Малышевскій и 3 нижнихъ чина. Лошадей убито 3, ранено 7. Выпущено патроновъ на пѣхотное ружье 13, на кавалерійскую винтовку—80; картечницы израсходовали по 200 патроновъ, а орудія по 25 снарядовъ.

На рекогносцировкѣ 18-го декабря ранены: генералъ-лейтенантъ Анненковъ и 4 нижнихъ чина; лошадей убито и ранено по одной. Выпущено патроновъ: на пѣхотное ружье—1, на кавалерійскую винтовку—15. Ш.

выжидая подхода нашихъ главныхъ кавалерійскихъ силъ и аріергарда. Въ этотъ моментъ изъ сѣверныхъ крѣпостныхъ воротъ вышла масса текинской конницы съ цѣлью не допустить насъ совершить круговой обходъ; она начала быстро занимать всѣ мѣстныя препятствія отъ сѣверо-восточнаго шпица крѣпостныхъ верковъ до садовъ, впослѣдствіи названныхъ именемъ нашего кавалерійскаго предводителя. Тогда стало ясно, что уже созрѣлъ тотъ моментъ боя, когда по идеямъ тактики необходимо ввести въ дѣло артиллерію, и вотъ, по приказанію генерала Петрусевича, конно-горный взводъ чрезъ массу, хотя и не очень большихъ балокъ, арыковъ и заваловъ, выѣхалъ въ авангардъ (дивизіонъ Оренбургскаго казачьяго полка, подъ начальствомъ самого командующаго полкомъ, подполковника Мореншильда) колонны и затѣмъ карьеромъ на позицію... Десять мѣтко пущенныхъ сначала гранатъ, а потомъ шрапнелей, заставили непріятельскую кавалерію, уже хорошо противъ насъ пристрѣлявшуюся, быстро очистить завалы и отойти. Въ это время денгли-тепенскій гарнизонъ изъ своихъ фальконетовъ непрерывно обстрѣливалъ насъ съ крѣпостныхъ верковъ. Конно-горный взводъ беретъ въ передки и съ оренбургскими сотнями рысью переходитъ на новую, только что вырванную у текинцевъ, позицію, съ которой открываетъ усиленный и мѣткій огонь по впереди лежащимъ садамъ и калѣ которые служатъ второю линіею обороны текинцевъ. Черезъ четверть часа, благодаря дѣйствительному огню конно-горныхъ орудій, текинцы отступаютъ отъ заваловъ и отходятъ на другую позицію, съ которой открываютъ сильный ружейный огонь; тогда нашъ авангардъ съ конно-горными пушками, въ свою очередь, переѣзжаетъ на предпослѣднюю позицію непріятеля и открываетъ губительнѣйшій огонь, результатомъ котораго было отступленіе текинцевъ по всей послѣдней занимаемой ими линіи мѣстныхъ опорныхъ препятствій. Такимъ-то образомъ мы, буквально, вырывали у непріятеля цѣлый рядъ временныхъ позицій и только этимъ способомъ могли прочищать себѣ путь впередъ.

Съ послѣдней позиціи генералъ Петрусевичъ командировалъ войскового старшину, графа Орлова-Денисова, съ двумя таманскими сотнями, освѣтить и рекогносцировать Куня-Геокъ-тепе, находившееся отъ насъ на нѣсколько верстъ вправо.

Полтавскій дивизіонъ, подъ начальствомъ подполковника флигель-адъютанта князя Голицына, шелъ все время въ боковой цѣпи разъѣздами вдоль вала Денгли-тепе, подъ густымъ и частымъ непріятельскимъ огнемъ гарнизона крѣпости, не смотря на что, движеніе этихъ казаковъ было самое образцовое.

Дивизіонъ тверскихъ драгунъ шелъ теперь въ арьергардѣ; при немъ ѣхалъ полковникъ князь Эристовъ. Генералъ Петрусевичъ находился при конно-горномъ взводѣ, т. е. въ авангардѣ. Текинцы начали сильнѣйшимъ образомъ насѣдать на нашъ послѣдній аріергардный взводъ драгунъ прапорщика Измайлова и бросались въ рукопашную, другая же куча ихъ, прикрывшись мѣстнымъ заваломъ, обстрѣливала Измайлова губительными залпами, а потому онъ принужденъ былъ спѣшить своихъ драгунъ, залпами же выбилъ текинцевъ изъ заваловъ и отразилъ атаковавшихъ, благодаря содѣйствію вернувшагося къ нему на выручку эскадрона капитана князя Чавчавадзе. Затѣмъ весь драгунскій дивизіонъ подошелъ къ нашему авангарду, въ которомъ между тѣмъ происходило слѣдующее:

Когда полтавскій дивизіонъ подошелъ къ знаменитой мельничной калѣ (у которой въ 1879 г. былъ отбитъ 28-го августа штурмъ русскихъ войскъ кр. Геокъ-тепе), то тамъ неожиданно наткнулся на большую кучу непріятеля, который, сильно занявъ этотъ пунктъ и воодушевляемый преданіемъ самаго мѣста, рѣшился отчаянно защищаться и во что-бы то ни стало удержать эту калу за собою. Сильнѣйшіе непріятельскіе залпы принудили нашихъ полтавцевъ спѣшиться. Въ этотъ моментъ конно-горный взводъ галопомъ подъѣзжаетъ къ означенной калѣ, спѣша на выручку полтавцевъ; но текинцы уже дрогнули и отошли отъ калы, поражаемые залпами казаковъ. Непріятель былъ на разстояніи 50 саженъ, когда картечь конно-горнаго взвода начала поражать его. Текинцы, отойдя далѣе, засѣли въ рытвинахъ и обстрѣливали насъ мѣткимъ огнемъ, а потому мы начали выгонять ихъ изъ канавъ шрапнелью. Дѣйствіе этого снаряда было тутъ, по истинѣ, эффектное: разрываясь надъ головами непріятеля, хотя и на нѣсколько большей высотѣ, чѣмъ слѣдовало, шрапнель производила сильное моральное впечатлѣніе и непріятель быстро обратился въ бѣгство.

Наши снаряды уже почти всѣ оказались израсходованными, слѣдовательно наше положеніе становилось критическимъ, а потому мы хотя и продолжали стрѣлять, но значительно рѣже. Во время интерваловъ между выстрѣлами текинцы снова начинали собираться въ толпы и хотѣли атаковать насъ, но неумолимая, мѣткая шрапнель заставляла ихъ каждый разъ отказываться отъ этихъ попытокъ. Мы же, не теряя времени, начали отрывать зарытый на нашей позиціи саманъ и кормили своихъ голодныхъ коней, которые уже другіе сутки питались только одною водой, потому что овесъ въ кавалеріи кончился, а о травѣ или сѣнѣ не могло быть и рѣчи. Такимъ образомъ дожидались мы подхода драгунъ. Въ этотъ самый моментъ на нашемъ правомъ флангѣ за песчаными буграми раздается гулъ орудійныхъ выстрѣловъ. Оказалось, что генералъ Скобелевъ съ небольшимъ отрядомъ, но все-таки съ цѣлою дальнобойною батареею, вышелъ на выручку насъ, догадываясь о нашемъ критическомъ положеніи по усиленной стрѣльбѣ конно-горнаго взвода въ тылу Денгли-тепе; эти выстрѣлы вмѣстѣ съ кавалерійскими залпами были рѣзко слышны на янги-калинской позиціи. Затѣмъ нашъ отрядъ, напутствуемый сердечною благодарностью генерала Скобелева, двинулся далѣе въ Самурское, гдѣ мы имѣли ночлегъ, а Михаилъ Дмитріевичъ съ своимъ отрядомъ возвратился на янги-калинскую позицію.

Изъ нашей рекогносцировки выяснилось, что Куня-Геокъ-тепе не занято текинцами; на асхабадской дорогѣ не была сосредоточена непріятельская кавалерія, а вся она находилась въ Денгли-тепе; планъ крѣпости и окрестностей былъ отчетливо и подробно снятъ находившимися при нашей колоннѣ топографами. Самое главное, мы сильно озадачили текинцевъ съ небольшимъ кавалерійскимъ отрядомъ, смѣло пройдя вокругъ грозной твердыни.

Для рекогносцировки 21-го декабря кавалерійскій отрядъ генералъ-маіора Петрусевича имѣлъ слѣдующій составъ: дивизіонъ 15-го Тверского драгунскаго полка, двѣ сотни Таманскаго, сотня Полтавскаго, сотня Лабинскаго казачьихъ полковъ и конно-горный взводъ; итого шесть эскадроновъ и сотень и два орудія [1]).

---

[1]) Дивизіономъ драгунъ командовалъ маіоръ Мотерно, таманцами — гр. Орловъ-Денисовъ и полковникъ Арцишевскій, полтавцами — князь

Вспомогательный отрядъ, вышедшій на выручку отряда Петрусевича, состоялъ: изъ одного баталіона 83-го пѣхотнаго Самурскаго полка, 3-й батареи 19-й артиллерійской бригады и одной сотни Оренбургскаго № 1-го полка, подъ личнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта Скобелева.

Наши потери 21-го декабря были слѣдующія: убитъ 1 нижній чинъ, ранено 5; патроновъ выпущено: на пѣхотное ружье— 1, на кавалерійскую винтовку — 8, снарядовъ выпущено по 4 на орудіе.

VIII.

Сраженіе съ текинцами 23-го декабря 1880 года

22-го декабря произошло занятіе отрядомъ, подъ начальствомъ командующаго туркестанскою стрѣлковою бригадою, полковника Куропаткина, Ольгинской и Правофланговой калъ, при чемъ было дѣло у сада.

Отрядъ Куропаткина понесъ слѣдующія потери: убитъ одинъ нижній чинъ, ранены: одинъ штабъ-офицеръ (подполковникъ Гогоберидзе), одинъ оберъ-офицеръ (сотникъ Кременецъ) и четыре нижнихъ чина.

Мы же 22-го числа снова возвратились изъ Самурскаго на янги-калинскую позицію, конвоируя большой транспортъ со всякаго рода довольствіемъ, перевозимымъ изъ Самурскаго интендантскаго склада. Ночлегъ на 23-е декабря былъ сдѣланъ нами въ Янги-кала, но намъ не суждено было отдохнуть.

Въ третьемъ часу ночи наша кавалерія съ конно-горной артиллеріей, совершенно неожиданно, была поднята съ ночлега и намъ было приказано немедленно строиться, взявши съ собою сухарей на сутки. Черезъ полчаса въ густомъ мракѣ наши ряды объѣзжалъ генералъ Петрусевичъ. Спустя еще четверть часа, мы уже двигались по каламъ праваго фланга обложенія; шли съ соблюденіемъ всевозможной тишины и не давали текинцамъ никакого повода замѣтить нашъ отрядъ. Ни разговоровъ, ни куренія

Голицынъ, конно-горн. взводомъ—пор. Шаховской, лабинцами—сотникъ Алейниковъ. То же и 23-го числа, но графа Орлова тогда не было. Ш.

табаку не было. Впрочемъ, колеса конно-горныхъ пушекъ ничѣмъ не были обернуты, а потому стукъ ихъ о мерзлую землю раздавался въ Денгли-тепе также, какъ и топотъ четырехсотъ нашихъ коней. У Ольгинской калы мы сдѣлали полутора-часовой привалъ и напоили лошадей въ арыкѣ, сами-же немного вздремнули. Наконецъ, тихо поднялись и двинулись на асхабадскую дорогу въ обходъ садовъ, начавъ приближаться къ нимъ съ тылу... Густой и низкій туманъ заволакивалъ передъ нами все, когда мы совершенно неожиданно наткнулись, въ полномъ смыслѣ этого слова, на означенные сады. До того момента нигдѣ не было замѣтно присутствія непріятеля; по бокамъ спокойно шли наши густыя и близкія цѣпи... Еще проходитъ одно, два мгновенія и нѣсколько выдержанныхъ сильнѣйшихъ залповъ сразу наносятъ намъ громадныя потери. Въ это время драгуны и конно-горный взводъ были уже подъ самою стѣнкою калы. Въ одну секунду наша кавалерія спѣшивается и храбро идетъ на штурмъ занятыхъ текинцами садовъ. Вскорѣ генералъ Петрусевичъ въѣзжаетъ самъ въ завалы, за нимъ врывается эскадронъ маіора Булыгина. Въ это же самое время справа раздаются противъ насъ мѣткіе залпы... заря уже начала заниматься и мы рельефно видимъ толпы непріятельской кавалеріи, которая энергично атакуетъ и стремится ударить на нашъ правый флангъ; другая партія конныхъ текинцевъ скачетъ на нашъ тылъ, чтобы отрѣзать и окружить насъ. Положеніе критически-роковое! Въ одно мгновеніе конно-горный взводъ снимается съ передковъ и картечнымъ залпомъ встрѣчаетъ несущагося карьеромъ противника, человѣкъ 200 текинцевъ въ 50 шагахъ отъ дула пушекъ... Непріятельская кавалерія не выдержала, дрогнула и не успѣлъ разсѣяться пороховой дымъ, какъ текинцы во весь опоръ скакали уже обратно. Конно-горный взводъ затѣмъ стрѣляетъ шрапнелью по удалившейся непріятельской кавалеріи, которая, сверхъ ожиданія, снова массируется, поворачиваетъ на насъ и атакуетъ вторично. Картечный залпъ отбиваетъ и эту атаку. Непріятель, какъ бы ошалѣвши, сначала пріостанавливается, а потомъ быстро поворачиваетъ назадъ.

Въ описываемыя мгновенія, между тѣмъ, въ калѣ, въ двухъ шагахъ отъ насъ, налѣво, идетъ кровавая рукопашная схватка

драгунъ съ пѣшими текинцами, засѣвшими за стѣнками. Отбивши такъ блистательно и счастливо двѣ непріятельскихъ атаки, конно-горный взводъ быстро поворачиваетъ лѣвое орудіе на штурмуемые сады, гранатами заставляетъ текинскую пѣхоту очистить ихъ тылъ и не дозволяетъ денгли-тепенскому гарнизону выходить изъ крѣпости на поддержку и выручку своихъ въ означенныхъ калахъ. Непріятельскій гарнизонъ штурмуемыхъ укрѣпленій такимъ образомъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ крѣпости Денгли-тепе, ибо ловко пристрѣлянныя гранаты конно-горнаго орудія отлично ложились и рвались какъ-разъ на пунктѣ сообщенія крѣпости съ этими садами. Въ то же самое время другое орудіе (правое) стрѣляло шрапнелью по правымъ садамъ и выгоняло оттуда текинскую кавалерію, которая съ этой стороны донимала насъ своими пулями.

Во время описываемаго боя конно-горный взводъ оставался безъ всякаго прикрытія, потому что вся спѣшенная кавалерія вошла въ калы на выручку и поддержку драгунъ. Шагахъ слишкомъ въ 200 за позиціей конно-горнаго взвода находились коноводы: у каждаго солдата по 4, по 5 и болѣе лошадей, вслѣдствіе потери отъ непріятельскаго огня, а также и потому, что всѣ пошли на пополненіе убыли въ садахъ. Конно-горный взводъ, не имѣя прикрытія, самъ служилъ имъ для всего отряда, такъ геройски обезпечивая правый флангъ. Только къ концу боя на позицію конно-горнаго взвода прибылъ прапорщикъ Форстенъ съ двѣнадцатью драгунами, назначенными въ прикрытіе.

Въ калѣ между тѣмъ происходило слѣдующее: какъ только въ нее въѣхалъ генералъ Петрусевичъ, тотчасъ же былъ смертельно раненъ, но умирая, онъ геройски воодушевлялъ солдатъ; „драгуны, не робѣйте"—было послѣднимъ возгласомъ доблестнаго боевого предводителя.

Текинцы, замѣтивъ, что убили важнаго генерала, набрасываются на тѣло Петрусевича, который еще минутъ пять былъ живъ. Полковникъ, князь Эристовъ, находившійся при генералѣ, отстрѣливаясь изъ револьвера и отмахиваясь шашкою, личнымъ примѣромъ способствовалъ тому, что послѣ нѣсколькихъ переливовъ рукопашнаго боя, наконецъ, тѣло генерала было вынесено изъ калы казаками, положено на носилки и прикрыто буркою...

По рядамъ проносятся роковыя слова: „генерала убили!“ и „патроны кончаются!“ Такимъ образомъ, благодаря мужественной распорядительности князя Эристова, подъ градомъ мѣткихъ пуль текинцевъ, намъ съ громадными потерями все-таки удалось отстоять трупъ нашего героя-генерала, который испустилъ послѣдній жизненный вздохъ въ пылу горячей битвы, своимъ личнымъ примѣромъ воодушевляя солдатъ. Драгуны и всѣ вообще солдаты и казаки, а тѣмъ болѣе и офицеры, дѣйствительно, не пожалѣли себя. Одна треть всего личнаго состава нашего кавалерійскаго отряда выбыла изъ строя, кто убитымъ, кто раненымъ. Когда маіоръ Булыгинъ со своимъ эскадрономъ вошелъ въ калу, вслѣдъ за генераломъ, то не успѣлъ онъ два раза скомандовать: „пли“, стрѣляя залпами, какъ уже былъ убитъ на поваль пулею въ сердце. Въ этой же свалкѣ былъ убитъ и эсаулъ Ивановъ, командиръ 1-й сотни Таманскаго казачьяго полка.

Нѣсколько минутъ спустя по смерти генерала Петрусевича, полковникъ князь Эристовъ, въ качествѣ начальника „кавалерійскаго резерва“, прибылъ на позицію конно-горнаго взвода и горячо благодарилъ его за оказанную важную услугу отряду, за самоотверженіе и геройскій подвигъ: безъ прикрытія отбиты картечью двѣ атаки чуть ли не у самыхъ дулъ орудій (50 шаговъ)!

Начальство надъ отрядомъ въ бою, по смерти Петрусевича, принялъ старшій по немъ полковникъ Арцишевскій, который продолжалъ наше наступленіе въ садахъ дальше. Когда текинцы были изрублены въ переднихъ калахъ, то драгуны и казаки начали проникать въ глубину садовъ; всѣ проходы были завалены трупами убитыхъ текинцевъ и цѣлыми кучами раненыхъ; наконецъ, драгуны подошли къ задней поперечной стѣнѣ въ калахъ. Одновременно съ этимъ конно-горный взводъ передвинулся впередъ и выѣхалъ на новую позицію, откуда и продолжалъ стрѣльбу гранатами изъ лѣваго орудія и шрапнелями изъ праваго по тѣмъ же самымъ пунктамъ, на которыхъ текинцы хотѣли оказать поддержку своему гарнизону, теперь уже изрубленному нашей спѣшенной кавалеріей. Наконецъ, всѣ гранаты и шрапнели въ конно-горномъ взводѣ кончились. Въ этотъ моментъ драгуны дошли уже до самой послѣдней стѣны въ глубинѣ садовъ; тутъ

имѣлись большія ворота, чрезвычайно толстыя и крѣпкія, которыя можно было прошибить только гранатами; поэтому конно-горный взводъ тутъ уже не могъ помочь, не смотря на то, что полковникъ (нынѣ генералъ) Арцишевскій прислалъ къ намъ ординарца, сотника Есакова, Полтавскаго коннаго полка, съ приказаніемъ привезти одно орудіе для пробитія воротъ. Находившійся въ этотъ моментъ при конно-горномъ взводѣ полковникъ князь Эристовъ, видя такое отчаянное положеніе, самъ поскакалъ сообщить объ этомъ полковнику Арцишевскому.

Не смотря на громадныя потери, понесенныя нами въ описываемомъ бою, духъ солдатъ и офицеровъ былъ очень высокъ и каждый изъ насъ готовъ былъ лечь костьми въ этомъ знаменитомъ и роковомъ средне-азіятскомъ сраженіи, которое на всю жизнь запечатлѣлось въ нашей памяти и нашемъ сердцѣ. Въ 9 часовъ утра мы были уже въ лагерѣ на янги-калинской позиціи; въ этотъ же день хоронили своихъ убитыхъ. Всѣ мы, которые хорошо знали генерала Петрусевича и бывали съ нимъ въ бояхъ, горько плакали о томъ, что наша армія утратила одного изъ своихъ храбрѣйшихъ и способнѣйшихъ генераловъ. Въ этотъ же день во время самаго штурма садовъ нашей кавалеріей, пользуясь отвлеченіемъ силъ и вниманія денгли-тепенскаго гарнизона, была заложена пѣхотою впереди янги-калинской позиціи первая параллель-траншея противъ южнаго угла крѣпости; такимъ образомъ, дѣло 23-го декабря 1880 года послужило началомъ осады Денгли-тепе. Въ этомъ сраженіи нами было отбито у текинцевъ много ружей, особенно бельгійскихъ, принесенныхъ мервцами, прибывшими на подкрѣпленіе ахалъ-текинцевъ, вслѣдствіе вліянія, которымъ Тыкма-сардарь пользовался въ Мервѣ.

Въ рапортѣ генерала Скобелева говорится: „для производства осадныхъ работъ на 23-е число были назначены въ распоряженіе начальника инженеровъ отряда, полковника Рутковскаго: 1-й баталіонъ 83-го пѣхотнаго Самурскаго, 3-й баталіонъ 84-го пѣхотнаго Ширванскаго, двѣ роты 3-го баталіона 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго и двѣ роты 4-го баталіона 82-го пѣхотнаго Дагестанскаго полковъ, а всего 12 ротъ или 1,250 человѣкъ рабочихъ“.

23-го декабря отрядъ Петрусевича состоялъ изъ: дивизіона

Тверского драгунскаго полка и по одной сотнѣ Таманскаго, Полтавскаго и Лабинскаго полковъ съ конно-горнымъ взводомъ, всего пять эскадроновъ и сотенъ, два орудія.

Потери, понесенныя въ этомъ бою отрядомъ Петрусевича, были: упомянутые убитые—генералъ, штабъ-офицеръ, оберъ-офицеръ, нижнихъ чиновъ убито—19; ранены: оберъ-офицеръ (сотникъ Алейниковъ) и нижнихъ чиновъ 49, изъ числа которыхъ многіе потомъ умерли. Лошадей убито 12, ранено 16.

Выпущено патроновъ: на пѣхотное ружье—5, на кавалерійскую винтовку—16. Артиллерія выпустила по 4 снаряда среднимъ числомъ на орудіе, такъ какъ изъ лагеря также вышла часть нашей артиллеріи и помогала конно-горному взводу. Въ одномъ саду Петрусевича текинцы потеряли до 400 человѣкъ.

Распредѣленіе войскъ на время осадныхъ работъ, какъ видно изъ рапорта М. Д., было слѣдующее: лѣвый флангъ атаки (полковникъ Козелковъ)—3-й баталіонъ 74-го пѣхотнаго Ставропольскаго полка, закаспійскій мѣстный баталіонъ, 3-й баталіонъ 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго полка, 1-я, 13-я и 14-я роты 82-го пѣхотнаго Дагестанскаго полка, охотничья команда эсаула Церенджалова; итого 15 ротъ, 1 команда; правый флангъ атаки (полковникъ Куропаткинъ) — пѣхота туркестанскаго отряда, охотничья команда подпоручика Воропанова, 4-й баталіонъ 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго полка, 1-й и 3-й баталіоны 84-го пѣхотнаго Ширванскаго полка; итого 15 ротъ, 1 команда.

Въ распоряженіи коменданта лагеря находились: 15-я и 16-я роты 82-го пѣхотнаго Дагестанскаго полка, 1-й баталіонъ и 1-я рота 3-го баталіона 83-го пѣхотнаго Самурскаго полка; итого 7 ротъ. Для занятія Опорнаго и Правофланговой калы назначалось по одной ротѣ 3-го баталіона 83-го пѣхотнаго Самурскаго полка.

IX.

Кавалерійскія фуражировки.—Вылазки текинцевъ.—Средне-азіятская тактика русскихъ войскъ.—Военныя качества текинцевъ.

Голодные наши кони заставили насъ 24-го декабря пойти на фуражировку по асхабадской дорогѣ, на которой въ аулахъ Емишанъ, Корджу и Изганъ мы нашли громадные склады саману, пшеницы, частью ячменя и сѣна... Текинцы, жители этихъ мѣстъ, завидя приближеніе нашей кавалеріи съ конно-горнымъ взводомъ, быстро забирали свои пожитки, лишь только самые необходимые, и убѣгали въ пески, посылая намъ пули, на что получали въ отвѣтъ мѣткія шрапнели. Набравши, сколько могли увезти, фуражу, мы возвращались къ ночи на янгикалинскую позицію. Такого рода фуражировки занимали насъ все время до 12-го января 1881 г. Иногда мы ходили на двое сутокъ, причемъ ночь проводили въ томъ аулѣ, въ которомъ фуражировали, а на другой день утромъ возвращались къ себѣ въ лагерь; при послѣдующихъ фуражировкахъ мы брали съ собою много порожнихъ фургоновъ, а возвращались домой съ полными, такъ что четверки лошадей едва тащили ихъ; забирали въ аулахъ всѣ кибитки, разбирали сакли и дерево увозили къ себѣ въ лагерь; изъ частей кибитокъ у насъ выходило прекрасное топливо; ихъ же мы употребляли на устройство гатей, мостовъ и частью на туры и фашины для осады. Всякаго такого добра мы навозили дня на три, на четыре для всего отряда. Когда мы выходили изъ очищенныхъ нами ауловъ, то текинцы возвращались въ нихъ и, конечно, находили тамъ однѣ развалины. Такимъ-то образомъ съ каждою новою фуражировкою мы подвигались все дальше и дальше впередъ отъ Геокъ-тепе и все ближе и ближе къ Асхабаду; наконецъ, вся асхабадская дорога уже находилась въ нашихъ рукахъ, хотя мы доходили только до аула Бозмеина.

Кромѣ фуражировокъ, дѣятельность русской кавалеріи при осадѣ Денгли-тепе заключалась еще въ конвоированіи транспортовъ, черезъ два дня въ третій, изъ Самурскаго въ траншеи и обратно изъ траншей въ Самурское; транспорты состояли изъ

верблюдовъ и фургоновъ временно-сформированнаго, такъ называемаго, ахалъ-техинскаго конно-колеснаго транспорта; этимъ послѣднимъ завѣдывалъ пѣхотный подполковникъ Шкуркинъ. Вообще вопросъ о конвоированіи въ Ахалъ-теке имѣлъ чрезвычайно серьезное значеніе. При всѣхъ рейсахъ мы постоянно были вынуждаемы на значительныя перестрѣлки съ текинскою кавалеріей, имѣвшей неизмѣнное, но ни разу неосуществившееся, намѣреніе и отчаянное стремленіе отбить у насъ обозы.

Третья обязанность кавалеріи при осадѣ была: выходить ночью для дежурства на флангахъ траншей и содержать разъѣзды черезъ весь тылъ отъ правой до лѣвой оконечности параллелей. То и дѣло по цѣлымъ ночамъ раздавались разъѣздные сигналы, доказывавшіе, что кавалерія бодрствуетъ.

Съ 23-го декабря на 24-е устроены ходы сообщенія къ первой параллели и батареи ея. Съ 25-го на 26-е была окончена первая параллель и устроены подступы ко второй параллели. Съ 26-го на 27-е устроена вторая параллель. Съ 27-го на 28-е окончательно отдѣлана вторая параллель и батареи въ ней. Съ 28-го на 29-е декабря совершилось нѣчто ужасное. Видя упорное и безостановочное, хотя и постепенное, приближеніе русскихъ войскъ къ южному крѣпостному валу Денгли-тепе и воспользовавшись темными сумерками, благодаря позднему восходу луны, текинцы сдѣлали сильную и самую отчаянную вылазку, рѣшившись изрубить всѣхъ „урусовъ"... Незамѣтно достигли они нашихъ траншей на правомъ флангѣ и у „правофланговой" калы, и тутъ произошла горячая рукопашная схватка..., но, благодаря подоспѣвшимъ нашимъ резервамъ, благодаря выдержаннымъ и мѣткимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ залпамъ, непріятель съ большимъ урономъ былъ отбитъ. Такъ какъ съ нашей стороны все таки былъ упущенъ первый моментъ отпора, то текинцы успѣли похозяйничать въ траншеяхъ... Мы лишились одного горнаго орудія 6-й батареи 21-й артиллерійской бригады; эта пушка была увезена непріятелемъ въ крѣпость, при чемъ было захвачено также и нѣсколько снарядовъ, но замокъ остался въ нашихъ рукахъ, благодаря тому обстоятельству, что расторопная и нерастерявшаяся орудійная прислуга во-время припрятала его въ траншеяхъ. Пѣхотное прикрытіе при горномъ взводѣ почти

все было изрублено и лишь немногіе отступили; артиллерійская же прислуга все-таки продолжала ожесточенно рубиться шашками съ насѣвшими текинцами и вся, до одного, была изрублена, защищая до послѣдней капли крови свои орудія. Знамя апшеронскаго баталіона было захвачено непріятелемъ послѣ того, какъ командиръ батальона, подполковникъ князь Магаловъ, офицеры, знаменщикъ, ассистентъ и почти вся рота были изрублены, защищая великую святыню своего баталіона. Въ этомъ же сраженіи былъ изрубленъ подполковникъ Мамацевъ, командиръ 4-й батареи 20-й артиллерійской бригады, который, въ качествѣ начальника артиллеріи праваго фланга осады, все время находился въ траншеяхъ. Сдѣлавши вылазку на фортификаціонныя наши работы пѣшими силами, поддерживаемыми стрѣляющею черезъ головы кавалеріей, текинцы направили другую часть своей кавалеріи въ тылъ нашего лагеря, на Янги-кала, но тамъ она была лихо встрѣчена ружейными залпами обозныхъ нижнихъ чиновъ нашей конницы, оставшихся при кибиткахъ, а наша кавалерія съ конно-горнымъ взводомъ во время вылазки была выдвинута на правый флангъ траншей. Ночью же, по отраженіи текинцевъ, приступили къ работамъ по устройству ходовъ-сообщеній къ „Великокняжеской" позиціи и къ третьей параллели.

Въ дѣлѣ 28-го декабря части траншей были заняты 4-мъ батальономъ 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго полка, двумя горными орудіями 6-й батареи 21-й артиллерійской бригады и тремя мортирами 1-й батареи 21-й артиллерійской бригады.

Самая сильная атака текинцевъ была направлена на участки второй параллели, гдѣ были мортирная батарея № 5 и редутъ № 2.

Наши потери въ этомъ сраженіи: убито штабъ-офицеровъ два (Мамацевъ, Магаловъ), оберъ-офицеровъ три (подпоручики: Сандецкій, Чикаревъ и Готте), нижнихъ чиновъ 91; ранено: оберъ-офицеровъ 1 (штабсъ-капитанъ Прогульбицкій), нижнихъ чиновъ 30.

Выпущено патроновъ: на пѣхотное ружье—$14^1/_2$, на кавалерійскую винтокву—$^1/_2$. Снарядовъ на орудіе—11.

Кромѣ того былъ убитъ врачъ 4-го батальона Апшеронскаго полка Троицкій.

До 29-го декабря наше расположеніе было значительно растянуто въ глубину, а потому, послѣ вылазки текинцевъ 28-го числа, на слѣдующій день мы перенесли весь нашъ Яломеечный лагерь къ самой первой параллели—траншеѣ. Рѣшено было въ этотъ же день завладѣть Великокняжескою калою, имѣвшею важное значеніе опорнаго пункта для веденія осады и подступовъ. Обстрѣливаніе этого пункта началось около полудня, а къ вечеру, благодаря дѣйствительной стрѣльбѣ трехъ стальныхъ массированныхъ на одной позиціи, у Ольгинской калы, батарей, онъ былъ взятъ штурмомъ. Изъ траншей дѣйствовали орудія 6-й горной батареи и митральезы морской артиллеріи, а съ лѣваго фланга осады развлекала гарнизонъ самаго Денгли-тепе наша осадная артиллерія... Въ ту же ночь устроены полупараллель и ходъ сообщенія съ Великокняжескою калою. 30-го декабря въ ночной темнотѣ до восхода луны въ томъ же порядкѣ, какъ и 28-го числа, но по другому направленію, а именно на лѣвый флангъ осадныхъ работъ и лагерь, непріятель незамѣтно сдѣлалъ вылазку. Въ траншеяхъ ему опять удалось похозяйничать... одно орудіе той же горной батареи опять увезено и артиллеристы этой пушки также всѣ легли костьми на мѣстѣ подъ лихими и молодецкими ударами текинскихъ шашекъ. Бой былъ самый ужасный и кровопролитный... Только благодаря сильнѣйшимъ залпамъ всей артиллеріи и пѣхоты, намъ пришлось доконать фанатизированныя массы текинцевъ, потери которыхъ были громадны. Нашъ уронъ 30-го декабря, также какъ и 28-го числа, былъ значителенъ и все больше отъ холоднаго оружія; трупы нашихъ солдатъ были изуродованы; со всѣхъ убитыхъ текинцы снимали обувь и панталоны, въ которыхъ у нихъ чувствовался большой недостатокъ; врываясь въ нѣкоторыя яломейки, непріятель забиралъ посуду, шкатулки, у нижнихъ чиновъ захватывалъ шинели. Въ ту же ночь съ 29-го на 30-е декабря были окончены, вслѣдъ за отбитіемъ текинцевъ, работы по устройству полупараллели и хода сообщенія изъ второй параллели въ Великокняжескую калу; съ 30-го на 31-е декабря окончено было устройство третьей параллели. Съ 31-го декабря 1880 г. на 1-е января 1881 г. произведено устройство ходовъ сообщенія на великокняжеской позиціи и траншеи вдоль великокняжескаго ручья.

Въ дѣлѣ 29-го декабря—штурмъ великокняжеской позиціи—участвовали: полурота саперъ, морскіе охотники въ распоряженіи полковника Куропаткина. Резервъ, находившійся въ непосредственномъ распоряженіи генер. Скобелева, составляли: двѣ роты 3-го ставропольскаго батальона, три роты самурскаго батальона и закаспійскій мѣстный баталіонъ, 3-я батарея 19-й, 4-я батарея 20-й артиллерійскихъ бригадъ и полубатарея 1-й батареи 21-й бригады, дивизіонъ драгунъ, 1-я полтавская сотня; всего: 9 ротъ, 20 орудій, 3 эскадрона и сотни. Самъ Михаилъ Дмитріевичъ во время этого штурма находился въ редутѣ № 1, перевязочный пунктъ былъ у Ольгинской калы, иниціатива операціи принадлежала полковнику Куропаткину.

Потерю нашъ отрядъ 29-го декабря имѣлъ слѣдующую: убито—оберъ-офицеровъ 1 (поручикъ Нелѣповъ), нижнихъ чиновъ 16; ранены—штабъ-офицеровъ 2 (флигель-адъютантъ подполковникъ князь Голицынъ, подполковникъ Вильде) и оберъ-офицеровъ 5 (штабсъ-капитанъ Бартошъ, поручикъ Гранниковъ, впослѣдствіи умершій отъ ранъ, подпоручикъ Войновъ, прапорщикъ Вагабовъ, хорунжій Ассіеръ), нижнихъ чиновъ—46. Выпущено патроновъ: на пѣхотное ружье—13, на кавалерійскую винтовку—3½. На орудіе—15½ снарядовъ.

Въ бою 30-го декабря наши потери были слѣдующія: убитъ 1 оберъ-офицеръ (поручикъ Яновскій), нижнихъ чиновъ 52; ранено: оберъ-офицеровъ 2 (есаулъ Сибирскаго казачьяго войска Нуджевскій, 84 полка штабсъ-капитанъ Харькевичъ) и 96 нижнихъ чиновъ.

Патроновъ выпущено на пѣхотное ружье—16, на кавалерійскую винтовку—¾; снарядовъ на орудіе—13.

Потери русскихъ войскъ 31-го декабря отъ стрѣльбы гарнизона крѣпости—убитъ 1 нижній чинъ. Ранено: оберъ-офицеръ 1 (инженеръ-капитанъ Яблочковъ, впослѣдствіи умершій отъ ранъ), нижнихъ чиновъ—5. Ранено лошадей—5. Выпущено патроновъ на пѣхотное ружье по 2⅓, на кавалерійскую винтовку по ⅓. Снарядовъ на орудіе—7.

Наученные опытомъ сраженія 30-го декабря, мы утромъ 31-го числа снова сдѣлали перемѣщеніе своего лагеря и передвинули всѣ кибитки къ правому своему флангу, чѣмъ уничтожили

растянутость нашего расположенія по фронту, которое, нужно правду сказать, было значительно ненормально. Прежде мы всегда ставили кибитки на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, по нашей привычкѣ располагаться широко и просторно; теперь же мы разбивали свои яломейки совсѣмъ вплотную другъ къ другу, а потому наше положеніе теперь сдѣлалось вполнѣ сомкнутымъ и имѣло общій контуръ, представлявшійся въ видѣ каре, на каждомъ фасѣ котораго была своя артиллерія; каждый фасъ имѣлъ, такъ сказать, свой фронтъ и могъ самъ за себя постоять, а резервы — быстро явиться на подкрѣпленіе. Передовой фасъ этого каре составляли траншеп; этотъ-то фасъ все ближе и ближе подступалъ къ Денгли-тепе. Остальные три фаса также устроили себѣ траншею съ брустверомъ. Всѣ наши полевыя управленія и учрежденія, какъ-то: парки, склады, штабы, интендантство, казначейство, почта, госпиталь и Красный крестъ — все это было сосредоточено въ центрѣ нашего каре, и такъ какъ мы не могли растягиваться въ глубину, то очевидно, что все это отлично обстрѣливалось непріятелемъ съ крѣпостныхъ верковъ. Въ тылу пули и ядра текинцевъ густо ложились въ теченіе всей осады и всюду находили свои жертвы. Для уменьшенія потерь было сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ кибитки и палатки были окопаны землею, но людямъ все-таки нельзя было оставаться безъ движенія, а вслѣдствіе того продолжались и потери.

Съ 1-го на 2-е января ведена была сапа изъ Охотничьей калы. Съ 2-го на 3-е устроенъ новый ходъ сообщенія изъ „Охотничьей“ калы на „Великокняжескую“, занятъ „Ширванскій“ редутъ, устроена батарея у „Ставропольскаго“ редута. Вообще съ съ 30-го декабря по 4-е января въ траншеяхъ было затишье въ томъ смыслѣ, что непріятель не рисковалъ уже болѣе отчаянно бросаться на наши фортификаціонныя работы, которыя поэтому шли безъ всякихъ замедленій.

4-го января 1881 года текинцы опять сдѣлали вылазку на нашъ лѣвый флангъ осадныхъ работъ, но она имъ совершенно не удалась, потому что мы ее предвидѣли и не упустили перваго момента отпора; хотя мы и понесли потери, но непріятель еще въ самыхъ переднихъ траншеяхъ былъ уже весь перебитъ

ставропольцами и своевременнымъ блестящимъ дѣйствіемъ артиллерійскихъ залповъ.

1-го января: убито нижнихъ чиновъ 4, ранено 12. Лошадей убито 2, ранено 3.

Выпущено патроновъ на пѣхотное ружье—$^{1}/_{2}$, на кавалерійскую винтовку—$1^{1}/_{3}$. Снарядовъ—$^{9}/_{17}$ на орудіе.

2-го января: ранено 10, контужено 2 нижнихъ чина. Лошадей убито 5, ранено 8.

Выпущено патроновъ: пѣхотныхъ 940, по $2^{1}/_{2}$ на ружье; кавалерійскихъ 443, по $^{1}/_{2}$ на винтовку; артиллерійскихъ снарядовъ 103, по $1^{1}/_{2}$ на орудіе.

3-го января—убито нижнихъ чиновъ 2; ранено оберъ-офицеровъ 1 (прапорщикъ Абадзіевъ), нижнихъ чиновъ 14; выпущено пѣхотныхъ патроновъ 24,687 (по 5 на ружье); снарядовъ 203. Потери 4-го января: убито оберъ-офицеровъ 1 (прапорщикъ Ходкевичъ 74-го полка), нижнихъ чиновъ 10; ранено оберъ-офицеровъ три (артиллеріи штабсъ-капитанъ Ростовцевъ, Ставропольскаго полка поручикъ Руновскій, умершій отъ ранъ, и прапорщикъ Лопатинскій), нижнихъ чиновъ 54; контужено 11 нижнихъ чиновъ. Лошадей убито 4, ранено 10. Выпущено пѣхотныхъ патроновъ 65,158, кавалерійскихъ 480. Снарядовъ 625 и 42 ракеты.

Такимъ образомъ боевой опытъ научилъ насъ, что первое требованіе тактики регулярныхъ войскъ въ Средней Азіи должно заключаться въ полной сомкнутости не только въ строю, но и въ лагерѣ, а затѣмъ въ мѣткихъ и хорошо выдержанныхъ залпахъ пѣхоты и артиллеріи. Очень рисковано намъ было драться съ текинцами въ рукопашную. Тяжелая, кривая азіятская шашка въ искусныхъ рукахъ нашего противника оказывается самымъ прекраснымъ рубящимъ оружіемъ и очень трудно штыкомъ парировать удары такой шашки.

Текинцы очень проворны, сильны и ловки, что они доказали на вылазкахъ. Чтобы имъ легче добѣжать до траншей, они были одѣты только въ однѣхъ рубахахъ (подвязанныхъ) и папахѣ; рукава были засучены по локти, чтобы удобнѣе рубиться. Пригнувши туловище, они замѣчательно быстро бѣгали, особенно же, когда ихъ мы выгоняли прикладами изъ транш ей: какъ бомбы вскакивали они въ амбразуры на батареяхъ.

У непріятеля, не считая двухъ отнятыхъ у насъ пушекъ, было орудіе, называемое „четверть-пудовый единорогъ", конструкціи и литья начала нынѣшняго столѣтія; оно было въ старину отнято у персіянъ на одномъ изъ аламановъ. Лафетъ и колеса сдѣланы уже текинцами, ибо старые давно потрескались и разсыпались отъ жаровъ оазиса. У нашего непріятеля было очень много фальконетовъ, т. е. короткихъ и длинныхъ крѣпостныхъ ружей большого калибра, заряжаемыхъ съ дула и съ кремневыми замками. Затѣмъ у текинцевъ было еще много системъ ружей: берданки, отнятыя у отряда генерала Ломакина во время неудачнаго штурма; ружья бельгійской системы и разныя другія. Безоружные выходили въ бой съ деревянными шестами, на концѣ которыхъ привязывались обломанныя ножницы; такимъ образомъ являлось нѣчто въ родѣ пики. Не смотря на ничтожество своей артиллеріи, текинцы, пользуясь нашимъ сомкнутымъ расположеніемъ, отлично пристрѣлялись по насъ и могли попадать почти на выборъ. Жутко пришлось бы намъ, если бы непріятельскіе снаряды были разрывные. У противника были только одни сплошныя ядра, которыя однако скоро кончились; тогда текинцы поступили слѣдующимъ образомъ. Въ числѣ снарядовъ, которыми стрѣляли наши 4-хъ фунтовыя мѣдныя пушки, были между прочимъ и шарохи, масса которыхъ разорвалась внутри крѣпости Денгли-тепе, а шаровыя головныя части, конечно, остались совершенно цѣлыми. Вотъ эти-то шары, съ очками для ударныхъ и дистанціонныхъ трубокъ, были подбираемы текинцами, которые заряжали ними свой единорогъ и выстрѣливали въ нашъ лагерь, т. е. посылали намъ наше добро обратно. Сильный и громкій свистъ раздавался въ воздухѣ во время полета этихъ сферъ, благодаря очку. Въ своемъ каре мы находили множество такихъ головныхъ частей нашихъ шарохъ. Кромѣ того, текинцы неоднократно пускали въ ходъ, захваченные во время вылазокъ, наши 3-хъ фунтовые снаряды, заряжая ими свое орудіе. Къ нашему счастью съ ними непріятель не умѣлъ обращаться, а потому, прилетѣвши къ намъ, наши гранаты и шрапнели не разрывались, что возбуждало смѣхъ и остроты артиллерійскихъ солдатъ: „ишь, узнаетъ нашихъ, не рвется, знать Тика не понялъ въ ней толку".

Приведу одинъ изъ многихъ примѣровъ храбрости и ожесточенія текинцевъ. Всѣ поврежденія, которыя наши снаряды про-

изводили въ непріятельской стѣнѣ, были непремѣнно исправляемы нашими врагами, въ первое время, преимущественно ночью; со временемъ же, когда противникъ былъ уже, такъ сказать, хорошо обстрѣлянъ нами и свыкся съ мѣткими разрывами нашихъ снарядовъ, тогда текинцы сдѣлались до того смѣлыми, что на виду всей нашей артиллеріи и отряда хладнокровно тотчасъ днемъ засыпали лопатами тѣ выбоины въ стѣнѣ, которыя причинила группа только что разорвавшихся гранатъ. Не разъ можно было видѣть, какъ мѣткій снарядъ, попадая въ такихъ фанатиковъ, отбрасывалъ сажень на пять вверхъ туловища и далеко въ сторону ноги.

Вообще текинцы заявили себя вполнѣ способными военными людьми, какъ въ смыслѣ мужества, характера и рѣшимости, такъ и въ отношеніи сообразительности, вполнѣ обстоятельной. Эта послѣдняя черта ясно обнаружилась бы передъ читателями, если бы я сдѣлалъ подробный анализъ и строгій военно-критическій разборъ всѣхъ операцій русскаго отряда.

Съ 4-го на 6-е января 1881 г. мы занимались веденіемъ тихихъ сапъ съ плотины и изъ „Ширванскаго“ редута и была построена овальная траншея; все это было выполнено тотчасъ за отбитіемъ вылазки текинцевъ. 5-го января непріятель сдѣлалъ совершенно неудачную вылазку на „великокняжескія“ позиціи. Съ 5-го на 6-е января устроенъ редутъ № 3 и ведены перекидныя сапы изъ овальной траншеи. 6-го числа начались минныя работы, а съ 6-го на 7-е продолжали минныя и саперныя работы, при чемъ устроили брешь-батарею на четыре орудія. Съ 7-го на 8-е января устроенъ „Саперный“ редутъ и увеличена брешь-батарея еще на четыре орудія. 8-го января пробита брешь съ брешь-батареи. Съ 8-го на 9-е число ведена перекидная сапа изъ „Сапернаго“ редута и увеличена брешь-батарея еще на четыре орудія. 9-го января мы совершенно окончили надземныя осадныя работы, а 11-го числа—минныя и зарядили камеры; съ 11-го же на 12-е забивали минныя камеры.

Убыль 5-го января: убито нижнихъ чиновъ—4; ранено: оберъ-офицеровъ—1 (подпоручикъ артиллеріи Херхеулидзе, впослѣдствіи умершій отъ ранъ), нижнихъ чиновъ—17 и контуженъ 1. Лошадей убито—2, ранено—6. Выпущено патроновъ: пѣхотныхъ—51,203, кавалерійскихъ—400. Снарядовъ—175, ракетъ—76.

6 го января: убито нижнихъ чиновъ—1; ранено: оберъ-офицеровъ—1 (Ширванскаго полка поручикъ Зродловскій), нижнихъ чиновъ—4, контужено 3 нижнихъ чина. Лошадей убито—4, ранено—3. Выпущено патроновъ: пѣхотныхъ—11,686, кавалерійскихъ—100, снарядовъ—147 и 15 ракетъ.

7-го января: убито нижнихъ чиновъ—3, ранено—4, контуженъ 1. Лошадей убито—13, ранено—8. Выпущено патроновъ: пѣхотныхъ—14,971, снарядовъ—212 и 48 ракетъ.

8-го января: убитъ нижній чинъ—1, ранено—7 и контуженъ—1. Лошадей убито—9, ранено—3. Выпущено патроновъ: пѣхотныхъ—22,372, снарядовъ—538, ракетъ—46.

9-го января: убитъ нижній чинъ—1; ранено: оберъ-офицеровъ—1 (лейтенантъ Шеманъ), нижнихъ чиновъ — 13; контуженъ 1 н. ч. Лошадей убито—5, ранено—7. Выпущено патроновъ: пѣхотныхъ—15,429, снарядовъ—224, ракетъ—50.

10-го января: убито нижнихъ чиновъ—2, ранено—11. Лошадей убито—9, ранено—4. Выпущено патроновъ—71,116, снарядовъ—362 и 29 ракетъ.

11-го января: убитъ 1 нижній чинъ, ранено—3. Выпущено патроновъ: пѣхотныхъ—13,979, снарядовъ—114.

Составъ артиллеріи закаспійскаго отряда: 3-я и 4-я батареи 19-й артиллерійской бригады, 4-я батарея 20-й артиллерійской бригады, 1-я и 6-я батареи 21-й артиллерійской ея высочества бригады, итого пять батарей. Всѣ батареи восьми-орудійнаго состава, за исключеніемъ 1-й батареи 21-й бригады, которая имѣла четыре батарейныя пушки и шесть мортиръ; эти послѣднія составляли въ сущности особую, такъ называемую, мортирную полубатарею ($^1/_2$ пуд. морт.). Кромѣ того, въ самомъ Закаспійскомъ краѣ были сформированы, по плану генерала Скобелева, слѣдующія артиллерійскія части: 1) конно-горный взводъ, единственный представитель конной артиллеріи въ отрядѣ; 2) № 1 подвижная батарея—8 орудій 4 фунт.; 3) № 2 подвижная батарея—8 орудій 9 фунт.; 4) № 3 подвижная батарея—8 орудій 4 фунт.; 5) ракетная батарея—16 боевыхъ станковъ; 6) морская батарея—6 картечницъ. Сверхъ того были доставлены подъ Геокъ-тепе еще 10 гладкихъ полупудовыхъ мортиръ, а на различные пункты военныхъ дорогъ: 8 орудій 4 фунт., 8 картеч-

ницъ и 2 горныхъ пушки. Въ Красноводскѣ находилось на вооруженіи 4 пушки 4 фунт. нарѣзныхъ, заряжаемыхъ съ дула, въ Александровскомъ фортѣ 4 гаубицы.

Туркестанскій отрядъ полковника Куропаткина привелъ съ собою двѣ горныхъ пушки.

Всего въ Закаспійскомъ краѣ было до 100 орудій [1]) разныхъ родовъ и калибровъ.

---

[1]) Почти вся матерьяльная часть нештатныхъ нашихъ закаспійскихъ батарей была доставлена изъ бакинскаго отдѣла тифлисскаго окружнаго артиллерійскаго склада въ Бами, и тутъ эти батареи мобилизовались и обучались.

Отъ Чикишляра до Бами перевозка орудій производилась на лошадяхъ штатныхъ батарей, именно: 6-й батареи 21-й бригады и 4-й батареи 20-й бригады, которыя раньше другихъ находились уже въ Закаспійскомъ краѣ. Зарядные ящики перевозились на верблюдахъ, которыхъ мы запрягали по тройкѣ при помощи простыхъ войлочныхъ и веревочныхъ шорокъ. Этого рода приспособленіе верблюдовъ къ артиллерійской запряжкѣ оказалось достаточно удобнымъ; мы даже и орудія съ передками перевозили на четверкѣ верблюдовъ, запряженныхъ попарно съ выносомъ при помощи такихъ же шорокъ.

Движеніе подобнаго транспорта отличалось медленностью, обусловливаемою характеромъ верблюдовъ. Въ глубокихъ пескахъ, окружающихъ Чикишляръ, перевозка была затруднительна, но на ровной поверхности Атрекской военной дороги верблюды съ полевыми зарядными ящиками и орудіями двигались превосходно, хотя и не быстро, но за то вѣрно, безъ остановокъ. Для побужденія верблюдовъ необходимы были большіе кнуты, которыми погоняли ихъ солдаты, шедшіе сзади, а передніе нижніе чины вели верблюдовъ за веревочки, служившія поводьями и продѣтыя въ ноздри этихъ животныхъ. При этомъ въ сторонѣ всегда имѣлись запасные верблюды.

Ш.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГУБЕРТЪ ЛАНГЭ [1]).

Мнѣніе о Россіи въ 1558 г.

Много интереснаго представляютъ письма лицъ, принимавшихъ участіе въ различныхъ проявленіяхъ государственной жизни. Иногда интересъ этотъ частный, касающійся самихъ личностей, иногда же интересъ этотъ бываетъ обширнѣе, распространяется на извѣстныя событія, освѣщаетъ историческую эпоху.

Для меня все касающееся Россіи представляло всегда особенную важность, а потому при собираніи своей коллекціи автографовъ я главнымъ образомъ искалъ интереснаго содержанія, связаннаго съ воспоминаніями о родинѣ. Нѣкоторые болѣе выдающіеся документы рѣшаюсь передать на столбцы „Русской Старины". И. К.

Съ нѣкоторыхъ поръ наши историческіе изслѣдователи бросили почти изученіе болѣе отдаленныхъ временъ и съ особеннымъ рвеніемъ занялись изученіемъ вѣка XVIII и въ особенности второй его половины. Но исчерпаны ли уже всѣ источники о временахъ прежнихъ, или они не представляютъ никакого интереса. Отрицательный отвѣтъ необходимо долженъ послѣдовать. Много есть еще неразработаннаго матеріала и писаннаго, и печатаннаго какъ у насъ, такъ и заграницей. Задача гр. М. Корфа, столь ревностно собиравшаго для императорской публичной библіотеки отдѣлъ Russica, т. е. изданій о Россіи на иностранныхъ языкахъ,—далеко еще не окончена. Постоянно у всѣхъ любителей этого рода книгъ попадаются не только изданія, но даже сочиненія, въ которыхъ упоминается о Россіи и которыхъ нѣтъ въ „Catalogue de la section des Russica". Конечно, подобные пропуски легко могли вкрасться въ сочиненіе столь сложное и обширное, но теперь я хочу указать на лицо, довольно часто писавшее о Россіи и которое совершенно пропущено не только составителями названнаго сочиненія, но, кажется, и всѣми русскими историками.

Въ 1518 году въ незначительномъ городкѣ Бургундіи—Витто (Vitteaux) родился Губертъ Лангэ (Hubert Languet). Происходилъ онъ отъ древняго дворянскаго рода и первоначальное образованіе получилъ во Франціи у Ивана

---

[1]) Мнѣніе Лангэ напечатано въ „Русской Старинѣ" изд. 1885 г. кн. 4, апрѣль, стр. 185, въ краткой замѣткѣ г. Н. Любовича. Здѣсь мы приводимъ его въ связи съ нѣкоторыми подробностями о самомъ Лангэ и о его трудахъ. Ред.

Перелль и университетѣ въ Пуатье, а затѣмъ достигъ степени доктора правъ въ падуанскомъ университетѣ въ 1548—1549 гг. Въ это время вниманіе его было привлечено тогдашними религіозными спорами и, прочитавъ Loci communes Меланхтона, онъ въ 1549 г. переселился въ Виттенбергъ, гдѣ и сдѣлался ревностнымъ приверженцемъ реформаторовъ. Жизнеописаніе выдающейся личности Лангэ [1]), пріобрѣвшаго громадную извѣстность въ тогдашнемъ мірѣ своею ученостью и либеральнымъ образомъ мыслей, не смотря на весь интересъ, который оно можетъ представлять, было бы слишкомъ длинно для настоящей статьи; скажемъ только, что любознательность заставила Лангэ предпринять самыя отдаленныя путешествія и отъ Орана въ Марокко [2]), Испаніи и Италіи—на югѣ, Лондона, Стокгольма, Лапландіи и Ливоніи—на сѣверѣ [3]); онъ изъѣздилъ всю Европу [4]), знакомясь съ учеными и пріобрѣтая вездѣ уваженіе и друзей. Приэтомъ дважды посѣщаетъ Швецію—въ 1551 году и въ 1557—1558 годахъ и, возвращаясь изъ этого послѣдняго путешествія, странствуетъ возлѣ сѣверныхъ окраинъ нашего отечества. Съ 1561 года онъ занимаетъ болѣе усидчивое мѣсто и дѣлается довѣреннымъ дипломатическимъ агентомъ и посланникомъ въ разныхъ мѣстахъ курфирста саксонскаго Августа, на службѣ у котораго и остается до іюня 1577 года, послѣ чего разстроенныя его силы день ото дня слабѣютъ и 30 сентября 1581 г. онъ умираетъ въ Антверпенѣ. Въ заключеніе приведемъ его характеристику, высказанную въ немногихъ словахъ Камераріемъ (отцомъ) въ жизнеописаніи Меланхтона.

„Я никого не видалъ, кто бы выражался съ такою увѣренностью и такъ пріятно, какъ Г. Лангэ; онъ не ошибался ни въ именахъ, ни въ числахъ; никогда не смѣшивалъ однихъ событій съ другими; былъ замѣчательной смѣтливости для опредѣленія характера людей, ихъ ума и даже скрытыхъ наклонностей; онъ судилъ съ необыкновенной ловкостью о всемъ и съ чудесной тон-

---

[1]) Лицамъ, которыя бы интересовались біографіей Губ. Лангэ, можно указать слѣдующія сочиненія: Huberti Langueti vita edit Ioh. Ludovicus. Hallae 1700.—Hubert Languet. Etude sur le XVI siècle par H. Chevreuil. Paris. 1 éditéd. 1852, 2. 1856.—Hubert Languet von Ign. Blasel, Oppeln, 1872.—Hubert Languet, als kursächsischer Berichterstatler und Gesandter in Frankreich wärend der Jahre 1560—1572. Von Oscar Scholz. Halle, 1875.—Hub. Languet's Vindicio contra tyrannos von Rich. Treitzschke, Leipzig, 1846,—кромѣ болѣе короткихъ свѣдѣній, разбросанныхъ въ различныхъ біографическихъ словаряхъ и сочиненіяхъ.

[2]) Arcana saeculi decimi sexti. Hub. Langueti epistolae secretae... primus e museo edit I. Ludovicus. Hallae 1699, lib. II, pag. 118. Obsident jam urbem Mauritaniae Oran.... in qua urbe ego fui.

[3]) Hub. Languet par H. Chevreuil. Paris, 1852, p. 28.—De Stokholm il se dirigea sur la Finlande, la Carelie, l'Ingrie, la Livonie, qu'il explora dans tous les sens, et la Laponie.

[4]) Huberti Langueti epistolae politicae et historicae ad Philip. Sydnaeum Luqd. Batav. ex officina Elzeviriorum. 1646. Ep. VI, pg. 21. И. К.

костью предвидѣлъ различныя событія, которыя могли произойти. Наконецъ, Меланхтонъ зачастую повторялъ, что онъ обладалъ любовію правды, справедливости, мудрости, однимъ словомъ всѣми качествами, которыми себѣ заслуживаютъ честь, дѣлаясь вмѣстѣ съ тѣмъ полезными другимъ [1])".

Губ. Лангэ оставилъ по себѣ слѣдующія сочиненія: 1) „Vindiciae contra tyrannos sive de principis in populum, populique in principem legitima potestate, Stephano Junio Bruto Celto auctore", изданное въ первый разъ въ Базелѣ въ 1581 году (хотя и значится на заглавіи, что оно напечатано въ Эдинбургѣ 1579 г., въ томъ же году переведенное на французскій языкъ и изданное Франц. Этьеномъ подъ заглавіемъ: „De la puissence légitime du prince sur le peuple et du peuple sur le prince... escrit en latin par Etienne Junius Brutus et nouvellement traduit en français MDLXXXI.

2) Historica descriptio susceptae a Caesarea Majestate executionis Augusto Saxoniae Septemviro duce contra S. Romani Imperii rebelles eorumque receptatorum et captae urbis Gothae. 1568.

3) Harangue du roi Charles IX de la part des princes protestants d'Allemagne le 23 Dec. 1570.

4) Epistola de electione Polonica 1573.

5) Apologie ou défence de Guillaume prince d'Orange, contre le ban ou édit du roi d'Espagne. Anvers, ou Delpt. 1581 [2]).

Несомнѣнно, его сочиненіе Vindiciae contra tyrannos заслуживаетъ самаго большого вниманія. Началъ писать его Лангэ подъ впечатлѣніемъ ужасовъ, пережитыхъ имъ во время Варфоломеевской ночи въ Парижѣ, отъ которой онъ спасся только благодаря случаю. Сочиненіе это, исходящее отъ человѣка честнаго и пропитаннаго самой большою религіозностью, тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ самыя революціонныя тенденціи, но съ оттѣнкомъ скорѣе аристократическаго характера. Раздѣлено оно на четыре вопроса, на которые онъ отвѣчаетъ и свои отвѣты развиваетъ въ подробности. Вотъ они: 1) Должны ли подданные повиноваться своимъ властителямъ, когда сіи послѣдніе приказываютъ что либо противное закону Божьему? 2) Можно ли сопротивляться властителю, который желаетъ нарушить законъ Божій или разстроить церковь? Также кому, какъ и до какой степени это возможно? 3) Возможно ли сопротивляться властителю, который угнетаетъ или раззоряетъ государство и до какой степени сопротивленіе это можетъ простираться? Также кому, какъ и на основаніи какого права это дозволяется? Могутъ ли или должны сосѣдніе властители помогать подданнымъ другихъ властителей, преслѣдуемыхъ за вѣру

[1]) Vita Melanchtonis, p. 333, 334 изд. 1655 г.

[2]) №№ 1, 2, 3 и 5 дошли до насъ въ разныхъ изданіяхъ, а № 4 извѣстенъ только по Epistolae ad Sydnaeum, ep. VIII, pg. 32. И. К.

или угнетенныхъ очевидною тираніею. Сочиненіе это произвело такой же переполохъ, какъ и Franco-Galliа Готомана, и вездѣ уничтожалось по распоряженію правительствъ, а въ Германіи было сожжено рукою палача.

Насъ однако болѣе всего должна интересовать многочисленная переписка Лангэ. Его письма изданы были еще въ XVII столѣтіи: 1) Huberti Langueti epistolae politicae et historicae ad Philippum Sydnaeum. Francfort. 1630. (Лучшее изданіе Luqd. Batav. Elzevir. 1646). 2) Viri cl. Huberti Langueti Burgundi ad Jochimum Camerarium patrem et Joch. Camerarium filium scriptae Groningo, 1646. 3) Arcana saeculi decimi sexti Huberti Langueti legati dum viveret et consiliarii Saxonici Epistolae secretae ad principem suum Augustum, Sax. ducem. Primus e museo edit Jo. Petr. Ludovicus. Hallae, 1699. Кромѣ всѣхъ этихъ писемъ по всей Европѣ разбросаны его многочисленныя посланія, изъ которыхъ нѣкоторыя касаются нашей исторіи средины XVI столѣтія. Позволяю себѣ указать на эту переписку любителямъ новыхъ историческихъ источниковъ, а что въ письмахъ г. Лангэ содержится много интереснаго, то стоитъ только взглянуть на Arcana saeculi XVI, гдѣ болѣе чѣмъ въ 30 письмахъ онъ сообщаетъ о событіяхъ происходившихъ въ Польшѣ и Россіи, въ особенности интересуясь послѣднею. Еще говоритъ онъ о Россіи въ двадцати письмахъ къ Сиднею, но вся эта изданная переписка не относится именно къ тому времени, когда Г. Лангэ былъ возлѣ Россіи въ Швеціи, Финляндіи, Ливоніи [1]). Намъ совершенн. неизвѣстна его переписка съ Меланхтономъ, Пейцеромъ, Дюплесси-Морнэ и др., которымъ онъ навѣрно сообщалъ разныя свѣдѣнія о своихъ путешествіяхъ, и розыскать эти свѣдѣнія, навѣрно изобилующія подробностями о Россіи, было бы чрезвычайно важно. Что еще много можно открыть интереснаго въ его перепискѣ, могутъ служить доказательствомъ помѣщаемыя мною: 1) выдержка изъ письма къ Кальвину отъ 26 авг. 1558 г. и 2) письмо (кажется къ Камерарію сыну) изъ Праги отъ 1 марта 1577 г. Первое было отыскано г. Герменжаромъ изъ Лозанны и сообщено мнѣ. Хранится оно въ библ. св. Женевьевы въ Парижѣ (Bibl. St. Génévièvе); второе — находится въ моей коллекціи.

II.

Между тѣмъ саксонскіе города не столько хлопочутъ о своихъ домашнихъ спорахъ теологовъ, но больше о войнахъ внѣшнихъ. Потому что князь московскій вторгнулся въ Ливонію (съ которой до сихъ поръ были самые крупные обороты саксонцевъ), которую почти всю обезлюдилъ, и взялъ города Нарву и Дерптъ. Говорятъ даже, что онъ недавно занялъ Ревель, значительный приморскій городъ, гавань котораго самая удобная и безопасная для всѣхъ плывущихъ по

[1]) Письма эти въ переводѣ будутъ вскорѣ мною изданы. И. К.

Балтійскому морю. Любекъ приготовляетъ на средства саксонскихъ городовъ флотъ для доставленія подкрѣпленій ливонцамъ; но сколько оставляется добычи москвитянину, имѣющему въ своемъ войскѣ до восьмидесяти или ста тысячъ всадниковъ! Король польскій остается безучастнымъ зрителемъ всѣхъ этихъ несчастій, а его же владѣнія опустошитъ москвитянинъ, если займетъ Ливонію, которая граничитъ съ Литвою, Пруссіею и Самогитіею. Неправдоподобно тоже, чтобы князь московскій успокоился, такъ какъ ему едва двадцать восемь лѣтъ, почти съ отрочества воюющій и характера самаго свирѣпаго; воинственность его еще увеличилась вслѣдствіе многихъ счастливыхъ битвъ съ татарами, на которыхъ, говорятъ, ихъ легло триста или четыреста тысячъ. Онъ даже имѣетъ трехъ плѣнныхъ царей, которыхъ всегда съ собою водитъ и у которыхъ онъ отнялъ царство Казанское, находящееся на рѣкѣ Волгѣ къ морю Каспійскому. Въ послѣдніе годы досталось сильно и королю шведскому, который, наконецъ, деньгами достигъ мира. Если въ Европѣ чье либо могущество должно возвеличиться, то это будетъ—Москвы. Города, которыми Онъ завладѣлъ въ Ливоніи—послѣднія колоніи германскія къ сѣверу и востоку. Нарва отстоитъ отсюда по меньшей мѣрѣ на четыреста нѣмецкихъ миль. Такова была длина Германіи отъ начала до конца сѣверныхъ странъ. Тутъ Геродотъ предполагаетъ мѣсто жительства невріевъ, о которыхъ онъ разсказываетъ, что въ извѣстное время года они превращаются въ волковъ, что и до сихъ поръ очень обыкновенно въ этихъ странахъ, да и имя Нарва или Нарвія, какъ нѣкоторые говорятъ, не разнится съ древнимъ именемъ. Наконецъ, мнѣ передавали, что у москвитянъ имя невріевъ существуетъ безъ измѣненій у болотъ, изъ которыхъ вытекаютъ Борисѳенъ, Волга, иначе называемая Ра, и Дюна и недалеко отстоящихъ отъ Ливоніи.

Все это объ этихъ варварскихъ народахъ пишу подробно, потому что предполагаю, что едва ли до васъ достигла вѣсть о дѣяніяхъ москвитянъ. При этомъ прошу благосклонно принять эти пустяки. Да хранитъ Богъ тебя и твоихъ.

Губертъ Лангэ.

Витембергъ, VII календы.
Сентябр. [1]) 1558.

---

[1]) 26-го августа.

III.

О спорѣ между Кратономъ и Додономъ, я увѣренъ, что ты уже слыхалъ. Обоимъ воспрещено что либо послѣ этого писать. Кратонъ опечаленъ этимъ стѣсненіемъ, такъ какъ уже теперь находится въ праздности и за достовѣрное мнѣ передаютъ, что онъ на родинѣ многимъ дѣлаетъ непріятности. Нѣсколько дней тому назадъ мнѣ говорили, что Іорданъ сильно заболѣлъ и съ тѣхъ поръ ничего не могъ узнать о немъ, хотя разспрашивалъ старательно нѣкоторыхъ. Это меня очень печалитъ, такъ какъ отъ души его люблю и убѣдился въ его расположеніи ко мнѣ съ самой ранней его молодости. Клузій уѣхалъ отъ насъ дня 4 или 5 тому назадъ. Скверное расположеніе духа стараго квестора здѣсь его нѣсколько задержало, чему я былъ очень радъ. Баторій до сихъ поръ остается подъ Данцигомъ и собралъ далеко значительнѣйшія силы, чѣмъ прежде, для осады несчастнаго города. Сенатъ и значительнѣйшіе граждане сильно желаютъ мира, но народъ, возбужденный какими-то неспокойными людьми, предпочитаетъ войну, которая ведется не только съ лишеніями для Данцига, но даже и для поляковъ; потому что, пока они заняты осадой, москвитянинъ свободно рыскаетъ по Ливоніи, которую, говорятъ, на извѣстныхъ условіяхъ хочетъ себѣ всю подчинить. Поляки волнуются и спорятъ съ нами, потому что увѣрены, что происками этого [1]) двора достигли, что Данцигъ не принялъ условій мира, предложенныхъ имъ Баторіемъ. Нѣкоторые изъ силезцевъ, живущихъ на границахъ Польши, переходятъ въ мѣста болѣе безопасныя, но должно быть ихъ переполохъ будетъ напрасенъ. Засѣданія богемскаго совѣта уже кончены; на нихъ ничто не постановлено ни относительно религіи, ни возстановленія школъ, но только о сборѣ денегъ, которыя и составляютъ единственную цѣль, къ которой ведутъ всѣ свои дѣйствія властители. Будь здоровъ и кланяйся друзьямъ. Прага, календы марта 1577 г. [2]). Прошу при случаѣ переслать письма, адресованныя къ Урсину.

Знаменитому господину доктору... врачу и философу, славному моему господину и любезнѣйшему другу

въ Нюрембергѣ.

Примѣчаніе: Письма эти показываютъ ясно, насколько Лангэ интересовался Россіей и какъ значительны были свѣдѣнія, собранныя имъ о нашемъ отечествѣ. Только ознакомившись хорошо съ положеніемъ дѣлъ и обладая „чудесною тонкостію для предвидѣнія различныхъ событій, какъ говоритъ Камерарій, можно было въ 1558 году пророчествовать о будущемъ могуществѣ Россіи. И. К.

---

[1]) Саксонскаго.

[2]) 1-го марта 1577 г.

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА ВЪ РЕВЕЛѢ

въ 1746 г. [1]).

Въ 1746 г., въ самую лучшую пору года, въ началѣ мѣсяца іюля, императрица Елизавета Петровна, въ сопровожденіи великаго князя, его супруги и нѣсколькихъ придворныхъ, предприняла поѣздку въ Ревель, чтобы пожить въ Екатеринентальскомъ дворцѣ въ тѣхъ покояхъ, гдѣ ея родители вели идиллическую жизнь и гдѣ она сама провела первые дни своей жизни. Память о ея великомъ родителѣ была еще столь жива въ ея душѣ, что она почти никогда не могла говорить и слышать разсказы о немъ безъ слезъ и тотъ, кто былъ въ состояніи сообщить ей что-либо о Петрѣ Великомъ, снискивалъ легко ея благорасположеніе. Какъ правительница, она охотно пошла бы по слѣдамъ великаго государя, но какъ женщина она часто должна была, противъ своей воли, плыть по теченію. Елизавета была государыней, достойною обожанія и любви, достойною править умными и добродѣтельными людьми, но только такими, которые заслуживали награжденія, а не наказанія.

Во время ея путешествія по Эстляндіи, представился мнѣ впервые случай узрѣть прекрасное лицо коронованной дщери Великаго Петра и познакомиться съ нею. Мѣстное дворянство на почтовыхъ станціяхъ сдѣлало для пріема ея большія приготовленія, ибо императрица ѣхала очень медленно и при всѣхъ остановкахъ либо обѣдала, либо почивала. Я поѣхалъ верхомъ на станцію Педрусъ, на которой былъ приготовленъ обѣдъ. Здѣсь, еще до прибытія высокихъ гостей, находились уже множество экипажей и свита; царскіе повара и хлѣбопеки прилежно работали, а вокругъ собравшаяся толпа народа походила почти на лагерь. Двое такъ называемыхъ почтовыхъ кавалеровъ [2]) заботились о лошадяхъ и провизіи, и доставили, согласно росписанію, 80 лошадей, 10 бочекъ пива, 2 бочки водки, муку, яйца, цыплятъ, быковъ, барановъ, масло и проч.

Около 12-ти часовъ ея величество прибыла на станцію. Ея милостивое, ласковое обращеніе пріобрѣло ей любовь и благоговѣніе всѣхъ присутствующихъ. Никакая стража и вообще никто не удерживалъ любопытныхъ приблизиться къ станціи и все осматривать. Ея величество приказала не препятствовать никому изъ желающихъ ее видѣть. При выходѣ изъ кареты императрицу встрѣтилъ обергофмаршалъ Шапелловъ (Шуваловъ?); при этомъ государыня

---

[1]) Изъ statistische, politische und galante Anekdoten von Schweden, Lief-und Russland. Von Jetze Liegniz. 1788.

[2]) Почтовые кавалеры изъ мѣстныхъ дворянъ существуютъ и понынѣ въ Эстляндіи и Лифляндіи, въ качествѣ инспекторовъ земской почтовой гоньбы.

Прим. пер.

оступилась, но тотчасъ оправилась и быстро направилась къ станціонному дому, у дверей котораго она встрѣтила православнаго священника и поцѣловала ему руку, которою онъ потомъ осѣнилъ ея грудь и благословилъ ее; великій князь и его супруга послѣдовали примѣру ея величества. Государыня вошла затѣмъ въ комнаты, но вскорѣ вышла и стала прохаживаться по лугу около станціи, подъ руку съ графомъ Разумовскимъ. Я находился въ 10-ти шагахъ отъ нея. Легкій вѣтерокъ поддувалъ ея единственную черную шелковую исподницу, подъ которой видна была тонкая бѣлая сорочка.

— Не безпокойся, сказала она Разумовскому, и усѣлась съ нимъ на верху холма, окруженная зрителями.

Остальной нарядъ ея состоялъ изъ бѣлаго салопа съ рукавами. Голова была прекрасно убрана, все по послѣдней модѣ. Великая княгиня не показывалась; супругъ же ея, мужчина средняго роста, съ продолговатымъ, рябымъ, но веселымъ лицомъ, нисколько не скрывался и затѣялъ съ камеръ-юнкеромъ императрицы, барономъ Сиверсомъ, какую-то игру рублями, бросаемыми на извѣстномъ разстояніи, и еще съ какимъ-то человѣкомъ, о которомъ мнѣ сказали, что онъ тайный врагъ великаго князя. Сиверсъ, дѣлая видъ, будто прицѣливается, бросалъ рубли далѣе цѣли, великій князь дѣлалъ то же, и третій игрокъ три раза къ ряду подбиралъ денежки. Послѣднему очень хотѣлось продолжать игру, тѣмъ болѣе, что по правиламъ игры слѣдовало ему начинать, но великій князь сказалъ ему по русски: „довольно,—я тебѣ уже далъ три рубля на угощеніе“, и отошелъ въ задумчивости въ сторону. Когда онъ вернулся назадъ, ея величество приказала каждому приглашенному къ столу гостю подать, согласно русскому обычаю, по чаркѣ вина; затѣмъ всѣ отправились къ обѣденному столу. Во время обѣда я осматривалъ багажъ и увидѣлъ въ каретѣ императрицы книгу. Вѣжливость кучера доставила мнѣ возможность удовлетворить мое любопытство; взявъ книгу въ руки, я прочелъ ея заглавіе: Les illustres français; она напечатана въ Утрехтѣ въ 1739 г. и снабжена хорошими картинками. Послѣ обѣда и краткаго отдыха высокіе гости поѣхали далѣе, до станціи Лопъ, въ помѣстьѣ графа Тизенгаузена, который тутъ привѣтствовалъ императрицу и имѣлъ счастіе поцѣловать ей руку и обѣдать за кавалерскимъ столомъ.

Вдову графиню Стенбокъ императрица приняла очень любезно, поцѣловала ее и пригласила къ столу, обѣщавъ посѣтить ее въ близь лежащемъ помѣстьѣ ея. Наконецъ, государыня изволила въ четвергъ, въ ясную погоду, прибыть въ Ревель. «Черноголовые»—общество молодыхъ купцовъ и прикащиковъ—на коняхъ, въ синихъ мундирахъ, палевыхъ жилетахъ, въ шляпахъ съ черными перьями, встрѣтили государыню; отсалютовавъ ей, они провожали ее до Екатериненталя и отправились потомъ обратно въ городъ, откуда прибыли для встрѣчи высокой гостьи магистратъ и обѣ гильдіи [1]. Когда на слѣдующій день мѣстное дворянство имѣло честь представиться императрицѣ, ландратъ фонъ-Штакельбергъ изъ Мексгофа обратился къ ея величеству, а затѣмъ къ

[1]) Подъ этимъ словомъ разумѣются не купеческія гильдіи, а средневѣковыя нѣмецкія корпораціи, называемыя въ Ревелѣ: Большая гильдія и гильдія св. Канута. Прим. пер.

великому князю и его супругѣ, съ краткими, но прекрасно сочиненными рѣчами. Этому ученому и умному, видавшему свѣтъ, господину, вмѣстѣ съ его супругою, которую государыня обняла и облобызала, были оказаны особыя почести. При этомъ случаѣ бывшій губернскій совѣтникъ фонъ-Бреверпъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а живущій въ своемъ помѣстьѣ камергеръ фонъ-Цеге получилъ приглашеніе являться ко двору.

13-го іюля императрица поѣхала верхомъ, въ амазонскомъ костюмѣ, въ сопровожденіи великаго князя и княгини, въ городъ, при пальбѣ изъ пушекъ съ валовъ. Потѣшаясь любопытствомъ публики, она ѣхала то впереди, то посреди, то позади своей свиты. Дворъ представлялъ блестящее зрѣлище; эстляндское многочисленное дворянство въ особенности отличалось роскошью. Было обращено вниманіе на тѣхъ дворянъ, которые не явились, либо выбыли изъ города; но не трудно было догадаться, что то были лица, которыя не могли, не дѣлая долговъ, подчиниться условіямъ, требуемымъ пышностью. Тѣ дворянскія дамы, которыя полагали, что имѣютъ право явиться ко двору, не преминули воспользоваться этимъ правомъ; но горожанки какъ будто оспаривали у нихъ это преимущество, ибо по особенному приглашенію государыни являлись онѣ довольно часто ко двору и удостоивались особенной милости.

Правда, иной дворянинъ подвергался непредвидѣннымъ обременительнымъ расходамъ, но благоразуміе повелѣвало примѣняться ко времени. Императрицѣ очень понравились окрестности Ревеля и она заявила, что у отца ея былъ хорошій вкусъ, такъ какъ онъ также отзывался съ великою похвалою о Ревелѣ и Екатериненталѣ.

Рижскій магистратъ и тамошнее дворянство приготовлялись также къ пріему этой милостивой матери отечества, и мѣстные ландраты справлялись о намѣреніяхъ государыни у здѣшняго губернскаго предводителя дворянства фонъ-Нирота. Но на его вопросъ о томъ великій канцлеръ Бестужевъ отвѣтилъ: „рѣшенія императрицы извѣстны лишь ей одной“.

17-го іюля прибыла флотилія, состоявшая изъ 32-хъ военныхъ судовъ, и послѣдовала, сопровождаемая салютами, изъ Ревеля въ Рогервикъ (Балтійскій портъ), куда 18-го іюля отправилась и государыня со свитою, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ дворянъ. Но маневры по недостатку попутнаго вѣтра не могли состояться и вице-адмиралъ фонъ-Кеннеди (Kennedy), командиръ замѣчательнаго стодвадцатипушечнаго корабля „Анна Великая“ (эта государыня велѣла его построить), получилъ приказаніе вернуться въ Ревель. Императрица прибыла въ сумерки 20-го іюля въ Екатериненталь. 22-го былъ балъ во дворцѣ, на который дворянство обоего пола получило дозволеніе явиться. Послѣ обѣда того же дня императрица взошла съ великимъ княземъ и его супругою на гору близь берега, называемую „Лаксбергъ“, и смотрѣла на маневры флота. Пальба происходила чрезвычайная, такъ что въ скоромъ времени всѣ суда скрылись въ дыму и видѣнъ былъ только появляющійся въ жерлахъ пушекъ огонь.

23-го іюля, послѣ обѣда, прибыли для сопровожденія императрицы эскадронъ „черноголовыхъ“ верхомъ, все наличное дворянство и городскіе депутаты. По допущеніи всѣхъ къ рукѣ, ихъ отпустили и затѣмъ послѣдовалъ выѣздъ въ Петербургъ прежнимъ путемъ, при пальбѣ изъ пушекъ съ

валовъ и съ судовъ и при колокольномъ звонѣ. Императрица желала, пользуясь хорошей погодой, продлить свое пребываніе въ Екатерипенталѣ съ его прекраснымъ паркомъ; но отъѣздъ былъ ускоренъ отчасти вслѣдствіе прибытія изъ Вѣны имп. кор. посланника, барона Претлаха, который уже въ Рогервикѣ имѣлъ аудіенцію у ея величества, а также по причинѣ важныхъ дѣлъ, требовавшихъ присутствія государыни въ столицѣ. Милость и привѣтливость этой обворожительной матери отечества были неизъяснимы; всѣхъ и каждаго изъ кланяющихся она благодарила ласково поклономъ. Для свиты требовалось очень много почтовыхъ лошадей въ такую пору, когда онѣ нужны были для сельскихъ работъ; только по этому поводу замѣтно было нѣкоторое неудовольствіе среди крестьянъ; но за все, что доставлялось на станціи изъ съѣстныхъ припасовъ, оплачивалось сполна.

Однажды, когда императрица отдыхала въ палаткѣ, разбитой для нея въ саду, явились голландскіе шкипера съ желаніемъ взглянуть на красавицу-дочь ихъ пріятеля, мастера Питера, и устремились-было къ палаткѣ. Но ихъ удержали и сказали имъ, что теперь никому не дозволено войти въ палатку, ни даже и тѣмъ, кто въ лентахъ. Такихъ лентъ, возразили они, можемъ мы достать у насъ, въ Голландіи, за одинъ гульденъ. Но вскорѣ показалась императрица и тогда голландцевъ допустили къ ней. Когда они произнесли нѣсколько комплиментовъ и выразили свою радость при видѣ прекрасной дочери своего друга Питера, императрица допустила ихъ къ рукѣ, взяла бокалъ и выпила за здоровье голландскихъ штатовъ и ихъ самихъ. Они громогласно благодарили и сказали, что оповѣстятъ о томъ въ Голландіи и прославятъ ее. Затѣмъ подали каждому полный бокалъ и, по провозглашеніи первымъ изъ нихъ здравицы за императрицу, ея величество изволила проститься и удалилась въ палатку; голландцы же, ликуя, возвратились въ городъ и на свои суда.

Такъ какъ Петръ Великій учился у голландцевъ кораблестроенію и получилъ званіе мастера, то голландскіе корабельщики и называли его мастеромъ Питеромъ, а онъ ихъ — мастеромъ Яномъ, или какъ кто назывался. Этимъ объясняются вышеприведенныя слова ихъ, т. е. желаніе видѣть красавицу-дочь ихъ пріятеля Питера. Императрица была, дѣйствительно, красавица и комплиментъ, относящійся къ ея красотѣ, не могъ не польстить ей.

Ненависть русскихъ къ нѣмцамъ въ то время была такъ велика, что даже лифляндцы и эстляндцы испытали ее на себѣ. Императрица только-что возвратилась въ Петербургъ, какъ новый губернскій совѣтникъ Мелесеино, сообразуясь съ господствующимъ при дворѣ духомъ, уже далъ почувствовать, что похвальный отзывъ благодушной государыни объ эстляндцахъ подѣйствовалъ на ея обидчивыхъ высокомѣрныхъ русскихъ придворныхъ какъ горькія пилюли. Она ѣздила по этой странѣ безъ стражи, въ которой, однако-жъ, нуждалась при своихъ поѣздкахъ всюду въ Россіи.

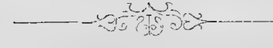
— Матушка,—сказалъ ей кто-то,—ты ѣздишь здѣсь безъ всякой охраны?

— „Если отецъ мой,—отвѣчала она,—здѣсь въ каждомъ домѣ могъ спокойно спать, то и я также“.

Сообщилъ А. А. Чумиковъ.

МРАМОРНЫЙ ДВОРЕЦЪ

1785—1885.

1885.

МРАМОРНЫЙ ДВОРЕЦЪ.

1785 — 1885.

I.

При Петрѣ Великомъ на мѣстѣ нынѣшняго Марсова поля производилась обыкновенно „звѣриная травля“, а гдѣ впослѣдствіи построенъ Мраморный дворецъ, стоялъ старый почтовый дворъ, вблизи котораго въ 1711 г. устроенъ былъ „звѣровый домъ“ и въ немъ помѣщались: большой слонъ, львы, тигры, присланные въ подарокъ отъ персидскаго шаха. „Почтовый дворъ, говоритъ Рубанъ въ „Описаніи Петербурга“ (стр. 148) — „мазанковый и стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ строится великій покой мраморный домъ. На семъ почтовомъ дворѣ государь Петръ I многократно отправлялъ нѣкоторымъ праздникамъ и викторіямъ торжества“; ради чего Рубанъ и приложилъ къ своей книгѣ рисунокъ его.

Башуцкій, описывая въ своей „Панорамѣ Петербурга“ (стр. 102 и 103) почтовый дворъ, замѣчаетъ, что „столица давно чувствовала недостатокъ въ подобномъ учрежденіи, ибо еще не было дома, гдѣ пріѣзжіе могли бы останавливаться, не теряя времени въ исканіи по всему городу квартиры. Домъ этотъ состоялъ въ завѣдываніи особаго смотрителя, имѣвшаго рангъ армейскаго прапорщика, съ весьма умѣреннымъ содержаніемъ, которое впослѣдствіи было увеличено дозволеніемъ ему завести еще особую гостинницу, выписывать безпошлинно опредѣленное количество вина и другихъ продуктовъ. Кромѣ того ему предоставлено было пользоваться частію сбора съ присылаемыхъ писемъ, но доходъ этотъ былъ очень незначителенъ, такъ какъ за доставку письма, напри-

мѣръ изъ Петербурга въ Москву, платилось не болѣе двухъ копѣекъ. При Петрѣ I была углублена и очищена рѣка Мья (Мойка), изъ которой были проведены два канала: одинъ у нынѣшняго Мраморнаго дворца, послѣ засыпанный, а другой существуетъ до сихъ поръ подъ именемъ Зимней канавки.

Въ 1732 году здѣсь выстроили манежъ, а въ 1736 г. еще другой „слоновый дворъ“, для вновь привезеннаго изъ Персіи слона. По повелѣнію Екатерины II лугъ весь былъ очищенъ отъ травы, усыпанъ пескомъ и назначенъ для народныхъ празднествъ, почему получилъ названіе „площади для потѣшныхъ огней“; эта площадь окружена была Мойкою и Лебяжьимъ каналомъ, Лѣтнимъ садомъ, Мраморнымъ дворцемъ, Воспитательнымъ домомъ и другими зданіями. На самой-же площади находились два деревянныхъ дома: одинъ для зрителей потѣшныхъ огней, другой подъ именемъ Малаго театра. Немного спустя площадь потѣшныхъ огней была переименована въ „Царицынъ лугъ“; въ 1818 г. дано названіе „Марсова поля“.

Итакъ на Царицыномъ лугу императрица Екатерина II рѣшила соорудить домъ изъ мрамора, при чемъ существуетъ слѣдующая легенда: задумавъ постройку, государыня пригласила одного изъ архитекторовъ-иностранцевъ и, показывая ему чертежъ самою ею накиданнаго дворца, спросила его мнѣнія объ этомъ планѣ. Зная, что проектъ принадлежитъ монархинѣ, архитекторъ разсыпался въ восторженныхъ похвалахъ, слушая которыя, императрица сказала: „если онъ такъ хорошъ, то возьмите на себя его постройку“. Соглашеніе, конечно, немедленно послѣдовало, но зодчій, при выполненіи высочайше набросаннаго плана, былъ поставленъ въ большія затрудненія, даже въ начертаніяхъ капитальныхъ стѣнъ, и вотъ чѣмъ объясняютъ, если обходить комнаты дворца, то замѣтнымъ становится, что въ немъ нѣтъ прямыхъ угловъ ни въ покояхъ, ни въ амбразурахъ оконъ и дверей.

Строителемъ и составителемъ плана Мраморнаго дворца, начиная съ Пушкарева (Описаніе Петербурга) до настоящаго времени называютъ архитектора Гваренги; это указаніе даже перешло въ „Guide du voyageur à St. Petersbourg“ par J. Basten (стр. 115); но оно оказывается невѣрнымъ, такъ какъ постройка Мраморнаго дома началась въ 1768 г., а Гваренги вмѣстѣ съ архитекторомъ Тромбара прибыли, по заключенномъ съ ними контрактомъ Грим-

момъ при посредствѣ Рейфенштейна, лишь въ началѣ февраля 1780 года (Сбор. имп. ист. общ., т. XXIII и XXXIII). Гваренги дѣйствительно въ 1783 г. строилъ каменный домъ на Милліонной-Луговой улицѣ противъ Зимняго дворца, подаренный императрицею генералъ-поручику Алекс. Дм. Ланскому; а такъ какъ Мраморный дворецъ тоже назывался тогда Каменнымъ домомъ на Милліонной-Луговой, то эта тождественность названій и ввела, вѣроятно, въ ошибку Пушкарева.

Дѣйствительнымъ-же строителемъ Мраморнаго дворца надо считать архитектора Антоніо Ринальди, а не Гваренги, такъ какъ послѣдній, если-бы участвовалъ въ постройкѣ Мраморнаго дворца, то далъ-бы свои работы въ чертежахъ, изданныхъ имъ подъ заглавіемъ: Edifices construits à Saint - Petersbourg d'après les plans du chevalier de Quarenghi et sous sa direction. St. P., de l'imprimerie du Senat dirigeant. 1810. Подтвержденіемъ того, что Ринальди былъ составителемъ проекта Мраморнаго дворца, служатъ слѣдующія доказательства. Во время постройки дворца онъ былъ штатнымъ архитекторомъ кабинета ея величества, а такъ какъ деньги ассигнованы были изъ кабинета, то очевидно и самая постройка поручена была собственному архитектору. Кромѣ того, далѣе будетъ видно изъ исторіи сооруженія Мраморнаго дворца, что Ринальди выписывалъ изъ Италіи разноцвѣтный и бѣлый мраморъ, составлялъ рисунки и проч. Затѣмъ, хранящаяся въ государственномъ архивѣ собственноручная записка Екатерины II (неизвѣстно къ кому написанная, безъ года и числа, которую слѣдуетъ отнести къ 1781 или 1782 гг., когда дворецъ меблировался коллежскимъ ассесоромъ Гампелемъ, подъ надзоромъ завѣдующаго строеніемъ его—Мордвинова), не оставляетъ ни чуть сомнѣваться. Вотъ содержаніе этой записки: „Съ крайнимъ удивленіемъ слышу я, что въ Мраморномъ домѣ Мих. Ив. Мордвиновъ даетъ Гампелю волю ломать стѣны и двери перекладывать, какъ тотъ вздумаетъ; спроси, въ какихъ и какихъ комнатахъ такая ломка произошла и скажи Мих. Ив., чтобъ онъ ничто не ломалъ въ томъ домѣ не доложась меня. Принеси ко мнѣ планъ съ означеніемъ той безразсудной ломки. Какъ Гампелю лучше чего знать, нежели Ринальдію. Ужъ не скоблитъ-ли онъ стѣнъ и не убавляетъ ли кирпичи въ трубахъ, какъ въ Царскомъ селѣ, чтобы пожары надѣлать, отъ него станется (Госуд. Арх., X, 300)".

Біографіи Ринальди нѣтъ, а извѣстно лишь, что въ 1750 г. онъ прославился въ Римѣ какъ знатокъ классической архитектуры. По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, онъ построилъ огромную залу въ Ораніенбаумѣ для придворнаго театра, на которомъ въ 1756 г. въ первый разъ была представлена опера „Александръ въ Индіи“. Имъ-же составлены были чертежи для тріумфальныхъ воротъ въ честь графа Г. Г. Орлова изъ мрамора, Исакіевскаго собора, а также гатчинскаго дворца, гдѣ въ проходѣ между большой передней и Бѣлымъ заломъ находится овальный мраморный, поясной барельефъ Ринальди, изображеннаго въ профиль съ лѣвой стороны, съ циркулемъ въ правой рукѣ, и точно такой же портретъ помѣщенъ противъ главнаго входа, на парадной лѣстницѣ Мраморнаго дворца. Въ одномъ изъ писемъ къ Гримму въ 1779 г. Екатерина, описывая паденіе Ринальди съ лѣсовъ въ Царскомъ селѣ, говоритъ, что ему около 70 лѣтъ (Сб. историч. общ., т. XXIII). Ринальди строилъ дворецъ въ Ораніенбаумѣ, церковь Вознесенія въ Петербургѣ, въ 1765 г. составлялъ планъ церкви и колокольни въ Митавѣ для войска, а также и иконостаса (Госуд. Арх., X, 467, копіи съ указа: Яковкину, III, 117, Козьмина, 21 мая, кн. № 4, 34), участвовалъ съ Пинкетти въ царскосельскихъ постройкахъ (Географич. сл. Щекатова, VII, 25). Жилъ Ринальди до глубокой старости, такъ какъ въ вѣдомости кабинета за 1790 г. онъ показанъ еще получающимъ пенсію (Госуд. Арх., VIII, 47. Вѣд. кабинета).

Непосредственное завѣдываніе сооруженіемъ Мраморнаго дворца было ввѣрено императрицею полковнику артиллеріи (впослѣдствіи генералъ-поручикъ, директоръ только что соединенной артиллерійской и инженерной школъ гр. Шуваловымъ) Мих. Ив. Мордвинову, который участвовалъ также въ постройкѣ Кекерикексинской дачи или Чесменской богадѣльни; училища для греческихъ мальчиковъ, привезенныхъ А. Г. Орловымъ-Чесменскимъ, въ Ораніенбаумѣ, Аничковскаго дворца и царскосельскаго шоссе, такъ какъ съ производствомъ въ 1770 г. въ генералы былъ назначенъ директоромъ отъ строенія государственныхъ дорогъ. По всей вѣроятности Мордвиновъ производилъ и другія строенія, потому что 1-го іюля 1773 г. онъ въ государственномъ совѣтѣ представлялъ планъ новой крѣпости въ Финляндіи. (Госуд. Арх., X, 467, журн. и указы кабин. 1774 г. 19 ноября, 1779 г., сен-

тябрь, 1770 г. 5 августа, ук. стр. конт. арх. Госуд. Совѣта, I, 2, 125). Съ эпохою постройки Мраморнаго дома совпадаетъ розысканіе въ Екатеринбургѣ, Оренбургѣ и друг. мѣстахъ Россіи мраморныхъ и агатовыхъ камней, которые по высочайшему изустному повелѣнію должны были доставляться къ производимому Мих. Ив. Мордвиновымъ строенію (Госуд. Арх., XIV, 234—доклады И. И. Бецкаго).

Весь ходъ постройки Мраморнаго дома отъ самаго начала и до окончанія его пользовался особеннымъ вниманіемъ Екатерины II; она неоднократно лично посѣщала строеніе и участвующихъ приказывала награждать деньгами, что видно изъ отчетовъ, и вообще ничто не дѣлалось въ немъ безъ ея повелѣній. Всѣ суммы шли изъ кабинета ея величества по указамъ императрицы Адаму Вас. Олсуфьеву, объ отпускѣ денегъ М. И. Мордвинову на строеніе каменнаго дома у почтовой пристани; эти указы начинаются съ 1769 г. Счеты-же Мордвинова ведутся съ 15 апрѣля 1768 г.; въ этотъ день дано столяру Іоганну Кнорру 275 р. для изготовленія модели каменнаго дома и каналовъ.

4-го мая куплено дикаго камня тесаннаго съ 5-ти сторонъ на 565 р. 6-го — сдѣланъ 42 саж. заборъ отъ главной полиціймейстерской канцеляріи. 7-го — куплено 3 тысячи 20-ти пудовыхъ бочекъ извести, затѣмъ вынималась изъ рвовъ или каналовъ земля для фундамента, покупалось сибирское желѣзо, а 10 іюня началась забивка свай и 14-го выстроенъ магазинъ для извести. 25 октября столяру Кнорру заказана новая модель дома за 725 р., такъ какъ въ планѣ произошли измѣненія. Послѣ этого заготовлялась тосненская бутовая плита, известь и подряжались каменщики, шло устройство каналовъ, бассейна, насосовъ и систернъ. Въ 1769 г., при выдачѣ жалованья, названъ за архитектора Петръ Егоровъ, который съ 1 октября 1768 г. обязался „при строеніи быть для присмотра и показанія работъ, какія до знанія архитектуры принадлежатъ“. Егоровъ прикомандированъ былъ отъ канцеляріи строенія домовъ и садовъ и находился все время при постройкѣ Мраморнаго дворца.

Въ томъ-же 1769 г., октября 10 дня, совершена была закладка каменнаго дома и въ отчетѣ расходовъ показано, что заплочено: рѣзному мастеру Гику за 2 мѣдныя доски съ шалперомъ 12 р.; за гравировку на нихъ литеръ 38 руб.; на золоченіе ихъ

8 червонцевъ $2^1/_2$ рублеваго достоинства, а за работу отъ каждаго червонца 60 к. Олонецкаго уѣзда крестьянину Ивану Полякову за 2 тесанныя площадки съ выковкою подъ ящикъ гнѣздъ 10 руб. и за мраморный ящикъ 5 руб.; священнику выдано 10 руб.; каменщикамъ и плотникамъ 12 руб., да въ ящикъ положено золотою, серебрянною и мѣдною монетою 20 руб. $58^3/_4$ к.

Далѣе заключены были контракты съ подрядчиками и поставщиками; въ работѣ-же находилось ежедневно 100 каменщиковъ и отъ 100 до 300 артиллерійскихъ фузилеровъ, кромѣ плотниковъ и другихъ мастеровъ.

Въ 1770 году императрица приказала покрыть зданіе мѣдными листами, для чего по смѣтѣ потребовано было 3,100 штукъ листовъ мѣрою по 2 аршина въ квадратѣ, вѣсомъ 4,557 пуд., на сумму 41,058 руб. Заготовлялся пудожскій камень на карнизы, принимался съ двухъ судовъ дикій камень для стѣнъ и куплено было заграничныхъ деревъ слѣдующихъ сортовъ: кенигъ-гольцъ 154 п. 14 ф., гельбъ-эбенъ 31 пуд. 35 ф., краснаго фернамбука 30 п., померанцъ-гольцъ 18 п. 3 ф., грюнъ-эбенъ 16 п. 10 ф. Статск. сов. Норинымъ началась заготовка мрамора, а командиромъ стеклянныхъ заводовъ Лиліенталемъ зеркальныхъ стеколъ.

Въ камеръ-фурьерскомъ церемоніальномъ журналѣ 1770 г., подъ 1 числомъ іюля мѣсяца значится, что „въ четвертокъ, по утру въ началѣ 10-го часа, ея импер. величество съ небольшою свитою соизволила имѣть отсутствіе въ С.-Петербургъ и прибыла въ свой императорскій лѣтній дворецъ (на мѣстѣ нынѣшняго Михайловскаго инженернаго замка, въ которомъ родился Павелъ I), гдѣ побывъ нѣсколько времени, соизволила отбыть въ домъ къ его высокопревосходительству Ив. Ив. Бецкому (теперь тутъ находится дворецъ принца Ольденбургскаго) и тамъ кушать обѣденное кушанье.

„По окончаніи стола, пополудни въ началѣ 4-го часа, шествовала для смотрѣнія модели строющагося дома противъ троицкой пристани, на берегу Невы рѣки, въ построенный деревянный домъ близъ онаго, въ которомъ и находится та модель, и по осмотрѣ оной, продолжала путь въ академію художествъ, а оттуда въ кадетскій сухопутный корпусъ“.

Въ 1771 г. привозился мраморъ изъ Сердоболя и Екатеринбурга. Изъ Рима вызваны были скульпторъ Джіовани Монетти и

рѣзныхъ дѣлъ мастеръ Францъ Вассали, кромѣ того каменныхъ дѣлъ мастеръ Кезе и скульпторъ Киндхеръ на жалованье; упоминаются также ученики скульптурнаго и лѣпного искусства: Михаилъ Быковъ, Андрей Макаровъ, Андрей Акимовъ, Андрей Михайловъ, Николай Капустинъ и Степанъ Батагоновъ; въ то-же время они обучались и архитектурѣ, но кто были ихъ учителя въ отчетѣ не сказано, а только показаны расходы на матеріалы по ихъ обученію.

Рѣзныхъ дѣлъ фабриканты Людвигъ Ролляндъ и Іоганъ Гипартъ сдѣлали 86 штукъ капителей и базъ и 14 штукъ трофеевъ. Покупался мраморъ отъ конторы строенія Исакіевскаго собора. Слесарь Иванъ Гольде сдѣлалъ пробную оконную мѣдную раму въ 10 п. 36 ф. за 600 руб. Столяръ Мейеръ договорился дѣлать штучные или паркетные полы 3-хъ сортовъ за 24,413 р. и сдѣлалъ модель зала изъ липоваго дерева за 400 руб. со всѣми украшеніями, раскрашивалъ которую живописецъ Іоганъ Рудольфъ. Рѣзного дѣла мастеръ, по указанію архитектора Ринальди, изъ своихъ матеріаловъ при модели залы для jeu de pomme исполнилъ лѣпную работу. Мастеръ Бергеръ сдѣлалъ колонну іоническаго ордена и поставлялъ мраморныя капители. При сестрорѣцкихъ заводахъ, для ковки мѣдныхъ листовъ на крышу, устроена была фабрика въ 1772 г. Полученъ былъ мраморъ изъ Екатеринбурга отъ конторы строенія домовъ и садовъ. Производилась поставка камня къ балконамъ, окошкамъ средняго этажа и на карнизы. Мастеръ Ив. Эстрейхъ приготовилъ изъ казеннаго бѣлаго мрамора, изъ 3 кусковъ, коринѳскаго ордена капитель и пилястры. Для обдѣлки и шлифовки мрамора устроены были различныя приспособленія. Въ 1772 г. августа 3 дня государыня опять посѣтила постройку и приказала выдать всѣмъ находившимся рабочимъ людямъ въ награду 200 руб.

Въ этомъ-же году Гр. Гр. Орловъ вышелъ въ отставку. Екатерина собственноручнымъ проэктомъ указа (пунктъ 12), въ числѣ многихъ драгоцѣнныхъ подарковъ, назначила Орлову и Мраморный дворецъ (Госуд. Арх., X, 265).

Вслѣдствіе чего Мордвинову, 25-го сентября, былъ данъ указъ: „когда вы строющійся подъ смотрѣніемъ вашимъ у почтовой пристани каменный домъ къ окончанію приведете такъ, какъ отъ насъ вамъ приказано, и когда онъ совсѣмъ убранъ, и въ такое

состояніе приведенъ будетъ, чтобы въ него хозяинъ войти и жить могъ, тогда отдайте отъ него ключи гр. Гр. Гр. Орлову, ибо мы оный домъ со всѣми въ немъ мебелями жалуемъ ему въ вѣчное и наслѣдственное владѣніе". (Госуд. Арх., X, 467).

Но окончаніе отстройки Мраморнаго дома подвигалось далеко не быстро; такъ, въ 1773 г., кровельщикъ Эгерсъ сдѣлалъ модель для укрѣпленія крыши стропилами и рѣшетникомъ. Доставили 110 штукъ ревельскаго бѣлаго камня на вазы, а къ парадной лѣстницѣ мастеръ Бергеръ высѣкалъ фестоны. Архитектору Ринальди на выписку изъ Италіи разныхъ цвѣтовъ мрамора выдано 1,000 руб; Мордвинову-же 2,000 руб. на достройку его дома близь Чесмы. (Указы кабин. на имя Теплова).

Въ 1774 г. началась лишь обдѣлка стѣнъ мраморомъ, причемъ работало 80 шлифовщиковъ. Ставились фаянсовыя печи и заготовлялись изъ разноцвѣтнаго дерева и слоновой кости штучные полы, а большое зало украшалось фарфоромъ.

1775 г. прошелъ въ поставкахъ Вегенеромъ и Веберомъ желѣзныхъ стропилъ, въ исполненіи академикомъ Федотомъ Шубинымъ двухъ барельефовъ-трофей изъ бѣлаго мрамора и устройствѣ фонтана и постановкѣ на балконѣ четырехъ мѣдныхъ раковинъ.

Въ 1776 г. привезли выписанный изъ Ливорно Ринальди мраморъ въ количествѣ 10 штукъ. Живописецъ Торелли приготовилъ полотно въ 12 арш. длины и 6 ширины для писанія въ залъ плафона. Купили въ Берлинѣ 14 зеркалъ за 9,642 р. отъ купца Гербера и получили отъ гр. А. Г. Орлова-Чесменскаго мраморъ, привезенный изъ Архипелага, 60 кусковъ котораго были отпущены академику Шубину.

Мастеръ Гольде поставлялъ 48 мѣдныхъ рамъ. Ковка-же мѣдныхъ листовъ производилась мастеромъ Вульфомъ.

Въ слѣдующемъ 1777 г. навѣсили семь паръ дверей изъ разноцвѣтнаго дерева. Изъ брусинскаго камня дѣлались ступени, а изъ дикаго—карнизы. Французскій купецъ Іоганъ Пике доставилъ 750 зеркальныхъ шлифованныхъ стеколъ, а столяръ Мейеръ подрядился сдѣлать изъ заморскаго дерева 106 кв. саж. 5 арш. пола и 42 двери изъ цвѣтнаго дерева съ дубовыми рамами за 12,555 р. 55 коп. Надъ дверями парадной лѣстницы Шубинъ сдѣлалъ изъ мрамора двухъ орловъ съ фестонами. И одновременно со всѣми этими работами уставлялись желѣзныя стропила.

За 1778, 79 и 80 года отчетовъ Мордвинова не сохранилось, но работы и въ эти три года продолжались, что видно изъ указовъ кабинета объ отпускѣ на постройку дворца денегъ.

Въ 1781 г. производилась постройка служебнаго дома, принадлежащаго къ Мраморному дворцу и имѣвшаго всего два этажа; онъ стоялъ въ одну линію съ дворцомъ, а пространство около 25 саж. между нимъ и дворцомъ огорожено было желѣзною рѣшеткою на Неву и на улицу, что и составило открытый дворцовый дворъ. Строеніе для прислуги окружалъ, въ свою очередь, свой дворъ, на которомъ находились: манежъ, сараи, жилища для конюховъ и великолѣпныя конюшни. Золотились капители и базы; устанавливались въ верхнемъ этажѣ оконныя дубовыя рамы и началась настилка паркетныхъ половъ. 10-го декабря поставили въ куполѣ надъ дворцомъ часы, сдѣланныя фабрикантами Сандосомъ и Базеліемъ. Заплатили за статую въ 2 арш. 6 вершк., представляющую весеннее равноденствіе, поставленную 3-го октября 1780 г. на мѣсто Фед. Шубинымъ; имъ-же исполнены были два круглыхъ барельефа въ діаметрѣ 1 арш. 4 в. въ зало и 5 барельефовъ въ галлерею въ средній апартаментъ. Онъ и итальянецъ Валій поставили два дверныхъ сюпорта, шириною 2 ф. 8 в., а вышиною 12 вершк. Кромѣ того Шубинъ произвелъ изъ мрамора къ фронтону парадной лѣтницы въ нишу и на фронтонъ при часовомъ корпусѣ 8 статуй; въ зало 5 круглыхъ барельефовъ, 2 статуи и 2 барельефа-портрета за 25,000 руб. Другой скульпторъ, Козловскій (Михаилъ), для зала средняго этажа сдѣлалъ барельефъ, представляющій Регула, возвращающагося изъ Рима въ плѣнъ карѳагенскій, и Камилла, освобождающаго Римъ отъ галловъ.

Живописецъ Кристъ, въ покой № 4, написалъ плафонъ Судъ Париса, а другой художникъ, Ѳеод. Фохтъ, расписывалъ въ верхнемъ этажѣ потолки. Приготовлены были модели для дверей къ балконамъ и ставились двери изъ цвѣтнаго дерева, также золотились рамы и балясы. Покой № 4-й обдѣлывался цвѣтнымъ деревомъ, а въ китайской комнатѣ и отъ Милліонной въ верхнемъ этажѣ въ передспальной комнатѣ и въ покояхъ №№ 7-й и 17-й настилались паркеты. Живописецъ Григ. Молчановъ написалъ плафонъ въ китайскую комнату. Въ среднемъ этажѣ навѣшивались рамы и отъ архитектора Ринальди было принято три мраморныхъ камня.

Въ 1782 г. началась обойная работа. Гольде и Фелькеромъ поставили на 40 тысячъ мѣдныхъ рамъ для оконъ, каждая въ 30 пудовъ, и 110 штукъ желѣзныхъ. Академикъ Шубинъ доставилъ слѣдующія свои произведенія: 1) въ нишу на парадную лѣстницу, по рисунку Ринальди, статую, представляющую утро; 2) 5 барельефовъ въ средній этажъ; 3) 5 въ галлерею средняго апартамента, изображающихъ великодушныя дѣйствія: освобожденіе военноплѣнныхъ: первые два гр. А. Г. Орлова во время командованія его въ Архипелагѣ флотомъ, третій и четвертый Сципіона африканскаго и Павла Эмилія, а послѣдній—мальчиковъ, играющихъ военными трофеями; 4) бюстъ кн. Гр. Гр. Орлова въ покой № 2, и 5) барельефъ въ зало надъ каминомъ, представляющій Эндиміона, вышиною 3 арш. 12 в., сдѣланный Шубинымъ вмѣстѣ съ итальянцемъ Валіемъ. Адъюнктъ-профессоръ Ив. Акимовъ написалъ въ спальню средняго этажа два сюпорта, а живописецъ Ѳед. Даниловъ въ большомъ залѣ плафонъ. Въ этомъ году строитель Мордвиновъ скончался и вмѣсто него завѣдываніе постройкою дворца возложено было на полковника Буксгевдена. Такой подробной отчетности, какъ у Мордвинова, въ послѣдующихъ годахъ уже не велось, а только существуютъ краткія записи и доклады.

Въ 1783 г. продолжались тѣ-же работы, что и въ предъидущемъ и кромѣ того кол. ассесоръ Гампель, для украшенія дворца, на мебель и проч. принадлежности издержалъ 40,000 р.

Пока шли окончательныя работы Мраморнаго дворца, подареннаго Григорію Григорьевичу Орлову, князю не суждено было дожить до той счастливой минуты, когда съ душевною, быть можетъ, радостію прочелъ бы онъ драгоцѣннѣйшую надпись, сдѣланную на фризѣ дворца, по повелѣнію Екатерины: „зданіе благодарности“, и умеръ, не переѣхавъ въ этотъ домъ, въ Москвѣ, 13-го апрѣля 1783 года.

II.

Послѣ смерти Григорія Орлова, 8-го іюня того-же года, императрица написала указъ брату покойнаго, Ѳеодору Григорьевичу, такого содержанія: „Въ запискѣ, при семъ сообщаемой, означены деревни, дома и прочее, что я купить желаю, считая, что вамъ оное излишно, продажа же того будетъ средствомъ не только къ скорѣйшей уплатѣ долговъ покойнаго князя Гр. Гр., но еще и къ собственной всѣхъ васъ пользѣ обратится. Хотя по самой высокой оцѣнкѣ все то не болѣе осьми сотъ пятидесяти тысячъ рублей, а въ разсужденіи шестилѣтней заплаты сей суммы и причитающихся процентовъ, всего около милліона и двадцати тысячъ рублей составляетъ, но я, по моему всегдашнему къ вамъ доброхотству, располагаю въ лучшую для васъ пользу заплатить за все то продолженіемъ въ теченіи десяти лѣтъ пенсіи покойнаго князя Гр. Гр. по сту пятидесяти тысячъ рублей на годъ, что и составитъ за всѣми разсчетами болѣе оцѣнки, и процентовъ до пяти сотъ тысячъ рублей. Ежели вы согласны на сіе распоряженіе, то поспѣшите меня увѣдомить, и доставьте повѣренность, кому вы заблагоразсудите, на написаніе крѣпостей, а впрочемъ будьте увѣрены, что я пребуду непремѣнно вамъ доброжелательная“. При этомъ указѣ записка, что̀ императрица желала купить:

1) Мызу Гатчино съ принадлежащими къ ней 20-ю деревнями.
2) Мызу Старую Скворицкую съ 5-ю деревнями.
3) Мызу Новую Скворицкую съ 22-мя деревнями.
4) Мызу Греблову съ 1 деревней.

Во всѣхъ этихъ деревняхъ по 4-й ревизіи считалось душъ мужскаго пола: русскихъ двѣ, а финскихъ 3,377, а всего 3,379 душъ.

Домъ гатчинскій съ оружейной, мебелями, оранжереею, разнымъ строеніемъ и матеріалами всякаго званія. Домъ Мраморный въ С.-Петербургѣ съ другимъ корпусомъ, построеннымъ для конюшенъ и службъ. Вызолоченный сервизъ, библіотеку, антики и медали.

За деревни, полагая по самой дорогой цѣнѣ, и именно по

100 р. за душу, выйдетъ 337,900 руб.; въ разсужденіи строенія, заведеній и прочаго, и дабы составить ровную сумму 350,000 р.

За гатчинскій домъ съ мебелями, оранжереями и разнымъ строеніемъ и матеріалами, такъ и оружейною—150,000 руб.

Если въ разсужденіи того, что сія сумма заплачена будетъ не вдругъ, по сту пятидесяти тысячъ рублей на годъ, слѣдственно въ шестой годъ положить и указные проценты, то причтется ихъ на всѣ шесть лѣтъ 171,000 руб., а потому вся сумма съ процентами составила бы одинъ милліонъ двадцать одну тысячу рублей. Назначая въ уплату сего продолженія 10 лѣтъ пенсіи покойнаго кн. Гр. Гр. по 150,000 руб. на годъ сверхъ всей вышеписанной оцѣнки останется въ пользу графовъ Орловыхъ до пятисотъ тысячъ рублей.

Въ томъ же году 4-го іюля послѣдовалъ указъ на имя генералъ-прокурора кн. Алекс. Алексѣевича Вяземскаго: „Снисходя на прошеніе, намъ написанное отъ графовъ Ивана, Алексѣя, Ѳеодора и Владиміра Григорьевичей Орловыхъ, въ оригиналѣ при семъ посылаемое, указали мы изображенное въ ономъ разное движимое и недвижимое имѣніе, оставшееся послѣ брата ихъ покойнаго генералъ-фельдцейхмейстера князя Гр. Григ. Орлова принять въ казну нашу за просимую ими цѣну милліонъ и пятьсотъ тысячъ рублей, кои изъ Кабинета имъ въ теченіи десяти лѣтъ уплачены быть должны. Вы предпишите о надлежащемъ сохраненіи въ архивѣ подлиннаго письма графовъ Орловыхъ, кое служить будетъ вмѣсто крѣпости на помянутое имѣніе и гдѣ надлежитъ предложите о семъ для вѣдома. Изъ деревень, въ письмѣ ихъ показанныхъ, выключаются въ мызѣ Гатчинской дворовые люди: Моисей Ѳеодоровъ; Ив. Спицынъ съ женою Авдотьей Петровой и съ дочерью ихъ Авдотьею; крестьянскій сынъ Степанъ Андреевъ; да Новой Скворицкой мызы крестьянинъ деревни Костиной Матв. Томасовъ, кои остаются у графовъ Орловыхъ. Впрочемъ все сіе имѣніе поручили мы до будущаго нашего соизволенія въ вѣдомство нашего флигель-адъютанта Буксгевдена. Пошлинъ съ продажи сей никакихъ не брать“. (Арх. Каб. Имен. указы императрицы Екатерины II).

Изъ доклада Буксгевдена о приходѣ и расходѣ денегъ, принятыхъ въ 1784 г. изъ комнатной суммы, провѣреннаго счетной экспедиціей Кабинета, видно, что въ этомъ году въ Мраморномъ

дворцѣ шли работы: каменныя, штукатурныя, печныя, скульптурныя, малярныя, рѣзныя, живописныя, слесарныя, кузнечныя, бронзовыя съ золоченіемъ и серебреніемъ, обойныя и друг. Для большого бассейна были сдѣланы насосы и другія машины, отчищались рамы, гирлянды и фестоны, а на дворѣ и на улицѣ настилалась каменная мостовая.

Однимъ словомъ, Мраморный дворецъ, вопреки всѣмъ описаніямъ, относящимъ его окончательную отдѣлку къ 1783 г., не былъ готовъ и, только въ 1785 г., по докладу Буксгевдена, указомъ Кабинета, отъ 28-го марта, отпущено на послѣдніе расходы по отдѣлкѣ Мраморнаго дворца 57,997 руб. 59 коп.

14-го мая 1785 г. императрица пожаловала различнымъ чинамъ, находившимся при постройкѣ Мраморнаго дворца, 7,000 руб. (Госуд. Арх., XIV, 47. Вѣдом. Кабинета).

Такимъ образомъ, вполнѣ точно можно опредѣлить, когда истекаетъ столѣтіе со времени окончанія сооруженія Мраморнаго дворца—это май мѣсяцъ 1885 г.

Ежегодные расходы на постройку дворца съ 1768 по 1785 г. составляли:

1768 г.	30,000 р.	—	к.
1769 „	41,699 „	11¹/₄	„
1770 „	77,037 „	10	„
1771 „	92,333 „	—	„
1772 „	76,801 „	4¹/₂	„
1773 „	83,331 „	77¹/₄	„
1774 „	82,357 „	42¹/₂	„
1775 „	82,509 „	3¹/₂	„
1776 „	96,861 „	63³/₄	„
1777 „	118,473 „	78³/₄	„
1778 „ 1779 „ 1780 „	неизвѣстно по сколько —	—	
1781 „	101,194 „	88	„
1782 „	95,708 „	53	„
1783 „	131,872 „	59³/₄	„
1784 „	51,500 „	—	„
1785 „	57,997 „	59	„
	1,219,677 р.	46¹/₄	к.

Среднимъ числомъ за 15 лѣтъ выходитъ по 81,311 р. 85 к., каковую сумму, присоединя за 1778, 1779 и 1780 гг. къ стоимости Мраморнаго дворца, получаемъ общую цифру приблизительной его цѣнности въ 1.463,613 р., т. е. почти всей платы Орловымъ за купленныя у нихъ имѣнія. Интересно здѣсь замѣтить о стоимости нашего рубля за границей; въ этомъ случаѣ Ласкари, издавшій описаніе способовъ передвиженія гранитной скалы для памятника Петру Великому, въ своемъ сочиненіи: „Monument élevé à la gloire de Pierre le grand", изданномъ въ Парижѣ въ 1777 г., говоритъ, въ примѣчаніи на стр. 4, что „le rouble vaut 4 liv. 10 f. argent de France", т. е. не $2^1/_2$ фр., какъ теперь, а въ четыре раза дороже.

Съ окончаніемъ работъ въ Мраморномъ дворцѣ онъ поступилъ въ вѣдѣніе подполковника Фридриха фонъ-Ралль, назначеннаго управляющимъ указомъ 19-го ноября 1785 года, когда было ассигновано къ отпуску ежегодно на содержаніе дворца 4,209 руб. Впослѣдствіи Ралль жаловался кабинету на недостаточность этихъ денегъ, но онѣ не были увеличены до 1795 года, когда никѣмъ незанятый дворецъ назначенъ былъ цесаревичу Константину Павловичу и, по случаю предстоявшаго въ 1796 г. его бракосочетанія, ремонтировался извѣстнымъ архитекторомъ Старовымъ.

Въ „Дневникѣ Храповицкаго" (изданіе Базунова, съ объясненіями Барсукова, на стр. 51) сказано: 7-го октября 1787 года „привезъ изъ Мраморнаго дома всѣ медали въ эрмитажъ, и приказано, чтобъ далъ я въ нихъ росписку".

Иванъ Егоровичъ Старовъ (род. 1743, † 1808 г.) былъ изъ первыхъ воспитанниковъ Академіи художествъ и отличался своими знаніями и искусствомъ сочинять и рисовать проэкты. Между прочими сооруженіями, онъ построилъ Таврическій дворецъ, соборную церковь Александро-Невскаго монастыря, церковь въ Софіи, что въ Царскомъ селѣ, и загородный дворецъ на лѣвомъ берегу Невы, Пеллу, гдѣ Екатерина, на значительномъ возвышеніи, повелѣла построить дворецъ предъ полукруглымъ амфитеатромъ, составляемымъ излучиною Невы, и такъ назвать въ память рожденія перваго богодарованнаго ей возлюбленнаго внука, названнаго Александромъ, потому что Александръ, сынъ Филипповъ, бывшій

царь Македонскій, прозванный Великимъ, родился въ Пеллѣ („Описаніе села Царскаго или Спутникъ, обозрѣвающій оное“, стр. 141).

Пелла, прежде загородный домъ сенатора Неплюева, куплена въ 1784 г. и уже стали обозначаться огромныя зданія съ арками, колоннадами, по опушкѣ Термы въ подражаніе римлянамъ; все обѣщало тамъ соперницу Царскому селу, но съ 1793 года работы прекратились, все до основанія уничтожилось, и впослѣдствіи матеріалы развезены въ разныя мѣста. Это обстоятельство объяснить можно тѣмъ, что 1792 г. началась постройка въ Царскомъ селѣ Ново-Александровскаго дворца, по поводу котораго Сумароковъ въ „Обозрѣніи царствованія и свойствъ Екатерины Великія“, говоритъ: „Имя Александра всегда вырывалось изъ устъ Екатерины съ пріятною улыбкою; въ младенчествѣ искала ему забавъ, въ юности предупреждала его желанія и хотѣла оставить памятникъ сихъ нѣжныхъ къ нему чувствъ, повелѣвъ славному Гваренги, не щадя ни искусства, ни иждивенія, соорудить для него особое обиталище. Всѣ знатоки признаютъ Александровскій дворецъ образцемъ художества, единственнымъ въ своемъ родѣ; но Екатерина не одобрила зданія, ей казалось, что великолѣпіе не соотвѣтствовало ея любви къ нему (часть II, стр. 89). Тотъ-же авторъ замѣчаетъ, что „дворецъ Мраморный построенъ по плану императрицы, а потому съ немалыми погрѣшностями, примѣчателенъ только по великолѣпію“ (ч. III, стр. 231). Дѣйствительно, по наружной отдѣлкѣ и внутреннему убранству дворецъ Мраморный до настоящаго времени служитъ прекраснымъ памятникомъ щедрости Екатерины. Нижній этажъ обложенъ весь тесанымъ дикимъ камнемъ, верхніе-же два разноцвѣтнымъ, полированнымъ финляндскимъ и сибирскимъ мраморомъ, изъ котораго сдѣланы и карнизы. По словамъ современниковъ, въ нижнемъ этажѣ помѣщались высокіе, хорошо убранные, „гостиные покои“, прекрасная домовая церковь, о которой будетъ сказано подробно далѣе, и кухня. Въ средній и верхній этажи вела богатая парадная лѣстница изъ сѣраго мрамора съ нишами для статуй и вазъ, сохранившая свой великолѣпный видъ до настоящаго времени.

Средній этажъ великолѣпіемъ, изящнымъ вкусомъ и разно-

образіемъ предметовъ плѣнялъ всякаго любопытнаго зрителя. Въ немъ находилось отъ 60 до 70 комнатъ, такъ расположенныхъ, что, проходя ихъ, приходилось побывать только въ двухъ или трехъ два раза. Ножки у зеркальныхъ столиковъ и двери у балконовъ, всѣ мѣдныя, были „крѣпко раззолочены“. Обои, занавѣси, стулья, штучные полы, живопись на потолкахъ, печи, комельки, часы, вазы, люстры и проч. въ каждой комнатѣ были различные. Въ одной изъ комнатъ на богатыхъ уборахъ шелкомъ и гарусомъ были „многократно вышиты и цвѣтами увѣшаны буквы Е. В.“ (Екатерина Вторая). Въ четырехъ покояхъ стѣны были убраны картинами, большею частію портретами императорскаго дома. Въ одной вмѣсто обоевъ находились деревянные, пальмовые барельефы, повѣшанные теперь въ библіотекѣ его высочества; въ другихъ стѣны отдѣланы были ляписъ-лазурью и яшмою. Главное зало имѣло въ вышину весь второй и третій этажъ и окна въ два свѣта; въ немъ находилось семь паникадилъ или люстръ и хоры для музыкантовъ и кромѣ того во дворцѣ была комната, отдѣланная въ турецкомъ вкусѣ, а также великолѣпная греческая, а рядомъ съ ней русская баня. Библіотека-же, находившаяся въ Мраморномъ дворцѣ, куплена была у герцога Эггерса въ Данцигѣ въ 1787 году, и по представленію графа Ангальта пожалована императрицею шляхетному сухопутному корпусу; она заключала около 7 тысячъ томовъ (Георги, Описаніе Петербурга).

Въ день бракосочетанія в. кн. Константина Павловича (совершившагося 15-го февраля 1796 г.), происходившаго въ церкви Зимняго дворца, послѣ обѣденнаго стола въ Георгіевской залѣ и по окончаніи бала, за нѣсколько времени, его высочество Александръ Павловичъ съ супругою своей Елизаветою Алексѣевною отъѣхали со своимъ придворнымъ штатомъ въ Мраморный дворецъ для пріема въ немъ новобрачныхъ. Кортежъ слѣдовалъ отъ подъѣзда Зимняго дворца, что на Невѣ (теперь Іорданскій), здѣсь по набережной, что между симъ дворцомъ и Мраморнымъ, и подъѣзжая къ послѣднему, выѣзжалъ сквозь задній дворъ въ переулокъ, что между симъ дворцомъ и домомъ графини Скавронской, и тѣмъ же порядкомъ объѣзжая домъ вице-адмиральши Рибасъ, кареты становились одна за другой, начиная отъ заднихъ воротъ

Мраморнаго дворца, кои въ переулокъ (т. VI, стр. 153, „Дѣянія Екатерины II, соч. Колотова).

На другой день приносились въ дворцѣ Мраморномъ поздравленія новобрачнымъ, а спустя нѣсколько дней Екатерина обѣдала у своего внука и вотъ что она писала о Мраморномъ дворцѣ въ письмѣ къ Гримму: „Je pense qu'il est difficile de trouver une plus belle maison, plus richement meublée et avec plus de goût, de commodité, de richesse; nous nous sommes amusés avant et après le diner à parcourir toute la maison, et j'en suis très contente, et le sieur Constantin aussi". (Сб. Историч. общ., т. XXIII, стр. 669).

Вскорѣ послѣ послѣдняго раздѣла Польши, въ 1797 году, въ Петербургъ прибылъ король польскій Станиславъ-Августъ Понятовскій, который изъ предложенныхъ для него и его свиты дворцовъ: Каменнаго, Таврическаго и Мраморнаго, избралъ послѣдній, почему великому князю Константину Павловичу пришлось временно поселиться въ домѣ бывшаго оберъ-гофмаршала Шепелева, на Милліонной улицѣ, по берегу Зимняго канала, противъ Зимняго дворца, ремонтированнаго одновременно съ Мраморнымъ тѣмъ же Старовымъ (домъ Шепелева купленъ въ казну за 38,000. Указ. Каб. 13-го августа 1768 г.).

Въ 1798 году въ февралѣ мѣсяцѣ Понятовскій скончался въ Мраморномъ дворцѣ и погребенъ 18-го февраля подъ католической церковію на Невскомъ проспектѣ (Госуд. Арх., XII, 249).

По кончинѣ Константина Павловича (27-го іюня 1831 года) Мраморный дворецъ опустѣлъ, большая часть мебели и вещей перенесена была въ другіе дворцы, а съ 6-го марта 1832 года дворецъ назначенъ Государю Великому Князю Константину Николаевичу и поступилъ въ вѣдѣніе департамента удѣловъ, отъ котораго въ январѣ 1844 г. сданъ строительной коммисіи, а отъ послѣдней перешелъ въ вѣдомство Кабинета Его Величества 21-го августа 1848 г. Съ 1849 г., въ теченіи 4-хъ лѣтъ, въ дворцѣ производился большой ремонтъ. Реставрировалъ его архитекторъ, покойный, Александръ Павловичъ Брюлловъ. Послѣ того въ 1849 г., 10-го декабря, послѣдовалъ именной указъ государя Николая Павловича о пожалованіи Мраморнаго дворца въ даръ, въ потом-

ственное владѣніе его императорскому высочеству Константину Николаевичу, и наименованіе дворца Константиновскимъ. (Арх. Департ. удѣловъ, № 495).

III.

Обращаясь, въ заключеніе, къ церкви Мраморнаго дворца, мы должны сказать, что въ отчетѣ Мордвинова за 1782 г. упомянуто о настилкѣ штучнаго дубоваго пола столяромъ Мейеромъ въ нижнемъ этажѣ, гдѣ назначено быть церкви, въ количествѣ 12 квадр. саж. и 3-хъ аршинъ. Въ то-же время мастеръ Смирновъ золотилъ иконостасъ, а живописецъ Кристъ написалъ мѣстныя иконы. Комната, назначенная для церкви, находилась отъ восточнаго угла въ девятомъ простѣнкѣ и имѣла четыре окна на Неву. До назначенія дворца Константину Павловичу, освященіе церкви не было совершено, которое происходило въ 1795 году. Въ письмѣ, отъ 14-го декабря, Петръ Ив. Турчаниновъ къ Вас. Степ. Попову писалъ, что ея величество указала ему имѣющуюся въ Мраморномъ домѣ церковь освятить, образъ храмовой Входа въ храмъ Пресвятыя Богородицы написать, церковную утварь и ризницу со всѣми принадлежностями сдѣлать отъ Кабинета: 1) образъ же храмовой отдать писать діакону изъ Чесмы; 2) въ то-же время, 14-го декабря, къ имѣющемуся освятиться храму священникомъ Вас. Григорьевымъ, по реестру отъ Кабинета принята была и церковная утварь: дарохранительница на престолъ серебряная, вызолоченная съ финифтяными образами; дароносица маленькая для запасныхъ даровъ золоченая въ 82 зол.; потиръ, дискосъ со звѣздою, два блюдца, ложица—серебряная съ позолотою, а потиръ съ финифтяными образами въ 5 фун. 70 зол.; два копія съ костяными ручками; евангеліе съ серебряною позолоченою доскою, съ финифтяными образами; крестъ напрестольный серебряный, вызолоченный, съ финифтяными образами въ 1 фун. 72 зол.; крестъ серебряный малый; два подсвѣчника серебряныхъ малыхъ настольныхъ 2 фун. 52 золотн.; кадило изъ серебра въ 1 фун. 20 зол.; ладоница съ крышкою того-же металла 46 з.; два сосудца для благословенія вина и елея съ крышками позолоченые и блюдо — всѣ вѣсомъ 3 фун.

29 зол.; двѣ тарелки для просфоръ и теплоты 2 фун. 74 зол. и одинъ ковшъ позолоченый въ 79 зол. Всѣ эти предметы, исключая дарохранительницы, находятся въ церкви и въ настоящее время. Точнаго свѣдѣнія о днѣ освященія церкви не сохранилось, такъ какъ всѣ документы утрачены во время пожара, бывшаго въ канцеляріи управленія, придворнымъ духовенствомъ при протопресвитерѣ Криницкомъ.

Въ 1796 г., 7-го января, императрица повелѣла устроить для церкви водосвятную чашу, а 12-го апрѣля того-же года были доставлены изъ Кабинета плащаница, написанная художникомъ Иваномъ Бѣльскимъ, а художникъ Бѣльскій, какъ и архитекторъ Старовъ, въ 1770 году выставлялъ на выставкѣ въ академіи художествъ слѣдующія произведенія: 1) образъ св. апостола Петра, съ картины Піочети дѣланъ мозаикою; 2) образъ св. апостола Павла и образъ св. Екатерины, оба дѣланы мозаикою съ картинъ подъ смотрѣніемъ назначеннаго (т. е. въ академики) Бѣльскаго и принадлежали, какъ сказано въ каталогѣ, эрмитажу, и 3) эскизъ, представляющій Рождество Христово, съ котораго будетъ сдѣлана мозаика. Въ описаніи церкви у Пушкарева сказано, что изъ образовъ церкви Мраморнаго дворца замѣчательны: 1) два маленькихъ образа, написанные на яшмовыхъ доскахъ, „Воздвиженіе креста“ и „св. кн. Владиміра съ Ольгою“; 2) запрестольный образъ „Страданіе Спасителя“, 3) „Снятіе со креста“ и 4) образъ мозаической работы Божіей Матери, который, по всей вѣроятности, принадлежалъ работѣ Ив. Ив. Бѣльскаго († 1799 г.).

Праздникъ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы имѣетъ историческое значеніе. 1768 года, 12-го октября [1]), императрица Екатерина Великая показала на себѣ примѣръ привитія оспы, и послѣ окончательнаго выздоровленія, 21-го ноября, она вышла въ храмъ для благодарственнаго моленія, послѣ котораго принимала поздравленіе съ благополучнымъ исходомъ болѣзни. Во всѣхъ церквахъ Петербурга въ тотъ день былъ цѣлодневный звонъ, а изъ Петропавловской крѣпости производилась пушечная пальба. На другой день, 22-го ноября, приносили поздравленія гг. сенаторы, причемъ постановили: „дабы память сего отъ Все-

---

[1]) Госуд. Арх., ук. гр. Петру Сем. Салтыкову 1768 г., 27 октября.

вышняго на Россію изліяннаго милосердія въ сердцахъ вѣрноподданныхъ ея императорскаго величества незабвенно пребывала", то на будущіе годы установлено ноября 21-й день торжествовать, какъ въ столичныхъ, такъ и во всѣхъ прочихъ имперіи ея величества городахъ, во всемъ подобно нынѣшнему учиненному здѣсь торжеству [1]). Съ того же времени въ Россіи ввелось повсемѣстное оспопрививаніе. Очень можетъ быть, что церковь Мраморнаго дворца посвящена Входу во Храмъ Пресвятыя Богородицы въ память этого событія.

Въ нижнемъ этажѣ дворца церковь находилась до 1846 г., а въ этомъ году, по случаю его ремонта и приготовленія для государя Великаго Князя Константина Николаевича, она была перемѣщена въ комнаты 2-го этажа служебнаго дома по лицевой сторонѣ на Неву [2]). Во дворцѣ же рѣшено было устроить церковь совершенно новую. Въ 1849 г. окончился ремонтъ дворца, а вмѣстѣ съ тѣмъ было окончено и устройство новой церкви, которая и была освящена духовникомъ ихъ императорскихъ величествъ, протопресвитеромъ Василіемъ Борисовичемъ Бажановымъ, 27-го декабря того года, также, какъ и въ 1795 г., въ честь Входа во Храмъ Пресвятыя Богородицы. Прежняя же церковь, устроенная въ служебномъ домѣ, была закрыта, и иконостасъ, ризница, часть утвари и старыя богослужебныя книги его императорское высочество государь великій князь Константинъ Николаевичъ соизволилъ пожертвовать въ Никифоровскую пустынь Олонецкой губерніи.

Вновь устроенный храмъ помѣщается въ верхнемъ этажѣ Мраморнаго дворца и занимаетъ четыре комнаты съ восемью окнами, въ каждой по два, выходящими на фасадную сторону къ Невѣ. Ризницею своею онъ прилегаетъ къ западной стѣнѣ Мраморнаго зала; затѣмъ слѣдуютъ: алтарь, собственно церковь, въ которой на западной сторонѣ устроена ниша въ видѣ часовни съ куполомъ, гдѣ во время богослуженія предстоятъ ихъ высочества, и далѣе къ западу еще комната, за молельной, изображающая какъ бы притворъ. Входовъ въ храмъ три: противъ па-

---

[1]) „Спб. Вѣд." 1767 г., прабавл. къ № 103.

[2]) Арх. Департ. Удѣловъ.

радной лѣстницы въ церковь, у черной въ притворъ и въ ризницу чрезъ боковую комнату.

Всѣ входы съ южной стороны. Иконостасъ устроенъ въ четыре яруса, выкрашенъ синей масляной краской и украшенъ рѣзными изъ дерева золочеными въ два цвѣта колоннами, бордюрами и багетами. Первоначальныя иконы въ немъ поставлены были всѣ итальянской живописи, но въ 1850—1852 г. замѣнены иконописными въ древнемъ византійскомъ стилѣ, написанными извѣстнымъ знатокомъ древней иконописи Пѣшехоновымъ, исключая иконъ второго яруса и на царскихъ вратахъ четырехъ евангелистовъ и Благовѣщенія. Двѣ мѣстныя иконы—Спасителя и Богоматери, итальянской школы, хранятся въ ризницѣ, а прочія обдѣланы въ золотыя рамы и симметрически размѣщены по стѣнамъ проходной комнаты отъ парадной лѣстницы въ церковь, предназначенной также для молящихся.

Въ настоящее время въ храмѣ находятся слѣдующія иконы:

Въ алтарѣ: на горномъ мѣстѣ, въ нишѣ на стѣнѣ, Господа Вседержителя, а по сторонамъ—Божіей Матери и св. Крестителя Іоанна; надъ жертвенникомъ, въ нишѣ же, Знаменія Божіей Матери; за престоломъ, на деревянномъ треножникѣ, бѣломъ съ позолотою, икона, поднесенная его императорскому высочеству государю великому князю Константину Николаевичу отъ Финляндскаго полка, въ память спасенія его высочества отъ руки убійцы въ Варшавѣ 21-го іюня 1861 г. На ней изображенъ вверху Спаситель, немного ниже Ангелъ съ дымящимся кадиломъ, а внизу лики молящихся святыхъ Царя Константина, святителя Спиридона и мучен. Юліана. Сзади и по краямъ икона обложена вызолоченнымъ серебромъ.

Въ иконостасѣ съ правой стороны: Спасителя, на южной двери св. благов. вел. кн. Георгія Владимірскаго—въ память дня рожденія великой княгини Вѣры Константиновны, 4-го февраля 1854 г.; Входа во храмъ Пресвятыя Богородицы; святителя Николая Чудотворца; съ лѣвой стороны Божіей Матери; на сѣверныхъ дверяхъ св. благов. великаго князя Александра Невскаго; Срѣтенія Господня—день рожденія великаго князя Николая Константиновича и св. царицы Александры. Во 2-мъ ярусѣ: 16 круглыхъ небольшихъ иконъ главнѣйшихъ церковныхъ праздни-

ковъ, а надъ царскими вратами Софіи Премудрости Божія. Въ 3-мъ ярусѣ: 12 св. Апостоловъ и равноапостольнаго царя Константина, царицы Елены, великаго князя Владиміра и великой княгини Ольги, а надъ царскими вратами Деисусъ. Въ 4-мъ ярусѣ: 12-ти св. Пророковъ и Знаменія Божія Матери и, наконецъ, надъ иконостасомъ икона Господа Саваоѳа съ исходящимъ Духомъ Святымъ, а надъ нею Св. Крестъ.

На сѣверной сторонѣ церкви, между окнами, на стѣнѣ изображены: св. великомученица Марина, а вверху ея св. апостолъ Петръ, спасаемый Іисусомъ Христомъ отъ потопленія. Эта икона написана въ память спасенія его высочества государя великаго князя Константина Николаевича отъ потопленія въ день св. Марины, 17-го іюля 1854 года. По сторонамъ молельни, на столбахъ, поддерживающихъ ея куполъ, изображенія св. благов. князей Бориса и Глѣба. На южной стѣнѣ: св. благов. князей Михаила Тверского и Михаила Черниговскаго и святителей: Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, всея Россіи чудотворцевъ.

Изъ святынь храма, обращающихъ на себя благоговѣйное вниманіе молящихся, достопримѣчательны слѣдующія: на аналоѣ, предъ мѣстною иконою Спасителя, серебряный вызолоченный крестъ, въ которомъ хранятся двѣ частицы Животворящаго древа Креста Господня, принесенныя въ даръ ихъ императорскимъ высочествамъ: государю великому князю Константину Николаевичу и супругѣ его государынѣ великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ іерусалимскимъ патріархомъ Кирилломъ въ 1859 г., во время путешествія ихъ высочествъ по Святымъ мѣстамъ. Въ томъ же крестѣ хранятся частицы мощей: св. царя Константина, св. царицъ: Александры и Ѳеофаніи, св. Мироносицъ: Маріи Магдалины и Саломіи, св. Василія Великаго, св. первомуч. архидіакона Степана и св. великомуч. Евфиміи. На томъ же аналоѣ: 1) хрустальный четырехъугольный продолговатый ковчегъ съ серебряной вызолоченной крышкою, въ которомъ хранятся частицы мощей святыхъ: царицы Ѳеофаніи, великом. Евфиміи, Мироносицы Саломіи и камень отъ прославленной чудесами колонны св. великомуч. Георгія; 2) два круглыхъ хрустальныхъ ковчега въ серебряной вызолоченной оправѣ и такими же крышками съ крестами, въ нихъ два камня: въ первомъ отъ Гроба

Господня, во второмъ отъ горы Голгоѳы, и 3) крестъ съ четками изъ масличныхъ деревъ Геѳсиманскаго вертограда [1]).

У иконы св. великомученицы Марины, на бронзовой площадкѣ, придѣланной къ стѣннымъ периламъ, помѣщается серебряный вызолоченный съ эмалью ковчегъ, въ видѣ гробницы, со стекломъ въ крышкѣ, въ которомъ хранится перстъ нетлѣнныхъ мощей св. великом. Марины. Эта часть св. мощей прислана въ даръ его высочеству государю великому князю Константину Николаевичу отъ почивающаго въ Бозѣ великаго государя императора Александра II — 17-го іюля 1869 года въ двадцатипятилѣтнюю годовщину спасенія его высочества отъ потопленія 17-го іюля 1854 г.

Предъ мѣстною иконою Богоматери, на аналоѣ, въ кивотѣ подъ стекломъ, хранится древняя икона Спасителя, принадлежавшая Никитѣ Романовичу Юрьеву-Захарьину. На обратной сторонѣ надпись Никиты Романовича. Эта икона поднесена въ даръ отъ А. Н. Муравьева съ Аѳона.

Въ притворѣ, за молельной, предъ иконой въ память тысячелѣтія Россіи, прикрѣпленной къ стѣнѣ, помѣщается на продолговатомъ столикѣ модель часовни Гроба Господня изъ дерева,— даръ іерусалимскаго патріарха Кирилла въ 1859 г.

Въ ризницѣ, на двухъ аналояхъ, въ кіотахъ подъ стеклами находятся двѣ иконы, которыми императрица Екатерина II благословила цесаревича Константина Павловича при вступленіи его въ бракъ: 1) Спасителя въ золотой ризѣ, въ вѣнцѣ которой слова ὁ ὢν и надпись І͞С Х͞С сдѣланы изъ мелкихъ брилліантовъ, и 2) св. равноапост. царя Константина и священномуч. Симеона, также въ золотой ризѣ съ вѣнчиками изъ мелкихъ брилліантовъ, вверху которой изображенъ Спаситель, окруженный ангелами; въ кіотѣ первой иконы хранятся два камня отъ дома св. Іоакима и Анны. Кромѣ этихъ иконъ, поступившихъ изъ прежней церкви Мрамор-

---

[1]) Всѣ эти святыни привезены ихъ высочествами изъ Іерусалима въ 1859 г. Въ удостовѣреніе подлинности ихъ въ ризницѣ хранится грамота патріарха Кирилла на греческомъ и арабскомъ языкахъ, съ переводомъ на русскій. Св. Крестъ съ частицами Древа Креста Господня освященъ 14-го февраля 1860 года с.-петербургскимъ митрополитомъ Григоріемъ, въ сослуженіи митрополитовъ: кіевскаго—нынѣ с.-петербургскаго—Исидора и литовскаго Іосифа, въ память чего въ ризницѣ хранится о семъ освященіи, съ подписью вышеозначенныхъ митрополитовъ, запись.

наго дворца, есть много и другихъ, относящихся ко времени устройства церкви въ прошломъ столѣтіи, по случаю вступленія въ бракъ цесаревича Константина Павловича.

Церковь въ Мраморномъ дворцѣ, съ начала ея основанія и до настоящаго времени, находилась въ придворномъ вѣдомствѣ. Именовалась въ оффиціальныхъ бумагахъ до 1849 г. церковію Введенія во Храмъ Пресвятыя Богородицы, что въ Мраморномъ дворцѣ, а съ того времени называется церковію Константиновскаго дворца.

Протодіаконъ **В. Орловъ.**

С.-Петербургъ,
12-го октября 1884 г.

Примѣчаніе. Считаемъ долгомъ выразить нашу благодарность И. Н. Божерянову, сдѣлавшему указанія и ссылки на печатные матеріалы, приводимые въ настоящей статьѣ о Мраморномъ дворцѣ, а также за весьма обязательно сообщенный намъ списокъ гравюръ и рисунковъ, съ изображеніемъ Мраморнаго дворца, находящихся въ коллекціи Павла Як. Дашкова:

1. Мѣстоположеніе Мраморнаго дворца изображено въ первый разъ граверомъ петровскаго времени Эллингеромъ, на видѣ Невской набережной отъ Лѣтняго сада до мѣста, занимаемаго теперь дворцемъ в. к. Владиміра Александровича. „Видъ дворцовой концеляріи съ слѣдующими палаты"—„Veüe de la chancellerie de la cour avec les Palais suivant". Гравировано рѣзцомъ. Вышина $50^1/_2$, ширина $66^3/_4$ сантиметра. Мѣстоположеніе Мраморнаго дворца, между палатами князя Кантеміра и Мусина-Пушкина. Дома мазанковые, набережная деревянная со спусками передъ каждымъ домомъ.

2. Видъ Мраморнаго дворца со стороны Царицына луга. Гравировано черною манерою Соколовымъ, безъ его имени, в. 28, ш. 44. Первый видъ, изображающій Мраморный дворецъ и единственно извѣстный экземпляръ.

3. Рисунокъ акварелью В. Паттерсена. Видъ Мраморнаго дворца со стороны Марсова поля, в. $44^1/_2$, ш. 70.

4. „Vue du Palais de Marbre à sa facade d'entrée et alentours façant le Jardin Imperial à St. Petersbourg". Гравировано очеркомъ крѣпкой водкой и раскрашено отъ руки В. Паттерсеномъ (около 1799). Размѣры тѣ же, что и акварели № 3.

5. Копія съ предъидущей гравюры съ небольшими измѣненіями. „Vue du Champ de Mars avec l'obelisque du Feld Maréchal Comte Pierre de Romantzof et de la Facade du Palais de Marbre à St. P.; prise du coté du Jardin Imperial (Lory fils 1804). Гравировано очеркомъ рѣзцомъ и крѣпкой водкой для раскраски, в. 39, ш. $65^3/_4$.

6. „Vue du Palais de Marbre et de ses environs, vers la Newa (prise du coté de Wasiliostroff) de Mayr pinx. M. G. Eichler sculp. Entrepris aux Trait de Jean Walzer, Negociant de la premiere classe à Moscou, públié en 1799

avec Priviligе de S. M. I. Paul Premier Empereur de toutes les Russie. Гравировано рѣзцомъ, в. 38½, ш. 65⅘.

7. Копія № 6 съ небольшими измѣненіями: Vue du Palais du Marbre et des ses environs à St. P. C. A. Hammer sculp. 1808. Dresden bey Hr. Rittner. Гравировано очеркомъ крѣпкой водкой и раскрашено отъ руки, в. 37, шир. 53¼.

8. Видъ со стороны крѣпости: Palais de Marbre pris du couper de la Forteresse à St. P., в. 39, ш. 59½, крѣпкая водка и раскрашено отъ руки Паттерсеномъ.

9. Копія съ № 8 въ уменьшенномъ видѣ рѣзцомъ Klenze del—Schroeder sculp. Vue du Palais de Marbre a St. P. Первые оттиски безъ всякой подписи, проложены чистой крѣпкой водкой.

10. Изображеніе Мраморнаго дворца на видѣ набережной, гравированной Паттерсеномъ въ 1799 г., крѣпкой водкой, раскрашено отъ руки, в. 41, шир. 59.

11. На гравюрѣ: Le Palais Imperiale d'hiver du coté de la Newa à St. P.; гравировано крѣпкой водкой очеркомъ и раскрашено отъ руки. Работа 1803 г. того же автора, какъ и № 10. Мѣра какъ и предъидущей гравюры.

12. Видъ Мраморнаго дворца со стороны Павловскихъ казармъ.

Drawn by Joseph Hearn—Engrav'd by Tho-s. Malton. A view of the Marble palace & c in the Great Million, St. Petersbourg—Vue du Palais de Marbre & c dans la Grand Millione, St. P. Published Aug-t, 12 1790 by Joseph Hearn St. P. & J Dean Bentinck Street Soho London, в. 33, ш. 50½, грубая аквантинта, первые оттиски имѣютъ подписи сквозными буквами и печатаны рыжеватою краскою, а у послѣдующихъ буквы затѣнены и печатано сѣроватымъ тономъ.

13. Копія въ увеличенномъ видѣ съ предъидущей съ небольшими измѣненіями: Vue du Palais de Marbre dans la grand Millione à St. P., в. 37½, ш. 56, также аквантинта и съ нея существуютъ гравюры, печатанныя въ два тона и красками.

14. Точная копія съ № 13-го въ уменьшенномъ видѣ, в. 24, ш. 34.

Drawn by Mornay.—Clark & Dubourgh sculp. View of the Marble in the grand Millione St. P. Въ дубовомъ вѣнкѣ: February. Vue du Palais de Marbre dans la grand Millione a St. P. Гравюра аквантинта и печатана красками. London Published & Sold April 28. 1815 by Edw-d Orme Publisher to His Majesty and H. R. H. the Prince Regent Bond Street, corner of Brook Street.

15. Видъ также со стороны Павловскихъ казармъ, но съ другой точки point de vue, Marbre palace St. P. Tayolr del — S Port sculp. гравировано рѣзцомъ, в. 31, шир. 20.

Во вторыхъ отпечаткахъ имена мастеровъ уничтожены и прибавлено Published 1-st June, 1802. For the monthly registre.

16. На рисункѣ тушью М. Воробьева, в. 29½, ш. 42½.

17. На рисункѣ съ натуры Сабата, в. 30, ш. 43, рисунокъ этотъ былъ литографированъ.

18. Рисунокъ съ натуры В. Паттерсена: La statue de Souvorof et l'obelisgue de Roumaintzof á St. P., в. 38, ш. 58.

19. Гравюра крѣпкой водкой очеркомъ и раскрашена отъ руки Паттерсена съ предъидущей, мѣра та же.

20. Рисовалъ съ натуры и гравировалъ Иванъ Мартыновъ 1814 г. Dessine d'apres Nature et gravé par J. Ivanoff l'an 1814. Подпись: „Видъ Царицына луга изъ Верхняго саду“.

Vue du Pré Tzaritzin prise du Jardin d'enhaut. Гравюра á l'eau forte и раскрашена отъ руки, в. 34, ш. 56.

21. На видѣ набережной, гравированной А. Мартыновымъ крѣпкой водкой; въ листъ, безъ всякой подписи.

22. На видѣ набережной, снятой съ Петропавловскаго собора (около 1820 г.) St. Petersbourg (Se vend à Vienne chez Artaria et Compag. Propriété des Editeurs). Deposé á la Bibliotheque Imp. et Roy. de Vienne. Гравировано очеркомъ рѣзцомъ и раскрашено отъ руки, в. 33, ш. 71.

23. Копія съ предъидущаго № 22 въ уменьшенномъ видѣ (того же времени). St. Petersbourg Schonberg fee, кр. водкой, в. 18, ш. 30½.

И. Б.

О ВОЗОБНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА

† 27-го іюня 1740 г. [1]).

Поступило пожертвованій на возобновленіе сего памятника:

Отъ Н. А. Кириловича, начальника Ново-Александрійскаго	5 руб.
„ А. А. Чумикова изъ г. Ревеля.	5 „
А съ прежде поступившими всего .	1,883 руб.

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 224; февраль, стр. 460; мартъ, стр. 666; т. XLII, апрѣль, стр. 221; май, стр. 407; іюнь, стр. 671; т. XLIII, августъ, стр. 448; сентябрь, стр. 676; т. XLIV, октябрь, стр. 194; ноябрь, стр. 444; декабрь, стр. 624; изд. 1885 г., т. XLV, январь, стр. 244; февраль стр. 477; мартъ, стр. 716; т. XLVI, апрѣль, стр. 228.

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА М. И. ГЛИНКѢ ВЪ СМОЛЕНСКѢ

20-го мая 1885 г.

14-го ноября 1870 года множество поклонниковъ великаго композитора нашего Глинки наполняли зало дворянскаго собранія въ С.-Петербургѣ: шелъ концертъ, составленный изъ произведеній этого генія; цѣль концерта была собраніе фонда на сооруженіе памятника М. И. Глинкѣ—на мѣстѣ его родины, въ Смоленскѣ [1]).

Прошло четырнадцать лѣтъ. Въ этотъ періодъ времени шелъ, то совсѣмъ замирая, то вновь возбуждаемый усиліями нашихъ первоклассныхъ музыкальныхъ маэстро, какъ напр. А. Г. Рубинштейна, сборъ въ тотъ же фондъ по сооруженію памятника.

16-го сентября 1883 г. совершена въ Смоленскѣ закладка памятника Михаилу Ивановичу Глинкѣ, и вотъ, наконецъ,—20-го мая 1885 года—послѣдуетъ торжество его открытія.

Это событіе всеконечно вызоветъ повсюду на Руси и въ славянскихъ земляхъ, гдѣ хорошо знаютъ музыку Глинки, чувство общаго удовольствія: великому творцу отечественной оперы воздается, наконецъ, должная дань уваженія и благодарности.

Ред. «Русской Старины» съ чувствомъ живѣйшаго сочувствія встрѣчаетъ это событіе: въ теченіе пятнадцатилѣтняго періода изданія этого журнала на его страницахъ, ежегодно, появлялись драгоцѣнные матеріалы къ жизнеописанію и къ исторіи музыкальнаго творчества М. И. Глинки. Такимъ образомъ еще въ 1870 году на стр. «Русской Старины» появились обширныя записки нашего отечественнаго композитора — матеріалъ драгоцѣнный для знакомства съ его личностью и его творчествомъ;—вслѣдъ за тѣмъ постепенно появлялись записки и

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1870 г. томъ II, изд. второе, стр. 632; изд. третье, томъ II, стр. 665.

воспоминанія его сестры, Л. И. Шестаковой—съ 1857 года, болѣе четверти вѣка, посвятившей на упроченіе и развитіе всего того, что служитъ къ славѣ ея брата; записки П. А. Степанова, Ѳ. М. Толстого, А. Н. Струговщикова—и многихъ другихъ, а также письма, брульоны и либретто произведеній Глинки, писанныя имъ самимъ.

При настоящей книгѣ «Русской Старины» мы находимъ вполнѣ благовременнымъ помѣстить одинъ изъ весьма удачныхъ, по отзыву Л. И. Шестаковой, портретовъ ея брата. Это самый точный снимокъ съ карандашнаго наброска 1843 года, исполненнаго съ натуры, на вечерѣ у г. Репнинскаго, Николаемъ Ивановичемъ Тихобразовымъ, ученикомъ Карла Павловича Брюл-лова [1]).

Обращаясь къ вновь открываемому памятнику — напомнимъ нѣсколько данныхъ, относящихся къ исторіи его сооруженія.

Глинка скончался 3-го февраля 1857 г., погребенъ въ С.-Петербургѣ. Мысль о сооруженіи ему памятника, на мѣстѣ его родины, въ Смоленскѣ, какъ мы уже замѣтили выше, возникла въ 1870 году. 14-го іюля того же года Высочайше утвержденъ проектъ академика фонъ-Бокка и возникъ комитетъ по сооруженію памятника. Въ 1881 году общая сумма, собранная на сей предметъ, все еще была недостаточна. Но съ того времени, какъ сталъ во главѣ комитета по сооруженію памятника кн. Георгій Васильевичъ Оболенскій, — избранный въ губернскіе предводители дворянства, фондъ быстро увеличился. 16-го сентября 1883 г., въ день рожденія Людмилы Ивановны Шестаковой (Глинка), съ подобающимъ торжествомъ, своевременно описаннымъ въ газетахъ, совершена закладка памятника—и нынѣ 20-го мая 1885 г. совершится его открытіе. Ред.

---

[1]) Ник. Ив. Тихобразовъ, пенсіонеръ Общества поощренія художниковъ, на 17-мъ году (въ 1835 г.) началъ ходить въ академію художествъ; въ 1843 году Тихобразовъ получилъ 2-ю золотую медаль за картину „Геркулесъ освобождаетъ Прометея", въ 1844 г.—званіе художника, въ 1845 г.—первую золотую медаль за картину „Іисусъ Христосъ изгоняетъ изъ храма торгующихъ", въ 1852 г. Тихобразовъ получилъ званіе академика за картину „Албанка за шитьемъ". Тихобразову принадлежитъ нѣсколько замѣчательныхъ произведеній, какъ напр.: запрестольный образъ „Моленіе о чашѣ", три иконостаса въ церквахъ кіевскаго и новгородскаго кадетскихъ корпусовъ, плафоны въ нѣкоторыхъ дворцахъ и портреты. Какъ отличный рисовальщикъ, онъ былъ приглашенъ въ наставники рисованія дѣтей, въ Бозѣ почившихъ, императора Александра II, также великой княгини Маріи Николаевны. Умеръ Тихобразовъ въ 1873 году. И. Н. Б.

СТОЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА ПОЖАЛОВАНІЯ ЕКАТЕРИНОЮ II ГРАМОТЪ

Россійскому дворянству и городамъ имперіи.

1785 — $\frac{\text{апрѣля}}{21}$ — 1885.

21-го апрѣля 1885 г. все Россійское дворянство и городскія общества отпраздновали день первой столѣтней годовщины пожалованія имъ императрицею Екатериною II основныхъ въ исторіи этихъ сословій грамотъ: «на права и вольности Россійскаго дворянства» и «на права и выгоды городамъ»,—законодательныхъ актовъ, опредѣлившихъ права и обязанности, порядокъ самоуправленія и отношенія дворянства и городскихъ обществъ къ различнымъ органамъ государственной власти.

Это весьма знаменательное событіе отпраздновано во многихъ городахъ Россіи и въ особенности—въ С.-Петербургѣ съ особенною торжественностью.

Въ этотъ день въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ «благородному Россійскому дворянству», очерчены его заслуги и значеніе въ исторіи Россіи и опредѣлено его современное положеніе.

С.-Петербургское городское общественное управленіе къ этому же дню издало историческое изслѣдованіе: «Столѣтіе С.-Петербургскаго Городскаго Общества, 1785—1885 гг.», трудъ профессора императорскаго харьковскаго университета И. И. Дитятина, составителя извѣстныхъ трудовъ по исторіи городскаго управленія и хозяйства въ Россіи [1]).

Въ этой книгѣ читатель найдетъ весьма обстоятельную и вполнѣ яркую картину тѣхъ тяжелыхъ условій, чрезъ которыя должно было пройти управленіе городовъ нашего отечества до пожалованія императрицею Екатериною II ея знаменитой грамоты городамъ—«на ихъ права и выгоды»,—подробный разборъ и опредѣленіе значенія жалованной гра-

---

[1]) Изящно изданная книга въ 8 д., стр. X + 403, съ портретомъ императрицы Екатерины II, 1784 г., и со снимкомъ съ ея собственноручной подписи на экземплярѣ Жалованной грамоты, принадлежащемъ городу С.-Петербургу, отъ 29-го января 1786 г.

моты, взгляды на нее современниковъ, указанія на то, въ какой мѣрѣ предначертанія Великой Законодательницы относительно городскаго самоуправленія оказались опередившими свой вѣкъ и не нашли еще въ то время благопріятныхъ условій для ихъ примѣненія, затѣмъ очеркъ городскихъ общественныхъ учрежденій С.-Петербурга со дня изданія помянутой грамоты и наконецъ сжатый, но полный живаго интереса, очеркъ исторіи городскаго хозяйства С.-Петербурга (1785—1885 гг.).

Отсылая нашихъ читателей къ этой книгѣ [1]), отмѣтимъ здѣсь, что празднованіе столѣтней годовщины городскаго самоуправленія совершено при самомъ живомъ участіи представителей общественнаго управленія въ столицѣ и при полномъ сочувствіи печати и общества. С.-Петербургская Дума, давши средства къ изданію помянутой книги, озаботилась устройствомъ народнаго празднества въ столицѣ и, собравшись въ торжественное засѣданіе, выслушала очеркъ, посвященный памяти императрицы Екатерины II.

Заслуги городскаго самоуправленія, въ теченіи прожитаго періода, значительны: Верховная власть, ввѣривъ городское хозяйство вѣдѣнію самого общества, въ особенности со времени введенія въ дѣйствіе Городоваго Положенія (1873 г.), вызвала къ дѣятельности вполнѣ живыя силы, и условія быта городовъ изъ года въ годъ несомнѣнно стали улучшаться. Это въ особенности замѣтно въ С.-Петербургѣ: рядъ мѣропріятій городскаго управленія, по отношенію къ упроченію и развитію народнаго образованія, къ введенію въ жизнь мѣръ къ оздоровленію столицы, содѣйствіе частной и общественной благотворительности, направленной къ помощи бѣднѣйшимъ классамъ населенія, содѣйствіе къ устройству лучшихъ средствъ сообщенія (мостовыя, желѣзно-конныя дороги, пароходство), сооруженіе монументальныхъ общественныхъ зданій, каковы скотобойни, рынки и проч. и проч.—все это несомнѣнно показываетъ, что городское самоуправленіе, при всѣхъ его недостаткахъ,—частью объясняемыхъ несовершенствомъ еще законоположеній, на которыхъ зиждется его организація,—стоитъ, до извѣстной степени, на высотѣ своего призванія.

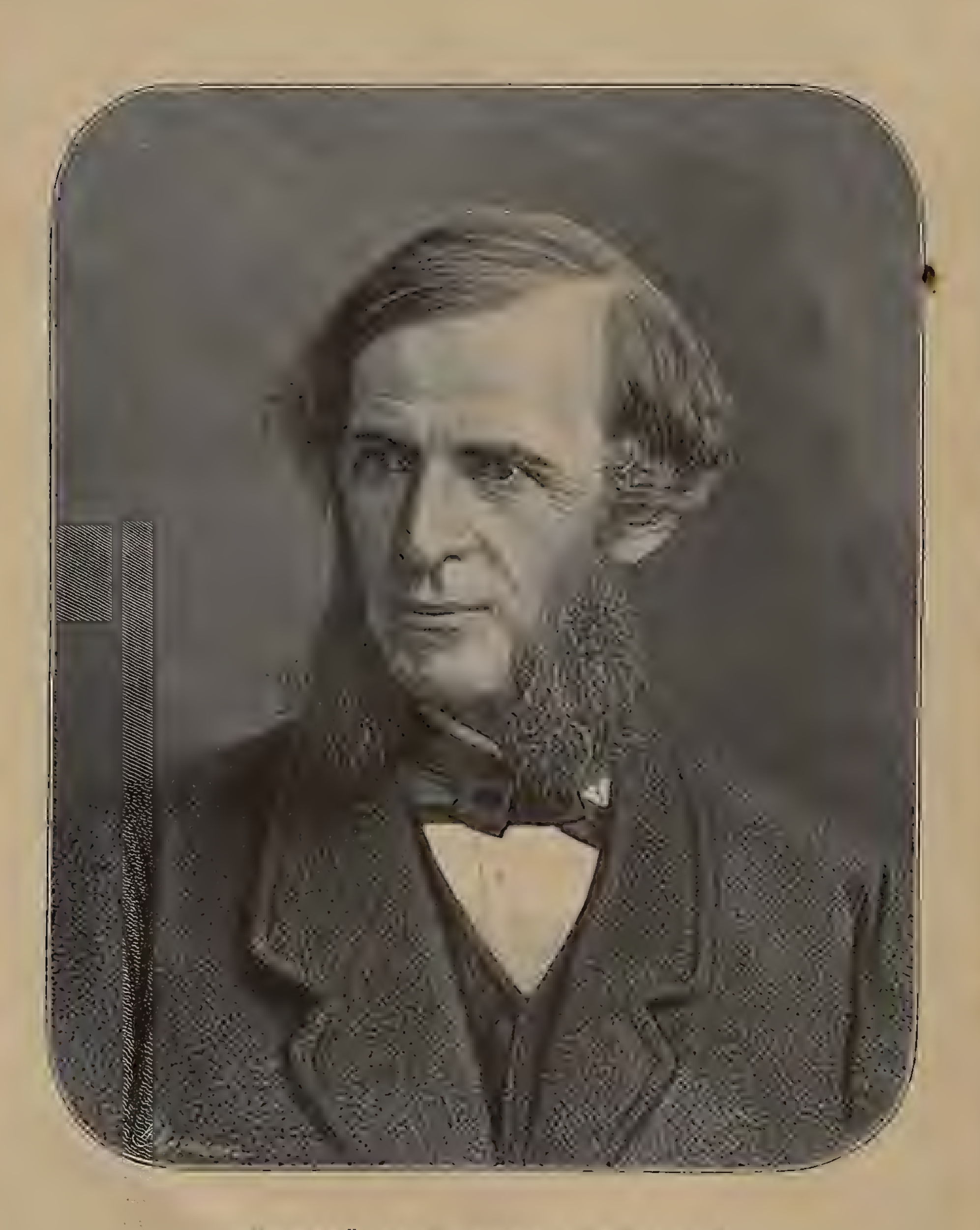
Повторимъ же то пожеланіе, которое мы сказали на праздникѣ 21-го апрѣля въ собраніи Думы:

— «Да упрочится и разовьется въ дорогомъ нашемъ отечествѣ городское общественное самоуправленіе въ наступившій для него въ сей день второй вѣкъ его бытія».

Ред.

---

[1]) Ее можно получить въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ у И. И. Глазунова и друг. Цѣна 2 руб.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПОГРЕБОВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА СЪ 18[illegible]0 [illegible] ПО НО[illegible]Ь [illegible]8 Г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПОГРЕБОВЪ

† 19-го мая 1879 г.

21-го апрѣля 1885 г. С.-Петербургское городское общественное управленіе торжественно отпраздновало столѣтнюю годовщину дарованія Императрицею Екатериною II этому городу (одновременно съ другими городами Россіи) жалованной грамоты.

Эта грамота легла въ основу городскаго самоуправженія, которое, расширяемое послѣдующими законоположеніями, было установлено въ современномъ его видѣ Городовымъ Положеніемъ 1870 г., — законодательнымъ актомъ Императора Александра II.

Въ весьма важное для городскаго управленія столицы время составленія и введенія (въ 1873 г.) сего послѣдняго законоположенія— Городскимъ Головою въ С.-Петербургѣ былъ Николай Ивановичъ Погребовъ.

Напоминаемъ читателямъ въ прилагаемомъ при этой книгѣ портретѣ черты этого добраго высоко-честнаго гражданина, горячо преданнаго интересамъ городскаго общественнаго самоуправленія.

Съ 1860 г., въ теченіи восемнадцати лѣтъ, Н. И. Погребовъ былъ пять разъ къ ряду избираемъ въ должность С.-Петербургскаго Городскаго Головы. Это одно уже было доказательствомъ глубокаго къ нему довѣрія и уваженія всего городскаго общества.

Въ восемнадцати-лѣтній періодъ службы Н. И. Погребова во главѣ городскаго общественнаго управленія столицы совершились великія государственныя реформы, ознаменовавшія славою эпоху царствованія Александра II и преобразовавшія строй общественной жизни въ нашемъ отечествѣ. Осуществленіе этихъ реформъ потребовало частію новой дѣятельности отъ городскаго общественнаго управленія, и Н. И. Погребовъ состоя во главѣ этого управленія, руководилъ имъ въ установленіи всего, что относится по новымъ законоположеніямъ до городскаго общественнаго управленія. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ составленіи новаго Городоваго Положенія,—давшаго бóльшую самостоятельность городскому обществу въ завѣдываніи хозяйствомъ города [1]).

[1]) „Извѣстія С.-Петербургской Городской Думы“, 1879 г., № 1, стр. 53.

Вспоминая Н. И. Погребова, нельзя не замѣтить, что дѣятельность его, какъ городскаго головы, относится въ первые ея годы къ тому періоду, въ которомъ условія, среди которыхъ поставлено было городское общественное управленіе, были далеко не столь благопріятны, какъ то мы видимъ послѣ него. Даже и по введеніи въ дѣйствіе Городоваго Положенія, такъ какъ оно не могло сразу, такъ сказать, войти въ жизнь, ближайшіе по своимъ отношеніямъ къ городскому управленію представители административной власти не могли отвыкнуть и отказаться отъ той тѣсной опеки и отъ того излишняго вмѣшательства въ городскія дѣла, къ которымъ они пріобыкли при прежнихъ порядкахъ, до изданія сего закона. Николаю Ивановичу Погребову предстояло улаживать возникавшія недоразумѣнія и отстаивать дарованныя городу права, въ чемъ онъ и успѣвалъ съ замѣчательнымъ тактомъ.

Вообще, по поводу свершившагося юбилея городскаго общественнаго самоуправленія, каждому гражданину С. Петербурга должно помянуть самымъ добрымъ, сердечнымъ воспоминаніемъ искренняго, честнаго и беззавѣтно преданнаго городскимъ интересамъ перваго, по времени, городскаго голову въ новѣйшемъ третьемъ періодѣ (съ 1870 г.) бытія самоуправленія С.-Петербурга.

Подполковникъ Пацевичъ.

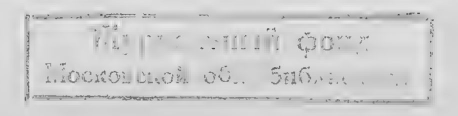
[Къ статьѣ: „Баязетское сидѣнье“].

Въ концѣ 449-й страницы февральской книги „Русской Старины“, изд. 1885 года, т. XLV, на 2-й строчкѣ снизу, корректоръ раздѣлилъ связанное слово „явашъ“ и вышло „я вашъ“.

Татарское слово явашъ означаетъ: будетъ, довольно, даже употребляется въ смыслѣ перестать, а будучи переправлено на русскую фразу, вызываетъ отталкивающее впечатлѣніе отъ произнесшаго ее.

Необходимо исправить эту опечатку, дабы читатели взяли назадъ тяжкое обвиненіе, если оно вырвалось при прочтеніи сцены, которая при фразѣ „я вашъ“ выражала чуть ли не отчаяніе сдающагося. Пацевичъ рабомъ никогда не былъ.

К. К. Гейнсъ.

давать справедливость дѣятельности талантливѣйшихъ послѣдователей каждаго изъ этихъ противуположныхъ направленій. Воздавая должное Карамзину, Жуковскому, онъ съ восторгомъ преклонялся предъ Пушкинымъ, оцѣнилъ по достоинству дивный талантъ Гоголя, отдалъ справедливость живой правдѣ произведеній Островскаго. Въ своихъ критическихъ разборахъ сочиненій писателей второстепенныхъ, или начинающихъ, Плетневъ съ замѣчательнымъ тактомъ всегда умѣлъ указывать на проблески дарованія въ однихъ, и сказать слово поощренія другимъ, нерѣдко предугадывая въ первыхъ опытахъ юныхъ писателей задатки крупныхъ дарованій. И. С. Тургеневъ отдалъ на судъ Плетнева первое свое стихотвореніе, и лестный отзывъ этого безпристрастнаго критика поощрилъ юношу къ дальнѣйшимъ трудамъ; въ томъ-же, безъ сомнѣнія, сознаются нѣкоторые изъ нашихъ писателей, находящихся въ живыхъ, современниковъ Тургенева, и въ ихъ числѣ А. Н. Майковъ. «Въ статьяхъ Плетнева», — говоритъ почтенный издатель его сочиненій и переписки въ предисловіи, — «появлявшихся на протяженіи сорока слишкомъ лѣтъ, мы можемъ прослѣдить исторію всей лучшей половины современной ему литературы». «Его переписка съ Жуковскимъ, Пушкинымъ и кн. Вяземскимъ представляетъ живой интересъ, не только потому, что знакомитъ насъ подробнѣе съ личностью каждаго изъ нихъ, но и по сообщаемымъ въ ней любопытнымъ извѣстіямъ о современныхъ дѣлахъ и людяхъ, а также и по тѣмъ чертамъ ума и характера, въ какихъ тутъ выясняется намъ образъ нашего автора».

Нынѣ вышедшіе въ свѣтъ три тома заключаютъ въ себѣ стихотворенія, сочиненія въ прозѣ, критическія статьи и часть переписки Плетнева, съ тремя вышеупомянутыми писателями; въ четвертомъ, приготовляемомъ къ печати, предполагается помѣстить часть переписки Плетнева съ другими лицами, біографическія о немъ свѣдѣнія и еще кое-какія дополненія къ настоящимъ тремъ томамъ. Они выпущены въ свѣтъ до приведенія къ концу всего изданія, съ цѣлью ускорить появленіе писемъ Пушкина и Жуковскаго, такъ какъ въ печати уже не разъ выражаемо было сожалѣніе, что они долго остаются неизданными. Имя достоуважаемаго издателя-редактора — самая надежная порука въ полнотѣ и безукоризненной исправности изданія, 4-й томъ котораго, безъ сомнѣнія, не замедлитъ. Объ изяществѣ вышедшихъ трехъ томовъ нечего распространяться: оно безупречно, и портретъ Плетнева, гравированный покойнымъ Іорданомъ, вполнѣ хорошъ.

П. К.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Москов. арх. министерства юстиціи. Кн. IV, 534 стр. М. 1884. Ц. 2 р.

Въ настоящій томъ вошли слѣдующія статьи: 1) описаніе документовъ сыскнаго приказа 1730—1763 г. (стр. 1—135); 2) розыскная экспедиція при москов. губернской канцеляріи 1763—1782 г. (136—192); 3) граматы и акты XIV и XV в. въ моск. арх. мин. юст., издан. прежде отдѣльною книгою г. Мейчиномъ; 4) обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и XVIII вв., заключающихся въ книгахъ разряднаго приказа (161—529). Пожалѣемъ при этомъ, что другое изданіе архива, посвященное «внутреннему быту русск. государства 1740—1741 гг.», такъ замедлилось съ выходомъ послѣдующихъ томовъ, которыхъ обѣщано было еще нѣсколько.

Труды IV-го Археологическаго съѣзда въ Россіи. Т. I. Казань. 1884. CXXIV+48+120+258+65. Ц. 7 р.

Появленіе настоящаго изданія составляетъ цѣнное пріобрѣтеніе въ археологической литературѣ; оно посвящено преимущественно обширному району восточныхъ и сѣверо-восточныхъ губерній Россіи и отчасти Сибири. Кромѣ протоколовъ засѣданій съѣзда и другихъ матеріаловъ для исторіи послѣдняго, въ настоящій томъ вошло много статей, посвященныхъ архивному вопросу, первобытнымъ древностямъ, исторической географіи и этнографіи края, памятникамъ искусствъ. Атласъ рисунковъ и указатели отложены до II тома, въ который войдутъ прочіе отдѣлы програмы съѣзда.

В. И.

3200 | 145

290 | 22

300

